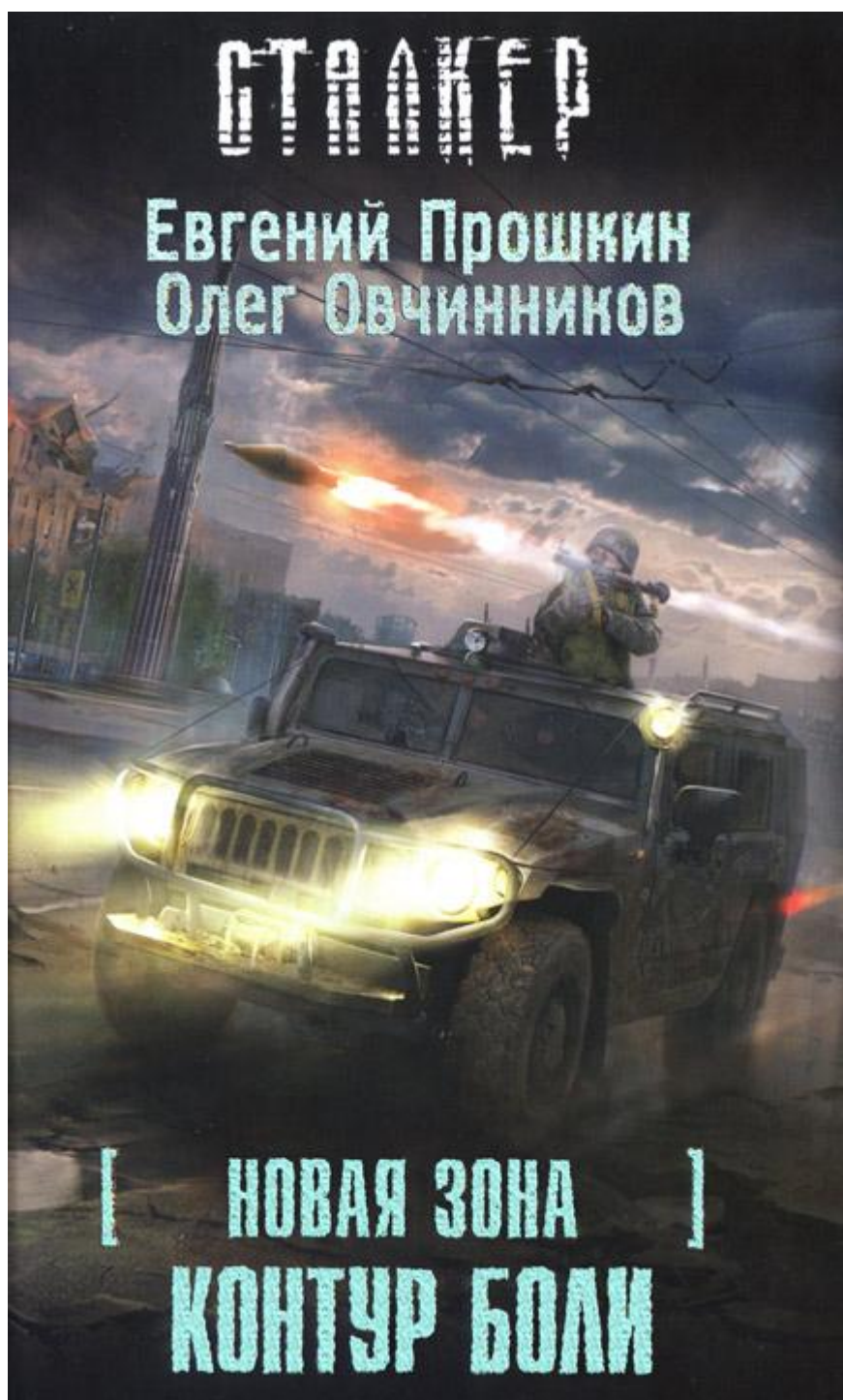

Евгений Прошкин Олег Овчинников
Новая Зона. Контур боли

СТАЛКЕР –

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - purkin_vasia; OCR, ReadCheck - kotinet;
Conv - shtuks; Cover - FaerSalamandra) HL
«Евгений Прошкин, Олег Овчинников «Новая Зона. Контур боли»»: Астрель; М.; 2013
ISBN 978-5-271-42506-6

Аннотация

Вернувшись из Припяти, Олег Гарин и Михаил Столяров забыли Зону как страшный сон. Но реальность бывает хуже любого кошмара. Когда Зона поглотила Москву, они снова встретились — программист и офицер. Для Гарина поход в Московскую Зону — единственный способ заработать, для Столярова — вопрос чести. Какими бы разными ни были цели героев, вскоре выясняется, что дело у них общее. Невидимый противник контролирует каждый их шаг, расставляет коварные ловушки и раз за разом вынуждает выбирать неверный путь. Героям нужно решить: либо они останутся пешками в чужой игре, либо найдут таинственного Кукловода и сыграют на опережение. Чтобы выжить и победить, Гарину снова понадобятся его пси-способности, а Столярову — все его боевые навыки.

Издательство выражает благодарность и признательность Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие — уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Евгений Прошкин Олег Овчинников КОНТУР БОЛИ

— *How much is the fish?* — спросил Гарин.

— *A?..* — Скутер нахмурился и растерянно моргнул.

— *Хер на!* — сказал Столяров и выстрелил бандиту в голову.

Е. Прошкин, О. Овчинников. «Контур боли»

Часть первая БАЗА

Глава первая

За час до рассвета Олег Гарин вышел к торговому центру. Четыре огромных корпуса на внешней стороне Кольцевой дороги когда-то были гипермаркетами, а теперь превратились в складские помещения. Цемент, цемент и еще раз цемент, тысячи тонн цемента — вот все, что здесь хранилось. Неподалеку возвышались исполинские курганы песка и щебня, а большую стоянку при торговом центре загромождали штабеля арматуры.

Москва не сразу строилась, но отгородить ее от мира было решено как можно быстрее, и к концу августа две тысячи двадцатого года это почти удалось. Работа не останавливалась ни на час: юркие японские экскаваторы выкапывали траншею под фундамент, сварщики собирали в ней арматурную конструкцию, следом двигались монтажники, которые устанавливали опалубку из пластиковых щитов, и она тут же заливалась свежим раствором. Сегмент за сегментом вокруг бывшей столицы вырастал Периметр — трехметровая бетонная стена с частоколом из стальных вертикальных штанг. Вероятно, поверху планировали разместить следящую аппаратуру, а может, и автоматические пулеметы. Бог знает, как руководство собиралось остановить разрастание Зоны. Трудились здесь в основном азиаты, и жители Подмоскovie сразу окрестили эту стену Малой Китайской.

Солнечный диск оторвался от вершущек деревьев, и блоки прожекторов, освещавших строительную площадку, начали поочередно выключаться. Над округой разнеслась серия

звучных металлических щелчков.

Гарин продолжал лежать в сухой неглубокой ямке, которую он ночью скорее учуял, чем увидел. До складов отсюда было метров пятьсот, экскаваторы приближались неумолимо, однако не так быстро, чтобы заставить Олега спешить. Он до сих пор не решил, что лучше: отойти подальше от стройки или пересечь границу Москвы здесь, пока техника не вырубила заросли кустарника, такие удобные, что лучше и не сыскать. Кусты подходили к Кольцевой дороге и обрывались в нескольких метрах от автобусной остановки возле крытого пешеходного моста. Путь выглядел настолько простым, что это слегка смущало. Две экспедиции в Припять навсегда отбили у Олега Гарина привычку верить в счастливый случай.

Случай тем не менее подвернулся. Справа Гарин услышал шорох и, осторожно взглянув из-под козырька камуфляжного кепи, заметил группу из трех человек. Люди двигались тем же маршрутом, явно намереваясь проскочить через МКАД по мосту. Олег благостно вздохнул и, устроив подбородок на кулаке, приготовился наблюдать.

Троица спортивно, не поднимая задниц, проползла вдоль кустов и скрылась в низине на подходе к остановке. Ходоки тоже заметили Гарина, но здесь, за Периметром, делить им было нечего, поэтому одинокого путника группа проигнорировала.

Олег слышал, что местные жители уже начали подрабатывать проводниками — все в мире истории повторяются, и ситуация с Московской Зоной не была исключением, — но обращаться к их услугам Гарин не стал. Прожив несколько лет в Москве, он и сам был почти что местным. Да и услуги московских сталкеров стоили так дорого, как будто их набирали из бывших «бомбил».

Олег отогнал от лица муху и снова вздохнул. Тройка первопроходцев неоправданно задерживалась. Где-то близко в сухой желтой траве стрекотал кузнечик, чуть громче тарахтели экскаваторы в двухстах метрах от лежки. Этот звук был мирным и созидательным, он убаюкивал. Гарин с силой проморгался и чуть приподнял голову. Ходоки наконец-то показались у остановки и, снова выдержав хорошую паузу, по одному перебежали к мосту. Сводчатая крыша начиналась еще с лестницы, и троица быстро исчезла за выгнутым темным стеклом. Поверхность бликовала, и рассмотреть, что происходит на мосту, было невозможно. Олег даже не был уверен, есть ли там сквозной проход, или его давно перегородили. Он перевел взгляд на лестницу по другую сторону дороги и снова принялся ждать.

Результат появился довольно быстро, но совсем не тот, на который рассчитывал Гарин. Спустя минуту на дороге возник темно-зеленый автозак. Буднично, без сирен и мигалок, грузовик подкатил к остановке, и из перехода вывели троих нарушителей — уже без рюкзаков, со скованными за спиной руками. В трубе крытого моста располагался пост военных, и это было настолько логично, что Олег даже удивился, как он мог сомневаться. Троицу погрузили в фургон, следом туда запрыгнули двое солдат, и машина, развернувшись, так же неспешно отправилась обратно. Бог знает, сколько человек в день задерживали при попытке проникнуть в Москву, и тем более неизвестно, какому количеству смельчаков удавалось в итоге оказаться по ту сторону Кольцевой.

Когда привычная боль пронзила череп, Гарин, закрыв глаза, простонал:

— Нет! Теперь-то зачем? Я ведь почти у цели!

Он приложил указательные пальцы к вискам и сделал несколько круговых движений — сначала в одну сторону, потом в другую. Три раза в одну и три раза в другую, как будто это имело какое-то значение. Олег подумал, что, если надавить посильнее, он сможет почувствовать подушечками пальцев концы холодной тупой спицы, которая медленно ворочается внутри его черепа. Три раза в одну и три раза в другую. И так несколько минут, пока боль не уйдет или по крайней мере не станет терпимой. Иногда Гарину казалось, что облегчение наступает быстрее, когда он разговаривает с болью, как с живым существом. Что еще остается, если врачи не могут диагностировать ничего вразумительнее, чем «посттравматические мигрени», а убойные дозы обезболивающего не дают результатов?

Только лечение заговорами!

— Уходи! — попросил Олег. — Ты ведь уже ушла. Зачем вернулась?

Действительно, всю дорогу от Новосибирска до Нижнего Новгорода в гремящем плацкартном вагоне и потом, в пыльном поскрипывающем на поворотах автобуса, Гарин чувствовал себя намного лучше, чем обычно. Ни одного приступа за четыре дня. Нормальный крепкий сон, впервые за... сколько же, Господи? Пожалуй, за полгода. То ли боль отстала от него, не поспевая за скорым поездом, то ли Олег наконец-то делал то, что ее устраивало: двигался в правильном направлении. В сторону Зоны. И как только он перестал двигаться, боль вернулась. Чушь? Ну да, несусветная чушь. Но когда разумных объяснений нет, сгодится любое.

— Я иду, — прошептал Гарин. — Еще немного, и буду на месте. Вот только... найти бы дорогу.

И боль, будто услышав его, отступила. Тупая холодная спица в последний раз шевельнулась и выскользнула из-под черепа, задев напоследок глазной нерв. Левый глаз мгновенно наполнился слезами, и Олег провел пальцами по щеке, растирая соленую влагу. Он моргнул несколько раз и с шумом выдохнул. Кажется, отпустило. Надолго ли?

— Эй, ты, в кепке! — негромко окликнули сзади.

Рука Гарина сама скользнула к поясу, но строгий голос предупредил:

— Только без глупостей!

Услышав щелчок предохранителя, Олег расслабился. Лезть с охотничьим ножом на пистолет и впрямь было глупо. К тому же у Гарина возникло ощущение, что за его спиной стояли как минимум двое. И почему он не услышал, как они подошли? Проклятая боль!

— Ладно, без глупостей, — согласился Олег.

— Повернись!

Медленно, сложив руки за головой, чтобы их было хорошо видно нападающим, Гарин перевернулся на спину... и тут же отвел глаза. Это вышло инстинктивно. К направленному в лицо оружию он давно привык, а вот на физически неполноценных людей Олег старался лишний раз не глядеть. Они всегда вызывали в нем не отвращение, не жалость, а какой-то непонятный стыд. Как будто в том, что эти люди стали такими, была личная вина Гарина.

— Чего морду воротишь? — спросил человек с пистолетом.

— Солнце в глаза светит, — соврал Олег и, прикрыв лицо ладонью, заставил себя взглянуть на собеседника.

Их было не двое, а трое. Правда, пистолет был только у одного, кряжистого бородача в черной бандане, который стоял ближе всех к Олегу. Вернее, не стоял, а... как это назвать? Возвышался? Он был одет в камуфляжную куртку и штаны, которые обрывались, едва начавшись. В том месте, где должны были быть колени, находилась небольшая квадратная тележка на колесиках. Такие тележки используют грузчики для транспортировки тяжелых ящиков.

Двое мужчин в спортивных костюмах, выглядывавших из-за спины бородача, тоже были инвалидами. К тому же их лица показались Гарину смутно знакомыми. Вот почему Олег не услышал шагов нападавших. У них попросту не было ног.

— О! А ведь я этого кренделя знаю! — заявил один из безоружных, тощий тип с густыми черными бровями, и локтем толкнул в бок второго. — Степан, помнишь его?

— Ну вроде бы, — хмуро отозвался тот, кого называли Степаном. — В автобусе вместе ехали.

— Ага. От самого Нижнего, — добавил тощий и улыбнулся Гарину, словно старому приятелю. — Что, тесен мир, а?

— Тесен, — миролюбиво подтвердил Олег.

Теперь и он вспомнил эту парочку. Когда где-то под Владимиром водитель объявил двадцатиминутную остановку, только эти двое не вышли из автобуса, чтобы покурить, купить воды в придорожном кафе или хотя бы размяться. И Гарин понял почему, когда, вернувшись в салон, бросил на попутчиков беглый взгляд.

— Оружие есть? — деловито осведомился бородач.

Олег предпочел сказать правду. Все равно же обыщут.

— Только нож.

— А права?

— В смысле?

— Машину водишь?

— Водил... когда-то, — сказал Гарин и поспешно полез в карман. Он и сам не знал, зачем, покидая дом, прихватил вместе с паспортом водительские права. — Права в порядке, только...

— Не суетись, — оборвал его бородач. — Пойдешь с нами. Ты же в город?

— В город, — подтвердил Олег. — Правда, я думал сначала до моста добраться, а там вдоль берега как-нибудь...

— Плохо думал. Там стройка идет днем и ночью. Фильтрационные установки ставят, не хотят, чтобы всякие мутанты в Подмоскovie просочились.

— А что, много мутантов в Москве?

— Ты про реку или про город? — хмыкнул бородач и протянул руку. — Крот.

— Олег, — помедлив, ответил Гарин и пожал ладонь в пыльной перчатке с обрезанными пальцами.

Тоший тип представил себя и товарища:

— Я — Николай, а это вот Степан. А ты, получается, по первому разу в Зону идешь?

— Это как посмотреть, — уклончиво ответил Гарин. Правдивое объяснение в любом случае вышло бы чересчур длинным и никому не нужным.

— Да чего ты мнешься, — по-своему истолковал его замешательство Николай. — Мы со Степаном тоже перворазники. А знаешь, как я тебя раскусил?

Олег не был перворазником. И соображения Николая по этому поводу его не интересовали. Но чтобы новый знакомый поскорее отстал, он спросил:

— Как?

— Имя у тебя человеческое, — охотно пояснил Николай. — Сталкер бы кличкой назвался, вот как Крот, например. Ты себе кличку-то придумал уже? Мы-то да. Я буду Угодник, а Степан — Калган. — Он осклабился и подмигнул Гарину. — Степан — Калган, усекаешь?

Олег кивнул. После того как ушла головная боль, он мог себе это позволить.

— А то хочешь, мы тебе сами придумаем? — не унимался Николай. — Хочешь быть Кепкой, а? Нормальная кликуха, кстати. Кепка, — как будто примеряясь, повторил он.

— Хорошо трепаться, — оборвал разговор Крот. — На той стороне поболтаете. Если, конечно, живыми доберетесь. А сейчас — двинулись. Надо успеть до патруля. И, к слову, Угодник — хреновая кличка.

— Почему это? — нахмурился Николай.

— Потому что. Все эти Угодники, Святые, Архангелы... — Проводник вздохнул и неопределенно махнул рукой. — Хреновая.

Он двинулся первым. Не туда, куда предполагал Олег, а в противоположную сторону, навстречу работающим экскаваторам. Гарин не стал задавать ненужных вопросов. Проводник производил впечатление человека, который знает, что делает. Поэтому, когда Крот свернул с заросшей кустами обочины под прикрытия зеленых дорожных экранов, Олег последовал за ним.

В этом месте к МКАД примыкала лесопосадка, небольшой соснячок метров двадцати — двадцати пяти в ширину. Не вызывало сомнений, что скоро все деревья будут срублены, и ни один ревностный защитник природы при этом даже не пискнет. Тем более никто не всплакнет о зеленом пластиковом заборе. Нейтральная полоса должна просматриваться на расстояние выстрела.

С внешней стороны дорожные экраны были не зелеными, а грязно-коричневыми от налипшей на них копоти и пыли. Дождя в Москве и области не было давно, и это было к

лучшему. Олег не представлял, как каталки его спутников передвигались бы по размокшей земле. А по сухой, присыпанной хвоей тропинке они ехали быстро, так что Гарин едва поспевал за ними. Что и немудрено, ведь ему то и дело приходилось пригибаться, прячась и от направленных в лицо сосновых веток, и от наблюдателей, которые могли скрываться за темным стеклом пешеходного перехода. Только когда переброшенный через магистраль мост остался далеко позади, Олег смог выпрямиться в полный рост. Крот и его товарищи таких проблем не испытывали. Они катились по практически лишенному подлеска соснячку, оставляя в пыли узкие колеи от колесиков и отпечатки затянутых в перчатки кулаков, и даже умудрялись обмениваться на ходу короткими репликами.

— Крот, а, слышь? — негромко позвал Николай.

— Ну, — не оборачиваясь, ответил тот.

— А ты Санчо Двунногого знаешь?

— Знаю.

— А раньше? Ну, до того как... В общем, раньше ты его знал?

— И когда его еще Одноногим звали, тоже знал.

— Выходит, правда все? Вытяжка действует?

— Действует. Только доставать ее все труднее. Все правда, только не надо об этом при посторонних, — резко ответил Крот. — Заткнись уже.

Николай заткнулся. Только повернул к Степану довольное лицо и подвигал бровями, дескать: «Я же тебе говорил!»

Тучный Степан никак не отреагировал на эту пантомиму. Громко сопя, он смотрел только на дорогу. Если не считать его сопения, следующую сотню метров команда преодолела в полном молчании. Смысла в этом было немного: шум работающей техники был здесь достаточно громким, чтобы заглушить любые разговоры. Поэтому, когда Гарин понял, что проводник не собирается менять направление, он подал голос.

— Эй, — окликнул Олег. — Куда мы? Там же стена.

— Ну и что?

Крот остановился и недовольно обернулся. Гарин машинально присел, чтобы их глаза были на одном уровне.

— Как мы через нее переберемся? — спросил он.

— Молча! — огрызнулся проводник. — Эти, — он пренебрежительно кивнул в сторону тарахтящих экскаваторов, — торопятся поставить вокруг города хоть какой-нибудь барьер. Щели заделывать будут потом. И то наверняка все не заделают. Это же сто двадцать километров одного только асфальта! А еще есть реки, болота, мосты, развязки трехэтажные. Понятно теперь?

— Да, — кивнул Олег.

— Тогда двинулись.

Грохот техники достиг максимума, а потом пошел на убыль. Отряд миновал передовой рубеж стройки и продолжил движение. Через полторы сотни метров за деревьями показался просвет. Еще через пару минут Крот дал знак остановиться и достал бинокль.

И лесопосадка, и забор из зеленых щитов здесь обрывались, чтобы продолжиться через сто метров. Московская кольцевая автодорога в этом месте забиралась на холм. Два узких рукава ответвлялись от нее, спускались пологими дугами навстречу друг другу и вливались в шестиполосное шоссе, которое ныряло в прорытый под холмом тоннель.

Гарину не нужен был бинокль, чтобы разглядеть верхушку бетонного гребня в пластиковой опалубке, выросшего над МКАД. А вот радиальная дорога, насколько он видел, была перекрыта довольно формально. Поперек шоссе было установлено несколько секций металлического ограждения вроде тех, что использовались для разделения человеческого потока в переходах метро или во время митингов. Сразу за ними, наполовину скрываясь в тоннеле, лежал на боку обгоревший автобус.

— Мы здесь пойдем? — вполголоса спросил Олег.

— Догадливый! — то ли похвалил, то ли поглумился над ним проводник.

— И что, этот въезд совсем не охраняют?

— Ага! Не охраняют! — И снова по интонации Крота было неясно, говорит ли он серьезно или издевается.

Вдалеке послышался собачий лай. Прищурившись, Гарин разглядел метрах в двухстах впереди двух человек в светло-коричневой форме, которые вели на поводу пару крупных овчарок. Военные не спеша двигались вдоль недавно возведенной стены и о чем-то разговаривали, держа автоматы за спиной. Одна из овчарок сосредоточенно обнюхивала асфальт, зато вторая, натянув поводок, рвалась вперед. Вот она вскинула к небу оскаленную морду, и лай повторился. Проводник выматерился и опустил руку с биноклем, чтобы взглянуть на часы.

— Что ж они так рано-то, — пробормотал он себе под нос и обернулся к спутникам. — Время есть у кого? Сколько сейчас?

Степан отреагировал первым.

— Без пятнадцати, — ответил он, глядя на экран мобильного.

— Без пятнадцати, — со вздохом повторил Крот и вдруг преобразился, заговорил отрывисто и почти зло. — Сейчас быстро за мной. Тихо и быстро. Двинулись!

Совсем тихо не получилось. Когда проводник, Николай и Степан перебрались через бордюрный камень, колесики их каталок задребезжали по асфальту. Олег, которому не было резона повторять все изгибы подъездного рукава, срезал путь через заросший бурьяном пустырь. Он бежал не скрываясь. На открытом пространстве это было так же бессмысленно, как пытаться лавировать между струй внезапно зарядившего дождя. Гарин первым оказался у въезда в тоннель и здесь остановился, на мгновение растерявшись.

Лежавший на боку автобус, черный от копоти, напоминал выбросившегося на берег кита. Но он был не единственной машиной, навечно застрявшей в тоннеле. Вокруг него хватало «рыбы» — и покрупнее, вроде бетономешалки, стоявшей под углом на плоских с одной стороны шинах, и помельче, вроде «опеля» и «жигулей», смявшихся в одну большую букву Т. За рулем «опеля» сидел труп. Лицо водителя скрывалось в складках наполовину сдувшейся подушки безопасности, зато Олег хорошо видел его руку, свисавшую из раскрытого окна. Рука имела цвет вяленого мяса и была густо покрыта черными волосками. Указательный и средний пальцы отсутствовали. Навряд ли их отгрызли, скорее аккуратно отрезали, чтобы забрать кольца или перстни.

Выезды из города всегда были узким местом Москвы. Наверняка здесь каждое утро выстраивалась пробка на въезд, каждый вечер — на выезд, а летом по пятницам, начиная часов с пяти после полудня, случалось столпотворение из дачников и любителей отдохнуть на природе. А когда все жители столицы в панике решили покинуть город... Что тут говорить. Любой хаос покажется оплотом порядка по сравнению с этой стихийной эвакуацией.

Олег взял себя в руки, отвлекся от созерцания разбитых и сгоревших машин и сосредоточился на более срочных делах. Он стал разматывать кусок проволоки, связывавший вместе две алюминиевые секции, чтобы освободить проезд для своих спутников. Сам-то Гарин вполне мог перемахнуть через ограждение. Проволока поддавалась с трудом, собачий лай заставлял нервничать. Теперь лаяли уже обе овчарки, существенно ближе. К тому же, еще не завершив задуманное, Олег начал понимать, что занимается бессмысленным делом. В тоннеле было темно, полтора десятка брошенных машин затрудняли обзор, но, когда его глаза привыкли к полумраку, Гарин разглядел толстые прутья решетки, перегораживающие противоположный выход. Въезд в город охранялся не так небрежно, как ему показалось вначале. И словно в подтверждение этой мысли очень громкий и как будто металлический голос потребовал:

— Немедленно остановитесь! Вы находитесь в запретной зоне! При попытке пересечь Периметр будет открыт огонь на поражение!

Две вороны с карканьем взлетели с верхушки сосны, напуганные громкими звуками. Олег вздрогнул, оцарапав ладонь острым концом проволоки, и тут же обругал себя за это. С

мегафоном или без мегафона, военные пока не представляли для него угрозы. До них было метров сто, не меньше, к тому же стена тоннеля закрывала Гарина от огня. Если патрульные вообще планировали открывать огонь. Судя по тому, как неравноценно были защищены внешняя и внутренняя стороны тоннеля, военные гораздо сильнее опасались того, кто может выбраться из Зоны, чем того, кто может в нее проникнуть. И это было более чем логично.

За спиной Олега раздался дребезг приближающейся каталки.

— Не ссать! — хрипло выкрикнул Крот. — Наши трупы им не нужны. Эй, Кепка! Чего херней страдаешь? Двигай сюда!

Проводник остановился недалеко от Гарина, перед вторым справа турникетом и потянул на себя его нижнюю часть.

— Помогай!

Олег поспешил на помощь. Вдвоем они подняли турникет под углом в девяносто градусов, как козырек. Проволочные кольца, соединявшие его с соседними элементами ограждения, сохранились только наверху, нижние кто-то заблаговременно срезал. То есть, можно было догадаться, кто.

— В одиночку удержишь? — спросил Крот.

— Да. — Гарин пошире расставил ноги и поудобнее перехватил металлическую трубу.

— Давай, давай, давай... — обернувшись, проговорил проводник.

Олег тоже вывернул шею. Спутники были уже близко. Николай, ссутулившись над асфальтом, так часто перебирал руками, что казалось, будто у него их шесть. Степан, хоть и пыхтел, как чайник, отставал от него всего на пару метров.

— Эй, обрубки! Вы что, не поняли? — надрывался мегафон, забыв об уставных формулировках. — Перестреляю же, как щенков!

— Давай! — уже во весь голос скомандовал Крот.

— Даем! — натужно отозвался Николай и ссутулился еще сильнее.

Послышался треск раздираемой ткани, а вслед за ним — многоголосое карканье. Только по реакции вороньей стаи Гарин понял, что треск был автоматной очередью. До чего же быстро он отучился различать звуки боя! Треск повторился. Он казался далеким и совсем не страшным. Ни Степан, ни Николай не изменили темпа езды. Только Степан, поравнявшись с товарищами, резко остановился, а Николай так и катился, склонившись почти к самому асфальту, пока не ткнулся головой Олегу под колени. Тот от неожиданности выпустил из рук край турникета. Металлическая секция ухнула вниз и ударила в плечо Николая, который сперва повалился набок, потом со стоном перекатился на спину. Воротник его олимпийки был черным от крови. Тонкая красная струйка медленно вытекала из уголка рта.

Крот склонился над раненым, за шнурки развел в стороны края олимпийки и вздохнул сквозь зубы. Похоже было, что Николаю пулей выбило кадык.

— Не... оставляйте... меня, — с трудом проговорил раненый.

Гарин с ужасом смотрел, как над раной медленно набухают и лопаются розовые пузыри.

Проводник досадливо поморщился и бросил быстрый взгляд в ту сторону, откуда доносился собачий лай, который с каждой секундой становился громче.

— Мы не можем тебя взять.

— Не оставляйте меня... — упрямо повторил Николай и, сделав над собой усилие, закончил: — Им.

— Крот, дай мне пистолет, — решительно попросил Степан.

Проводник не колебался ни секунды.

— Держи. Только быстро.

Он вынул из-за пояса пистолет и протянул его рукояткой вперед. Степан взялся за нее обеими руками и приставил дуло к виску умирающего.

— Предохранитель! — прошипел Крот.

Степан кивнул, снял с предохранителя и снова перехватил пистолет двумя руками, как

будто опасался промахнуться.

— Ничего не бойся, Коля, — сказал он. — Уже через минуту ты будешь сидеть за одним столом с Иисусом.

Олег подумал, что эта фраза была самой длинной, которую он слышал от Степана.

— Нет... — прохрипел Николай и, поймав на себе удивленный взгляд товарища, усмехнулся. Еще один розовый пузырь вырос над тем местом, где совсем недавно был его кадык. — Я всю жизнь... сидел. С Иисусом... я буду... ходить.

— Ты будешь ходить, — согласился Степан.

Палец на спусковом крючке напрягся, и Гарин успел отвернуться за мгновение до выстрела.

Следом раздалась длинная очередь. Видимо, военные решили, что стреляли в них.

— Так, не тормозим, — скомандовал Крот, забирая пистолет из опущенных рук Степана. — Кепка, поднимай шлагбаум!

Олег наклонился, стараясь не смотреть на труп, и снова оторвал от земли нижний край ограждения, освободив метровой высоты проход. Проводник толкнул вперед Степана и сам двинулся следом, буквально дыша ему в затылок, лишь обронил на ходу:

— Догоняй!

Гарин вернул секцию на место и перебрался через нее, едва не кувыркнувшись головой вперед. На собственную неловкость ему было плевать: собачий лай раздавался уже совсем близко.

— Стоять, придурки! Стоять, вашу мать! — надрывался один из преследователей, которого и без мегафона было отлично слышно.

Ответ его товарища Олег тоже расслышал, хотя тот даже не кричал.

— Отпускай Лютого, — сказал второй патрульный.

Гарин вздрогнул, услышав за спиной отрывистый и как будто радостный лай пса, которого наконец спустили с поводка.

Между тем Крот и Степан словно бы и не собирались убежать. Они стояли у стены тоннеля, метрах в трех от его начала, повернувшись спиной к Гарину, овчаркам и солдатам. Только приблизившись к спутникам вплотную, Олег разглядел в стене между ними дверь. Металлическая, окрашенная серой краской, она была почти незаметной на фоне бетонных стен. И еще — очень маленькой, меньше метра в высоту, так что обычный человек скорее всего прошел бы мимо нее, не заметив, если только он не ребенок, карлик или инвалид. В том месте, где когда-то, по-видимому, был замок, зияла круглая дыра. Чуть выше нее была приварена дверная ручка в форме скобы, которую Крот и Степан дружно тянули на себя. Степан при этом отчаянно пыхтел.

— Заела, зар-раза! — прорычал проводник и, покосившись на Гарина, рывкнул: — Хрен ли встал! Помогай!

Олег потянулся к дверной ручке, но она была недостаточно длинной, чтобы взяться за нее втроем.

— Дай-ка я, — пробормотал он и положил руку на плечо Степана.

Тот, не прерывая пыхтения, откатился в сторону.

Гарин обхватил правой ладонью стальную скобу, а левой — запястье правой, уперся одной ногой в стену и дернул. Дверь распахнулась с первой попытки.

— Пошли, пошли! — скомандовал Крот и снова отправил впереди себя Степана, а Олега оставил прикрывать тыл.

Помещение, в котором оказался Гарин, было под стать входной двери — не больше метра в высоту. Какой-то технический коридор, идущий параллельно автомобильному тоннелю. Света, проникающего снаружи, хватало, чтобы разглядеть низкий потолок и ровные ряды кабелей на стенах, которые как будто становились ближе друг к другу по мере ухудшения видимости. Пол в помещении был ровным, только неприятно прилипал к подошвам ботинок. Каталки Степана и Крота двигались по нему без проблем.

С трудом протиснувшись в коридор, Олег обернулся, чтобы прикрыть за собой дверь,

но с внутренней стороны стальная поверхность была совершенно ровной. Прежде чем он успел нащупать дыру от замка, по двери, точно гигантские градины, загрохотали пули, и она закрылась сама. Заткнув уши пальцами, Гарин поспешил туда, где вспарывал темноту узкий луч фонарика предусмотрительного проводника.

— Спокойно, спокойно! — в тесном помещении голос Крота казался зловещим. — Сюда они не сунутся.

Олег вспомнил, как несколько минут назад проводник с такой же уверенностью говорил: «Наши трупы им не нужны». Николай в тот момент был еще жив. Сейчас его нет. То ли Крот ошибался, то ли военные за то время, что он с ними не сталкивался, получили новые указания.

Передвижение по коридору напоминало танец вприсядку. На четвереньках, пожалуй, вышло бы быстрее, но Гарину не хотелось прикасаться к липкому полу руками. Инвалидам было проще. Судя по тускнеющему свету фонарика, Олег отставал от них все сильнее. Сзади донеслись новые звуки: скрежет и поскуливание. Овчарки проверяли на прочность металлическую дверь. Пока они скреблись по ту сторону двери, еще оставалась надежда. Если натасканные на захват нарушителей псы окажутся внутри... Гарин прикинул, сумеет ли он развернуться в узком проходе и достать нож. Выходило, что вряд ли.

— Эй! — позвал он. Кашлянул и позвал громче: — Эй, Крот!

Голос Олега тоже искажался стенами коридорчика, но зловещим он совсем не казался. Скорее напуганным.

— Чего? — послышалось далеко впереди. Дальше, чем он предполагал.

— Подождите меня!

Ответа Гарин не расслышал. Позади него лязгнула дверь, на миг в коридоре посветлело, а затем все пространство заполнил торжествующий лай.

— Кепка! Ложись! — крикнул Крот.

Олег, не раздумывая, упал на руки. Ощущение от прикосновения к полу было именно таким, каким он его себе представлял, — мерзким. Луч фонарика мазнул по лицу. Гарин зажмурился, но за мгновение до этого успел заметить первую вспышку. Всего выстрелов было четыре. Одна из пуль ударила в стену над головой Олега, остальные ушли в глубь коридора. Лай за спиной сменился воем. По крайней мере одна из овчарок потеряла интерес к преследованию группы нарушителей. Хотелось верить, что надолго.

— Бего-ом! — заорал проводник, и луч фонаря снова сменил направление.

Гарин оторвался от пола и пополз вслед за световым конусом, перебирая ладонями и коленями так быстро, как только мог. Страх придавал ему сил. В воображении Олега собака уже впивалась в его ногу зубами и дергала мордой, отрывая кусок штанины вместе с кровоточащей плотью. Но пока что только в воображении. Гарин по-прежнему слышал вой позади и еще какие-то звуки, но громче они не становились. Возможно, Кроту удалось подстрелить обеих овчарок. Некоторое время спустя фонарик погас, но наступившая тьма не была кромешной. Тусклый свет пробивался в коридор откуда-то сбоку, и на его фоне Олег видел силуэты своих спутников. Где-то рядом был выход.

— Всем стоять, бросаю гранату! — внезапно раздалось за спиной.

От неожиданности Гарин вздрогнул и растянулся на полу. В этом месте бетон был таким скользким, словно здесь собралось все масло из всех подтекающих двигателей когда-либо проехавших через тоннель автомобилей.

— Вставь ее себе в жопу! — откликнулся Крот.

Судя по тому, что Олег больше не видел его силуэта, проводник был уже в безопасности.

— Готовься к смерти, тварь! — крикнул военный.

Гарин подумал, что давно уже готов, однако снова принял упор на ладони и пополз вперед еще быстрее, зачем-то отсчитывая секунды. Один... Два... Три...

Он досчитал до десяти, но не дождался ни громкого хлопка, ни шрапнели из осколков. Видимо, запала у преследователя хватило только на то, чтобы просунуть в дверной проем

руку с мегафоном.

Олег уже видел выход — такой же проем метровой высоты, только он был без двери и вел не внутрь тоннеля, а наружу, — когда за спиной скомандовали:

— Лютый, взять!

Последние пять метров коридора Гарин преодолел бегом, похожий на спортсмена, который так и не вышел из позиции низкого старта. Двери не было, только что-то вроде высокого порога из кирпича. Олег перемахнул через него и, оказавшись на свободе, наконец выпрямился.

— Кепка! Помоги! — немедленно взял его в оборот проводник.

В паре метров от выхода на поверхность росло невысокое деревце. Крот был рядом с ним и держал за задние лапы лежащего на земле зверя. Зверь был мертв — это все, что можно было сказать о нем с уверенностью. Кто это? Собака или волк? Может, шакал? Гарин решил, что скорее собака, только очень заросшая. Ее шерсть в солнечных лучах отливала серебром.

Олег неуверенно переступил с ноги на ногу и спросил:

— Что делать-то?

— За передние хватайся! — зло прошипел проводник.

Гарин шагнул к лежавшему зверю и снова замер. Касаться странной твари голыми руками не хотелось. Крот был хотя бы в перчатках.

— Живо! — прикрикнул проводник, и Олег послушно ухватился за окоченевшие конечности. — На счет «три» — бросаем тушку в проход. Раз! Два! Ч-черт!

Над кирпичным порогом возникла оскаленная пасть овчарки.

— Бросай! — крикнул Крот, отпуская задние лапы зверя.

Гарин замешкался на мгновение, но труп животного, на ощупь твердый, как дерево, приземлился в итоге практически куда и планировалось, немного не долетев до дверного проема. Проводник потянул из-за пояса пистолет и щелкнул предохранителем, однако стрелять не спешил. В этом не было необходимости.

При виде зверя, покрытого серебристой шерстью, Лютый присмирел. Он заскулил, выгнув спину так, как, по мнению Олега, умеют только кошки, и пополз назад, вывернув передние лапы так, как уж точно умеют только собаки.

— Давай, давай! — усмехнулся Крот. — Ползи!

— Что это за пададь? — спросил Степан. — Собака? Волк?

— Это мутант? — одновременно с ним спросил Гарин.

— Ага, — ответил проводник непонятно на чей вопрос, однако переспрашивать никто не решился.

Олег двинулся было к загадочному зверю, чтобы получше его разглядеть, но не успел сделать и пары шагов.

— Куда пошел? — остановил его проводник.

— Я только посмотреть.

— Нечего там смотреть. Уходим. Не ровен час уроды с матюгальником припрутся.

— Ты же говорил, они сюда не сунутся, — напомнил Гарин.

— Неделю назад — не сунулись бы, — ответил проводник, поправляя бандану. — Они и на поражение раньше не стреляли, только в воздух. А теперь видишь что...

— Сдавайтесь! Вы окружены! — моментально ожил мегафон. Звук шел не из тоннеля, а с противоположной стороны магистрали.

Крот сплюнул на землю и проворчал:

— Совсем свихнулись. Может, приказ новый получили? Может, сообразили наконец, какая опасность отсюда идет? — Он посмотрел на Степана, потом на Олега и махнул рукой: — Пошли.

— Погоди. Мы уже в Зоне? — спросил Степан.

— Да, — серьезно ответил проводник и после паузы добавил: — Мы уже в Зоне, Калган.

Степан сдержанно улыбнулся.

«Черт, а ведь правда!» — подумал Гарин и огляделся.

Справа от шоссе тянулся унылый забор, из-за которого выглядывали кубические конструкции из стекла и бетона и полосатые фабричные трубы. Слева был застроенный гаражами пустырь, отделенный узкой асфальтовой полосой от группы многоэтажек. Если бы не полное отсутствие людей на улице и не два десятка искореженных машин перед въездом в тоннель — похоже, их растаскивали тягачом, чтобы расчистить место для установки решетки, — можно было бы сказать, что эта часть города совсем не изменилась. Не успела измениться. Здания не производили впечатление покинутых. Стекла в окнах высоток были в порядке, на некоторых лоджиях сушилось белье. Возможно, оно сушилось уже не первый месяц, но все равно от этой картины веяло домом и уютом. И ни тебе трупов на тротуарах, ни тебе следов пожара или разрушенных зданий. Ну да лиха беда начало.

Крот и Калган успели отъехать слишком далеко, чтобы услышать слова Олега, к тому же произнесенные вполголоса.

— Ну здравствуй, Зона, — сказал он. — Здравствуй, Москва.

Глава вторая

— Стоп! — скомандовал Крот, едва они свернули во двор.

Вытаскивать пистолет проводник не спешил, из чего Гарин заключил, что если им и грозит опасность, то не смертельная. Он остановился, пытаясь проследить за направлением взгляда Крота. Рядом, тихонько посапывая, замер Степан. То есть теперь уже Калган, хотя на слух Олега, сталкерская кличка его нового знакомого была не очень. Как если бы шило переименовали в мыло.

Проводник обернулся и махнул спутникам рукой.

— Сюда идите. Особенно ты, Кепка. Тебя это в первую очередь касается.

Последний комментарий скорее насторожил, чем заинтересовал Гарина. Он осторожно приблизился к Кроту, по-прежнему не произнося ни слова.

Проводник бросил короткий взгляд на Олега и снова уставился перед собой.

— Что видишь? — спросил он.

— Мусор, — не задумываясь, ответил Гарин.

Это действительно было первым, что бросалось в глаза. Огромное количество бумажного мусора. То есть, деревянного, металлического и пластикового хлама тоже хватало — покидая в спешке свои дома, люди избавлялись от всего лишнего, — но металл и пластик валялись там, где их бросили, а бумага была повсюду. Газеты, тетрадные листы, годами собираемые корешки квитанций и рекламные листовки лежали тут и там на тротуарах, детских площадках и газонах возле подъездов.

— А кроме мусора? — спросил Крот. Он указал подбородком на участок дороги впереди.

— Пятно? — помедлив, предположил Олег. — В смысле лужа?

— Ага, лужа, — удовлетворенно повторил проводник. — Вот только дождь в Москве в последний раз был когда?

— Не знаю, — пожал плечами Гарин. — Я только вчера вечером...

— Давно, — перебил его Крот. — Дождь был давно. А теперь гляди... Гляди в оба!

Он быстро осмотрелся, поднял с земли кусок пластиковой трубы, но, взвесив на ладони, отшвырнул его в сторону. Со второй попытки проводник выудил из груды тряпья пустую бутылку из-под водки. Он перехватил бутылку за горлышко и, коротко размахнувшись, бросил ее вперед.

Бутылка угодила точно в центр странного пятна на асфальте, но, вместо того чтобы разлететься на осколки, просто исчезла. Испарилась. Олегу показалось, что он пропустил что-то важное, несмотря на то, что после приказа Крота глядеть в оба он послушно перестал моргать. Его глаза не зафиксировали момента исчезновения, только сам факт. Ни осколков,

ни бутылки, ни следов ее существования. Только неровное мокрое пятно полутора метров в диаметре.

— Ого! — подал голос Калган. — А если бы это была не бутылка, а, скажем, человек? Он бы тоже исчез?

— Хочешь проверить? — усмехнулся проводник. — И человек бы исчез. А машина провалилась бы по самые бампера. Одним колесом или двумя. Хотя, если пятно большое, может, и целиком бы ухнула.

— Куда? — спросил Калган.

— А шут его знает. Желающих слазить на разведку пока что не было.

— Это, получается, аномалия?

— Что ж еще.

— А название у нее есть?

— А то! Ты же знаешь закон сталкеров. Все, что нас не убивает, немедленно получает название. Эта вот хрень называется «мокрый асфальт».

— Остроумно, — пробормотал Гарин. — Спасибо за урок.

— Урок! — фыркнул Крот. — Думаешь, я тут кружок юного сталкера веду? Я же для дела. Тебе сейчас по этим дорогам бензовоз вести.

— Бензовоз? — нахмурился Олег.

— Ну да, бензовоз. А что? Права у тебя не той категории? Не беда. Их у тебя никто не спросит. И улицы по большей части пустые, езжай — не хочу. Только на дорогу посматривай, лужи подозрительные объезжай. Так что не дрейфь, Кепка. Держи козырек по ветру.

— Да не в том дело... — попытался объяснить Гарин, но проводник снова его не дослушал.

— Дело, не дело. Помалкивай, а? — раздраженно сказал он. — Было бы у меня чем на педали нажимать, я бы не стал с тобой возиться. — Проводник вздохнул и скомандовал: — Двинулись!

Только когда вдалеке завывла собака, Олег осознал, до чего же тихо вокруг. Ни человеческих голосов, ни хлопающих дверей, ни музыки из окон, ни грохота стройплощадок, ни шума машин — все звуки, без которых казалось немислимым существование столичного мегаполиса, ушли, оставив только одинокий далекий вой. Впрочем, через минуту стих и он. Остался лишь шелест ветра, лениво перебирающего разбросанные по тротуару бумажные листки. Один из листков как раз скользил вдоль бордюра. Гарин машинально припечатал его к тротуару подошвой. Кажется, это был рецептурный бланк, незаполненный. Еще несколько десятков похожих листков валялись вокруг. Откуда их столько? Из какой разграбленной поликлиники?

Примерно через полчаса проводник вывел отряд к зданию перехватывающей парковки, которое из-за отсутствия внешних стен казалось недостроенным. Снаружи конструкция выглядела трехэтажной, но еще несколько этажей скрывалось под землей. Бензовоз, о котором говорил Крот, обнаружился на минус втором уровне. Рядом была припаркована серая «школа», на заднем стекле которой был приклеен знак с изображением инвалидной коляски. Машина была трехместная, сиденье рядом с водительским креслом отсутствовало.

— Здоровая хреновина, — заметил Калган, остановившись рядом с передним колесом бензовоза, которое было высотой как раз с него.

— Пятнадцать тонн! — с гордостью подтвердил проводник. Он подобрал валявшуюся рядом палку и постучал по боку цистерны. — И наполнена под завязку.

— Как ты проверил?

— Да уж проверил. Когда доберемся до базы, Санчо нам за этот бензовоз каждому по медали выдаст.

Олег остановился в нескольких шагах от грузовика, борясь с подступающей тошнотой. Голова пока не болела, но Гарин не питал иллюзий по поводу этого «пока».

— А... ключи? — с трудом выдавил он.

— Ключи есть. — Крот похлопал по нагрудному карману куртки. — Только сначала ты поможешь нам с Калганом забраться в кабину.

Олег опустил глаза.

— Ничего не получится.

— Не понял, — нахмурился проводник. — Чего не получится?

— Я не могу вести машину.

— Опять двадцать пять! Я же сказал, твоя квалификация роли не играет. Если водил легковушку, то и...

— Я и легковушку не смогу. — Гарин буравил взглядом бетонный пол, готовый провалиться сквозь него от стыда.

— А права? — вспомнил Крот. — Купил, что ли?

— Нет. — Даже разговор на эту тему действовал на Олега удручающе. Но раз неприятных объяснений было не избежать, он попытался хотя бы покончить с ними за наименьшее время. Гарин посмотрел в глаза собеседнику, надеясь, что так ему скорее поверят. — Полгода назад я попал в аварию. Очень серьезную. Еле жив остался. С тех пор у меня почти каждый день болит голова. Иногда просто раскалывается. А стоит мне сесть за руль, и я... — Он с трудом проглотил комок и помотал головой. — Я не могу вести машину. Никакую.

Проводник большим пальцем почесал лоб под банданой и спросил с досадой:

— А раньше ты об этом сказать не мог?

— Я пытался. — Гарин снова потупил взгляд.

— Когда ты пытался? — Крот достал из кармана кольцо с ключами и задумчиво крутанул его на пальце. — Да ну, бред какой-то! — сказал он сам себе и посмотрел на Калгана, ожидая поддержки. — Бред же?

— Натуральный, — охотно подтвердил тот и посмотрел на Олега. — Ты что, растаешь, что ли, если за руль сядешь?

— Не растаю, — ответил Гарин.

— А что тогда?

— В лучшем случае — заблую все вокруг.

— А в худшем?

— Все заблую и потеряю сознание.

— Тьфу ты! — Калган перевел взгляд на проводника и пожал плечами.

— Сдается мне, ты гонишь, — вынес вердикт Крот. — А ну лезь в кабину!

Он не вынул пистолета из-за пояса, но по тону его было ясно, что в случае чего — и вынет, и воспользуется, если возникнет нужда.

Олег не стал больше спорить. Он сделал два глубоких вдоха через рот и на негнущихся ногах прошагал к бензовозу. Дверца с водительской стороны не была заперта. Гарин распахнул ее, поднялся по лесенке с неудобными ступеньками и сел, уронив голову на баранку и тяжело дыша. Лоб его покрывала испарина. Полминуты спустя он выпрямился и выглянул через раскрытую дверь. Спутники выжидающе смотрели на него.

— Ну, — сказал Калган. — Чего ж не блюешь?

— Потому что знаю, что никуда не поеду, — сказал Олег.

— Хрена с два ты никуда не поедешь! — разозлился проводник. — Поедешь как миленький. Лови!

Гарин с тоской посмотрел на летящую в него связку ключей и, вцепившись в дверную ручку, выполнил собственное предсказание. Хорошо еще, что ограничился программ-минимум: избавился от вчерашнего ужина, но сохранил сознание.

Крот выматерился и, подкатившись к кабине, подобрал с пола ключи. Снова выматерился и брезгливо обтер их то ли платком, то ли бумажной салфеткой, которую тут же выбросил. И выматерился в третий раз.

— Какой же ты урод! — сказал он, глядя на Олега снизу вверх. — Вылезай оттуда!

Перед глазами Гарина плавали черные пятна, поэтому он не мог видеть, достал

проводник пистолет или нет. Конечно, маловероятно, что Крот откроет огонь рядом с бензовозом, и тем не менее, спускаясь по короткой лесенке, Олег в любой момент ожидал выстрела в спину. Не дождался.

Он остановился перед проводником, хотя стоять ровно было нелегко, и спросил:

— Что теперь?

— А теперь — пошел вон! — рявкнул Крот. — На все четыре стороны! И чтобы я больше тебя не видел! Ур-род!

Гарин опустил голову и поплелся к выходу со стоянки, думая лишь об одном: «Только бы не упасть». Он еще слышал, как переговариваются за его спиной теперь уже бывшие спутники, но плохо понимал смысл слов.

— Что с бензовозом-то делать будем? — спросил Калган.

— А что с ним сделаешь, — устало ответил Крот. — Вернемся на базу — доложим Санчо, пусть сам решает. Может, придет кого, а может, сам придет. Ему-то есть, чем на педали давить.

Прежде чем свернуть за угол, Олег в последний раз обернулся. Он увидел, как Калган неуклюже забирается на заднее сиденье «шкоды», и понял, что не испытывает к нему и капли сочувствия.

«Я такой же инвалид, как и он, — подумал Гарин. — Даже хуже. Просто моя инвалидность не так бросается в глаза».

Ноги заплетались. Олегу приходилось держаться за трубу ограждения, обрамляющего выездной пандус, чтобы не шататься. Оказавшись на улице, он остановился, закрыв глаза и запрокинув голову. Иногда это помогало. Если почувствовать приступ на самой ранней стадии, то полная неподвижность и десять-пятнадцать глубоких вдохов и выдохов могли загнать боль обратно в... Гарин не знал, куда именно. Но где-то же она прячется, когда не терзает его.

Он вдохнул свежий московский воздух — действительно свежий, в кои-то веки, без примесей выхлопных газов, фабричного дыма и смога, — на несколько секунд задержал его в легких и медленно выдохнул. Снова вдохнул... Над головой громко каркнула ворона. Олег открыл глаза и увидел орла, парящего метрах в тридцати над землей. А может, грифа, он никогда не разбирался в птицах. Потом орел-гриф снова каркнул, и Гарин понял, что это начало галлюцинации. Ему нужно было прилечь. Хотя бы вот на эту скамеечку с треснувшей спинкой. Хотя нет, когда Крот будет проезжать мимо на своей «шкоде» с ручным управлением, он увидит Олега и, чего доброго, решит, что напрасно его отпустил. Зачем Кроту свидетель, знающий о бензовозе? Совершенно незачем.

Нужно было найти укрытие. Отлежаться в нем, переждать приступ, а уж после думать, как добраться в Коньково. Гарин уже чувствовал, как вращается ручка тисков, внутри которых скоро будет зажата его голова. Счет шел на минуты. Зря он полез в кабину бензовоза. Не убил бы его безногий сталкер. А может, убил бы. Но все равно зря.

Зрение так и не восстановилось до конца. То есть, черные пятна больше не плясали перед глазами, но теперь Олегу казалось, что на голове у него средневековый шлем с опущенным забралом. Гарин видел ясно лишь сектор пространства, находящийся точно перед ним, от силы одну шестую от его обычного поля зрения. Все, что было по краям, казалось нечетким, при попытке сфокусировать взгляд глаза начинали слезиться. Олегу пришлось изрядно покрутить головой, прежде чем он обнаружил подъезд девятиэтажки, дверь которого была распахнута и приперта к стене каким-то здоровенным бидоном. Выбирать было поздно. Гарин поднялся на крыльцо, подумал, не закрыть ли за собой дверь, но понял, что не справится с бидоном, даже если тот окажется пустым.

Первый этаж оказался техническим. На площадке между первым и вторым этажами валялась сложенная картонная коробка из-под какой-то крупной техники: стиральной машины или холодильника. Олег подумал, что в случае чего можно устроиться прямо на этой коробке, но вырубаться в подъезде с открытой входной дверью было опасно, и он поднялся еще на один пролет. На лестничную площадку выходило три двери: слева —

тамбурная на пару квартир, справа — две обычные: металлическая и деревянная. Гарин подошел к деревянной двери и пнул ее ногой. Дверь отозвалась мелким дребезжанием, в ответ на который зазвенели тревожные колокольчики в голове у Олега. Боль была уже совсем близко. Что делать? Подняться еще на один этаж? Он чувствовал себя слишком слабым для этого. Тем более что и на третьем этаже, и на четвертом, и на всех остальных могла повториться та же картина. Что остается? Выбить дверь? Можно попробовать. Главное, не трясти головой.

Гарин отступил на шаг, обеими руками взялся за ручку соседней двери, чтобы получился упор, и с удивлением почувствовал, как металлическая дверь приоткрылась на пару сантиметров. Олег выпрямился и потянул ручку на себя. Дверь распахнулась без сопротивления. Она была не заперта, а просто прикрыта.

— Повезло, — пробормотал Гарин и шагнул в квартиру. — Надо будет запомнить.

Уже по одной вешалке в прихожей можно было понять, что еще недавно здесь жили небедные люди. Так что повезло Олегу, можно сказать, вдвойне, вот только тупая холодная спица, заворачивавшаяся под черепом, сильно омрачала радость открытия.

— Погоди немножко, — попросил он. — Дай мне хотя бы пять минут.

Большой кожаный диван в гостиной сулил покой и негу, пестрый ворох одежды на сиденье только усиливал его привлекательность.

— Пять минут, — повторил Гарин и поежился: собственный голос в просторной пустой комнате показался ему слишком громким.

Диван подождет, спица в голове, на этот раз больше похожая на ржавое веретено, тоже подождет. Сначала надо соблюсти формальности, раз уж он оказался в таком удачном месте. Иначе зачем он здесь вообще?

Осторожно поглаживая виски указательными пальцами — три раза в одну сторону, три раза в другую, — Олег попытался осмотреться. Сделать это с учетом его внезапно сузившегося поля зрения оказалось непросто. Мысли разбегались в разные стороны, на глаза попадались только громоздкие и потому абсолютно бесполезные предметы: хрустальная люстра, торшер, пейзаж в позолоченной раме, плазменная панель шириной чуть ли не в два метра. Гарин остановился перед панелью и провел по пыльному экрану ладонью. Хорошая штука, наверняка дорогая, но до чего же здоровая!

Ржавое веретено набирало обороты. Повернуть голову уже не получалось. Чтобы посмотреть в сторону, приходилось разворачиваться всем телом. Уже почти ничего не соображая, Олег добрался до секретера и начал один за другим выдвигать ящички. Какие-то бумаги. Салфетки, а может, носовые платки. Письма в конвертах, черно-белые фотографии. В четвертом сверху отделении — несколько шкатулок и маленьких коробочек, в каких дамы обычно хранят свои сокровища, но все раскрытые и пустые.

— Все-все-все, — сказал Гарин.

Он убрал правую руку от виска — боль в этой точке мгновенно усилилась — и сдвинул все шкатулки и коробочки в один угол. На дне ящичка что-то блеснуло. Олег с трудом подцепил пальцами сережку с голубым камушком. Рассмотреть пробу он не смог бы при всем желании, но на вид сережка была золотой. Только очень уж маленькой.

— Все, — повторил Гарин и, зажав сережку в кулаке, рухнул на диван.

Боль, вместо того чтобы прикончить поверженную жертву, неожиданно отступила, не стала добивать лежачего. Уже через минуту Олег спал на груди чьих-то лифчиков и юбок, и ему ничего не снилось.

Пробуждение было тяжелым. Голова не болела, но казалась набитой сырой ватой или опилками. Чем-то таким, что за время сна разбухло и теперь мешало думать. От чего он проснулся? Ясно, что не по собственной воле. Гарин совсем не чувствовал себя отдохнувшим. Кажется, его разбудил какой-то шум. Выстрелы на улице? Олег приоткрыл глаза. Небо за окном было серого цвета, а желудок, похоже, собирался вывернуться наизнанку от голода, так что скорее это была утренняя серость, а не вечерняя. Значит, он проспал не меньше двенадцати часов и мог бы проспать еще столько же, если бы не...

Гарин услышал стук — одиночный, как будто со стола упал карандаш, — и немедленно вспомнил, что уже слышал сквозь сон похожий звук. Видимо, от этого он и проснулся. Неужели в комнате есть кто-то, кроме него? Стараясь не обращать внимания на заколотившееся в груди сердце, Олег снова на мгновение приоткрыл глаза и не заметил никакого постороннего движения. Но это еще ни о чем не говорило. Враг мог неподвижно стоять, например, за шторой или прятаться за секретером. Гарин пытался вспомнить, запер ли он дверь после того, как оказался в квартире. Он хорошо помнил, как прикрывал ее, но вот запер ли? Скорее всего да. Такие действия человек обычно совершает на автомате.

Как назло, он умудрился отлежать во сне именно правую руку. Олег попытался выпрямить ее, так чтобы это не бросалось в глаза, и сотня мелких иголочек тут же вонзилась в его кожу между локтем и запястьем. Гарин подождал, пока циркуляция крови восстановится, и снова шевельнул рукой. На этот раз ему удалось дотянуться до кармана и обхватить пальцами рукоятку ножа. Нужно было еще раскрыть лезвие, но прикосновение к оружию само по себе действовало успокаивающе. Олег открыл глаза в третий раз, теперь уже не скрываясь, и снова не увидел ничего подозрительного.

— Эй... — Пересохшее горло исторгло неразборчивый хрип, и Гарин прокашлялся. — Здесь кто-нибудь есть?

На этот раз он заметил движение. Штора шевельнулась, вспухла на миг, как будто кто-то с той стороны ударил по ней кулаком, и медленно вернулась на место. Иногда так тренируются боксеры, не к месту вспомнил Олег. Наносят удары по шторе или любой другой висящей ткани. Это один из вариантов «боя с тенью».

— Эй! — повторил Гарин и сел на диване. — Кто здесь?

Вместо ответа он снова услышал такой же стук, но, черт побери, лучше бы это был привычный щелчок затвора.

— Выходи, а то пристрелю! — пригрозил Олег и раскрыл лезвие ножа.

Штора, то ли светло-зеленая, то ли желтая, расшитая то ли птицами, то ли цветами — в утреннем полумраке не разглядеть, — вспухла снова, сразу в двух местах, между которыми было никак не меньше двух метров. Можно было предположить, что у невидимого боксера настолько длинные руки, но Гарину слабо верилось в эту гипотезу. На этот раз стук получился двойной. Два удара по шторе, два упавших карандаша. Вроде бы логично, но Олегу совсем не нравилась эта логика.

Штора вспухла снова, но на сей раз карандаш не упал. Неровность, напоминающая отпечаток кулака, возникла на высоте человеческого роста и медленно проскользила до самого пола. Потом она разгладилась, а штора качнулась, причем сразу в две стороны: левая половина — навстречу Гарину, а правая — от него. Сердце грохотало уже не в груди, а, кажется, внутри черепа, когда Олег разглядел на цветастой ткани разрез, которого там не было еще минуту назад.

«Надо бежать, — подумал он. — Бежать, пока я еще в своем уме».

Следующее шевеление шторы поставило крест на версии с боксером. Если только он не был трехруким. Два карандаша ударились о пол, но третья припухлость медленно поползла вверх. Глухо звякнули металлические кольца, которыми штора крепилась к карнизу, и Гарин наконец увидел своего врага. Увидел, но не узнал. На верхнем краю шторы сидело что-то темное размером с кулак и шевелило то ли лапами, то ли усами, то ли жвалами. Какое-то насекомое.

Олег до сих пор не мог понять, павлины или орхидеи вышиты на шторе, но неизвестную тварь он почему-то видел отчетливо. Должно быть, страх не только увеличивает глаза, как учит пословица, но и обостряет зрение. Тварь перевалилась через край шторы и головой вниз заскользила к полу. И штора выгибалась по обе стороны от того места, где проехало странное существо. Олег видел в каком-то фильме, как пират спускался с мачты, воткнув в парус нож и держась за него обеими руками. Насекомое действовало похожим образом, только вместо ножа оно использовало собственные жвала. В таком положении Гарину хорошо была видна спина существа, темно-коричневая, поделенная

полосами на сегменты.

«Таракан, — отстраненно подумал он. — Только не наш, совковый, а... Как же его...»

Оказавшись на полу, таракан остановился, словно в задумчивости, водя усами из стороны в сторону. А растерзанная штора позади него вспухала и опадала уже непрерывно. Карандаши сыпались на паркет целыми пачками.

— Мадагаскарский, — вспомнил Олег.

Как будто услышав свое видовое название, насекомое замерло, направив один ус в потолок, а второй вправо, затем не спеша двинулось в сторону дивана. Гарин переложил бесполезный нож из одной потной ладони в другую и проверил, слушаются ли его ноги. Ноги слушались, и это было хорошо, потому что из-под шторы, разрезанной уже в десятке мест, выползал целый поток шевелящихся усов и поделенных на сегменты хитиновых спин. Олег сомневался, что его кожа окажется прочнее портьерной ткани, и совершенно не собирался участвовать в сравнительном эксперименте.

Кусок шторы с правой стороны оторвался окончательно, и Гарин смог разглядеть, каким образом тараканы попадают в квартиру. Слава Богу, не через раскрытую форточку, как он боялся, а через дыру в потолке, по центру которой торчала труба центрального отопления. Возможно, эту дыру прогрызли в бетоне сами тараканы, но всеядные насекомые были все-таки менее опасными противниками, чем летающие всеядные насекомые. От них по крайней мере можно убежать.

Когда ведущий таракан остановился, чтобы ощупать усиками валявшийся рядом с диваном полосатый детский носок, Олег побежал. Грохот его ботинок заглушил цокот сотен лап по паркету. Уже через пять секунд Гарин был в прихожей. Входная дверь была заперта — спасибо условным рефлексам. Олег попробовал повернуть ручку замка по часовой стрелке, однако ручка не поддавалась. Тогда он крутанул ее в другую сторону — раз, другой и третий, до упора — и снова подергал дверь. Та не шелохнулась. Зато двустворчатая дверь гостиной, которую Гарин, убегая, захлопнул за собой, скрипнув, приоткрылась, и в коридор посыпались тараканы. Посыпались в буквальном смысле, с уже знакомым звуком падающих карандашей. Похоже, для того, чтобы выбраться из комнаты, им пришлось карабкаться друг другу на спины.

Олег пнул входную дверь носком ботинка и простонал — от досады, а не от боли:

— Что за хрень!

На полу в коридоре было постелено ковровое покрытие, а не паркет, поэтому перестука тараканьих лап он не слышал. Гарин изо всех сил подергал дверь — так порой трясут, взяв за грудки, человека, который отказывается понимать элементарные вещи, — и бросил опасливый взгляд на тараканов. Они приближались беспорядочной коричневой массой. Вместо того чтобы свернуть на кухню, откуда доносился запах гнилой картошки, или в ванную, где на дне туалетного бачка могло остаться немного воды, гигантские насекомые целенаправленно ползли к Олегу. Кто бы сомневался!

«Хорошо, что второй этаж, — подумал Гарин. — В случае чего можно сигануть из окна».

В следующее мгновение произошло сразу два события. Во-первых, Олег увидел защелку на двери. И вспомнил, как запирает ее, войдя в квартиру. Защелку, а не замок. Во-вторых, он почувствовал, как по правой штанине его брюк взбираются цепкие лапки.

— Чтоб тебя!

Гарин дернул ногой — колючие лапки, добравшиеся уже до колена, никуда не делись, зато под подошвой ботинка что-то противно хрустнуло, затем чавкнуло, и возникло ощущение, что нога угодила в дерьмо. Олег машинально шаркнул ботинком по ковровому покрытию, чтобы обтереть подошву, но вместо этого снова услышал мерзкий хруст. В прихожей буквально некуда было поставить ногу, не раздавив при этом чей-нибудь хитиновый панцирь.

«Только бы не поскользнуться! — мелькнула паническая мысль. — Иначе встать уже не получится».

Гарин дернул задвижку и рванул на себя дверь. Снова безрезультатно. Естественно, ведь он сам запер ее, когда думал, что отпирает, причем на три оборота! Олег крутанул ручку замка — один раз, другой... и почувствовал резкую боль в области правого бедра. Здоровенный таракан сидел, вцепившись в штанину всеми шестью лапами, и в том месте, где его голова соприкасалась с тканью, медленно разрасталось темное пятно. Гарин вскрикнул. Прикоснуться к отвратительной твари он не мог, даже несмотря на боль, но в левой руке у него по-прежнему был нож. Неуклюже извернувшись, Олег попытался лезвием ножа стряхнуть таракана со штанины, но тот держался слишком крепко. Гарин почувствовал, как еще пара насекомых забирается на его левую ногу, и в отчаянии воткнул нож в сегментированную коричневую спину. При этом кончиком лезвия он еще в одном месте проколол собственное бедро, но не сильно. Зато таракан наконец оторвался от штанины. Олег посмотрел, как насаженное на лезвие насекомое изгибается и сучит лапками, и брезгливо разжал пальцы, сжимающие рукоятку. Нож упал на пол и исчез в коричневом потоке. Уже не обращая внимания на ползущих по его ногам насекомых, Гарин в третий раз повернул ручку замка, распахнул дверь и, оказавшись на лестничной площадке, захлопнул ее за собой. Вслед за ним из квартиры успели выползти четыре насекомых. Олег передавил их подошвами и на последнем едва не поскользнулся. Еще два таракана висели на его левой штанине. Этих Гарин стряхнул с себя, потершись ногой о перила, после чего одного раздавил, а другого пинком столкнул в щель между лестничными пролетами.

Почувствовав слабость в коленях, Олег прислонился к стене. Он был жив. По большому счету, только это имело значение. Голод, жажда и то, что Гарин остался совсем без оружия, было менее важно. Хотя поесть, конечно, нужно как можно скорее. И еще — осмотреть место укуса, которое ныло, как больной зуб, и хоть как-то его обработать. Но обработать было нечем, а на осмотр не было времени. Гарин ни минуты не собирался оставаться в опасном подъезде. Кто знает, за какое время насекомые прогрызут дыру в стене рядом со стальной дверью.

Продуктовый магазин Олег нашел в соседнем дворе, на первом этаже жилого дома. Металлические жалюзи над входом были опущены наполовину, стеклянная дверь за ними — разбита, и Гарин без труда протиснулся в помещение на четвереньках. Внутри магазина пахло заплесневелым сыром и гнилым мясом. Мимо витрины-холодильника Олег проскочил, отвернувшись и зажав пальцами нос. На полках в соседнем зале почти не осталось продуктов и совсем не было алкоголя. В конце концов Гарину удалось отыскать пакет молока и пачку галет. «Долгоиграющее» молоко оказалось вполне съедобным. Половину пакета Олег выпил тут же, в несколько глотков. Затем он сел на пол, раскурочил картонную упаковку и стал есть галеты, размачивая их в молоке. Для пущего удобства он вытянул ноги, задел что-то носком ботинка и, когда это что-то покатилося с характерным звуком, заглянул под нижнюю полку.

На этикетке пол-литровой бутылки было написано: «ПетроWhich, настойка медовая. Крепость 37 градусов».

«Жаль, что не водка, — подумал Гарин и полил штанину в том месте, где уже подсыхало пятно крови. Почти утихшая боль расцвела с новой силой. Олег с шипением втянул воздух сквозь зубы и закончил мысль: — С другой стороны, хорошо, что не перцовая».

Покончив с дезинфекцией, Гарин отхлебнул из горлышка, поскольку его душевные раны тоже нуждались в обработке.

Он выбрался из магазина с наполовину пустой бутылкой в руке. К черту оптимистов, в заброшенном мегаполисе им не место, бутылка была именно наполовину пустой. В разграбленном хозяйственном магазинчике Олег не нашел другого оружия, кроме садовых ножниц. Гарин прошел с ними четыре квартала, а потом зашвырнул в кусты, когда услышал вдалеке автоматные очереди. Драться этой штукой он бы все равно не смог, а смешить врагов перед смертью — не собирался.

Олег сделал еще пару глотков из бутылки. Напиваться он не планировал, но в

определенной стадии опьянения окружающая реальность, которая иначе никак не хотела укладываться в голове, стала казаться ему чем-то вроде кино. Какой-нибудь постапокалипсис, в котором бензин становится валютой, каждый глоток воды нужно проверять счетчиком Гейгера, банды рокеров носятся по опустевшему городу, а в брошенных домах плодятся крысы... и, кстати, тараканы. Какой-нибудь «Безумный Макс». Гарин посмотрел на этикетку и хихикнул. Нет. Чокнутый Максим ПетроWhich.

Олег скоро потерял счет времени и почти ничего не запомнил из долгой дороги домой. Он видел несколько разбитых машин, четыре трупа в военной форме, сгоревший кинотеатр, но эти сцены, как эпизоды фильма, не трогали его. Один раз он остановился, ослепленный солнечным зайчиком, и, кажется, даже уловил движение в распахнутом окне высотного дома, но, ничего там не разглядев, пошел дальше. Он шел, пока не закончилась желтовато-коричневая жидкость в бутылке, а потом выбросил ее и пошел дальше. Гарин почти смирился с тем, что ему придется шагать так до самой смерти, когда впереди показался знакомый квартал.

Еще через некоторое время он стоял перед подъездом родного дома и отсчитывал окна седьмого этажа. Оставался последний этап пути, довольно тяжелый. Электронный замок на двери подъезда не работал. Лифт, естественно, тоже.

— Седьмой этаж... — вздохнул Гарин и зашагал по ступенькам.

Олег открыл дверь и ввалился в прихожую, еще не вполне осознавая, что наконец-то добрался до дома. Трудный путь был окончен, хотя на самом деле это нельзя было назвать даже началом. Но сейчас, после изнурительного похода по Москве, Гарину хотелось думать о другом, хотелось верить, что все это не напрасно.

Он привычным, но уже почти забытым движением скинул ботинки и механически шаркнул пяткой по линолеуму, нащупывая тапки. Тапок на месте не оказалось. Гарин склонился к низкой этажерке с «гостевыми» шлепанцами, но и там его родных кожаных тапочек не было тоже. Хмыкнув и демонстративно пожав плечами, словно кто-то мог его видеть, Олег босиком прошел к своему кабинету и замер на пороге.

Тапки нашлись, далеко они не ушли. В кресле, развернувшись от стола и расслабленно закинув ногу на ногу, сидел тот, кого Гарин ожидал увидеть меньше всего.

Глава третья

В таких случаях принято обниматься, но время было упущено, и Олег продолжал стоять в дверях, неловко переминаясь с ноги на ногу. Михаил Столяров, сидевший напротив, то улыбался, то хмурился и также не отводил взгляда.

— Ну и где тебя черти носят? — выдавил он наконец. — Я уж думал, не приедешь.

— Кто тебя впустил? — ляпнул Олег первое, что пришло на ум.

— Ева, — невозмутимо отозвался Столяров.

— Кто?..

— Твой замок, если ты забыл. Хороший, я с ним двадцать минут провозился. — Михаил поднялся из кресла и, прошлепав через комнату, протянул Гарину руку: — Я рад нашей встрече.

— Тапки мои отдай, — сказал Олег, указывая пальцем вниз.

— Там у тебя полно, — Столяров кивнул в сторону прихожей. — Возьми какие-нибудь другие.

— Другие мне не нужны. Мне нужны эти.

— Разжирел ты, студент, забарахлился. К тапочкам вот привык... — Михаил покачал головой. — А квартирка все равно паршивая. Раньше получше была.

— Раньше у меня был бизнес, а теперь, — Олег скривился, — от жилетки рукава. Сколько мы не виделись? — проронил он, неуклюже меняя тему.

— Два года, — сказал Столяров.

— Как ты меня нашел?

— Я тебя не искал, ты сам явился.

— Ну, я имел в виду, как ты мой новый адрес... Ах, да, — спохватившись, Гарин махнул рукой. Спрашивать офицера СБУ, где он достал адрес, было по меньшей мере наивно. — Тапки отдай! — капризно повторил Олег.

Михаил неохотно разулся. Гарин с нескрываемым удовлетворением нацепил свои шлепанцы и подошел к столу. Монитор и принтер были сдвинуты на самый угол, а посередине на заляпанной газете стояла красивая бутылка «Мартель XO». Рядом весомо покоилась килограммовая банка черной икры — открытая и уже порядком потраченная. Практичный товарищ Миша Столяров времени тут даром не тратил, хотя закусывал он, очевидно, активнее, чем выпивал.

— Ты зачем здесь? — произнес Олег, не оборачиваясь.

— А ты?

— Я по делам.

— За тапочками вернулся, — уверенно предположил Столяров.

— Я что, обязан перед тобой отчитываться?

— Не хочешь говорить, — констатировал Михаил. — Мне. Не хочешь. После всего того, что мы с тобой пережили. Значит, это что-то совсем стыдное, такое, о чем тебе и думать-то противно. Наш идеалист Олежка Гарин решил податься в мародеры... — заключил он.

Олег даже вздрогнул. Столяров расшифровал его за минуту. Да какой там расшифровал... прочел, как открытую книгу! Это было неприятно.

— Я понимаю, что умение доминировать для подполковника СБУ навык бесценный... — начал Гарин.

— Для полковника, — с улыбкой поправил его Столяров.

— Уже? Поздравляю с повышением.

— Ну, дальше? Ты что-то про доминирование хотел сказать.

— Да-а... не важно, — проронил Олег. — Просто не дави на меня, полковник. В этот раз нам с тобой не по пути. Разошлись дорожки.

— Нет, — невозмутимо возразил Столяров.

Проголодавшийся Гарин не устоял и подцепил указательным пальцем икру из банки — много, жадно, с горкой, — но замер от удивления. Икра шлепнулась с пальца на пол и разлетелась по пыльному паркету черной кляксой.

— «Нет»?! — переспросил Олег. — Так ты-ы... ты тоже за хабаром приехал?! В СБУ совсем, что ли, не платят?

Гарин вдруг заметил на газете столовую ложку и, усевшись в кресло, принялся уплетать деликатес. Михаил немного постоял у него за спиной, потом выдвинул верхний ящик стола и достал банку крабового мяса. Олег заметил, что там еще полно всего — и крабов, и заливной осетрины, и языков. Между стопками консервов уютно перекачивалась бутылка виски.

— Бессмысленный вопрос, — покивал Гарин. — Ты уже начал грабить. И у тебя неплохо получается.

— На оклад я не жалуюсь, — с опозданием ответил Столяров.

— А это, надо полагать, твой штатный паек? — Рука у Олега была занята наполненной ложкой, поэтому на ящик с продуктами он указал локтем. Получилось странное движение, как будто он собирался выпить по-гусарски.

Столяров поставил перед ним белую кружку с агрессивным логотипом «Hyperboloid Security» и набулькал туда коньяка. Себе он налил в такую же. Этой сувенирной продукцией у Олега был забит весь дом: ручки, пепельницы, какие-то ненужные обложки — они постоянно попадались на глаза и напоминали о старых добрых временах, проведенных в Сколково. Весь этот хлам Марина иронично называла «остатками былой роскоши», сам Гарин предпочитал выражаться яснее: «от жилетки рукава».

— И все-таки за встречу, — предложил Михаил.

Олег не смог отказаться. Он выпил коньяк залпом и с грохотом опустил кружку на столешницу, требуя добавки. Столяров плеснул еще, но уже поменьше, и присел на диванчик у противоположной стены. Судя по всему, здесь он и ночевал, прямо в кабинете. И ночевал, кажется, неоднократно.

— На вашу спальню я не покушался, — сообщил он, словно вновь прочитал мысли товарища, и Олегу это опять не понравилось. — Там кровью все залито, — добавил Столяров.

— Это кагор, — мрачно возразил Гарин.

Олег в который раз вспомнил свой отъезд из Москвы. Паники тогда еще не было — даже после необъяснимого события на Маломосковской улице, которое запустило обратный отсчет прежней спокойной жизни. Над городом висело лишь легкое недоумение, пока никто не успел разобраться в происшествиях, внешне как будто не связанных. Увидеть, а точнее, учуять эту связь мог только человек не от мира сего, тот, кто обладал опытом общения с чем-то аномальным, запредельным. Такие люди в Москве были. Гарин узнавал сталкеров с первого взгляда — по каким признакам, он не знал и сам, — и его, как правило, узнавали в ответ. В тот раз он возвращался домой на метро. Поздно вечером зашел в полупустой вагон и занял место с краю, возле дверей. Напротив, также отстранившись от немногочисленных пассажиров, сидел какой-то угрюмый мужик в потертой кожанке. Левая щека у него была покрыта мелкими шрамами, точно оспинами, а волосы с той стороны от уха до макушки были снежно-белыми. В середине вагона две женщины обсуждали последнюю новость — настолько громко, что Олег, как ни старался, не мог оградить себя от этого разговора. Утром где-то в районе Таганки пожарная машина ехала на вызов, когда на пути у нее вдруг возник то ли мощный электроразряд, то ли яркая вспышка... по другим данным, это и вовсе был огромный водяной шар. Пожарка, не успев ни свернуть, ни затормозить, так и влетела в светящуюся сферу, проехала ее насквозь и выскочила с другой стороны. А следом за ней из сферы выехал второй автомобиль, точно такой же, только полупрозрачный, словно тень. Несколько секунд фантом преследовал машину, а потом постепенно растаял, растворился в воздухе. И вместе с ним растворился весь пожарный расчет — потому что в первой, «настоящей» машине никого не оказалось. Людей видели как раз во втором автомобиле, они исчезали медленней, чем железо. Кому-то из прохожих даже показалось, что пожарные просто парят над дорогой, но все это закончилось слишком быстро, чтобы свидетели успели что-то понять. И вот всю эту историю от первого до последнего слова Олег выслушал уже четвертый раз за день. Мужик с проседью тоже все слышал, явно против воли. Он сидел, отрешенно глядя в пол, потом поднял глаза и, с прищуром посмотрев на Гарина, сказал одними губами: «Скоро мы и тут понадобится, браток». На следующей остановке пассажир вышел, а Олег приехал домой с твердой уверенностью, что семью из Москвы пора увозить. Ближайшая родня жила далеко, в Новосибирске. И «далеко» в данном случае означало «хорошо».

— Эй! — Столяров звучно щелкнул пальцами. — Ты уснул, что ли?

— Кагор, — ословело повторил Гарин. — Там, на кровати. Никакая это не кровь.

Вещи собирали в спешке. Олег торопился сам и торопил жену с сыном, что умножало суету, но никак не ускоряло процесс. Марине зачем-то приспичило взять в дорогу две бутылки кагора. Гарин наотрез отказался — на счету был каждый килограмм. Бутылки несколько раз перекидывали в чемодан и обратно, пока не разбили сразу обе, залив кровать так, будто на ней зарезали целого слона.

— Кагор, — снова сказал Олег.

— Да я понял, понял. Что с тобой? Тебе плохо?

— Нормально.

Гарин прикоснулся к виску — осторожно, словно к бомбе. Голова пока не болела, но в мозгу уже начинало что-то пульсировать, предупреждая о скором приступе. Олег глубоко вздохнул и маленькими глотками допил из кружки коньяк. Навредить это уже не могло, а вот помочь... впрочем, тоже вряд ли.

Он поднялся из кресла и встал у окна. Двор, окруженный семнадцатизэтажными панельными коробками, ни капли не изменился. Вот только людей там не было ни души. Исчезло все, что Гарина так раздражало: молодые мамы с колясками и пивом, собаководы, умиленно следящие за тем, как их чада гадят в песочницу, слегка прикультуренная гопота в беседке, политически подкованные пенсионеры — все они куда-то подевались. И Олег почувствовал, что ему их остро не хватает — тех самых людей. Без них и качели на площадке, и деревца, и плиточные тропинки выглядели не просто ненужными, а совершенно лишними. Весь микрорайон казался заброшенным инженерным макетом.

— Жаль, что не везде так пусто, — подал голос Михаил.

Гарин отвлекся от созерцания двора и вышел из кабинета. Внимательно и ревниво, как дачник, открывающий сезон, он обошел другие комнаты — спальню и Борискину детскую. Все было на месте. Михаил, сколько бы он здесь ни прожил, проявил такт и ничего в квартире не поменял. Правда, он загромоздил кухню какими-то коробками и флягами с питьевой водой. Как он все это затаскивал в квартиру без лифта, можно было лишь догадываться. Гарин побродил еще немного, бесцельно заглянул в ванную и наконец вернулся в кабинет, где его ждал старый друг и непростой, как догадывался Олег, разговор.

— Мда... — изрек Гарин. — Совсем без людей было бы проще. Зачем нам конкуренты, верно?

Михаил просто промолчал, и Олег почувствовал, что его насмешка относится главным образом к нему же самому. Во всяком случае, полковник Столяров упрек в мародерстве на свой счет не принял.

— Хотя... конкуренты тебе не помеха, — проблеял Гарин, понимая, как жалко это звучит. — Жратвой вон запасаю, бухлом хорошим... Молодец. Профи.

— Ну ты накобенился, или мне еще подождать? — спокойно проговорил Столяров. — Я бы лучше вздремнул, пока ты здесь на говно исходишь. Комплексы свои надо было оставлять там, за МКАДом, или вообще сюда не соваться. Понял?! — рывкнул Михаил. — Чистоплюйчик хренов, вечно ты узкой жопой на двух стульях примоститься норовишь. И хабара собрать охота, и сыну в глаза потом смотреть, не краснея. Да?

— Моему сыну надо что-то есть, — тихо ответил Олег. — И это для меня важнее.

— Правильно. Вот и будь мужиком — делай, что должен. Перед кем ты тут оправдываешься? В городе давно уже одни сталкеры да военные, им до твоих соплей дела нет. Поэтому soberись и слушай, что я тебе скажу.

Олег покорно опустился в кресло. От этого разговора ему было не уйти. Да и не хотелось. Возможно, отправляясь в Москву, где-то в глубине души он даже надеялся, что встретит здесь Столярова. Хотя и не верил в это — просто потому, что таких совпадений не бывает. Однако же вот: товарищ сидел напротив — закинув ногу на ногу и поигрывая тяжелой кружкой, словно хрустальным бокалом. И, разумеется, это могло быть чем угодно, только не совпадением.

— Ты мне нужен, — прямо заявил Столяров. — Во-первых, ты ориентируешься в городе. У меня с собой хорошие карты, но это, как ты понимаешь, совсем не то. И во-вторых... — Он выразительно постучал себя пальцем по лбу. — Вот что мне от тебя надо, друг.

— Это не во-вторых, Миша, это и есть настоящее «во-первых», — заключил Гарин. — Только я...

— Не перебивай. То, что мы считали вопросом решенным, навсегда закрытой темой, в действительности оказалось незакрытым и нерешенным.

— Я уже не тот... — снова начал Олег.

— Да помолчи ты! — вскричал Столяров. — Я тоже с каждым годом не молодею. Мы с тобой далеко не лучшая команда, но при этом мы... единственная команда, которая может справиться. Проводник из тебя, конечно, слабый. Ты балласт, если называть вещи своими именами. Тебя вовремя не прикроешь — тебе и каюк. Но я прикрою, Олег, мне не привыкать. Я сумею о тебе позаботиться, ты ведь меня знаешь. А я знаю тебя. Этого, в

общем, достаточно.

Гарин дождался паузы, но вместо того, чтобы вновь возразить, сложил ладони лодочкой и длинно в них выдохнул.

— Опять пси-атаки? — вымолвил он наконец.

— Есть такие сведения, — подтвердил Столяров.

— А кто командует операцией? СБУ?

— Юридически я сейчас в отпуске.

— «Юридически», — скривился Олег. — Интересно, каким это боком соотносятся Москва и Служба Безопасности Украины, где ты... юридически в отпуске.

— Не валяй дурака. Если Россия ухнет в пропасть, Украина отправится туда же.

— Что, прям так серьезно — пропасть? — не поверил Олег.

— Если оперативные данные не врут... а врут они, к сожалению, крайне редко... — Столяров открыто посмотрел Гарину в глаза. — Все очень и очень серьезно, мой друг.

— И ты, находясь тут нелегально, должен спасти мир... — с невольным сарказмом произнес Гарин.

— Брось, брось! — протянул Михаил. — Я же не корчу из себя Джеймса Бонда, который в перерывах между коктейлями разруливает замесы мирового масштаба. Задача у нас локальная. И она выглядит не сложнее, чем все предыдущие.

— Сначала ты меня пугаешь глобальной катастрофой, — Олег пожал плечами, — потом тут же выясняется, что задача проста и конкретна...

— Э-э... — Столяров засмеялся. — Таких слов я не говорил. Не простая она и уж точно — ни хрена не конкретная.

— То есть «пойди туда, не знаю куда»?

— Найди то, хэ зэ что, — поддержал его собеседник. — А иначе зачем ты мне нужен? Но ведь мы это уже делали, Олечка. И ходили, и находили. И возвращались живыми, что немаловажно.

— Давай ближе к теме, — предложил Гарин.

— Конечно. Но сначала ты должен согласиться на сотрудничество. После этого ты сможешь узнать детали.

— Да я не болтлив, не волнуйся.

— Да я и не волнуюсь, — ответил Михаил тем же тоном.

— Ты хочешь сказать, что, когда мне станут известны подробности, я уже не смогу отказаться от дела?

— Совершенно верно.

— Жестковато ты со мной... не ожидал, — признался Олег. — Даже не думал, что будет вот так... после всего того, что мы вместе... когда-то...

— Хватит причитать! — оборвал его Столяров. — Это не вопрос доверия к тебе лично. Это нормальное требование. Ведь если ты, например, откажешься...

— Я отказываюсь, — быстро проговорил Гарин.

— Что?..

— Ты не ослышался. «Нет» означает «нет». Я вернулся в Москву не ради приключений. Мне нужно как-то прокормить семью. Жену и сына. Если вместо денег они получают гроб с телом героя, то будет уже не важно, сколько орденов мне навесят посмертно.

Столяров сидел с потемневшим лицом и почти не слушал. Он продолжал вертеть в руках пустую кружку и думал о чем-то другом.

— На какую сумму ты рассчитывал? — глухо спросил он.

— Как повезет, — недоуменно отозвался Олег.

— Нижний ящик. Открой его.

Гарин обернулся к столу и со смутной тревогой потянул за ручку. Внизу лежали МПЗ-диски, вся его музыкальная коллекция. В узкое пространство между рядами были втиснуты часы — прямоугольный циферблат на кожаном ремешке.

— Швейцарские, «Фрэнк Мюллер», — пояснил Михаил. — Не меньше семидесяти

тысяч евро. Здесь они почти ничего не стоят, но если довезешь их до Новосибирска, вам этих денег хватит надолго. Забирай и отваливай на хер, пока тебя не убили.

Олег достал часы и внимательно их рассмотрел.

— Они не из магазина, — буркнул он.

— Да, я снял их с покойника, — мрачно ответил товарищ. — Тебя это смущает? Ты разве не тем же самым собирався тут заниматься? Считай, что с ходу поймал джекпот.

— Я, наверно, не смогу... — через силу выговорил Гарин.

— Сколько квартир ты планировал обшарить, чтобы набрать барахла тысяч на двадцать хотя бы? Это может занять неделю, а может и целый месяц. Я избавил тебя от этого унизительного занятия. Прими как подарок. И будь здоров.

Михаил решительно встал и вышел из комнаты.

— Ну нельзя же так! — крикнул ему в спину Олег и, не дождавшись ответа, отчаянно повторил: — Нельзя так, нельзя...

В коридоре было слышно, как Столяров собирается уходить: надевает ботинки, достает что-то из шкафа, негромко позвякивает чем-то металлическим.

— Не знаю, не знаю... — пробормотал Гарин, обращаясь неизвестно к кому. — Так нельзя, это неправильно. Все неправильно...

Он приложил ладонь ко лбу, словно пытаясь определить на ощупь, скоро ли новый приступ. Боль оказалась близко — гораздо ближе, чем Олег ожидал. Пульсирующая точка, затаившаяся где-то в глубине, стремительно выросла, разбежалась в мозгу ударной волной и врезалась изнутри в черепную коробку так, что у Олега перехватило дыхание. Казалось, еще немного, и голова взорвется перезревшим арбузом, а в стены полетят набухшие семечки. Олег явственно услышал, как по полу что-то защелкало. Это капала на паркет кровь из носа — почему-то с сухим звуком, будто и вправду сыпались семечки.

Приступ был необычайно сильным, раньше Гарин такого за собой не помнил. В глазах постепенно темнело, вскоре мир стал черно-белым и разделился на отдельные квадратики, как пазл. Затем элементы картинки задрожали — независимо друг от друга, каждый сам по себе, и вдруг осыпались вниз, образовав темный холмик где-то за пределами видимости. Олег вытянул руку вперед, наткнулся на бесполезную бутылку, уронил ее со стола и через секунду свалился сам. Он с размаху ударился головой, и одна эта мысль несла в себе столько боли, что Гарин должен был умереть от ужаса, но к этому моменту он уже перестал что-либо чувствовать.

Глава четвертая

Из кухни струился аромат яичницы с колбасой. Слышался жирный клекот на сковородке, и это подтверждало, что запах еды — не иллюзия.

Олег осторожно, в несколько приемов, поднялся на диване и сел. Самочувствие было отличным, но все же резких движений он пока побаивался.

Кровь на паркете была старательно затерта, осталась лишь бледная полоса — от стола к дивану. Гарин взглянул на окно и обнаружил, что солнце не опустилось, а наоборот, взобралось выше.

Зверски хотелось есть.

Олег отрешенно вспомнил, что ни яиц, ни тем более колбасы в холодильнике перед отъездом он не оставлял. Еще через мгновение он сообразил, что плита у него электрическая, а напряжения в московской сети нет уже несколько месяцев.

Яичница за стенкой продолжала аппетитно скворчать, разрушая уверенность Гарина в том, что он на самом деле проснулся. Впрочем, щипать себя за ноги Олег не стал. Вместо этого он нагнулся и подвинул на полу пластмассовый серый кейс. Это оказалась аптечка — большая, нестандартная. Гарин таких никогда не видел. Все пазы и гнезда в чемоданчике были заняты — похоже, Столяров просто не знал, чем колоть друга, и решил не рисковать. Правильно решил. Обезболить было уже поздно, а приводить в сознание — скорее всего

бесполезно.

Михаил неслышно вошел в кабинет и сел в кресло.

— Как можно было отсюда выпасть? — спросил он, покрутившись из стороны в сторону.

— Я... нагнулся, — нелепо пояснил Олег. — Я вот так вот наклонился вперед, и...

— Зачем?

— У меня адские головные боли, — пожаловался Гарин. — И здесь они усилились, хотя и стали пореже вроде. Не думал, что меня так прижмет... Знал бы заранее — никуда бы не поехал. Который час? — встрепнулся он.

— Ты день спал и ночь спал. Былинные герои в роду были?

Олег невольно рассмеялся, но вдруг помрачнел.

— Опять ты их напаялил?! — воскликнул он.

— Кто первый встал, того и тапки, — слышал, нет?

— Не надо понимать это так буквально.

— Отдам, отдам, — неискренне пообещал Столяров. — Пойдем, а то омлет сгорит.

— Ты где яйца-то нашел? — поинтересовался Олег, отлепляясь от дивана.

— Это яичный порошок.

— А колбасу?

— Ветчина в банке, — отмахнулся Михаил.

— Запасливый. Медикаменты с собой привез или тоже здесь раздобыл?

— Это аварийный набор на первое время. — Столяров закрыл серый кейс и аккуратно прислонил его к стене. — Надо будет рейд по аптекам сделать.

— Думаешь, там что-то еще осталось?

— Пока народ хапает антидепрессанты и все такое. Недавно видел чудака с коробкой виагры, — усмехнулся Михаил. — Пройдет еще немного времени, и Зона расставит приоритеты. Люди начнут охотиться за перевязочным материалом и антибиотиками. И даже активированный уголь будет цениться выше, чем какой-нибудь валиум или трамадол. Сейчас нужно не упустить момент и хорошенько затариться. А вот хлеба нет, — объявил он, пропуская Олега на кухню.

На плите, покрытой листом асбеста, сопел туристический примус вполне современного вида. Гарин уже ничему не удивлялся.

— Можно будет сделать блины, муки навалом, — добавил Столяров. — Хотя это, конечно, та еще морока.

— А с тобой можно жить, полковник! — сказал Олег, снимая сковороду.

— Я предпочел бы это услышать от хрупкой брюнетки с короткой стрижкой.

— Почему обязательно с короткой? — не понял Гарин.

— На длинную воды не натаскаешься.

— Поэтому и хрупкая? — предположил Олег. — Чтобы мылась поменьше?

— Чтобы поменьше ела, — отрезал Столяров. — Но к тебе это в данный момент не относится. Так что давай позавтракаем, пока не остыло, а потом дела наши обсудим.

После долгого пути и суток в отключке аппетит у Гарина проснулся волчий. Судя по всему, Михаил и сам давно не ел: омлета он приготовил столько, что хватило бы на пятерых. Друзья уселись на табуретки и принялись уплетать завтрак прямо из сковороды. Жареная ветчина, даром что консервированная, показалась Олегу очень даже неплохой. Орудия вилкой, он попутно оглядывал кухню — все пространство на полках, вдоль стен и под столом было заполнено съестными припасами. Коробки стояли так, что этикетки были на виду, а там, где они отсутствовали, Столяров сделал подписи маркером: «гречка», «шпроты», «чернослив». В отличие от Гарина Михаил четко представлял, с чем ему придется столкнуться в Москве. Что лес, что город — ему было все равно. Борьбу за выживание он начинал с первой минуты, это включалось в нем само, как что-то естественное. Это и было естественным для полковника Столярова.

Олег наелся до отвала и, еще дожевывая, разыскал в шкафу полпакета молотого кофе.

Испытывая наивную гордость за то, что и сам может чем-то угостить друга, он достал турку и машинально поднес ее к раковине. Кран даже не зашипел, вода в Москве пропала вместе с электричеством.

— Кстати, а куда ты ходишь... — нерешительно начал Гарин.

— В соседнюю квартиру, — охотно отозвался Михаил. — В двадцать седьмую.

— И где там...

— Сам найдешь, — заверил Столяров.

— Бедный Юрий Иванович... — покачал головой Олег.

— Там нет никого.

— Я не об этом. Человек всю жизнь коллекционировал книги, в основном, насколько я помню, европейскую интеллектуальную прозу, и вот...

— Лучше бы он собирал газеты, — высказался Столяров.

Гарин налил воды из большой пластиковой бутылки и поставил турку на примус.

— Объясни, что у тебя с головой, — неожиданно проговорил Михаил.

— Это после травмы. Мигрени. Достали уже, вымотали напрочь.

— А что за травма? — нахмурился собеседник.

— Да было дело... — Гарину не хотелось говорить, но если Столяров спрашивал, проще было рассказать сразу, чем полчаса отнекиваться, а потом все равно рассказать. — Попал в аварию. Не в тот день за руль сел.

— У тебя была машина? — удивился собеседник.

— Недолго, — усмехнулся Олег. — Месяца не проездил. Тачка в хлам, как сам уцелел — не представляю. Ничего не повредил, головой только приложился. С тех пор и побаливает. Ну как — побаливает... Иногда хоть волком вой. А вчера вообще... ну, ты в курсе. Такое со мной впервые случилось, раньше я сознание не терял.

— И что врачи говорят? — требовательно произнес Михаил.

— Сотрясения мозга не было. Вроде все в порядке. Да что они могут сказать-то, врачи эти...

— Ты к ним даже не обращался, — угадал Столяров.

— Меня после аварии осмотрели. Как положено.

— Это «скорая», что ли, тебя осмотрела? Для них все, что шевелится, считается не только живым, но и здоровым.

Гарин кисло промолчал. Спорить смысла не было, соглашаться — тем более. «Дружище, не учи меня жить», — как бы говорило его выражение лица, однако Михаил этого принципиально не замечал.

— Ну а что Марина? — продолжал он с нажимом.

— А что Марина... — недоуменно повторил Гарин. — Сидит с Бориской в Новосибирске. На месяц им денег хватит, а потом... — он замялся, — потом, если что, родня поможет.

— Я про твою головную боль, — уточнил Столяров. — А, ясно. Марине ты тоже ничего не рассказывал, — снова предположил он и снова попал в точку. — Не хотел волновать? Хорошо, это я допускаю. Но почему в больницу не съездил? Мог бы тихо, без шума, записаться на прием и пройти томографию. А ты все сидишь и ждешь, когда само болеть перестанет.

— Не перестанет. Возможно, тот удар во время аварии послужил поводом, толчком для чего-то... — Олег тихо вздохнул. — Для каких-то глубинных изменений в моем организме.

— Ты это серьезно?

— Я уверен.

— Так-так... — Михаил опустил голову, взъерошил жесткую щетку волос и снова посмотрел на друга — быстро, внимательно, с нескрываемым интересом. — Да... — обронил он наконец. — После Припяти это нормально. Тебя там звери, случайно, не кусали?

— Мне не до шуток. Если врачи найдут у меня что-нибудь такое... нечеловеческое... они неизбежно свяжут это с моими прошлыми сталкерскими историями. А на фоне того, что

происходит в Москве... ведь все только начинается, мы-то знаем, что будет хуже, правда? В общем, если я попаду в больницу, я из нее уже не выйду.

— И значит, напоследок, пока ты окончательно не превратился в мутанта, ты решил рвануть в Москву, чтобы обеспечить семье будущее, — заключил Столяров. — Героический ты человек, студент. И вовсе никакой не мутант.

— Ну конечно, тебе виднее, — с сарказмом ответил Олег. — Черт!..

Он бросился спасать убегающий кофе, но не успел. В попытке схватить турку Гарин опрокинул примус и чуть не устроил пожар.

Михаил, наблюдавший за товарищем, не пошевелил и пальцем, чтобы помочь.

— Иногда я думаю, что немного звериной ловкости тебе бы не повредило, — невозмутимо проговорил он.

— Пош-шел ты... — прошипел Олег. — Тут еще осталось, не все убежало. Давай чашку.

— Некогда. Вылей, и пойдем.

— Куда?

— Нам нужен бензин. Да не для примуса! — раздраженно сказал Михаил, угадав следующий вопрос. — Для тачки нужен. У меня литра два, далеко мы на этом не уедем.

— А зачем нам далеко? — осведомился Гарин. — Мы куда собрались-то? И вообще почему «мы»? Ты спросить меня ни о чем не забыл случайно?

— Уже спрашивал, — буркнул Столяров. — Довезу тебя до Кольцевой, прослежу, чтобы ты перебрался на ту сторону. Может, помощь какая потребуется. А то по пути снова в обморок грохнешься, чего доброго. У меня тоже совесть имеется, между прочим. И котлы не забудь, — предупредил он, вставая из-за стола. — Смотри только, чтоб тебя не надули. Камешки на корпусе — это реально бриллианты.

Гарин растерянно замер с облитой туркой в руках. Он ожидал совсем другого. Столяров, насколько Олег его знал, быстро от своих идей не отказывался. Впрочем, и не быстро — тоже. Если полковник принимал какое-то решение, то изменить его уже не представлялось возможным. Если он чего-то хотел от человека, тому было проще застрелиться, чем отказать. Гарин ни секунды не сомневался, что сегодня Михаил вновь попытается убедить его присоединиться к операции. Но полковник больше не пытался. Похоже, то, что он услышал о травме Гарина, внесло коррективы в его планы.

«Тем лучше», — решил Олег.

— Ну, ты идешь? — окликнул его Столяров из прихожей. — Надо управиться до заката, ночью я тебя не повезу.

Гарин выплеснул остатки кофе в раковину и молча последовал за Михаилом.

По лестнице спускались тихо, не дыша. На первом этаже Столяров приготовил пистолет и выглянул на улицу сквозь мутное вертикальное окошко рядом с парадной дверью. Что он надеялся узреть сквозь ребристое стекло, было неясно, но вякать под руку Гарин не стал.

Во дворе не было ни души. Тем не менее Столяров пригнулся и скользнул за бетонную клумбу с пучком бурьяна. Олег открыл дверь пошире, всего на пару сантиметров, но этого оказалось достаточно, чтобы металлические петли скрипнули на всю округу. Михаил раздосадованно цыкнул и перебежал к соседнему цветнику. Гарин занял освободившееся место.

— Когда успел сноровку-то растерять? — прошептал Столяров. — Вон тачка, видишь? — Он показал на старую синюю «вольво» около перевернутого мусорного контейнера.

— Ты едешь на этом рыдване? — не поверил Олег. — Специально, что ли, похуже машину выбирал?

— Почему это «похуже»? — сварливо произнес Михаил. — Девятьсот сороковой «вольвешник», голубая мечта детства!

— Твое детство давно прошло, а мечта потемнела от времени. Вот же нормальная

«ауди» стоит. И «лексус» рядом приличный.

— Ты этот «лексус» заведешь, умник? Только шума наделаешь. Бегом, я сказал!

— Хоть бы поближе свой тарантас припарковал... — буркнул Олег, собираясь перед броском на добрую сотню метров.

— Ага, и намекнул бы всем отморозкам района, в каком подъезде у меня база.

— Это не «база», это моя квартира! — процедил Гарин и, не дожидаясь ответа, сорвался с места.

Когда он пересек открытое пространство, Столяров тоже покинул укрытие и догнал его возле мусорки.

— Моя бабушка — и та быстрее бегала, — проворчал Михаил, открывая дверь машины. — Ну что ты встал?! В тачку, живо!

Олег торопливо уселся на переднее сиденье, попутно отмечая, что «Вольво-940» только кажется устаревшим автомобилем, но на самом деле это вовсе не автомобиль, а побитый жестяной ящик. Отделка салона давно выгорела на солнце и пропиталась пылью, как дачный диван. От нее и пахло соответственно — не то клопами, не то средством против клопов. Допотопная приборная панель из черной пластмассы треснула в нескольких местах — скорее всего не от ударов, а сама по себе, от времени.

— Эта машина похожа на гроб для несмешного клоуна, — заявил Олег.

— Значит, в ней тебя и похороним, — беззлобно огрызнулся Михаил и, тронув скрипучий руль, сдал назад от мусорного бака.

— Похоже, что подушек безопасности в том году еще не придумали, — продолжал нудить Гарин. — Или правильней говорить «в том веке»?

— Ну, тебе-то подушки не сильно помогли, — парировал спутник. — Может, еще мини-бар попросишь?

— Кстати, да. С напитками ты более разборчив.

— Так напитки, дурья башка, они же внутрь. А тачка — снаружи.

Столяров тихонько придавил педаль газа и направил машину к выезду из двора. Он как раз доехал до конца многоэтажки, когда из-за угла прямо навстречу вышла группа молодых людей. Было их не много, человек пять или шесть, но у каждого на плечах болталось по несколько пистолетов-пулеметов — не то «Бизонов», не то «Кипарисов», Гарин всегда путал эти полицейские модели. Олег рассеянно хлопнул себя по поясу, но ничего, кроме ремня, не нащупал.

Какое-то мгновение они оцепенело смотрели друг на друга — отряд молодняка на улице и двое хмурых мужиков в потрепанной «вольво». Автомобиль замер на месте, словно тоже удивился.

Гарин даже зачем-то их пересчитал. Бойцов оказалось семеро. На вид им было лет по восемнадцать, хотя в действительности наверняка меньше: экстремальные условия заставляют быстро взрослеть. Одеты они были кто во что горазд. Те, кто посообразительней, носили спортивные костюмы неярких расцветок, остальные облачились в идиотский гламур, снятый, похоже, прямо с манекенов в первой попавшейся витрине. На одном из парней были просторные брюки песчаного цвета и пронзительно синий клубный пиджак, под которым на фоне зеленой водолазки болталась толстая золотая цепь. Этот самый модный, вероятно и был в банде главным.

«Дешевый мутила», — решил Гарин.

Вожак склонил голову набок и недоуменно изогнул брови. Похоже, гопники давно считали этот двор своей территорией. А может, и целый микрорайон. И на Гарина со Столяровым они реагировали как юные тигры на пару облезлых котов. Вопрос был лишь в том, насколько они успели озвереть в этом мертвом городе.

Незнакомцы нестройно вскинули стволы, кое-кто поднял сразу два. Олег еще раз охлопал свой живот и почувствовал себя голым.

«Зона безоружных не щадит», — мелькнул в памяти истертый сталкерский афоризм, настолько же бесспорный, насколько и бесполезный.

— Пригнись! — сказал Столяров и, рванув руль, ударил по газам.

Машина с ревом устремилась влево, на стайку юных покорителей Зоны, и те от такого поворота вдруг растерялись. Выстрелил только один из них, но в этот момент «вольво» заскочил колесом на бордюр, и короткая очередь гвоздями застучала куда-то вниз — то ли по радиатору, то ли в бампер. Бойцы бросились в разные стороны. Михаил выкрутил руль в обратную сторону и помчал вдоль газона, держась левыми колесами на тротуаре. Прежде чем «вольво» достигла конца дома, незнакомцы успели выстрелить еще несколько раз, но не попали даже в заднее стекло, лишь задели багажник. Столяров снова повернул, и машина, визжа резиной, вылетела на магистраль.

Олег досчитал до десяти и поднял голову. Профсоюзная улица, и так довольно широкая, без транспорта казалась еще просторней. Кое-где стояли автомобили — не припаркованные, а явно брошенные, но общего впечатления это не меняло. «Вольво» будто бы ехал по взлетной полосе.

«А ведь здесь на самом деле самолет сядет, — отстраненно подумал Гарин. — При необходимости, конечно...»

Вслух же он сказал другое:

— А если бы задавил?

— А если бы застрелили? — в тон ему отозвался Столяров. — Это Зона, дорогой мой, и это совсем не то, что ты помнишь о Москве. Ты сам знаешь, куда вернулся.

— Знаю, — кивнул Олег. — Привыкнуть не могу... А что за самурайские повадки такие — лететь навстречу смерти? — спросил он после паузы.

— Старею, наверно, — вздохнул Михаил.

Они снова помолчали — каждый о своем. Столяров уверенно гнал к центру, Гарин просто рассматривал дома. Он даже не стал подсказывать, где ближайшая заправка: судя по всему, спутник либо уже ориентировался в районе, либо ехал в какое-то определенное место.

— И много здесь такой шантрапы шатается? — промолвил Гарин.

— Что, не понравились тебе новые соседи, да? — усмехнулся Михаил. — Хватает шантрапы, хватает... — задумчиво протянул он. — Но опасаться нужно не этих. В Зоне уже и посерьезней народ появился. А может, они всегда были тут... поди их разбери.

В нескольких кварталах впереди улицу пересек грузовик с крытым кузовом. Столяров сбросил скорость, но фургон был один, и он уже скрылся из виду. Похоже, одинокий «вольво» тех людей не интересовал.

— Что у тебя с оружием? — осведомился Михаил. — Понятно, — сказал он, не позволив Олегу ответить. — Явился в Москву пешком, без ствола, в одиночку... Ломоносовы в роду были?

— Это ты к чему спросил?

— Ладно, забей. Рыбного обоза у тебя тоже нет. Босяк ты, а не сталкер! — насмешливо подытожил Столяров. — Ты, кстати, часы не забыл?

— Какие?.. — опешил Гарин. — Ах ты, черт! Нет, я их не взял.

— Ну не раздолбай ли ты?! — воскликнул Михаил. — Теперь что, возвращаться прикажешь?

— Это вовсе не обязательно... — Олег потупился.

— Ага, будешь из кассовых аппаратов медяки выгребать, пока на сытую старость не наберешь. Эх, студент, студент! Уговорил, вернемся на базу. Но ты мне кое с чем поможешь, раз такое дело.

— На какую «базу»? Это квартира, ясно тебе?! Просто квартира, моя и Марины. Ну и Бориски, конечно.

— А также его детей, внуков и правнуков, — мрачно добавил Столяров. — Какая, на хрен, квартира, Олег? Опомнись, брат. Смотри, что в городе происходит. Нет здесь больше квартир. Крепости, укрытия, схроны... еще блатхаты, наверное. Что угодно, только не квартиры.

За следующим перекрестком показался торговый центр «Калужский». Здание,

облицованное разноцветными панелями, выглядело каким-то лишним, натужно-оптимистичным. Все остальное на площади было серым и тусклым, даже пара рекламных щитов. Ветер, солнце и дождь превратили некогда яркие картинки в подобие фронтовой хроники. Пегая блондинка на плакате сжимала в руках трубу пылесоса, как бы намекая, что это еще и шест для стриптиза, а ее бойфренд мужественно держал на ладони раскрытый ноутбук. «Дешевле только даром!» — банально и безыскусно врал полинявший слоган. У «Калужского» царило нездоровое оживление: несколько разных компаний что-то усердно таскали к машинам. Стычек не было, мародеры вели себя мирно, как животные у водопоя.

— Туда не полезем, — заранее предупредил Столяров. — Там, кроме батареек, ничего путного не осталось. Несколько ювелирных магазинов было, но их давно вычистили. Серебро и то унесли. Смешные люди.

— А что ты мне про эти ювелирные докладываешь? — фыркнул Гарин и вдруг поймал себя на мысли, что именно об этом ему и полагается думать: о хабаре и только о нем. Ведь за ним он сюда и приехал, но... как раз о хабаре ему думать почему-то не хотелось. Вот и часы, подаренные полковником, он забыл дома. Они действительно могли надолго обеспечить его семью, а он просто оставил их на столе, как пустую кружку... Гарин лишь теперь осознал, что вообще не представляет, чем он тут собирался заниматься — что и каким образом добывать, где хранить, как потом везти. По дороге из Новосибирска у него было достаточно времени, чтобы составить если не план, то хоть какую-то стратегию, но он откладывал это на потом, надеясь, что все решится само собой. Как ни странно, само ничего не решилось.

Кто-то из мародеров у торгового центра заметил на дороге «вольво» и остановился в безмолвном возмущении, с тяжелой коробкой в руках.

— Спокойно, парни, мы вам не конкуренты, — пробормотал Столяров, сворачивая вправо на узкую улочку.

Он проехал еще метров триста, снова повернул в какой-то уже вовсе глухой проулок и остановился в темном дворе между хрущевками, которые, скрываясь от трассы за высокими фасадами, благополучно пережили всех московских мэров с их утопическими новостроечными проектами. Дома по семь и по девять этажей тесно стояли вокруг запущенной детской площадки с обязательными качелями и дурацкой горкой. Горка до середины ушла в землю, а качели были покорежены так, будто кто-то пытался свернуть их в штопор.

Михаил, притираясь к стенам, объехал садик по краю и остановился возле спуска в подвальный этаж.

— Здесь есть бензин? — недоуменно спросил Гарин.

— Сардины, — сказал Столяров.

— Чего?..

— Хорошие испанские сардины с большим сроком хранения. Они мне пригодятся, — заверил полковник.

— Ты же в этом городе первый раз. — Олег поискал глазами вывеску у лестницы и едва различил прозрачную табличку с единственным словом «Кенс». — Откуда ты знаешь, где здесь сардины, а где что?

Столяров ткнул большим пальцем за спину. Гарин обернулся и увидел на заднем сиденье толстый рекламный справочник «Опт и Розница». Объяснение было настолько простым, что Олег не смог скрыть разочарования. Однако он невольно спросил себя: а сам-то он догадался бы искать мелкие продуктовые склады таким примитивным способом? Оставив этот вопрос без ответа, Гарин вылез из машины. Его взгляд вновь зацепился за качели: в них было что-то особенное, не похожее на последствия обычного дворового вандализма.

За неимением болта Олег поднял огрызок кирпича и зашвырнул его на детскую площадку. Камень упал на сухую тропинку возле песочницы и тут же исчез, словно ухнул в воду, только без брызг и без плеска.

— Похоже на «мокрый асфальт», — заметил Гарин. — Только не на асфальте.

— В тебе наконец-то просыпается сталкер, — с иронией произнес Михаил. — Аномалия, да. Какой-то комбинированный гравитационный эффект. Черт ее знает, что она творит с живыми организмами... как минимум превращает их в неживые. — Полковник поднял палец. — Чуешь? Птиц над этим двором нет. И в прошлый раз тоже не было ни единой. Ну, пойдем вниз, не надо здесь маячить.

Столяров спустился по короткой лестнице и остановился у входа. Гарин даже не стал интересоваться, что там у друга в руке — ключ или отмычка. Через несколько секунд металлическая дверь отворилась. Столяров кликнул маленьким фонариком и, подсветив чернильную тьму коридора, первым шагнул через порог.

— Проходи и закрой дверь, — распорядился он, не оборачиваясь.

Гарин вошел следом и осмотрел стены. У двери висел бытовой видеодомофон. Олег машинально потянулся к мертвому табло, затем к большой круглой кнопке возле стального наличника и лишь потом сообразил просто задвинуть засов. Без электричества все было вроде бы проще, но на самом деле сложнее: моторные рефлексы подавляли логику.

За коридором оказалось небольшое помещение без окон, чей-то скромный офис: два стола с телефонами и компьютерами, маленький сейф на тумбе и несколько стульев. В темной нише угадывалось продолжение коридора.

Михаил выволок из-под стола бухту светодиодной ленты и подключил ее к автомобильному аккумулятору на полу. Трубка загорелась красными огоньками. Чтобы освещение было равномерным, Столяров отделил от мотка несколько витков и развесил их по вбитым в стену гвоздям. Гипсокартон приятно заиграл розовыми оттенками, офис стал выглядеть празднично. Наклеенные глянцевые плакаты, в основном пищевой и рыбной тематики, отбрасывали неяркие блики.

— Здесь, стало быть, твоя резервная база, — попытался угадать Гарин.

— Под базу этот подвал не годится хотя бы потому, что тут нет второго выхода.

— Тогда что это?

— Я же сказал: склад. — Столяров пожал плечами. — Вон там лежат консервы, — он указал в тень сквозного прохода.

— На улице у лестницы написано «Кенс». Что это такое?

— Кенс? — Михаил отчего-то развеселился. — Кенс — это Гришина фамилия.

— А кто такой Гриша? — монотонно проговорил Гарин.

— Гриша Кенс — мой знакомый. Бывший подполковник СБУ, сейчас на пенсии. Вот бизнес у него, как видишь... был. Перед отъездом успел расторгнуть почти все, только сардины остались. Ну ничего, мы их сейчас заберем. Еще вопросы будут? — насмешливо произнес он.

— Только один, — спокойно отозвался Олег. — Какого хрена ты мне показывал тот справочник в машине, если эта конура принадлежит твоему другу и ты здесь совсем не случайно?

— Ответить откровенно?

— А иначе какой смысл?

— Еще минуту назад я не был уверен, стоит ли тебе все это говорить. — Михаил дружески подмигнул Олегу. — Я даже не знал, нужно ли тебя сюда везти. Но здесь и вправду куча консервов, я один устану их таскать. У тебя в доме лифт не работает, — напомнил Столяров.

— Какие-то сардины, какой-то подполковник-пенсионер... Что тут рассказывать? — возмутился Гарин. — Это государственная тайна?

— Любые детали моей операции являются особо секретными и запрещены к разглашению, — произнес Михаил нараспев, будто цитировал по памяти статью из устава. — Любые, — внятно повторил он. — Ты отказался мне помочь, это не преступление. Но в таком случае я сам решаю, что тебе сообщать, а что нет. И в каком объеме. И в какой момент. И-и... да, ты прав: ничего важного в этом подвале не хранится. Но даже сюда доступ посторонних нежелателен.

— Это я-то посторонний?! — взвился Гарин. — А кто тебя, собаку, по Припяти на горбу нес?! Кто тебя тащил, когда ты чуть без руки не остался?

— Я объяснил расклад еще вчера. — Столяров взглянул на свою правую кисть в черной перчатке и меланхолично покивал. — Участвуешь в операции — я открываю карты. Честно, без дураков. Не участвуешь — спасибо, до свидания. Добавить мне нечего.

— Ну и загибайся тут, — процедил Олег. — Герой нашелся... Пенсия-то скоро, полковник? Уволишься — тоже консервами приторговывать станешь? Что ты тут забыл вообще? Ради чего подставляешься? Что ты вынес из первых двух командировок в Зону? Лично я — ничего, кроме геморроя. А сейчас мне уж точно не до рискованных прогулок, мне нужно вернуться живым, меня семья ждет.

— Я ведь тебя больше не уговариваю, — холодно произнес Столяров. — Ты отказался. Я это понял. Займись тут чем-нибудь, я ненадолго.

Он включил фонарик и скрылся в противоположном коридоре, ведущем в глубь здания.

— «Займи-ись!» — передразнил Гарин, раздраженно оглядывая офис.

Он нервно прошагал от плаката с усатой креветкой до плаката с улыбочивой сельдью, затем обратно. Глаза давно привыкли к неяркому свечению развешенной на стене ленты, и Гарин убедился, что любоваться в комнате абсолютно нечем. Вот разве что...

Его взгляд невольно остановился на сейфе. Олег подошел и с какой-то детской лихостью врезал ногой по дверце, но ящик даже не шелохнулся. Тумбочка-подставка только выглядела хлипкой, на самом деле она тоже была стальной и, кроме того, крепко привинченной к полу.

— А в сейфе у твоего коллеги что хранилось? — крикнул Олег через проход. — Черная бухгалтерия или компромат на грузчиков?

— Порно с секретаршей, — огрызнулся Михаил. — Возьми да открой, если любопытствуешь. Гриша не обидится, все ценное он давно отсюда вывез.

— Так ведь заперто, — озадаченно поделился Гарин. — Нужен код.

— Попробуй что-нибудь примитивное, вроде «один, два, три, четыре, пять». Почувствуй себя десятилетним хакером!

— Пятнадцатилетним... — пробормотал Гарин.

— Что? Я не слышу!

— Наш хакер подрост, — сказал Олег еще тише.

Он вдруг четко, до малейших деталей вспомнил свою первую вылазку в Припять — нежаркое лето, тяжелый путь, постоянные перестрелки в покинутом городе и старую базу военных. В тот раз все было точно так же: Столяров, тогда еще майор, доставал из тайника рацию, а Олег ковырялся с брошенным, но почему-то запертым сейфом. И эта фраза про десятилетнего хакера... сейчас Михаил повторил ее слово в слово — Гарин был в этом уверен.

У Олега возникло дежа-вю — настолько сильное, что он усомнился в реальности происходящего.

«Сейчас выйдем на улицу и окажемся в Припяти», — мелькнула невыносимая мысль.

Не размышляя, он последовательно зафиксировал курсор на круглой ручке в положениях «1», «2», «3», «4» и «5». Дверца не поддавалась. Все верно: с первого раза тот сейф в Припяти тоже не открылся, и тогда он набрал код в обратном порядке — опять же, кстати, по совету Столярова. Чувствуя, что выглядит идиотом, Олег повторил свой давний опыт: «5-4-3-2-1». Его захлестнула смесь тревоги, любопытства и потаенной уверенности, что все это, как и в прошлый раз, кем-то разыграно.

Еще до того, как колесико клацнуло на последней цифре, Гарин уже знал, что комбинация подошла. Он легонько потянул дверцу, и...

В сейфе лежала здоровенная пачка неаккуратно сложенных банкнот, туго перетянутых канцелярской резинкой.

— Это что, блин, за спектакль?! — заорал Гарин.

Он схватил деньги и, сшибая на пути стулья, ворвался во вторую комнату.

Соседнее помещение действительно было маленьким складом, и вдоль стены там стоял штабель из картонных коробок, но полковника они как будто не интересовали. В дальнем углу громоздилась стопка деревянных поддонов, и Михаил методично перекладывал их с места на место. Он был полностью увлечен этим бессмысленным занятием и на возмущенные крики товарища не обращал никакого внимания.

— Эй... — нерешительно позвал Олег. — Ты что делаешь? Брось их!

— Хватит шуметь, — умиротворенно произнес Михаил. — Лучше поднеси сюда ленту, насколько сможешь, а то ничего не видно.

Гарин бестолково потрепал в руках купюры и пошел за освещением. Когда он подволок аккумулятор к коридору, Столяров как раз откинул в сторону последний поддон, под которым возник люк. Присмотревшись получше, что Олег понял, что это всего лишь прямоугольная ниша, вырубленная в бетонном полу. Не очень глубокая. Как раз такая, чтобы вместить пару АКСУ и цинк с патронами.

— Богато живете, — обронил Гарин. — Значит, и тут брехня? Никакой это не офис, а эсбэушный схрон под лососевой крышей.

— Не поверишь, но это и впрямь Гришино добро, — отдуваясь, сказал Столяров. — Он человек хозяйственный и дальновидный.

Олег посмотрел на деньги, которые он так и не выпустил из рук, и помахал пачкой в воздухе.

— Ну а с сейфом что за комедия?

— Просто пошутил. — Столяров невинно улыбнулся. — Хотел освежить тебе память. «Ты помнишь, как все начиналось...» — романтически напел он, но получилось тоскливо.

— Я чуть не рехнулся, пока не сообразил, что это прикол.

— Соображать нужно быстрее. В Зоне по-другому нельзя, напарник.

— Слушай, никакой я тебе не... — привычно начал Олег, но умолк на полуслове и, глубоко вздохнув, закончил: — Такие напарники, как я, тебе не нужны. — Гарин постучал себя пальцем в висок.

— Именно такие мне и требуются, — ответил Столяров без тени усмешки. — А точнее, ты, Олег. Со всеми своими... — он повторил жест товарища, — особенностями. Кстати, эти деньги тоже могут быть твоими, — небрежно добавил Михаил. — Для того они тут и лежали.

Гарин, уловив новую интонацию в голосе собеседника, подозрительно прищурился:

— Опять пси-оружие? Ведь речь об этом, да? Дело не в том, что ты мне доверяешь, и не в том, что я знаю Москву... между прочим, знаю я ее довольно паршиво... Причина в другом: у вас, кроме меня, нет людей, так плотно работавших с пси-полями. По вашей же милости я стал... гм... крупным специалистом, — Олег попытался вложить в эту фразу максимум сарказма. — А теперь выходит, что у меня уже и выбора не осталось?

— У тебя его никогда и не было. Начиная с самого первого раза, когда артефакт «венец» сработал на твоей башке. Это произошло не случайно, «венец» опознал тебя как человека, обладающего выдающимися пси-способностями. И он пометил тебя на всю жизнь, разве не так? То, что случилось с тобой потом, было логическим развитием твоего потенциала. И сейчас, когда ты на пике формы, мне без тебя не обойтись. Я просто не справлюсь.

Такие признания из уст Михаила звучали не часто, и Гарин не мог не оценить откровенности. Но он также не мог согласиться на участие в операции, о которой он не имел ни малейшего представления. Впрочем, догадки у него возникли сразу, как только он увидел Столярова в своей квартире.

— Что вы обнаружили в Москве? — промолвил Олег. — Это какая-то незначительная деталь, которую не заметили на фоне всеобщего хаоса, — принялся он рассуждать вслух, — но в то же время это достаточно серьезный фактор, чтобы сюда прислали тебя. Нелегально. С неограниченным финансированием операции.

— Финансирования нет, — возразил полковник Михаил. — И часы, и деньги — на

самом деле мой хабар. Он будет твоим. Все, что мы найдем, достанется тебе, обещаю. Денег и золота в Москве еще полно. Забирай столько, сколько сможешь.

— Я до сих пор не услышал ответа ни на один свой вопрос.

Столяров помедлил, решая, что сказать.

— Ты дверь хорошо закрыл? — спросил он.

Простой кивок Михаила не удовлетворил, и он не поленился сходить, чтобы проверить засов лично. На склад он вернулся с двумя стульями и поставил их друг против друга в узком пространстве между коробками и разбросанными поддонами.

— Садись, Олег, — сказал полковник. — Садись и слушай.

Глава пятая

— Голливудские барбосы любят обсасывать тему бардака в нашей Службе Безопасности. Врут они все. Бардак у нас где угодно, только не в СБУ, ты уж мне поверь. Это в кино у них любой мудила может разобрать кирпичную кладку в метротоннеле и тут же оказаться в секретном бункере, — фыркнул Столяров. — На самом деле секретные бункеры строят как раз так, чтобы затруднить несанкционированный доступ, а не облегчить. Хотя какому-нибудь герою шпионского фильма это может показаться неправильным.

Гарин осторожно вздохнул.

— Мне действительно интересно, но, по-моему, ты начал слишком издалека, — сказал он.

— Ты куда-то спешишь? Ладно, перехожу к делу: в прошлом месяце кто-то ограбил наш архив.

— Архив СБУ? — уточнил Олег.

— Ну... пока я работаю в Службе Безопасности, а не на ткацкой фабрике, «наш архив» следует понимать именно так. Архив СБУ, он самый.

Гарин отметил, что Михаил стал непривычно многословен. Полковник явно волновался.

— Пропажу документов заметили не сразу, — продолжал Столяров, — а только после пожара.

— Мне кажется, Голливуд вас недооценивает, — вставил Олег.

— Вот только не надо, не надо этого! — скривился Михаил. — У нас порядок. Что касается пожара, то это был поджог с целью замаскировать пропажу документов. Сомнений нет, потому что потушили очень быстро. Хотя... кое-что успело сгореть. Содержимое нескольких секций. Частично или полностью — определить невозможно.

— Постой, — снова вмешался Гарин. — Как это «невозможно определить»?!

— Непонятно, что сгорело, а что украли.

— А если вообще ничего не крали? Если это был обычный пожар?

— Поджог, — уверенно заявил Столяров. — В экспертную комиссию не дураков назначили. Предатель вынес некоторое количество документов — столько, сколько можно спрятать на теле, а затем инсценировал самовозгорание проводки. Это ясно, как божий день.

— Не слишком ли все это рискованно?

— Другого пути у него не было. В тех же фильмах про шпионов...

— Да что ты к этим фильмам привязался? — перебил Олег.

— Ну раздражают они меня, понимаешь? Иногда просто бесят. Гениальный хакер, чаще — сопляк с банкой пива, целый день рубится в какой-нибудь шутер, а потом выкраивает пару минут, чтобы походя взломать сервер Пентагона. Я не знаю, что там у Пентагона хранится, но в СБУ секретные документы в сеть выкладывать не принято. Даже в локальную. Поэтому такой способ кражи данных исключен по определению. Взять можно или бумажный документ, или копию на диске, которая хранится в дублирующем архиве. Что мы имеем в итоге?

— Что? — поддакнул Олег.

— У нас «крот», — печально улыбнулся Михаил. — Как я уже говорил...

— Да-да, разбирать стену в метро без толку. — Гарин замахал рукой, опасаясь, что его друг намерен вернуться к обсуждению фильмов. — Попасть в архив мог только ваш сотрудник, и, насколько я понимаю, вы до сих пор его не поймали.

— У нас нет никаких зацепок. После пожара никто не исчез и не уволился, все остались на своих местах.

— И это вдвойне беспокоит твое начальство, — легко угадал Олег. — А сколько человек имели доступ к архивам? Можно же, в конце концов, проверить каждого?

— Нельзя. Накрыть колпаком одного или двух — это еще куда ни шло. Но взять в глубокую разработку сразу сотню офицеров просто нереально. Во-первых, это убийственный объем работы, а во-вторых...

— Поскольку ваш «крот» пока находится вне подозрений, ему тоже достанется какой-то объект из своих, и он поймет, что проверяют всех.

— И тогда эта проверка потеряет смысл, — подтвердил Столяров.

— А что конкретно украли-то?

— Слава богу, там без политики. Пропали только внутренние отчеты... э-э... технического характера. В том числе и мой, касающийся первой командировки в Припять.

— А какие еще? — осведомился Гарин.

— В том числе мой, — четко повторил Михаил. — Этого знания тебе достаточно. Естественно, работа идет по всем направлениям, которые попали под удар. Но остальные к тебе не относятся, и, скажу прямо, ты должен быть этому рад.

— Я, конечно, рад... — неуверенно произнес Олег. — Но мне совершенно непонятно, при чем тут ты, при чем тут я... и вообще Москва. Отчеты ведь были о Припяти?

— Отчеты о Припяти, а новая Зона образовалась в Москве.

— Ну и что?

— Не знаю, будет ли это для тебя откровением... но с теми, кто эвакуировался из Москвы, СБУ работало довольно плотно. Особый интерес представляли люди, покидавшие новую Зону с последней волной эвакуации, когда аномальная активность быстро усиливалась. Наши спецы выяснили, что ситуация в Москве имеет сходство с обстановкой в Чернобыльской зоне отчуждения. Но я сейчас не об этом. Были отмечены случаи психозов. Признаки разные, не всегда четкие, не всегда совпадающие... но они определенно есть, и это не единичные эпизоды. В Москве кто-то экспериментирует с пси-полями. Такие, брат, дела.

— Это могло быть воздействие аномалий, например. Они здесь абсолютно не изучены.

— Есть и еще кое-что. После происшествия в архиве мы напрягли наших провайдеров, особенно киевских. Если бы «крот» попытался передать данные из другого города, он бы сам себя выдал. Достаточно было бы определить, кто из офицеров куда и в какой день уезжал. Но предатель снова показал, что он не дурак. Передача данных была засечена из Киева, из интернет-кафе в центре.

— Вы сканировали весь трафик? — ужаснулся Гарин.

— Как говорится в одной рекламе, мы можем себе это позволить. В общем, кто-то залогинился на «Яху», создал черновик письма и приаттачил к нему зашифрованный архив. А как мы выяснили позже, спустя полчаса кто-то зашел в тот же аккаунт из интернет-кафе в Московской области и удалил черновик. Файл из прицепа он, естественно, скачал.

— Гм... формально данные не были отправлены.

— Дело-то не в формальностях. Архив передали из Киева в Москву. Нашлись свидетели, но, судя по описаниям, отправитель был в таком гриме, что искать его — только людей смешить. Бейсболка, красный нос и борода лопатой чуть ли не до пояса.

— Такого на улице трудно не заметить...

— Очень яркая внешность, — согласился Михаил. — Но, кроме бороды, никто ничего не запомнил. Хорошая, с-сука, работа.

— Ну... — нетерпеливо вякнул Олег. — А что в письме-то было?

— Да хрен его знает, — отмахнулся Столяров. — Ни толком перехватить, ни толком расшифровать... ничего не могут, обормоты очкастые.

— Вот те раз! Может, там и не было ничего секретного? Открытка новогодняя.

— Зашифрованная, — скорбно кивнул полковник. — От бомжующего Деда Мороза — детишкам Московской Зоны. — Он склонился и упер локти в колени. — Тот аккаунт на «Яху» завели несколько месяцев назад, но ни разу им не пользовались. И вдруг вскоре после кражи документов в почту логинится какой-то странный тип с фальшивой бородой. А буквально через несколько минут кто-то заходит туда же из другого города. «Информацию слил — информацию принял». И снова бросают аккаунт — теперь уж, ясное дело, навсегда.

Столяров помолчал, затем встал со стула и с хрустом распрямил спину. Снова сел.

— Ну что, складывается картина? — спросил он наконец.

— Пока складывается только впечатление о твоей уверенности.

— Моя уверенность... — раздраженно произнес Михаил. — Ты помнишь случаи, чтобы я ошибался?

— Вообще не думал об этом.

— А ты подумай, подумай. А лучше о другом: в Москве обнаружена непонятная пси-активность. В Киеве пропадает мой отчет о пси-артефакте. Кто-то передает некие данные из Киева в Москву. Простой пазл из трех элементов, не собрать его — невозможно. Здесь негде ошибиться.

— Н-да... — с сомнением выдавил Олег. — Все вроде бы так. А вроде и нет. Представь, что твой отчет просто сгорел. В интернет-кафе заходил обычный фрикер, просидевший два года в «Варкрафте», оттого и небритый. А пси-активности в Москве вообще не было, это беженцам померещилось на нервной почве, а ваши спецы приняли желаемое за действительное.

— Вот мы с тобой и выясним, — спокойно сказал Столяров. — Отсутствие пси-активности обрадует меня гораздо сильнее, чем ее наличие, — заверил он. — А поможет нам в этом... — Михаил опять поднялся, расстегнул куртку и достал из-под черной футболки какой-то сверток.

— Нет... — растерянно обронил Гарин.

— Да. Держи. — Столяров развернул плотную ткань и протянул ему «венец».

Олег дрожащими руками принял артефакт. Предмет, напоминающий сросшийся в кольцо узловатый корень, был прохладным на ощупь, хотя и провел на животе у полковника не один час. В скупом свете от ленты он выглядел иссиня-черным, по краю бегали блики, словно подмигивая Гарину и дьявольски его искушая.

— Ну, привет, старый знакомый, — прошептал Олег. — Сколько же крови ты моей выпил, гаденыш...

— Что ты там бурчишь? — осклабился Михаил. — Молишься на него, что ли?

— Как же тебе его доверили? — спросил Гарин, неотрывно глядя на артефакт.

— Я ведь тоже под подозрением... — начал Михаил.

— То есть, «венец» тебе не давали? Ты забрал его сам? Но-о... теперь получается...

— Именно так и получается: в данный момент предателем считают меня, — тяжело произнес полковник.

— Поэтому и операция нелегальная, — запоздало сообразил Олег. — Ты теперь сам нелегальный. Весь, с головы до пят.

— Ну, ты его наденешь или так и будешь любоваться?

— Ты его украл ради меня?

— Для кого же еще? — возмущенно воскликнул Столяров. — Напяливай и посмотри, что тут к чему.

— Вот так просто, «напяливай и посмотри»... Ты понимаешь, чем это может закончиться?

— Ты делал это много раз. Давай, Олег! Я слишком долго тебя ждал. И уговорить тебя оказалось труднее, чем я думал. Все равно ты его наденешь. Это же твой наркотик. Скажешь,

нет?

Гарин сглотнул, устроился на стуле поудобней и, прикрыв глаза, медленно надвинул прохладное кольцо на лоб.

«Привет, привет, гаденыш, — мысленно повторил он, но артефакт на это никак не отозвался. — Или ты не действуешь? Эй... Да, ты точно не действуешь. Похоже, Миша привез в Москву подделку».

Это было последним, что Олег успел подумать, прежде чем его тело выгнулось в дугу и, опрокинув стул, завалилось на пол.

Глава шестая

Когда светофор подмигнул желтым глазом, Олег не стал демонстрировать крутость, а послушно затормозил. Он успел бы до красного, без всяких сомнений, но зачем? Он никуда не опаздывал, Ленинский проспект в это время суток был непривычно пустынным, а если ехать первым в автомобильном потоке, то вообще возникает ощущение, что ты здесь один и вся подсвеченная новогодними гирляндами Москва принадлежит только тебе.

Гарину нравилось, что в салоне машины тепло в одном свитере, хотя внешний термометр показывает минус десять. Нравилось, как его «Лагуна» слушается руля. И как она разгоняется до ста километров в час за двенадцать секунд. То есть сам он еще ни разу этого не проверял — вообще старался не гонять быстрее восьмидесяти даже там, где это разрешено, и не планировал, по крайней мере пока не уберет букву «У» с заднего стекла, — но сама возможность доставляла удовольствие. А утробное рычание мотора, в котором слышалось что-то женское и одновременно кошачье, словно подтверждало: не сомневайся, в случае чего — разгонюсь.

— Черт! Кайфоломщик! — проворчал Олег.

Он едва удержался от того, чтобы просигналить мужику на темно-бордовой «ауди», который вырулил непонятно откуда и занял место прямо перед ним. Стекла машины были затонированы наглухо, так что оставалась теоретическая возможность, что за рулем — женщина, однако Гарин был уверен, что водитель — мужик. Наглый, хамоватый, которому тем не менее совершенно нечего предъявить. Не обвинять же его в нарушении идиллии. Хотя без него, конечно, было гораздо лучше.

Олегу сразу не понравилась машина. И тем, как она по-хозяйски перекрыла сразу два ряда, и тонировкой, и заляпанными номерами, на которых с уверенностью читалась только первая буква, «Х». «Хам, — подумал Гарин. — Наверняка там дальше — ХАМ. Где ж ты так жопу-то измазал?»

Грязные номера в морозном и чистом городе смотрелись настолько неестественно, что это настораживало. Светофор по-прежнему горел красным, поэтому Олег обернулся. Он никак не мог избавиться от этой привычки — оборачиваться, вместо того, чтобы посмотреть в зеркало, — но на этот раз привычка сыграла ему на руку.

— Ах ты, черт!

Теперь Гарин специально заглянул и в боковое зеркало, и в зеркало заднего вида. Везде было чисто, ни огонька, ни движения. Снова обернулся — и вот он, голубчик лупоглазый! Стоит чуть справа и метрах в десяти позади, строго в мертвой зоне, которая не просматривается в зеркалах. Черный «Мерседес». Не бросается в глаза, потому что черный, потому что темно на улице и потому что фары выключены, горят только габариты. За лобовым стеклом угадывались силуэты водителя и пассажира рядом с ним, значит, в салоне как минимум двое.

— Что ж делать-то? — пробормотал Олег и сглотнул, почувствовав медный привкус во рту.

Звонить? Но кому? Да и пока что вроде нет повода, только подозрения. А разговор по мобильнику — только на руку этим уродам. Рассеивает внимание, отвлекает от происходящего на дороге.

— Что делать? — беспомощно повторил он, глядя, как красный сигнал светофора сменяется зеленым.

Только стронувшись с места, Гарин понял, что правильней было бы не делать ничего. Хотя кто его знает, как отреагировали бы на это люди в черном «мерседесе». Возможно, у них продуманы ответные реакции на любые действия «жертвы». Но сейчас Олегу казалось, что вариант остаться на месте, включить аварийку и сделать вид, будто куда-то звонишь, был единственно верным. Жаль, момент уже упущен, но на следующем красном светофоре можно будет повторить попытку. Вот только до следующего светофора еще нужно доехать.

Хам на «ауди», который минуту назад будто бы куда-то спешил, не газанул с места, а плавно увеличил скорость до шестидесяти, по-прежнему держась строго посередине между двумя рядами. Олег решил остаться в левой полосе. Перестроиться или замедлить скорость мешал «мерседес», который следовал за «Лагуной», как будто привязанный невидимым пятиметровым тросом. Гарин для пробы включил поворотник, но не сместился вправо, а только обозначил намерение. «Мерседес» немедленно выдвинулся вперед и подобрался, как хищник перед прыжком. Впрочем, почему «как»? Они и были хищниками, притаившимися за тонированными стеклами. Раньше Олег только читал о них на форумах автолюбителей, а сегодня, похоже, впервые столкнется вживую. Или не столкнется, если очень повезет.

Форумы давали много советов о том, как вести себя водителю, ставшему жертвой автоподставы, но, как правило, эти советы относились к периоду после аварии и не отвечали на вопрос, как же ее избежать. Не ездить на иномарках среднего класса? Не ездить в одиночку? Спасибо, но совет несколько запоздал. Жаль, что он не взял с собой Марину, которая, кстати, просилась. Хотя что значит жаль? Слава Богу, что не взял. Не хватало еще переживать сейчас за нее или, хуже того, за Бориску.

Сообразив, что подкрасться незаметно не получилось, водитель «мерседеса» включил фары, но загорелась только правая. Видимо, левая была заранее разбита. А передний бампер, надо думать, заблаговременно расцарапан и ослаблен. Вот будет забавно, если «мерс» в итоге столкнется с «Лагуной», но не той стороной, которой планировалось. Хотя навряд ли это будет забавно. Наверняка тертые в подобных разборках «разводилы» сумеют свалить на «жертву» все шишки, включая помятую выхлопную трубу.

Что тогда? Главное правило, которое Олег помнил четко, не покидать место ДТП. По возможности не выходить из машины. Не общаться с «потерпевшими». И не разговаривать по их телефону — ни с подставным гайшником, ни с подставным сотрудником автосервиса. Звонить в ГИБДД только самому. А по какому, кстати, номеру? 02 или 002? Или универсальному в чрезвычайных ситуациях 112? В конце концов Гарин решил позвонить страховщикам, благо номер компании был записан в его мобильном. Не зря же им деньги плачены, пусть разбираются. Хотя никакого повода для звонка пока не было. Только весьма нехорошие предчувствия.

Следующий светофор «кортеж» проскочил на зеленый. Возможно, водитель «ауди» специально рассчитал скорость, чтобы так получилось. Уйти влево Олегу не позволял разделитель. Уйти вправо означало подставить бок под бампер «мерседеса», который как пить дать в это время суток окажется таким дорогим, что никакой страховки не хватит.

— Надо записать их номера, — вспомнил Гарин.

Однако номер «ауди» от быстрой езды не стал читабельнее. Первое «Х» — и можно только догадываться, что там дальше. Что касается «мерседеса»... Пытаясь разглядеть номера в зеркале заднего вида, Олег чуть не проморгал момент, когда водитель «ауди» включил аварийные сигналы. Его скорость и направление движения при этом не изменились, но Гарину огромного труда стоило совладать с рефлексом и не ударить по тормозам. Скорее всего на это и был расчет. Резкое торможение, удар в зад и «Э, братан, да ты в курсе, сколько стоит эта фара!». Это в теории виноват всегда тот, кто сзади. На практике правым оказывается тот, кто быстрее наберет номер знакомого майора или подполковника.

— Что ж вы ко мне прицепились-то, а? — взмолился Гарин. — Больше, что ли, не к кому было?

И сам понял, что не к кому. Похоже, для этой парочки он был «последним клиентом». Где во втором часу ночи они найдут еще одного тридцатилетнего лоха, который едет один на новой иномарке с буквой «У» на заднем стекле? Получается, что нигде.

Дорога что впереди, что сзади, была, как назло, совершенно пустой. Хотя какое-нибудь постороннее движение могло бы помешать маневрам «подставлял», но редкие машины проносились только по ту сторону разделителя. Толку от них не было никакого. Случись что — даже свидетеля не найти.

Метров через сто парочка сменила тактику. «Ауди» больше не пыталась симулировать резкое торможение, зато «мерседес» внезапно куда-то заспешил. Перестроился в левый ряд и три раза нетерпеливо просигналил, так что Гарин поежился и прошипел, глядя в зеркало заднего вида:

— Чё гудишь, а? Полосу тебе уступить? А ты мне что? Битой фарой в задницу?

Хотя это, наверное, было бы чересчур прямолинейно. Он плохо представлял, что задумали бандиты. Пытаясь уследить одновременно за обеими машинами, Олег жалел, что у него всего одна пара глаз. Допустим, он попытается перестроиться, что тогда? «Ауди» затормозит, на этот раз по-настоящему? Или «мерседес» пойдет на таран? Хотя что мешает ему сделать это прямо сейчас? С раздолбанным бампером или не с раздолбанным, но немецких лошадок у него под капотом достаточное количество, чтобы поиграть в догонялки. А может... Может, у «подставлял» не две машины, а три?

Гарин покосился в боковое зеркало. Действительно, какая-то машина ехала в правом ряду, но, пожалуй, слишком далеко и слишком открыто, со включенным дальним светом, чтобы с ходу причислить ее к банде «автокидал». Хотя кто тут разберет, где бандит, а где обычный водила.

Когда «мерседес» просигналил в четвертый раз, Олег тоже врезал кулаком в середину руля. «Лагуна» выдала несколько гудков, напоминающих тьяканье пуделя. Гарин выматерился:

— Какого ты тут разгуделся? Мигалка есть у тебя? Нет? Тогда заткнись и езжай строем, как все! Ур-род!

Вовремя выпущенный пар немного прочистил мозги. Олег неожиданно сообразил, как надо вести себя с обнаглевшими вконец «подставлялами». Так же, как они, — по-хамски, не стесняясь, привлекая внимание. Как можно больше внимания. Тогда, глядишь, и на пустынном проспекте найдутся свидетели странного инцидента. Гарин включил левый поворотник, потом правый, снова левый и снова правый, честно предупредив: «начинаю вести себя неадекватно», и решительно придавил кнопку звукового сигнала. И пусть электрический пудель хоть охрипнет от тьяканья!

— Пошли вон! — произнес Олег и с удовлетворением отметил, как ползущий вдоль тротуара мусоровоз моргнул фарами.

«Мусорка» — это хорошо. Ездит каждый день по одному маршруту, в случае чего найти шофера не составит труда. Главное, чтобы он запомнил шумную процессию.

— А-а, ссыте, когда страшно! — Гарин чуть не подпрыгнул от возбуждения, когда «ауди» не спеша, точно нехотя, начала смещаться вправо. — Давай, давай, катись отсюда!

Уступив ряд, бордовая машина включила стоп-сигналы.

— Вот это правильно, — одобрил Олег. — Счастливо оставаться!

Светофор впереди горел желтым, но Гарина это не беспокоило. Дорога была свободна, и «Лагуна» неслась по ней, словно птица. Только тьякала при этом, как собака. Олег улыбнулся и наконец убрал правую руку с руля. Он показал «ауди» кулак с отогнутым средним пальцем, надеясь, что по ту сторону тонированных стекол заметят его жест. Стрелка спидометра подрагивала в районе сотни. Личный рекорд, можно сказать.

— Не ваш сегодня день, пацаны!

Гарин все еще улыбался, когда справа послышался отчаянный визг тормозов, затем грохот удара и скрежет сминаемого металла. Когда соседнее пассажирское сиденье толкнуло Олега в плечо, он ударился виском о верхнюю часть дверцы. Следующие пять или шесть

секунд — впрочем, ощущение времени в такие моменты часто дает сбой, — Гарин провел в невесомости. За это время «Лагуна», ни разу не коснувшись колесами земли, успела совершить два полных оборота вокруг своей оси в горизонтальной плоскости. Олег хотел бы сказать, что успел в эти короткие мгновения вспомнить всю свою жизнь. Или подумать о жене и ребенке. Хотя бы прошептать «Господи, прости!». Однако его единственной мыслью было: «Какого хрена я поперся на эту ночную распродажу!» Потом улетучилась и она — когда машина, налетев на столб, «обняла» его передним бампером.

Осколки стекла застучали по асфальту и по крышке капота. Ремень безопасности в двух местах стянул грудную клетку, выдавливая воздух из легких. Инстинктивно Гарин выставил перед собой руки, изо всех сил вцепившись в баранку, и все равно, когда инерция толкнула его вперед, уткнулся лбом точно в центр рулевой колонки. Электрический пудель тьякнул в последний раз. В следующее мгновение голову Олега резко отбросило назад. Окружающий мир медленно заволокло розовой пеленой. Машина больше не летела и не кружилась, она стояла на месте. Гарин сидел в ней, прижавшись щекой к пахнувшей тальком подушке безопасности, и, кажется, был жив. Возможно, даже не ранен. Он только не мог вдохнуть.

Подушка не давала ему повернуть голову, поэтому Олег смотрел в окно. Сквозь розоватую муть он видел, как по диагонали через пустой перекресток бежит маленький человечек в оранжевом жилете. Кажется, это был водитель мусоровоза, которого Гарин обогнал всего пару минут назад. Поразительно, как может измениться мир за какую-то пару минут. Человечек озибался на бегу и взмахивал руками, будто крыльями, должно быть, пытаясь привлечь внимание других водителей. Но улицы большого города в это время суток были практически пусты.

«Надо сделать вдох, — подумал Олег. — Даже если ребра сломаны, надо сделать вдох». Он даже открыл рот, но вздохнуть так и не смог.

«Скорая» приехала удивительно быстро. А может, и неудивительно, учитывая отсутствие пробок. Добровольные помощники еще возились с заклинившей водительской дверью разбитой «Лагуны» — кажется, к водителю мусоровоза присоединились два мужика из той самой фуры, которую Гарин, увлеченный гонкой с «подставлялами», умудрялся не замечать вплоть до самого последнего момента, — когда рядом остановилась белая «газель» с красным крестом и зеркально отраженной надписью «РЕАНИМАЦИЯ» на капоте. «„Скорая“ сегодня действительно скорая», — отметил Гарин, которому корпус «газели» казался темно-розовым, а крест — почти черным. Реанимобиль подъехал без sireны и с выключенной мигалкой, что тоже было логично: ночь, дороги свободны, распугивать спецсигналами некого. Мужчина в белом халате появился на месте аварии как раз в тот момент, когда «группе спасения» удалось наконец выломать заклинившую дверь, и немедленно взял инициативу в свои руки.

— Так! Отставить тащить пострадавшего! — прикрикнул он на мужичка в оранжевом жилете, который тронул было Гарина за плечо, но, услышав властный голос, остановился в нерешительности и спросил:

— А?

— Я сказал — отставить, — повторил врач. — Вдруг у него позвоночник сломан, а ты тянешь. Ну-ка в сторону.

Водитель мусоровоза послушно отступил в тень.

— Ну как ты, гонщик? Жив?

Олег почувствовал, как чужие пальцы коснулись сначала его шеи, потом оттянули вниз веко. Он практически не видел лица врача, только седоватый ежик волос над размытым розовым пятном. Значит, мужчина был в годах.

— Ну-ка, скажи что-нибудь, — потребовал врач. — Да ты вообще там дышишь?

Что-то сверкнуло в свете уличного фонаря, раздался хлопок, и Гарин почувствовал, что давление на его грудную клетку ослабло.

Его первый вдох по звуку напоминал скрип дверных петель, которые не смазывали сто

лет. Морозный воздух обжег легкие. Голова немедленно закружилась и, как показалось Олегу, стала легкой, словно воздушный шарик. На выдохе его стошнило.

— Крови нет, это хорошо, — деловито отметил врач. — Сколько пальцев?

— У... у кого? — с трудом выговорил Гарин.

— Шутишь? Это тоже хорошо. Ну-ка плюй.

Олег сплюнул едкую слюну и, помедлив, сказал:

— Я в порядке. Мне бы только отлежаться и...

— В порядке! — фыркнул врач. — Это не тебе решать. Сейчас осмотрим тебя...

Кстати, — обратился он к свидетелям происшествия. — Полицию уже кто-нибудь вызвал?

— Нет, — ответил «оранжевый жилет».

— Мы — нет, — сказал один из водителей фуры.

— Это же вы его подбили? — уточнил врач.

— Да какой там подбили! — немедленно завелся водитель. — Он на красный пер, как на пожар! Мы б его и не заметили, если б не гроыхнуло под колесами.

— У нас только номера помялись, — миролюбиво добавил второй. — А этот — сам себя наказал.

— Моя вина, — согласился Гарин. — Претензий не имею. Нет, правда, — поспешно добавил он, глядя на розовое пятно под седоватым ежиком. — Машина — черт с ней, а я в порядке. Ничего же ни сломано, ни вообще... Перед глазами только все как бы... — Он подвигал ладонью перед лицом и попросил: — Не надо меня никуда везти, а?

— Хватит болтать. — В лицо Олегу уткнулось что-то гладкое и мягкое, и властный голос сказал: — Дыши.

— Что это? — Гарин попытался отстраниться, но гладкий предмет снова коснулся его лица.

— Кислород. Три глубоких вдоха. Ра-аз...

Олег послушно вдохнул запах тоски и больничных коридоров, и в глазах у него померкло окончательно. Как будто поверх розового тюля, сквозь который он наблюдал за миром последние несколько минут, кто-то задернул плотные черные шторы.

Глава седьмая

— Сам идти сможешь? — спросили откуда-то сверху.

Олег вытянул руку на голос и, схватившись за крепкую ладонь в кожаной перчатке, поднялся на ноги. Потом открыл глаза. Первой его реакцией было желание пригнуться, настолько низким показался потолок. Бетонные перекрытия действительно были близко, но макушка до них все же не доставала.

— Долго? — только и сказал Гарин, но Столяров его отлично понял.

— Часа два тебя колбасило. Это нормально.

— Конечно, — покладисто отозвался Олег. — Тебя бы и десять часов устроили, выпастись успел бы.

— Спал ты, а я харчи в это время перетаскивал.

Гарин обернулся — коробки с консервами из комнаты исчезли, а поддоны были сложены на прежнее место в углу. Он подобрал с пола «венец» и вручил его Столярову:

— Боюсь тебя разочаровать...

— Не хочу даже слышать! — опередил его Михаил.

— ...но мне кажется, я бесполезен, — закончил Олег.

— Ты или «венец»?

— Он-то в порядке. Работает. А со мной что-то не так, это точно.

— Возможно, стены глушат сигнал, — с надеждой проговорил Столяров.

— Брось. Раньше ведь не глушили.

— Раньше и сахар был слаще, слышал такое? Попробуем еще раз на улице.

— Не обманывай себя. Я ведь предупреждал, что уже не гоюсь для этой работы. Но

ты... — Олег вдруг рассмеялся, — все равно рассказал мне свои долбанные секреты. А я как был инвалидом, так им и остался. В итоге непонятно, кто кого кинул, — печально заключил он.

— Надо пробовать, — упрямо повторил Столяров и, закинув на плечо оба автомата, пошел к выходу.

Свет из открытой двери резанул по глазам. Дворик, где находился склад, был тесным и сумрачным, но после нескольких часов в подвале даже плотные облака слепили, как солнце.

Михаил проморгался, немного подождал и выглянул наружу, держа пистолет в левой руке. Вокруг по-прежнему было пусто. «Вольво», под завязку забитая картонными коробками, никого не привлекла. Столяров пропустил Олега вперед, быстро закрыл дверь офиса и уселся за руль. Гарин занял пассажирское место и обнаружил под ногами нечто, накрытое старым промасленным пледом. Пока он был без сознания, полковник действительно перенес из подвала все, включая цинк с патронами.

Перегруженный автомобиль удрученно затарахтел и покатился вдоль матерно расписанных стен, держась подальше от аномалии в центре двора.

Полдень еще не наступил, по московским меркам было раннее утро. Трудно сказать, придерживались ли богемного графика жизни новые обитатели бывшей столицы — бандиты, мародеры и простые искатели адреналина, — но кроме тех нескольких групп, что орудовали у торгового комплекса «Калужский», на улицах Олег никого больше не видел.

— Хорошо в спальном районе, — отозвался на его мысли Михаил. — В центре, наверно, такая движуха, что боже упаси.

— Ты туда еще не навещался?

— А зачем мне? Поучаствовать в стритрейсинге на выживание? Староват я для таких забав.

— Ну, может, не все так страшно...

— Там сейчас кровавый замес. Дележ территории, такой же бесполезный, как и сама эта территория. Не знаю, когда здесь все устаканится. Наверно, никогда. Слишком большой город. Много пустых соблазнов и очень мало совести.

— Постреляют и прекратят, — вяло возразил Гарин. — Останутся профессионалы, начнется массовая торговля артефактами...

Михаил щелкнул пальцами и выразительно посмотрел на друга.

— Вот дернуло же напомнить! — раздосадованно сказал Олег.

— Я бы и сам не забыл. Надевай, — Столяров положил ему на колено «венец».

— Прямо на ходу?

— Почему бы нет? На ходу ты, кстати, еще не пробовал. Любопытно же, что из этого получится.

— Действительно. А почему бы не вбить мне в башку пару гвоздей, чисто для эксперимента?

Гарин поворчал еще немного, но Столяров больше не давил. Олег повертел «венец» в руках и со вздохом поднял его к голове.

— Не хотелось бы светиться... — озабоченно проговорил он, поглядывая в окно.

Справа от дороги, за широким газоном, проплывал одинокий корпус издательства «Академкнига», кроме него, поблизости домов не было. «Вольво» принялась взбираться на горку к следующему светофору, машина ехала не быстро и натужно, но казалось, что на всем белом свете нет ни одного человека, которого это может интересовать.

Олег признался себе в том, что отговорки закончились, и, прекратив споры, надел «венец». Он сделал это быстро, не раздумывая, словно очутился под дождем и накинул капюшон. Это было просто и как будто естественно.

Мир не изменился, свет не померк, звуки не исчезли. Все осталось на своих местах: и Профсоюзная улица, по-прежнему непривычно пустая, и гул утомленного шведского мотора, вот только воспринимать это Гарин вдруг начал по-другому. Им овладело странное тревожащее чувство, которое появилось тотчас, едва он водрузил на голову артефакт. Он и

сам не знал, как это выразить или сформулировать... если пришлось бы рассказывать об этом Столярову, Олег не смог бы подобрать слов, поэтому он сразу решил, что ничего рассказывать не станет. Во всяком случае, пока не разберется сам.

Гарин смотрел в окно и не мог убедить себя, что он не спит, — в этом и заключалась проблема. Ощущение было не мимолетным, а плотным и тяжелым, как грозовая туча. Избавиться от него было невозможно, хотя Олегу казалось, что вот еще секунда, еще две — и все пройдет. Но время тянулось, машина приближалась к перекрестку, а наваждение продолжало цепко держать Гарина в своих лапах. Олег прекрасно понимал, что не спит, он легко доказал бы это кому угодно, лишь самому себе он не мог этого втолковать, как ни старался. Состояние напоминало неправильный «приход» от паршивой травы, который он испытал однажды, еще будучи студентом — первый и последний раз в жизни. Ему чудилось, что он принадлежит не себе, что им управляет кто-то другой, а он лишь выполняет приказы, и вся его самостоятельность — это иллюзия тряпичной куклы. Тогда по совету друзей Олег усиленно поедал печенье с минералкой. Сейчас ему достаточно было просто снять с головы артефакт, однако он не мог этого сделать. Гарину было страшно в «венце», но мысль о расставании с «венцом» пугала его еще сильнее.

Олег поднял левую руку и осмотрел растопыренные пальцы, точно видел их впервые. Он все воспринимал с каким-то вялым, обреченным удивлением — и знакомую улицу, и потертый салон «вольво», и даже собственную руку. Неожиданно для себя Гарин прикусил тыльную сторону ладони и убедился, что тактильное восприятие его не подводит. Впрочем, через мгновение Олег уже не был уверен, действительно ли он кусал себя за руку или только собирался. Как и во сне, он не мог сосредоточиться, это было физически тяжело. Точка внимания, будто мокрый обмылок на веревке, все время ускользала, но все время — не далеко, постоянно болтаясь где-то рядом, на границе периферийного зрения.

«Наверно, я похож на пьяного», — подумал Гарин или кто-то другой, следивший за ним сверху, прежде чем артефакт слетел с макушки и завертелся вокруг ручки переключения передач.

Справа раздавался треск автоматных очередей, под капотом надсадно ревел мотор, а из автомагнитолы несясь бесконечный навязчивый припев: «Простые движенья, простые движенья, простые движенья, простые движенья...» — эти звуки нахлынули на Олега разом, одновременно, словно он вынырнул из колодца посреди оживленной площади.

Столяров, выговаривая длинную фразу из одних матюгов, давил на газ, но машина разгонялась с большим трудом. Бормотание полковника странным образом ложилось на музыку из песни, которая, судя по припеву, все заканчивалась и заканчивалась и все никак не могла закончиться.

Гарин дотянулся до автомагнитолы и повернул ручку громкости против часовой стрелки. После пары полных оборотов он сообразил, что ручка сорвана и крутить ее бесполезно. Он тронул колесико настройки, чтобы уйти с частоты, но и оно вращалось слишком свободно. Допотопная панель с верньером хаотично подмигивала, подтверждая, что радиоприемник неуправляем.

— Да выруби ты его! — проскрежетал Михаил. — Нас небось половина города слышит.

— Да сам знаю! — нервно отозвался Олег. — Пытаюсь. Не могу. Кто там стреляет? Никого же не было!

— Сейчас выбегу, проверю и доложу.

Отчаявшись справиться с магнитолой, Гарин врезал по ней кулаком — прямым ударом, как в челюсть. Стеклопанель хрустнула и переломилась надвое, свет за ней погас, но на громкость звучания это не повлияло.

— Простые движенья, с-сука... — обессиленно выдохнул Столяров. — Сейчас нас заметят.

Олег и сам это понимал. Судя по интенсивности перестрелки, в «Академкниге» выясняли отношения человек десять, а то и больше. Гарин уже перегнулся через спинку

сиденья, прикидывая, удастся ли вырвать динамики под задним стеклом, когда случилось то, чего он не ждал, но на что втайне надеялся.

«Вольво» встала, автомагнитола заткнулась, стрельба прекратилась — это произошло в один миг, синхронно.

Гарин со Столяровым медленно переглянулись, при этом Олег невольно покосился на артефакт. «Венец» лежал рядом, накинутый на ручку КПП, как в странной игре под названием «серсо».

— Я его больше не надену, — тихо сказал Гарин.

— Ты-то здесь при чем?

— Думаешь, радио просто так включилось?

— Думаю, оно вообще не должно работать.

— Ты проверял магнитолу?

— На предмет чего я мог ее проверить? — раздраженно сказал Столяров, снова заводя машину. — Электричества в городе нет, откуда тут возьмется передача в ФМ-диапазоне? Я не очень большой специалист, но...

— Ультракороткие волны распространяются в пределах прямой видимости, — перебил его Гарин. — Ты видишь где-нибудь работающий ретранслятор?

— Нет, — мрачно ответил Столяров. — Но сигнал мог от чего-нибудь отразиться.

— От чего, например?

— Да хоть бы и от Луны, — помявшись, сказал Михаил.

— Ты это сейчас придумал?

— В принципе такое возможно. Откуда еще это могло сюда залететь? Или у тебя есть версии получше?

— У меня и похуже-то нет, — сознался Гарин, снова посмотрев на «венец». — Есть только...

— Ну?

— Совсем плохие.

Михаил проследил за его взглядом и кисло усмехнулся:

— Кончай параноить. Ты не настолько крут, чтобы волевым усилием вызывать гром и молнию. — Столяров снова разогнал машину и, наконец-то доехав до перекрестка, с видимым облегчением свернул в сторону от Профсоюзной. — Простые движенья, простые движенья... — пробубнил он. — Тьфу, черт. Вот привязалась, зараза.

— Я ничего не вызывал, — помедлив, проговорил Олег.

— Ну так и я о том же.

— Это не я. Он сам.

— Час от часу не легче, — вздохнул Столяров, снимая с ручки «венец» и убирая его за пазуху. — Ты теперь каждый шорох будешь на свой счет относить?

— Тебе не показалось странным, что, когда включилось радио, возникла стрельба в том доме?

— Это же обыкновенное совпадение! — Михаил помолчал и, с опозданием осмыслив слова товарища, внимательно посмотрел ему в глаза. — Ты что, серьезно? Ясно... Пытаешься симулировать безумие, — заключил он. — Не утомляй, мне и без твоих терзаний забот хватает.

Олег не стал убеждать спутника в том, в чем и сам не был уверен. Он попробовал вспомнить свои ощущения от взаимодействия с артефактом, но вышло настолько приблизительно и недостоверно, будто это и вправду было сном. Его потянуло опять надеть «венец» — на минутку, только для того, чтобы освежить память, и этот внезапный порыв был таким сильным, что Гарин еле сдержался. Собственно, сдержался он лишь потому, что «венец» лежал у Столярова под курткой.

«Чего мне не хватало для полного счастья, так это зависимости от артефакта, — отстраненно подумал Олег. — Головная боль, обмороки и пси-наркомания — отличный комплект. Не лучше ли сразу в петлю?»

К дому Гарина они подъезжали с другой стороны, сделав большой крюк по проулкам. В соседнем дворе Столяров остановился, и они снарядили по два рожка. Автоматы были новыми, но лишнюю смазку подполковник-пенсионер Кенс удалил загодя. Он вообще оказался на удивление предусмотрительным, этот странный приятель Михаила, мелкий коммерсант с эсбэушным прошлым. Олег задумался о том, какой может быть гражданская жизнь самого Столярова, и пришел к выводу, что никакой. Михаила на пенсии Олег даже не представлял. Впрочем, в кителе и при погонах он его не представлял тоже. Вечный опер, всегда в какой-то заднице и всегда — сам по себе. Если бы начальство ценило Столярова чуть больше, ему вряд ли пришлось бы лично подставляться что в Припяти, что в Москве. Хотя... Здесь он не по приказу, а по собственной инициативе — вспомнил Гарин. Значит, это не начальство дубовое. Значит, действительно судьба.

— Чудны дела твои, Господи... — обронил Гарин вслух.

— А?.. — Михаил поднял голову и торопливо осмотрелся. — Что случилось? Кого увидел?

— Это я так, о своем.

— Свое держи при себе, — гаркнул Столяров.

Он положил свой автомат между сиденьями, под правую руку, и медленно тронулся к дому. «Вольво» крадучись катилась вдоль кустов, которые пока еще не выглядели одичавшими, но уже начинали потихоньку разрастаться, как будто почувствовали без людей вольницу. Снизу их поджимали плотные поросли сорняка, и было заранее ясно, что это безмолвное сражение за газон с жирной привозной землей декоративный кустарник проиграет.

На въезде во двор Михаил снова остановился. Гарин, пристально смотревший за правым флангом, не сразу понял, в чем дело.

Разношерстная юношеская «братва», обстрелявшая машину несколько часов назад, лежала на тротуаре возле дома. В полном составе, включая модного жоака. От угла, из-за которого они появились утром, парни ушли не далеко. Им позволили пройти всего одну секцию здания и расстреляли у второго подъезда.

— Они же пацаны совсем были... — подавленно выговорил Олег. — У какой падали рука поднялась?

— Твои интеллигентские стенания у меня уже в печенках, — сказал Михаил. — Лично я доволен, что шакалят порешили. Они в нас шмаляли, если ты запомнил. И даже фамилии не спросили. Такие уроды неизбежно нарываються на ответку. И чем раньше это происходит, тем лучше для окружающей среды.

— Лет-то им по сколько было?..

— Достаточно, чтобы собраться в банду и нарыть оружие. Если хочешь, в следующий раз я буду не быстро от таких уезжать. Чтобы ты пулю в шею поймать успел. Если выживешь, найду перевозчика и отправлю тебя обратно в Новосибирск. Остаток жизни будешь срать под себя и размышлять о гуманизме. Ну а если не выживешь, все равно отправлю, чтобы твои...

— Хватит трещать! — оборвал его Гарин. — Паркуйся резче, чего стоим тут, светимся? Когда коробки затащим, отгонишь тачку подальше.

— О! — улыбнулся Михаил. — Слова не мальчика, но...

Олег, не дослушав, вылез из машины и осмотрелся. Тот, кто расстрелял молодняк, уже ушел, а если невидимый противник и оставался во дворе, то настроен он был относительно мирно. В противном случае — один или в компании — враг успел бы изрешетить «вольво» несколько раз. Хотя возможно, что стычка с бандой охломонов была действительно чистой самообороной. Впрочем, возможно, что и нет...

Гарин бегло оглядел дома, сознавая, что это ничего не дает. Четыре семнадцатизэтажные башни, по четыре подъезда в каждой, окружали двор со всех сторон. Окон в них было немерено, и в каждом мог сидеть стрелок — хоть с винтовкой, хоть с гранатометом. Олег на мгновение прикрыл глаза и попытался уловить какую-нибудь эмоцию

— агрессию или чье-нибудь пристальное внимание. Без толку: от его былых способностей не осталось и следа. В лучшие времена его мог бы выручить «венец», но... эти времена прошли.

Накинув ремень автомата на плечо, Олег скорым шагом направился к подъезду, догоняя уехавшего вперед Столярова.

— Ну как, нащупал чего? — спросил тот, без особой, впрочем, надежды.

Гарин лишь мотнул головой и вытащил из машины первую коробку. Представив, сколько ходок придется сделать на седьмой этаж, он помрачнел.

— Да-да, — откликнулся Михаил, угадав его мысли. — Любишь кататься, люби и саночки таскать. Иногда на горбу.

— Санки на фиг, а вот тележку бы какую... — буркнул Олег.

— Хорошая идея. Надо будет поискать на досуге.

Демонстрируя правильный подход к такелажному делу, Столяров взял с заднего сиденья сразу две коробки и пошел к подъезду. Не оборачиваясь, он открыл железную дверь и придержал ее ногой, пропуская Гарина. Олег хотел возразить, но передумал: на улице ему вдруг стало тревожно, как будто он наконец-то почувствовал затылком чей-то взгляд. Хотя не исключено, что двор действительно был пуст, и это чувство возникло ошибочно. С другой стороны, речь в обоих случаях шла об ощущениях, и разобраться в том, какое из них первично, не представлялось возможным.

— Ты долго тут маячить собираешь? — негромко спросил Столяров. — Сам же меня торопил.

— Да! — Опомнившись, Олег юркнул в темное и душное нутро многоэтажки.

Уже после второго подъема на седьмой этаж Гарину подумалось, что сардины он никогда особо-то не любил. На третьей ходке он возненавидел всякую рыбу и продолжал носить консервы лишь под мрачные понукания Столярова. Полковник и сам быстро выдохся, но все же таскал провизию с упорством мула.

В один из заходов на свою кухню Гарин скинул с плеча автомат и, приставив его в угол, сел на табуретку. В ответ на это Михаил одарил его таким взглядом, что Олег поневоле вскочил и, схватив оружие, устремился вниз за очередной парой коробок. На перенос привезенных консервов они потратили уйму времени, но все когда-нибудь заканчивается, и очередь дошла-таки до последних двух коробок. Сил уже не оставалось, и Олег с Михаилом спустились за грузом вдвоем. Коробки занесли в подъезд, потом Гарин дождался, пока товарищ отгонит машину к мусорному баку, и вместе они начали последнее восхождение. По лестнице шли так медленно, словно провожали сардины в последний путь. На каждой площадке упирали коробки в перила и делали короткий привал, толку от которого не было ни грамма. Здравый смысл говорил о том, что лучше отмучиться побыстрее, а затем нормально отдохнуть, однако ноги этой логике следовать отказывались.

На шестом этаже Столяров и Гарин посмотрели друг на друга, как будто впереди было минное поле, а за ним — рай.

— Всего два марша осталось, — сказал Михаил, задыхаясь.

— Да, осилим в один рывок.

— Последний этаж, и мы в домике.

— Мы должны это сделать.

— Без проблем.

— Кто куда, а я на диван, — мечтательно объявил Олег.

— А я чайку попою.

— А я на диван. Сразу.

— Тоже прилягу. Но сначала — чай. Воды до хрена, слава богу.

— Да, ты запасся круто. Как ты ее поднимал, ума не приложу.

— Вот так и поднимал.

— Ты настоящий герой.

— Да, я таков, — смиренно подтвердил Михаил.

— Я бы, наверно, не смог.

— Хорош тряндеть! — отрезал Столяров. — Пошли уже.

Они поднялись на межэтажную площадку с узким окошком и трубой мусоропровода, когда поблизости вдруг раздался нарочито громкий металлический щелчок.

— Я стал невольным свидетелем вашего разговора, — сказал кто-то сверху. — Мне показалось, что вы хорошие люди. Но первое впечатление бывает обманчивым. Поэтому вам лучше отдать оружие и держать руки на виду, ладонями ко мне.

Олег выглянул за угол и у двери своей квартиры обнаружил мужчину с винтовкой. Оружие от приклада до глушителя было обмотано лохматыми лоскутами неопределенно-грязного цвета. Сам человек был одет крайне неприметно — в серые потертые джинсы и такую же куртку с темными «болтами». Лицо скрывалось за длинным козырьком старой невзрачной бейсболки.

«А дяденька серьезный, — отметил про себя Гарин. — Вот она, реальная Зона».

— Ну и нашел же ты время, с-сука... — пробормотал Столяров. — Специально ждал, пока мы выдохнемся?

— Хе-хе, — глумливо ухмыльнулся незнакомец и повел стволом вверх. — Автоматы, говорю, давайте сюда. И я надеюсь, ты не забудешь про пистолет? Он у тебя в правом кармане.

Михаил тяжело вздохнул и бросил ношу на пол. От удара коробка развалилась, консервные банки разлетелись по площадке. Несколько штук запрыгали вниз по ступенькам. Одна, особо прыткая, умудрилась повернуть возле лифта и поскакала дальше, с шестого этажа на пятый. Олег уже снял с плеча автомат, а банка все грохотала и грохотала по лестнице, пока не уткнулась в стену.

Глава восьмая

Сардины оказались на редкость вкусными. Впрочем, после такой адовой работы Олегу понравилась бы и половая тряпка. Ломтики рыбы он закидывал в рот вместе с хребтами, однако тягаться с новым знакомым было без толку: тот поглощал пищу с интенсивностью пожарного насоса. Почти не пережевывая, мужчина освоил целую банку и без промедления открыл вторую. Столяров смотрел на него умиленно, как повар, который провел у плиты всю ночь, зато сумел угодить. Гость заглатывал куски один за другим, забыв и про свою СВД, и про все на свете. При этом он пытался рассказывать о себе, хотя его никто не торопил.

— Зовут меня Доберман, — начал он. — Хотя... кто зовет?.. Никто не зовет, один я тут. Но раньше звали так. Не вижу смысла менять кличку. В той Зоне звали Доберманом и в этой пусть называют так же.

— Ты тоже бывал в Припяти? — осторожно спросил Столяров.

— «Бывал»! — хмыкнул Доберман. — Я там жил. Если только это можно назвать жизнью. Но вообще-то мне даже нравилось, и жаловаться вроде не на кого. В том смысле, — запнувшись, добавил он, — что его уже нет в живых. Того, на кого я мог бы пожаловаться, — туманно пояснил сталкер.

Гарина эта оговорка заинтересовала, но в данный момент лезть с уточнениями он посчитал бестактным. Человек, очевидно, не ел несколько суток, и чтобы его прервать, нужно было иметь каменное сердце. Сам Олег утолил голод на удивление быстро. Покончив с рыбой, он отодвинулся к стене и блаженно привалился к ней спиной. Из этого положения он мог хорошенько рассмотреть гостя, который уже приступил к третьей банке.

Доберману, судя по всему, было едва за сорок, но выглядел он гораздо старше. Прежде чем сесть за стол, он снял бейсболку и аккуратно положил ее на подоконник — в этом движении было что-то строгое, в нем виделись остатки военной выправки, разбавленные неформальным окопным бытом. Выражение лица, вот что старило Добермана. Даже не ввалившиеся глаза с лучиками морщин и не болезненно-смуглый цвет кожи, а взгляд, полный вечной печали. Так смотрят люди, утратившие что-то дорогое, чего нельзя ни вернуть, ни заменить. Внешность сталкера совершенно не вязалась с его кличкой. По

мнению Гарина, на Добермана могло бы отзываться какое-нибудь боевитое существо, у которого мышечные реакции опережают мыслительный процесс. Гость таким не был. Вялым или медлительным его назвать было нельзя, но даже в его осанке сказывалась привычка часами лежать неподвижно и созерцать мир через окуляр оптического прицела.

— А те олухи на совести Скутера, — неожиданно проговорил Доберман. — Если только она у него есть, совесть. В чем я далеко не уверен. Я видел, как вы их сейчас обошли. Вас это задело. Меня тоже, хотя они уроды порядочные, конечно. Были. Утром наблюдал вашу стычку. Из дома напротив, — сталкер махнул рукой куда-то за окно, как будто это давало исчерпывающую информацию о его снайперской лежке. — Забавно получилось. Они обычно получше стреляли-то, но вы им сломали шаблон. В общем, правильно. Ну а потом появился Скутер со своей отмороженной братвой. Вы с ними чудом разминулись. По-моему, пацаны как раз к Скутеру и шли, хотели в отряд к нему попроситься. Разговоров-то я не слышал, но полагаю, так все и было. Искали себе командира покруче. Вот и нашли.

Сталкер наконец наелся. Он отодвинул незаконченную третью банку и тупо уставился в стол.

— Коньячку? — предложил Столяров.

— А кто он такой, этот Скутер? — спросил Олег.

Оба вопроса прозвучали одновременно. Доберман глубоко кивнул Михаилу, а Гарину сказал:

— Скутер — беспредельщик местный. В отряде у него человек тридцать примерно. Вооружены хорошо, есть толковые люди. И есть даже вменяемые. Но когда они все вместе, они превращаются в страшное, безумное стадо. Не приведи господь с ними пересечься.

Столяров сходил за недопитой бутылкой «Мартеля» и поставил перед гостем кружку.

— Благодарствую, — ответил тот, затем понюхал и с приятным удивлением протянул: — О-о-о!

— Что «о»? — пожал плечами Михаил. — В городе этого добра навалом.

— Мне не попадалось. Не фартило. Золота полно, — беспечно сообщил сталкер, — а с продуктами становится все хуже.

— Золотишко нас тоже интересует, — произнес Михаил вполне серьезно и при этом с издевкой подмигнул Олегу.

Гарин покраснел, но решил, что оправдываться не будет.

— Я слышал, в Припяти кто-то целый пакет с золотом нашел, — поделился он. — В самой обыкновенной квартире, не в бункере каком и не во дворце. Откуда в Припяти дворцы-то возьмутся... Граммов сто пятьдесят там вроде бы оказалось или около того. Ну а здесь и город другой, и времена другие. В Москве этого добра по-любому должно быть больше.

— Сто пятьдесят граммов? Брехня, — отозвался Столяров.

— Не сто пятьдесят, а двести, — спокойно возразил Доберман. — Было такое дело. Однажды Порох залез...

— Порох?! — хором воскликнули Олег с Михаилом.

— Да, он. — Сталкер слегка растерялся. — А вы тоже с ним знакомы?

— Были когда-то.

— Ну, значит, и Кабана... — начал он.

— И Кабана знаем, — заверил Столяров.

— Во дела... — проронил Доберман. — Правду говорят — мир тесен, но чтобы до такой степени... Ну наливай тогда, что сидишь-то!

Михаил достал новую бутылку. Все внезапно развеселились, на кухне стало удивительно тепло.

— Вообще-то за такую встречу на лестнице мы тебя грохнуть могли, — благостно произнес Столяров, разливая коньяк. — Не то что могли... просто обязаны были. Сил только не осталось, поэтому ты сейчас и живой. По чистой, брат, случайности.

Доберман впервые улыбнулся, и его улыбка выглядела слегка странно.

— Да не-е, — протянул он так же расслабленно. — Я давно за тобой смотрю. Хотел бы я вас убить, я бы это еще утром сделал, в окошко. Но я ведь не для этого на вашу базу притопал.

В ответ на «базу» Гарин слегка скривился, но возражать не стал. Слово пришло из Чернобыльской Зоны, из старой жизни, и другие названия для этого места не годились. Квартира? Это осталось в прошлом. В квартире живут люди: ходят на работу, смотрят телевизор, берут кредиты на холодильник или стиралку. На базе обитают злые небритые мужики. Чистят оружие, кипятят воду на примусе и спят, не раздеваясь. Справляют нужду в соседней квартире. А здесь — база.

— И долго ты за мной следил? — любопытно спросил Столяров.

— Сначала я севернее хотел осесть, где-нибудь в районе ВДНХ, но там места совсем гиблые. Собаки там огромные, будто телята, но больные, тихие... еле ходят. Чем они там питаются, как жратву себе добывают — даже думать об этом не хочется. Посмотрел я на них и двинул подальше — сюда, на юго-запад. И здесь я уже около месяца. Вполне достаточно, чтобы понять весь расклад в микрорайоне. Я ведь намного раньше тебя... — он вдруг умолк и, подняв указательный палец, медленно повернулся к прихожей. — Дверь закрыта? — спросил он шепотом.

Михаил утвердительно моргнул, и спустя мгновение раздался глухой удар в мягкую обивку. Гарин кивнул на автоматы, но Доберман покачал головой и, не дыша, приложил палец к губам. В дверь снова стукнули — мощно, плечом. Столяров выставил ладонь, мол — «все нормально, она выдержит». На лестнице зазвучали голоса. Похоже, люди о чем-то спорили, но говорили очень тихо, разобрать слов из-за обивки было невозможно. Послышался еще один удар — кто-то раздосадованно пнул дверь ногой, явно напоследок.

Некоторое время на кухне царила тишина, все пытались понять, действительно ли ушли нежданные визитеры, или просто затаились. Спустя пару минут Доберман изменил позу и невозмутимо подвинул к себе банку с остатками сардин.

— Ничего страшного, — прокомментировал он. — По спальным районам много народу шатается. Ищут харчи, место под ночлег или чего поинтересней.

— Ну и слух у тебя! — восхитился Михаил. — Стоп... я дурак. Я полный идиот, — скорбно проговорил он. — Нас в два счета вычислят по сортиру, который мы устроили у этого... книгочея...

— У Юрия Ивановича, — подсказал Гарин. — По-моему, нормальный человек туда и на порог не зайдет. Все решат, что в квартире труп разлагается.

— Эй, ну я ведь ем! — напомнил Доберман. — Если бы они целенаправленно шли сюда, мы об этом уже знали бы. А они всего лишь наугад простукивают двери. И потом, не нужно в первом встречном видеть убийцу. Мы для них более опасны, чем они для нас. Хотя дворик здесь, конечно, аховый. Я сегодня новую «хлопушку» засек, уже четвертую. Прямо целая плантация, а не двор. Чую, Скутер это место никогда в покое не оставит.

Гарин торопливо взглянул на Столярова, но тот в ответ лишь пошевелил бровями. Доберман продолжал деловито уплетать сардины — уже без спешки, с чувством.

— Что еще за «хлопушка»? — не выдержал Михаил.

— Возможно, вы их как-то иначе кличете. Но вообще все говорят «хлопушка». Общеизвестное название.

— Да мы вообще никак... — недоуменно произнес Олег. — Мы и не слыхали про такое.

Доберман оторвался от банки и с недоверием оглядел соседей по столу.

— Тогда какого хрена вы тут делаете? — спросил он.

— Резонный вопрос, — согласился Столяров. — Я тебе потом как-нибудь расскажу. Может быть. Ты лучше про «хлопушки» свои просвети.

— Наливай еще, не жадничай.

— Я и не думал, — буркнул Михаил.

— А «хлопушки» не мои, они природные, — заявил Доберман, поднимая чашку с

коньяком. — Общие, так сказать. Кто успел, тот и съел. Хотя некоторые умудряются все захватить без спешки. Для Большой Земли это новая тема, но люди уже начинают въезжать. Спрос растет каждый день. При такой динамике правильно было бы на продажу ничего не отвозить, а придерживать товар, пока цена не упрется в потолок, вот только... — Он замялся.

— Что «только»? — осведомился Олег.

— Никто не знает, какой у них срок хранения. И главное, что происходит с «хлопушкой» в конце этого срока — просто перестает работать или взрывается в кармане у владельца.

На слове «взрывается» Столяров изменился в лице.

— А теперь снова и по порядку, — потребовал он. — Еще налить?

— Нет-нет, — замахал рукой сталкер. — Пятьдесят граммов — это для здоровья, еще сто — для удовольствия, а все, что сверху, уже во вред.

— Итак, «хлопушки»... — настойчиво повторил Михаил.

— Вам, надеюсь, не нужно объяснять, что такое аномалии и откуда они берутся?

— Давай ближе к делу!

— «Хлопушка» — это и аномалия, и артефакт, который в ней вызревает. Аномалия в принципе безобидная. Если в нее вляпаться, она грохнет, как небольшой взрывпакет. Это не опасно, ну в крайнем случае пальцы оторвет, если прям в самую сердцевину сунуться. — Доберман зафиксировал взгляд на перчатке Столярова и виновато покашлял. — Если бы «хлопушку» было видно, то она скорее всего напоминала бы капусту. Широкие листья, а в середине — плод. Шарик такой небольшой, диаметром с пятирублевую монету.

— Погоди-погоди, — остановил его Михаил. — Она невидимая, я правильно понял? Тогда откуда ты знаешь, на что она похожа?

— Ну это я так, образно. А шарик-то я в руках держал много раз. На ощупь он довольно гладкий, как полированное дерево, и весит примерно столько же. Легкий, в общем.

— Но при этом невидимый, — уточнил Столяров.

— В этом и заключается его ценность. В принципе разглядеть «хлопушку» можно... иногда, на рассвете. Не каждый день. Хрен его знает, наверно, это от влажности воздуха зависит или еще от чего... Я не в курсе. Но в обычных условиях «хлопушка» невидима. И металлодетектор ее тоже не берет. А мощность взрыва у нее где-то под десять кило в тротиловом эквиваленте.

— Ого! — Михаил раскрыл глаза еще шире.

— О том и речь. Можно кинуть в бензобак, можно просто подложить в чужую сумку. Полезная штука, правда? Поле применения широчайшее. Потенциальный спрос огромен. Не исключая экспорта.

— А детонация? — азартно спросил полковник.

— Как у нитроглицерина: от удара или от перегрева. Предполагаю, что электрический разряд тоже подойдет, но у меня не было возможности проверить.

— Значит, растет невидимая капуста... — проговорил Столяров, пытаясь подытожить и систематизировать. — Кстати, где растет-то? На газонах?

— Ну да, на открытом грунте. Только насчет «растет» я не совсем уверен. Она сидит в земле, это точно. Но не факт, что «хлопушка» имеет биологическую природу. Скорее, это энергетическое образование.

— Не важно. Слабое поле, если в него наступить, то слегка бабахнет. Так? И в нем зреет артефакт, который аккумулирует взрывную энергию. Так?..

— Все верно. Зреет он недели две, набирает силу. После этого висит и ждет, пока не появится повод разрядиться.

— Собаки, кошки?

— Люди. Животные обходят «хлопушки» за версту. Даже птицы поблизости не летают, я пробовал крупной их приманивать. Это и есть простейший способ обнаружения: рассыпать по газону корм, а потом посмотреть, где не склевали.

— Остроумно, — оценил Гарин.

— Честно говоря, не очень, — сказал Доберман. — Слишком приметно. Думаю, таким образом Скутер и нашел две штуки из тех четырех, которые торчат у нас во дворе. Даже колышками их обнес. Теперь уже не потеряет. Скотина... Хорошо хоть, еще пара осталась. Одну «хлопушку» вам, вторую мне, — неожиданно предложил сталкер. — Не сейчас, конечно, а когда вырастут. По-моему, это справедливо?

— Почему бы не забрать все четыре? — подал голос Михаил. — Кто такой этот Скутер?

— Тогда мне с вами не по пути. В смысле, я не хочу, чтобы мой путь окончился так быстро.

— А что, вообще нет шансов?

— Я же сказал: у Скутера три десятка бойцов с хорошим вооружением. И «хлопушки» он собирает уже давно. Если утащить артефакты у него из-под носа, он вряд ли поверит, что там мыши сдуру подорвались. Это его урожай, его собственность. Во всяком случае, так он считает.

— И нет никого, кто был бы сильнее? — усомнился Олег.

— В этом районе точно нет. А другие сюда не полезут, им своей войны хватает.

— Тридцать человек держат такой большой кусок Москвы... — сокрушенно произнес Гарин.

— У Скутера крепкая банда. В окрестностях есть и другие, но в основном мелкие группы, типа нашей.

— Вашей? — прищурился Олег. — Ах, на-ашей... Я просто не сразу понял, что мы с тобой уже в одном отряде.

— А вот мне давно это понятно, — сказал Столяров тоном, не терпящим возражений. — Разумный мужик, порядочный. Хотелось бы только уточнить кое-что. Ты, Доберман, такой разумный и порядочный, что ты в Припяти делал? Жил, говоришь? Это как?

— Я тебе потом расскажу, — ответил сталкер его же словами. И не преминул добавить: — Может быть.

Как ни странно, такое объяснение Михаила устроило.

Олег недоуменно уставился на друга. Он не особо-то и возражал против присутствия Добермана, но его обескуражило то, что Столяров принял решение в одиночку. Гарин хоть и смирился с превращением родной квартиры в «базу», но по-прежнему считал себя тут хозяином. Видимо, напрасно.

Михаил, игнорируя негодующие взоры товарища, занялся какими-то необязательными хлопотами по кухне: дозаправил примус и, насвистывая свежий хит Ёлки, принялся перекладывать в пустой холодильник привезенные консервы. Доберман так же по-хозяйски огляделся, нашел полиэтиленовый пакет и начал аккуратно, чтобы не накапать масла на пол, собирать пустые жестянки.

Олега вся эта деятельность взбесила окончательно.

— И как же мы будем... — он покрутил пальцем вокруг головы, изображая «венец», — как будем проводить наши эксперименты? Секретность и все такое... не пострадает, нет?

— Нет, — коротко ответил Столяров и, вытащив из-за пазухи артефакт, небрежно бросил его на стол. — Что ты вылупился, Олег? Доберман провел в Припяти достаточно времени, чтобы не удивляться таким вещам.

— Ни фиги себе игрушка! — Сталкер отложил пакет с мусором и бережно взял артефакт в руки. Медленно огладил поверхность, рассмотрел обруч со всех сторон и вдруг сделал вид, что собирается его надеть. — Да шучу, шучу! — добродушно сказал он, возвращая «венец» на место. — Мне такого счастья даром не надо, честное слово.

— Ты в курсе, что это за предмет, — утвердительно произнес Гарин.

— Наш командир прав: я слишком долго жил в Зоне Отчуждения, чтобы чему-то удивляться. Особенно «венцу». Я, кстати, пробовал им пользоваться, но у меня ничего не вышло. Говорят, нужны какие-то особые способности. У меня их, очевидно, нет. И слава

богу, — добавил он, чуть подумав.

— «Наш командир»... — раздраженно буркнул Олег. — Наш генералиссимус...

Первым его желанием было схватить артефакт и спрятать подальше, Гарин даже потянулся через стол, но раздумал и, махнув рукой, покинул кухню. Перейдя в кабинет, он плюхнулся на диван — с такой силой, что спинка чуть не вытолкнула его обратно.

Олег сцепил пальцы на затылке и в таком положении просидел минут пять, бездумно разглядывая мебель и обои на стенах. На глаза несколько раз попался слепой монитор. Гарин, крикнув, поднялся и убрал его вниз, под стол, чтобы не было видно. Затем снова сел и с грустью отметил, что картина мало чем изменилась. На душе было странно пусто. В голове — просто странно.

Незаметно для Олега сидячее положение трансформировалось в лежачее, и он задремал. Спал он на удивление крепко и сладко, а когда проснулся, почувствовал обновление.

Столяров энергично задергивал шторы, этот звук Олега и разбудил. Гарин приподнял голову и сощурился, пытаясь разглядеть силуэт в сумерках.

— Темнеет, — зачем-то пояснил Михаил.

— Да, — так же бессмысленно ответил Олег.

— Вставай, пойдем.

Гарин вздохнул, растер лицо руками и вслед за Столяровым прошаркал на кухню. Окна там были уже зашторены, на холодильнике и на полках горело несколько свечей. Внятно пахло вкусным. Олег не сразу увидел, что на столе стоит тарелка с высоченной стопкой блинов. Выходит, Михаил утром не зря грозился.

— Сахар? Сгущенка? — спросил Доберман.

— Вы меня балуете, мужики, — проворчал Гарин.

— Не обольщайся. Просто откармливаем, — с каменным лицом ответил Столяров.

— Свечей у меня не было, — сказал Олег, озираясь.

— У тебя вообще ничего не было, — отозвался полковник. — Средний ты хозяин, студент. Но и я не лучше. Это Доберман принес. Сгущенку тоже он приволок.

— Есть и вареная, — вставил тот.

— Ну и еще всякое барахло, — добавил Михаил. — Он ведь теперь с нами.

— Ага, — рассеянно обронил Гарин, оглядывая «всякое барахло» Добермана: вторую винтовку, также замотанную в тряпки, и объемистый рюкзак не то с патронами, не то с бельем, Олег не стал уточнять. Кроме того, на столе он заметил потрепанную книгу «Черная карма», судя по названию — антинаучный философский трактат, судя по обложке — неприлично трешевый боевик. — У соседа почитать взяли? — осведомился Олег. — Не побрезговали?

— Это тоже мое, — сказал Доберман. — Давай за стол уже. Миша без тебя запретил начинать.

— Миша — он такой, да... — буркнул Гарин, испытывая смесь благодарности и досады.

Все уселись и взяли по блину. Свечи горели неровно, по стенам бродили большие тени с размытыми границами. Для пасхальной открытки не хватало только иконы в красном углу. Доберман вытер ладонь о штаны и переложил книгу к себе поближе. Это движение привлекло внимание Гарина, почему — он не знал и сам.

— Интересный роман? — спросил Олег.

— Полезный. — Доберман сосредоточенно дожевал. — Короче, это история про одного stalkера, который потерял память. А потом начал вспоминать. И чем дальше вспоминал, тем страшней ему становилось.

— От чего же ему было страшно? — вяло поинтересовался Столяров.

— От самого себя.

— Говно книжка, — резюмировал он.

Доберман мгновенно вспыхнул:

— А ты читал?! Ты же не читал! Зачем критикуешь?

— Это и так ясно.

— Что тебе ясно?

— Все.

— Что «все»?! — не унимался он.

— Мне ясно, что ты психованный книголюб и я, вероятно, напрасно взял тебя в отряд.

Доберман успокоился так же быстро, как и завелся.

— У тебя есть книга, которая могла бы спасти тебе жизнь? — серьезно спросил он.

— Библия? — ляпнул Столяров первое, что пришло на ум. — Нет... Наверно, нет.

— А у меня есть.

— Отлично.

— Она реально меня спасла, ты не веришь?

— Давай сменим тему.

— Ладно. — Доберман торжественно перевернул книгу лицевой стороной вниз, и сзади на обложке показалась дыра — ни дать ни взять входное отверстие от пистолетной пули. Спереди дырки не было.

Возникла пауза, которую без натяжек можно было назвать эффектной.

— То есть это как бы юмор, — осторожно произнес Столяров.

— Да. Но роман все равно хороший. Он, короче, про то, как один сталкер...

— Ты уже рассказывал.

Следующие три блина исчезли с тарелки в гробовой тишине. Было слышно лишь работу челюстей и слабое потрескивание свечек. Первым нарушил молчание Доберман:

— Когда ходил за вещами, проведаль наши «хлопушки».

— Ну и как?

— Порядок, — заверил он. — Только на обратном пути чуть не столкнулся с людьми Скутера. Зачастили, сволочи. Думаю вот, как бы они не спалили другие артефакты, а то мы вообще ни с чем останемся. Хотя «хлопушек» вокруг навалом, надо только поискать. Но беда в том, что к моменту созревания каждую уже кто-то успевает обнаружить и застолбить.

— И в основном это Скутер, — легко догадался Михаил.

— Он тут главный, что ж поделать.

— Если он такой кусок города под себя подмял, значит, перевозит артефакты оптом. Ты о его каналах сбыта что-нибудь слышал?

— Идея, конечно, соблазнительная, — проговорил Доберман. — Но это все равно что грабить инкассаторов.

— Но ведь грабят же.

— Опять вы меня на какой-то смертный бой подписываете, — сталкер решительно покачал головой. — Это не мой профиль.

— А ты хочешь жить в Зоне и заниматься фермерством? Так не бывает. Через пару лет, когда все окончательно устаканится, здесь такие дела начнутся, что этот твой Скутер, великий и ужасный, будет под кроватью прятаться.

— Кого ты лечишь? Все я знаю, в Припяти насмотрелся. И навоевался, — горько добавил Доберман. — Хочется покоя и равновесия.

— Спокойную жизнь, брат, нужно на Большой Земле искать. Уж никак не в Зоне.

— Рад бы в рай, да грехи не пускают, — ответил сталкер без тени улыбки. — Меня там не ждут.

Столяров поджал губы, но от уточнений воздержался. Люди приходили в Зону по разным причинам, и обсуждать их любили далеко не все.

— Пойдем на улицу, покажешь «хлопушки», — неожиданно сказал Михаил.

— Тебе же вроде не интересно было? — произнес Доберман.

— Все, что можно продать, для меня крайне интересно.

— Ну тогда пошли, — охотно ответил сталкер и мгновенно собрался: вытер жирные руки, надел куртку и подхватил винтовку.

— Куда ночью-то переться? — запротестовал Гарин. — И «хлопушки» эти... они же невидимые!

— Значит, не важно, когда на них смотреть, ночью или днем, — высказался Столяров. — А если нет разницы, зачем терять время?

Логика товарища показалась Олегу немного странной, но возразить ему было нечего.

— Одну секунду! — Доберман повесил винтовку на плечо и, взяв со стола свою книгу, принялся ее сосредоточенно листать.

— Что ты зрение портишь? — сказал Михаил. — Днем дочитаешь. И вообще ты не совсем вовремя о ней вспомнил.

— Сейчас, сейчас... — озабоченно ответил сталкер, продолжая перелистывать страницы. Он на мгновение оторвался от книги, вздохнул и снова начал проглядывать текст. — Перед выходом с базы и в любой сложной ситуации я сперва гадаю.

— Что-что ты делаешь? — опешил Столяров.

— Гадаю по книге. Сейчас... — торопливо повторил Доберман.

— Это снова юмор?

— Нет.

— Подожди. Каким образом ты по ней гадаешь? Это же обычная книжка!

— Система не очень простая, сразу не объяснишь.

— Понятно. — Михаил мелко покивал. — Все понятно.

Гарин с отсутствующим видом уставился в потолок и начал что-то напевать — негромко, но выразительно.

— О! — воскликнул Доберман. — Кажется, это то самое место.

— Ну-ну, — поддержал Столяров.

— Вот! Да. Та-ак... — Сталкер, беззвучно пришептывая, провел пальцем по строчке, затем переместился вниз.

Процесс гадания длился недолго, но успел повергнуть и Гарина, и Столярова в крайнее смятение.

— У нас будут проблемы, — сообщил наконец Доберман.

— Большие? — осведомился Михаил.

— Преодолимые, — туманно ответил сталкер.

— А поконкретнее можно?

— Конкретно я не знаю. Но мы справимся.

— Отлично. Тогда на выход! — скомандовал Столяров и подтолкнул Гарина к двери.

Олег беспомощно оглянулся — «венец» так и лежал на столе, его лишь подвинули на угол, чтобы освободить место для тарелки с блинами. Гарин хотел об этом напомнить, но Михаил снова толкнул его в спину, притом довольно ощутимо.

Когда все трое оказались на лестнице, Доберман вдруг раздосадованно хлопнул себя по ноге:

— Стойте, не закрывайте! Я так и тащу ее с собой... — Он предъявил свою книгу. — Пойду положу.

— Да брось в прихожей где-нибудь, — сказал Столяров.

— Это неуважение. Отнесу на кухню. Я быстро.

Прежде чем кто-то успел возразить, Доберман скрылся в квартире.

Гарин сделал вид, что почесывает бок, и на ощупь снял автомат с предохранителя. Артефакт, оставшийся валяться на столе, не шел у него из головы. «Венец» был гораздо ценнее, чем дикорастущие бомбочки, и Доберман не мог этого не знать. В отличие от «хлопушек» «венец» был творением штучным, уникальным. Человек, промышлявший продажей артефактов, да еще и бывавший в Припяти, должен был прекрасно все это понимать. Вот такие мысли пронеслись в голове у Гарина, но поделиться ими со Столяровым он не успел: Доберман моментально вернулся.

— Теперь пошли, — удовлетворенно сказал сталкер.

Олег отметил, что поворачиваться к новому знакомцу спиной ему решительно не

хочется. Он почти не сомневался, что «венец» уже перекочевал либо в рюкзак Добермана, либо куда-нибудь за подкладку. Но еще больше заботило Гарина не это, а отношение Столярова к бесценному артефакту. Михаил словно списал его в утиль. Бросил на столе, как пустую сигаретную пачку. Следующий шаг — мусорное ведро? Впрочем, до помойки «венец» не доберется, не для того Доберман возвращался в квартиру.

Гарин спускался по лестнице последним, неотрывно глядя в спину кармического гадателя и держа хорошую дистанцию. Кроме того, он как бы невзначай перевесил автомат стволом вперед. Осторожность не бывает излишней, особенно когда старый приятель начинает вести себя странно, а новый и вовсе непредсказуем.

Троица дошла до первого этажа и остановилась возле почтовых ящиков. Столяров приоткрыл дверь, выглянул и поманил спутников за собой.

Луна светила достаточно ясно, чтобы сталкеры могли обойтись без фонариков. На улице было тепло, безветренно и сухо — в такие ночи московские дворы, даже в новостройках, пустовали редко. Люди сдвигали скамейки и сидели до рассвета, иногда под гитару, каким бы анахронизмом это ни казалось. По утрам дворники выметали из «культурного периметра» ведра окурков и смятых банок из-под чудовищных алкогольных коктейлей. В выходные этот немотивированный праздник жизни зачастую длился нон-стоп.

Гарин попытался вспомнить, какой сегодня день недели, и не смог. В Зоне это было ни к чему. И на лавочках тут давно уже никто не сидел.

— Туда, — уверенно показал Доберман и направился к большому газону.

Сталкеры пересекли площадку по диагонали почти до самого конца. За пару метров до угла, где сходились две плиточные дорожки, Доберман резко остановился и ткнул пальцем под ноги.

— Это первый, — объявил он.

Впереди торчали лохмы нестриженной травы. И больше ничего. Ни фантика, ни веточки — никаких примет. Олег не сумел разглядеть даже собачьего дерьма, хотя уж его-то здесь всегда было навалом.

— Зачем искать невидимое завтра, если с таким же успехом его можно не найти и сегодня... — изрек Гарин.

— Запиши это в свой цитатник, — посоветовал Михаил, — в раздел «Никчемное».

— Теперь пойдем проверим второй, — предложил Доберман.

— А где урожай Скутера? — осведомился Столяров. — Ты говорил, там колышками огорожено?

— Здесь неподалеку. Но лучше туда не ходить, мало ли что.

— Пойдем, — сказал Михаил таким тоном, что возразить было невозможно. Полковник это умел.

Доберман с сомнением покхекал, потоптался на месте и двинулся назад. Олег еще раз оглянулся на «хлопушку», словно надеясь, что вот теперь-то он ее заметит. Чуда не случилось: невидимое так и осталось невидимым.

Около минуты шли молча. Пересекли прямоугольный газон в обратном направлении, ступая след в след, хотя явной необходимости в этом не было, затем по очереди шагнули через узкий бордюрный камень и направились дальше по тропинке. Темно-серые стены домов смотрели на людей высокомерно и отстраненно. Черные окна были похожи на беззубые рты, распахнутые в издевательском хохоте.

— Тут можно свернуть и дойти до нашей, — сказал Доберман возле кирпичной хибары электроподстанции. — Тут уже близко. Не хотите?.. Ну ладно, я ее отсюда покажу. — Он прошел вдоль постройки и, присев на корточки, вытянул палец. — Во-он там она, слева от урны. — Он обернулся, чтобы убедиться, что спутники смотрят в правильную сторону.

— Да, хорошо, — отозвался Михаил, чуть пригнувшись.

— Клёво, — поддакнул Гарин.

— Тебе так дерево загораживает, — проговорил Доберман. — Ты опустишь пониже, чтобы из-под кроны смотреть.

Олег против воли присел и вперился взглядом в пространство рядом с урной у противоположного корпуса. Таким идиотом он не чувствовал себя еще никогда.

— Теперь прогуляемся до фермы Скутера, — напомнил Михаил.

— Это действительно необходимо? — спросил Доберман.

Не дождавшись ответа, сталкер смиренно повел спутников вокруг подстанции к проходу в соседний двор.

Впереди была открытая площадка с редкими пучками сорняка. «Хлопушки» могли расти на ней где угодно или... вовсе нигде. И Олег все больше склонялся ко второй версии. Он лишь недоумевал, почему не сообразил сразу, с первой же секунды, что никаких «хлопушек» вообще нет, их просто не существует.

Уже не таясь, Гарин положил палец на спусковой крючок. Ему даже захотелось, чтобы Доберман это заметил, — меньше будет соблазнов. Однако сталкер был слишком увлечен экскурсией по двору. Или умело прикидывался.

— Ну и где? — требовательно произнес Михаил.

— Рядом с песочницей, — не дрогнув, ответил Доберман. — И одна, и вторая.

— Я и песочницу-то не вижу...

— Вон грибок. А справа от него песочница. Холмик типа могилки маленькой.

Олег свободной рукой почесал нос. Последние десять метров пути он только и ждал повода для выстрела. Он чувствовал, что еще пара таких вот реплик про могилку — и повод уже не понадобится.

— А, теперь понял. — Михаил сориентировался и дальше пошел один.

Гарин растерялся, не зная, что делать, — догонять друга или оставаться присматривать за Доберманом. В итоге он решил не спешить, тем более что никаких «хлопушек» там, разумеется, не...

— Есть! — крикнул Столяров. — И вправду рейками обнесли, как крыжовник!

— Как невидимый крыжовник, — раздраженно уточнил Олег.

Михаил поднял с земли кусок гнилой доски, отошел назад и запустил деревяшкой в отмеченный колышками участок. Он сделал это так быстро и так буднично, что Гарин с Доберманом не успели и ахнуть. Между грибком и песочницей сверкнула вспышка, хлопок взрыва показался в ночи оглушительным.

— ...мать! — закончил фразу Доберман. — Ты что творишь, идиот?

Столяров подобрал тлеющую доску и повторил акт вандализма в отношении второго недозревшего артефакта.

— Не видать Скутеру ништяков, — заключил он.

— Зато мы скоро увидим, что бывает, когда Скутер злится, — мрачно проговорил Доберман.

— Ты же обещал проблемы? — Михаил, отряхивая ладони, неторопливо вернулся к спутникам.

— Это не я, это книга, — буркнул сталкер.

— А что еще она обещала? Что мы справимся, верно?

Доберман покачал головой:

— Валить отсюда надо. И с этого места, и с этой базы.

— Там не база, там мой дом! — возразил Олег. — Ну а ты что учудил? — бросил он Столярову. — Зачем это было нужно?

— Должны же мы с чего-то начинать, — спокойно отозвался тот. — Сколько можно сидеть на твоей кухне?

— И что ты сейчас начал? Вот объясни мне. Неприятностей на жопу нашел — это, потвоему, хорошее начало?

Столяров взял Олега за краешек воротника и потянул к себе, чтобы сообщить нечто конфиденциальное, но вдруг обратил внимание на небо. Гарин услышал тугой свист ветра, похожий на сквозняк. Звук стремительно усиливался и через какое-то мгновение уже напоминал гул в печной трубе.

— Атас! — по-детски воскликнул Михаил и, оттолкнув товарища, схватился за автомат.

Позади Олега каркнула ворона — утробно и раскатисто, как глохнувший трактор. Столяров передернул затвор и начал стрелять вверх. Гарин поднял голову и оцепенел: в небе кружили черные силуэты птиц с непривычно широким размахом крыльев. Будь это орлы или грифы, он бы испугался, но не удивился. Однако это были вороны. Несколько десятков огромных мутировавших птиц летали над двором, и грай их стаи сливался в безумный басовый хор.

Движением, отточенным до грациозности, Доберман снял с плеча винтовку и на счет «два» уже выстрелил. Первый трофей размером с добрую индюшку рухнул прямо к ногам Гарина, и это вывело его из ступора. Олег вскинул автомат и выпустил в воздух четыре короткие очереди. Он был уверен, что при такой плотности стаи попадет, не целясь, но результат оказался нулевым. Михаил тоже не мог похвастать успехами, он лишь распугивал птиц, а точнее сказать — облака. Эти вороны выстрелов не больно-то и боялись. Они продолжали парить над площадкой, взмахивая крыльями редко и величественно, как натуральные хищники. Иногда мутанты поодиночке пикировали вниз, будто проверяя нервы людей на прочность, и по крутой дуге снова взмывали в небо.

Луна светила вовсе не так ярко, как казалось Олегу прежде. Целиться было невообразимо трудно. Расстреляв первый рожок без толку, Гарин решил, что пора менять тактику. Он долго примеривался, потом наконец выбрал из стаи одну мишень и выстрелил с упреждением. Птица, будто учуяв его намерения, в последний момент развернулась на крыле и ушла в сторону. Олег выругался и начал все заново.

Кружение ворон с геометрическим кругом не имело ничего общего. На самом деле птицы выписывали в воздухе сложные вензеля, состоявшие из асимметричных восьмерок, словно плели бесконечную удавку. Истратив уйму патронов напрасно, Гарин сумел-таки «прочитать» пируэт намеченной цели и свалил мутанта на землю — хотя не исключено, что это была простая случайность. Столяров к тому времени подстрелил уже три штуки, и это также нельзя было назвать большим достижением.

На фоне таких скромных результатов Доберман выглядел настоящим чемпионом: редкая пуля из его СВД уходила впустую. Он уничтожал мутантов одного за другим — без особой спешки, но и не выцеливая слишком долго. Главным в его работе был ритм. А в том, что винтовка — это и есть его работа, Гарин уже не сомневался. Он повидал много снайперов, и Доберман был одним из лучших.

Олег смирился с тем, что за профессиональным стрелком ему не угнаться, и решил просто быть полезным в меру сил. Однако его настроение поменялось, когда он обнаружил, что взял с собой всего три рожка и третий уже наполовину расстрелян. Он запоздало перевел рычажок в положение одиночного огня и снова принялся вычислять вороны траектории.

Гарин уже собрался поразить следующего мутанта, когда вдруг почувствовал, что его голова запрокидывается назад. Мгновением позже пришла острая боль в макушке и на затылке. Что-то тяжелое давило на шею, хлопало по плечам и при этом горячо дышало Олегу в ухо. Гарин неловко взмахнул руками и начал заваливаться на спину — и тут увидел ствол СВД, направленный ему прямо в лицо.

— Падай, — коротко произнес Доберман и выстрелил.

Сраженная птица отлетела в сторону, вырвав у Олега клочок волос. Следом, не удержав равновесия, грохнулся и сам Гарин.

— Спасибо, — выдавил он.

— Помощь нужна? — спросил Доберман.

— Я в порядке. — Олег помотал головой и брезгливо сплюнул. Он все никак не мог отделаться от ощущения, что до сих пор слышит позади жадный вибрирующий клекот и чувствует дыхание мутанта — сухое и жаркое, как из паршивой автомобильной печки.

Гарин подтянул к себе автомат и попробовал целиться в небо, лежа на спине, но так оказалось еще сложнее. Олег встал. Поцарапанную макушку саднило, но щупать ее не

хотелось — намокший воротник прилипал к шее, этого было достаточно.

«Надеюсь, обойдется без шрамов», — подумал Гарин и тут же пожалел, что поднялся: сзади что-то шарахнуло под лопатку, снова сбив его с ног. Ворона, выходя из пике, взмыла вверх. Кажется, она что-то уносила в клюве, хотя Олег не был уверен. Левая рука мгновенно стала ватной, из нее словно откачали кровь. Она не онемела, Гарин ее по-прежнему чувствовал и мог ею двигать, но силы в мышцах не осталось.

Столяров с тревогой посмотрел на упавшего товарища и, продолжая посылать в небо короткие очереди, подбежал к Олегу.

— Доберман! Валить отсюда надо! — закричал он.

— А я что говорил? Давно надо было! Только поздно уже.

— В каком смысле?

— В обыкновенном. Эти твари все понимают. Они не глупее нормальных ворон, уж точно. Они чувствуют, кто опасен, а кто нет, и реагируют по-разному. Безоружного человека заклюют, как мышшь. А на убегающего им даже интересней нападать, я видал такое.

— Ну тогда пойдем потихоньку, — предложил Гарин. — Здесь идти-то две минуты, давно уже были бы дома!

— Не дойдем, — мрачно ответил Доберман. — Они все понимают, говорю же.

— Тогда что делать-то? — прошипел Столяров.

— А что я делаю, не видишь? Стреляй!

Михаил взял у Олега автомат, без спроса вынул рожок и вернул ему оружие.

— Отдыхай, — сказал он. — Да рукой не дергай, лежи спокойно! Еще неизвестно, что там у тебя. На базе разберемся.

Гарин с тоской смотрел в небо, на бесконечную птичью круговерть. Стая значительно поредела, двор стал похож на разоренную птицеферму: тушки — в основном трофеи Добермана — лежали уже повсюду. Некоторые подранки вяло пошевеливались, другие судорожно вздрагивали, но, слава богу, на земле никто из них не голосил.

— Грачи прилетели — грачи улетели, — неожиданно объявил Доберман. — Отбой тревоги.

Птицы продолжали парить, с плотным шорохом рассекая воздух, но у Добермана, похоже, были свои приметы.

Олегу остро, неистово захотелось, чтобы сталкер оказался прав. Дело было не в боли — ее он почти не чувствовал, даже не в страхе — Гарин от злости как-то и забыл, что отсюда можно не вернуться. Просто ему было невыносимо тошно лежать на траве и сознавать собственную бесполезность. Олег так напряженно представлял себе улетающих ворон, что, когда они разом, будто по сигналу, покинули двор, он воспринял это как должное.

— Грохота мы, конечно, многовато наделали, — сокрушенно проговорил Столяров.

— Не думаю, что шум кто-то привлечет, — отозвался Доберман. — Я бы, например, держался подальше от пальбы и уж тем более от этого лошадиного карканья. Любопытство — скверная болезнь, но Зона быстро ее лечит.

— Что же ты не предупредил-то? — спросил Михаил.

— О чем?

— Ну, о бройлерах этих кровожадных, о чем еще!

— А ты сам их до сих пор не встречал, что ли? Или ты по ночам в город не ходил?

— Так ночью-то нормальные люди спят! — назидательно протянул Столяров. — Нет, ну ты же мог заранее рассказать!

— Если обо всем заранее рассказывать — недели не хватит. Я думал, вы в курсе. Олег, что там у тебя?

Гарин наконец-то поднялся с земли, при этом обошелся без посторонней помощи, что не могло его не радовать.

— Во, — он повернулся левым боком.

— А с головой что? Ё-моё! — вздохнул Доберман.

— Да это фигня, просто царапина. Меня плечо сильнее волнует.

— Ну что мы тут стоим? Не видно же ни хрена. Пошли на базу.

— Ты иди вперед, — скомандовал Столяров. — На кухне бинты в левом шкафу, приготовь их. А в кабинете найдешь серый чемоданчик пластмассовый, там антибиотики. И, наверно, воды вскипятить не помешает? Хотя у нас водки полно. Ну, в общем, сообразишь по обстоятельствам. Держи ключи. А я Олега доведу.

— Да чего меня... я сам... — запротестовал Гарин, но в этот момент Михаил коротко и незаметно ткнул его стволом автомата в ногу чуть повыше колена.

Правое бедро сразу налилось свинцовой усталостью, и с первого же шага Олег беспомощно заковылял.

— Ты что творишь?! — возмущенно прошептал он, когда Доберман скрылся за углом подстанции. — Вообще-то я сам с тобой поговорить хотел без свидетелей. Но не сейчас. Ты зачем его одного туда отправил?! Если он сразу «венец» не украл, то теперь уж точно возьмет!

— Дундук ты, Олежка, — вполголоса ответил Столяров.

— Кто из нас дундук?! Ты, считай, «венец» ему прямо в руки сунул!

— Ну а как еще мы его проверим? У нас тут Особого Отдела нет, анкеты проверять некому.

— Ах, прове-рка! — взвился Гарин. — Не слишком ли дорогой ценой ты его проверяешь? Я тебя просто не понимаю.

— Если бы ты не манерничал, а опирался на мое плечо, то наверняка понял бы.

— Кстати... а с ногой ты что мне сделал? Ты звереешь, Миша. Не замечал этого? Присмотрись к себе, советую.

— Нога сейчас пройдет, это же школьный трюк с нервом.

— Не знаю, меня в школе такому не учили, — буркнул Олег. — И зачем мне на тебя опираться? Сам дойду.

— Сюрприза не получилось, — констатировал Столяров и вытащил из-за пазухи «венец», бережно укутанный в черную тряпицу.

Гарин от удивления остановился.

— А на кухне что валяется? — бросил он Михаилу в спину.

— Фальшивый, — ответил тот, не оборачиваясь. — Помнишь, сколько подделок по Припяти гуляло? Их в Киеве до сих пор купить можно.

Олег начал догонять друга, но нога все еще гудела, и ускорение далось ему с большим трудом.

— Получается, мы только для этого на улицу и вышли? — спросил он. — Чтобы ты свой гребаный эксперимент на честность провел?

— Не только. Лопухи посшибать тоже полезно было.

— «Хлопушки» Скутера, — уточнил Гарин.

— Нам ведь нужны новые знакомства, контакты с местной мерзотой. Ну, то есть, с новой московской элитой. Иначе ничего не найдем. Из тебя проводник нулевой, а Доберман вроде человек толковый, но он фигура не того масштаба.

— Он нам вообще не нужен, — отрезал Олег. — Даже если не сопрет артефакт. Даже! — подчеркнул он. — Все равно не нужен.

— Нужен, — возразил Михаил.

— Но ведь он сумасшедший! Ты разве не понял?

— Это ясно, как божий день. Но неадекватность Добермана не помешала ему спасти нас от ворон. Стрелок он превосходный.

— Ага, только сначала он сам же нас к ним и привел. Такие подвиги не засчитываются.

— Там, — Столяров поднял палец вверх, — засчитывается все.

— Раньше у тебя балансировка мозга получше как-то работала. А сейчас сплошные заходы ва-банк. Сам же орал про государственную тайну, требовал с меня какие-то страшные клятвы... А потом что? Чуть не спалил все секреты первому встречному!

— Я?! — неподдельно удивился Михаил. — Я просто показал ему «венец», вот и все.

Доберман и раньше его видел. Что в этом такого?

— Ну тогда я! — не унимался Гарин. — Я мог все раскрыть. Не специально, в сердцах.

— Я понадеялся на твое благоразумие. Все-таки не первый год тебя знаю.

Следующие десять метров прошагали молча.

— Хорошо бы еще выяснить, в какой он там был группировке! — сварливо произнес Олег после паузы. Надежды убедить товарища давно уже не было, и он продолжал спорить лишь по инерции.

— Где, в Припяти? А тебе это важно? Слушай, Доберман уже доказал свою порядочность, и...

— Неужели?! — театрально воскликнул Гарин.

— Мне — доказал.

— Сейчас поднимемся, а там тю-тю, — зловеще предрек Олег, останавливаясь у подъезда. — Ни «венца», ни Добермана. И записка: «К обеду не ждите».

— Поднимемся, а там приготовлены бинты и аптечка, — с улыбкой возразил Столяров.

— Поспорим?

Михаил смерил его взглядом и снисходительно заявил:

— Ну разве что на щелбан.

— На десять. И я тебя жалеть не буду.

— А я тебя буду. Ты и так весь истерзанный.

Гарин лишь усмехнулся. Он был уверен, что Доберман уже исчез, прихватив и фальшивый артефакт, и вероятно, что-нибудь еще. Эта недобрая мысль так бодрила Олега, что подъем на седьмой этаж он осилил без передышек.

Полковник сдержал слово и щелбаны отвесил другу щадящие, символические.

Глава девятая

Гарин влетел на кухню как ужаленный.

— «Венец» был тот или этот?! — выпалил он с порога.

— Ты о чем? — Столяров сделал вид, что не понял.

Вместе с Доберманом они готовили завтрак, и это выглядело так трогательно, что Олег на мгновение забыл, о чем собирался спросить.

Завтрак был поздним, сталкеры проснулись только к полудню. После стычки с мутантами Олега пришлось врачевать, и процесс затянулся до самого рассвета. Царапину на голове обработали йодом, а вот со спиной все оказалось сложнее: ворона вырвала из лопатки приличный клочок. Столяров наложил Олегу два шва, но сначала налил ему полный стакан коньяка — не ради анестезии, а просто для оптимизма.

— Вам приталить или сделать посвободней? — интересовался Михаил, распечатывая стерильную иглу.

— Шей молча, модельер, — мужественно отвечал Гарин.

После этого он принял еще стакан и отправился в спальню. Постельное белье, залитое кагором, менять не было смысла, и Олег завалился так. Михаил лег в детской, а Доберман пристроился в кабинете на диване, где до этого спал сам Гарин.

— По-моему, Олег, ты еще не проснулся, — выразительно произнес Столяров. — Угомонись и садись жрать. Пожалуйста.

Он переставил на стол сковородку с тем же омлетом, что и вчера, только из расчета на троих.

— Там, в подвале у Кенса. И потом на обратном пути, — настойчиво повторил Гарин. — Какой там был «венец»? Какой, а?!

Столяров озадаченно посмотрел на Добермана:

— Будь добр, иди покури на балконе.

— Я не курю, — ответил сталкер.

— И у меня нет балкона, — предупредил Олег.

Доберман вздохнул и вытер мокрые руки.

— Схожу на свою старую базу, — сообщил он. — Я вчера не все принес, там много полезного осталось. Не бросать же.

Гарин и Михаил проводили его безразличными взглядами.

— А, вот еще что! — Доберман вернулся на кухню, но только одной ногой, поэтому до книжки на столе ему пришлось дотягиваться. — Иногда забываю... а забывать нельзя, нельзя.

Он раскрыл том посередине, явно наугад, и начал лихорадочно вчитываться. Олег с трудом сдерживался, чтобы не выкинуть книжку в окно. Столярова это тоже раздражало, но он терпеливо ждал.

— Все нормально, — объявил Доберман.

Он звучно захлопнул книгу и, сцапав с тарелки вчерашний блин, удалился в прихожую.

— Любопытно... — подал голос Михаил. — Прежде чем явиться к нам, ты тоже гадал?

Олег раздосадованно скривился: «Кому нужны эти подробности, пусть уже отваливает быстрее!»

— Естественно, — ответил сталкер. — Книга показала, что я встречу хороших людей, но все равно должен проявить осторожность.

— Наврала твоя книга, — сказал Олег так, чтобы Доберман не услышал. И, когда входная дверь закрылась, повторил громче: — Наврала! Нет здесь хороших. Сплошные лицемеры и наё... — он закашлялся и закрыл рот рукой.

— Как самочувствие? — поинтересовался Михаил. — О чем истерика?

— О «венце», о чем еще, — глухо проговорил Гарин. — Вернее, о двух. Я надевал «венец» два раза. Это был один и тот же обруч?

— Ответить честно?

— Я и сам уже понял. — Олег сел за стол и подавленно уставился на сковородку. — Значит, эксперименты над живыми людьми продолжаются, да? — тихо промолвил он.

— Если бы я мог экспериментировать на мертвых, я бы с удовольствием...

— Да заткнись ты! Надоело слушать твою брехню. Это не тот случай, когда можно отшутиться и закрыть вопрос! — Гарин категорично постучал пальцем по столу. — Ты только и делаешь, что всех проверяешь. Проверяешь, проверяешь... Да кто ты такой?! Кто тебе дал право?

— Я не тебя проверял, а «венец».

— Еще лучше! — вспыхнул Олег. — Я теперь числюсь калибровочным станком?!

— Не в этом смысле. Какой из артефактов настоящий, а какой нет, мне и так известно. Фальшивый я сам покупал, лично. Весь вопрос в вашем взаимодействии. Ты ведь не будешь отрицать, что работа «венца» зависит от того, кто им пользуется? «Венец» — это инструмент, а ты оператор. Ты в этой паре главный.

— Короче, на рыбном складе «венец» был настоящий, а в машине — липовый.

— Что и требовалось доказать, — покивал Столяров. — Нет, все было наоборот.

— Не ври мне, — растерянно обронил Гарин. — Ну хоть сейчас не ври! В подвале меня вырубил наглухо. Это, по-твоему, ни с того ни с сего произошло? От какого-то сувенира?

— Ты и раньше терял сознание. Я тебе говорил, что ты зря к врачам не обратился.

— А в машине, стало быть, артефакт был рабочий? И ничего не случилось.

— Почему что-то сразу должно было случиться? Радио, кстати, заиграло, помнишь? — рассмеялся Михаил.

Олег отрешенно поиграл вилкой и подцепил со сковороды кусок остывающего омлета. Положил его в рот, сделал пару жевательных движений и замер в раздумьях.

— Давай сюда оба, — сказал наконец он. — Давай-давай! Во-первых, я хочу убедиться, что их действительно две штуки.

— А не три, — мрачно пошутил Столяров и, не дожидаясь реакции, вышел из кухни.

Когда Михаил вернулся, у него на ладони висели, как крупные бублики, два артефакта. Вернее, оригинал и копия, хотя разницы между ними Олег, как ни старался, не нашел.

Обручи были идентичны.

— Ты их не перепутаешь? — забеспокоился Гарин.

— Они помечены.

— И где какой?

— Я знаю, но тебе не скажу.

— А то чистоты эксперимента не будет, — съязвил Олег.

— Именно так. — Столяров положил «венцы» на стол, позволяя другу рассмотреть их поближе и пощупать.

— Сделано искусно, — заключил Гарин. — Ну а все-таки...

— Не скажу, — повторил Михаил. — Какой смысл? Ты и сам их легко отличишь, если... — он многозначительно погладил себя по лбу.

— Да, это можно было предвидеть... — горько проговорил Олег. — Все сводится к очередному эксперименту. Хорошо, мы его проведем. Но только при одном условии.

— Ладно. — Михаил поднес оба артефакта к окну и внимательно их изучил. — Вот подлинный, — он протянул товарищу один из «венцов».

— Почему я должен тебе верить?

— На другом стоит точка, видишь? Вот здесь, на внутренней стороне. Фальшивый я отметил красным маркером.

Гарин тоже поднялся и придирчиво осмотрел обручи. С некоторым трудом, но метку он все-таки нашел. Красное на черном выглядело как мокрое пятнышко. Заметить его без подсказки было бы невозможно.

— Ну что, вперед? — поддержал друга Столяров. — Кстати, вон наш Доберман во дворе, и с ним еще двое. Разговаривают. Кажется, довольно мирно. — Михаил шагнул в сторону, скрываясь за шторой. — Тряхнешь стариной? По-моему, это хороший повод.

— Я не очень понимаю, чего ты от меня ждешь, — сказал Олег.

— Ну, помнишь, как на базе у наемников было? Это же самое простое, правда? Послушай их. Послушай — и все. В любом случае нам будет полезно узнать, чем дышит наш новый приятель.

Гарин снова осмотрел артефакты, еще раз убедился, что помеченная подделка находится в руках у Столярова, и осторожно надел «венец» на голову. Он опасался, как бы не потревожить вчерашнюю рану, но царапина была ниже, на затылке.

Включение произошло моментально, будто речь шла о примитивном электроприборе. Олег почувствовал, как стены кухни раздвигаются — все шире и шире, далеко за пределы дома. Гарин по-прежнему видел свои старенькие обои, бесполезную плитку и коробки с припасами, но при этом сознавал, что одновременно присутствует во всех соседних корпусах. Такая быстрая активация даже в Припяти случалась не всегда, хотя там он эксплуатировал «венец» по полной программе.

Олег удивительно ясно чувствовал зверей — в микрорайоне их оказалось намного больше, чем можно было представить. Некоторых, например — одичавших кошек, Гарин распознавал легко, а про иных даже не мог сказать, как они выглядят. Тем не менее он слышал каждое живое существо в округе. Встревоженные, голодные, умиротворенные — они были такими же разными, как и люди. Ими можно было любоваться бесконечно — даже в те моменты, когда они жрали друг друга. В этом тоже была своеобразная гармония.

Столяров похлопал Олега по плечу:

— Ну, что там?

— Сейчас, — ответил Гарин, слегка раздосадованный тем, что благостное созерцание приходится прерывать. Однако полковника, как всегда, волновала работа и только работа.

Олег посмотрел вниз за окно. Доберман стоял возле дома, с ним были еще два каких-то типа, дружественных или нет — поди разбери...

Гарин не надеялся, что сразу прочтет их мысли, у него давно не было практики — потому что не было под рукой «венца». И нельзя сказать, что Олег по нему сильно скучал... Но вот подвернулся случай, и он вдруг испытал радость от этой встречи. Гарину снова было

интересно жить, он снова чувствовал свою необходимость.

Мысли он, конечно, прочитать не надеялся, но уловить чужое настроение было делом не сложным.

«Комфортно. Проблема решена».

Это оказалось не совсем то, на что Олег рассчитывал. Ему хотелось выудить что-нибудь более конкретное, но почему-то не удавалось. Вероятно, восстановить все навыки за один сеанс было невозможно.

Гарин опять сосредоточился, но ничего нового не открыл.

«Проблемы больше нет. И это прекрасно», — теплыми переливами звучало в его сознании.

— Он чего-то боится, — сказал Олег.

— Кто? — спросил Михаил.

— Погоди... Не чего-то, а кого-то. Скутера. Да, точно.

— Кто боится-то?

— Все трое.

— Получается, наш Доберман с ними заодно?

— Совсем не обязательно. Но боится он того же самого. Скутер давит на всех — и на своих в том числе.

— Ну хоть какая-то информация, — удовлетворенно заметил Михаил. — Будет о чем покумекать на досуге. Теперь второй «венец».

— Зачем? — опешил Гарин. — Мы ведь уже все выяснили.

— Мы собирались провести испытания? Вот и проводим. Напаяливай.

Олег сменил обруч на голове и комично повращал глазами.

— Ну и что дальше? — спросил он.

— Не знаю. Прислушайся к себе, — пожал плечами полковник.

— Пустота.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Это кусок пластика, не более того.

— И все-таки не спеши с выводами. Попробуй хоть что-нибудь, — предложил Столяров.

— Стою с кольцом на башке, как дурак.

— Ясно. — Михаил выглядел разочарованным. — Ну, тогда снимай. Может, впарим кому... Хоть какая-то польза будет.

— Оставь, я его Бориске отвезу. Будет ему сувенир. А пока пусть полежит где-нибудь, хлеба не просит.

Олег заглянул в спальню и забросил обруч на шкаф.

— Ну и что в итоге ты выяснил? — спросил он, снова подсаживаясь к безнадежно остывшему омлету. — Реальный артефакт худо-бедно работает, а фальшивый — нет. Это что, научное открытие?

— Почему же в прошлый раз все было иначе?

— Ну-у... — чтобы не торопиться с ответом, Гарин набил рот и принялся тщательно пережевывать.

— Потому что вчера ты не знал, где реальный, а где фальшивый, — ответил за него Михаил.

Олег задумался над услышанным и уже собрался что-то возразить, но в этот момент в квартиру ввалился Доберман с каким-то тяжелым ящиком.

— Да куда ты это повидло тащишь? — всплеснул руками Столяров. — Продуктов у нас полно!

— Какое повидло? Джем это. Клубничный джем. Чужих нет? — негромко добавил Доберман и занес ящик на кухню. — Встретил парней Скутера, — с ходу сообщил он.

— Беспокоились насчет своих «хлопушек»? — без труда угадал Михаил.

— Они не беспокоились. Они шли убивать. Даже не из-за денег, а...

— А чтобы защитить свою территорию и напомнить, кто тут хозяин. Это как раз понятно. Непонятно, почему они передумали.

Доберман секунду помолчал, переваривая вопрос, потом суеверно прикоснулся к своей книге.

— Наверно, я слишком ей доверяю, — пробормотал он. — Но она никогда меня не обманывала. Парни видели дохлых ворон, и мне осталось только подтвердить, что ночью мутанты на кого-то напали. Я слышал стрельбу и взрывы. Так им и сказал. Их это устроило. Потому что такое объяснение устроит Скутера.

— Какие гуманные ребята. А ты говорил — отморозки.

— Эти — самые адекватные из всей банды. Одного зовут Мозоль, как второго — не знаю.

Сталкер сел за стол и бережно пристроил ящик на коленях. Либо он был большой сластена, либо в банках был все-таки не джем — эта мысль посетила Олега и Столярова одновременно.

— Давай хвались, — поддержал полковник.

— «Хлопушки», — скромно пояснил Доберман. — Все, что успел насобирать.

— Как это мило. И сколько? — Михаил заглянул в ящик, пытаясь пересчитать стеклянные банки.

— Тут не в каждой. В некоторых джем. Вернее, джем-то во всех банках, но в некоторых еще и шарик. Просто его не видно. А так — десять штучек. Больше я пока не добыл.

— Отчаянный ты мужчина, Добермаша...

— Не надо коверкать мое имя, — вставил тот.

— Доберманчик ты наш, Добермуся. Принес на базу сто кило тротила — ничего тебе для корефанов не жалко. А если чихнешь? Если уронишь? Шахиды в роду были?

— У меня? — озадаченно переспросил сталкер.

— На последний вопрос можно не отвечать, — заметил Гарин.

Доберман переставил ящик на пол и медленно отодвинул его ногой к стене.

— В такой таре «хлопушки» менее опасны, — сказал он. — Джем густой, хорошо гасит колебания.

— Про нас с Олегом парни Скутера не спрашивали? — поинтересовался Столяров.

— А как же. В Москве каждый человек на виду.

— И что ты им наплел?

— Я сказал правду: появились новые ходоки, люди опытные и приличные. — Доберман по инерции сунулся в тарелку, однако блины закончились. — Ну, какие у нас планы?

— За бензином надо бы съездить. Я давно Олегу обещал.

— Ты тачке своей обещаешь, а мне-то он на кой? — беззлобно огрызнулся Гарин.

— Поехали, — подытожил Столяров.

Доберману приспичило сесть впереди, и Олег без возражений занял место за водителем. Заднее сиденье было порвано, из-под липкого дерматина вылезал желтый, крошащийся от старости поролон. Памятуя о встрече с молодыми братками, Михаил выезжал из двора еще аккуратней, хотя Доберман советовал поступить иначе — дать по газам и побыстрее выскочить на трассу. Гарин в этот спор принципиально не вмешивался. В итоге «вольво» все равно оказалась на Профсоюзной улице, пусть и не так скоро, как того хотелось Доберману.

— Ближайшая вон там, — показал пальцем сталкер.

— Что «ближайшая»? — процедил Столяров.

— Заправка, естественно.

— А бензин ты будешь ведрами вычерпывать? Если он там еще остался. В чем нет никакой уверенности, — раздраженно добавил полковник, — потому что эвакуация населения — это в первую очередь топливный кризис.

— Тогда как же?.. — растерялся Доберман.

— Отсасывать будем. По очереди.

Сталкер сдержанно кашлянул и поправил в ногах винтовку.

— Ну вот же машины стоят! — Олег обвел рукой ряд автомобилей вдоль тротуара. — Зачем куда-то ехать?

— Да что же вы такие все умные-то! — в сердцах воскликнул Михаил. — Эти давно пустые. Можно подумать, что, кроме нас, бензин никому не нужен.

— Ладно, тебе виднее, — отмахнулся Гарин. — Вези, куда знаешь.

Столяров проскочил два перекрестка, а на третьем резко свернул вправо. Бело-синие коробки многоэтажек сомкнулись плотнее и нависли по обе стороны от узкой дороги. Гарин отметил, что совершенно не знает этих мест, хотя от его дома отъехали максимум на пару километров. Впрочем, спальные районы мало чем отличались.

Машина миновала поликлинику и универсам. С первого взгляда было ясно, что магазин давно разграблен, да и в поликлинике вряд ли осталось что-нибудь, кроме пустых бланков. Михаил продолжал отъезжать от Профсоюзной, углубляясь все дальше в какие-то глухие места. Когда за домами показался темный массив парковой зоны, Гарину стало не по себе.

— Доберман, ты погадать не забыл перед выходом? — спохватился Олег.

— Конечно, нет.

— И что там?

— Прогноз положительный, иначе я бы не поехал. И вас не пустил бы.

— А что она вообще предсказала, книжка твоя?

— Олег, она не рассказывает истории, — вздохнул сталкер. — Просто книга дала понять, что мы вернемся. Наверное, с бензином, — чуть подумав, присовокупил он.

— Дала понять, значит... — проворчал Гарин.

— Ну... как бы намекнула, да.

— Отлично, отлично.

На Т-образном перекрестке Столяров повернул налево. Олегу подумалось, что если бы в лесу был проезд, то полковник непременно поперся бы еще дальше, в самую чащу. Однако проезда там, к счастью, не оказалось. Более того, за узким символическим тротуаром вдоль дороги тянулся внушительных размеров овраг, поэтому Михаил был вынужден вести машину параллельно парку, в неведомую глушь, которая и в лучшие-то времена была местом не самым приветливым.

— Миша, ты выбрал опасный маршрут, — меланхолично произнес Доберман.

— Да черт!.. — Столяров вдруг врезал по тормозам и уперся руками в руль, чтобы не разбить лицо.

Его сосед на правом сиденье держал оружие вертикально, поэтому схватиться ни за что не успел. Сталкер сначала ударился стволом о переднюю панель, а затем лбом о ствол. Гарин тоже налетел на препятствие, но им оказался водительский подголовник, по сравнению с винтовкой — несомненно, мягкий.

— Это что такое? — спросил Михаил у Добермана.

Впереди, прямо посередине проезжей части, гулял маленький пыльный смерч метровой высоты. В воронке мелькало несколько черных обрывков — не то старых листьев, не то фантиков, но в основном там был песок. По крайней мере так это выглядело.

— Что это за хрень? — требовательно повторил Столяров.

— Понятия не имею, — отозвался Доберман.

— Слушай, сколько ты уже в Зоне?!

— А сколько ты живешь на этой планете? И что ты можешь поведать о торсионных полях?

Полковник в ответ похлопал глазами.

— Всего на свете знать невозможно, Миша, — примирительно сказал Доберман.

Столяров молча вылез из машины и остановился в метре от смерча. Затем обошел его вокруг, подобрал ветку, чтобы потыкать, но передумал. Вернувшись за руль, он сдал назад и

заскочил правыми колесами на тротуар. Кренясь и поскрипывая, «вольво» объехала непонятное явление стороной. Смерч на это никак не реагировал.

Вскоре дорога начала плавно изгибаться. Когда машина преодолела большую часть дуги, впереди показалось то, ради чего Михаил забурился так далеко.

На дороге стоял бензовоз.

— Значит, будем, говоришь, сосать? — с сарказмом произнес Гарин. — Отсасывать, говоришь, будем?

— Не похоже, чтоб ты сильно расстроился, — заметил Столяров.

Большая алюминиевая цистерна сияла на солнце, и в этом виделось что-то позитивное, почти праздничное. Однако праздник быстро испортился: с бензовозом что-то было не так. Издали могло показаться, что у машины спущены задние колеса, хотя угол крена был слишком велик. Бочка стремилась встать на дыбы, и ее сдерживала только кабина. По мере приближения стало ясно, что спущенные колеса ни при чем — в том смысле, что у тягача их вообще не было. Как и обоих задних мостов. Словно кто-то срезал всю ходовую часть под углом и бросил машину в таком вот беспомощном, если не сказать унижительном состоянии. Можно было подумать, что бензовоз просто провалился в огромную выбоину, но никаких ям на дороге не было. Тем не менее последняя ось отсутствовала напрочь, а от соседней остался лишь отдельный узел, висящий на редукторе.

— Близо не подходить! — предупредил Столяров, покидая машину.

Олег с Доберманом выгрузились из «вольво». Гарин позволил себе сделать пару небольших шажков и присел на корточки.

— Ты, главное, под ноги смотри, — посоветовал Доберман.

— Да понял я, понял... — Олег подобрал пивную пробку и щелчком отправил ее туда, где в асфальт упирались ровно отпиленные детали тягача.

В действительности их не пилили, их поглотила аномалия — это было настолько очевидно, что никто даже не стал говорить этого вслух.

Пробка проскользила по дороге и вдруг утонула, беззвучно булькнула в никуда. Гарин заметил, что у аномалии есть четко очерченные границы. «Мокрый асфальт» растекался на дорожном покрытии овальным пятном от двух до трех метров в диаметре. Стальная рама тягача упиралась в край этого пятна — туда, где начинался нормальный асфальт, имеющий положенные ему свойства. Емкость с бензином в аномалию не угодила лишь чудом: нижний край алюминиевой бочки нависал над «мокрым асфальтом» на высоте сантиметров тридцати.

— Налюбовались? — спросил Столяров. — Давайте быстренько все сделаем и слиняем. Мне тоже это место не по душе.

Он энергично приблизился к «вольво» и открыл багажник. Внутри лежали семь канистр.

— Заправим шесть, — распорядился Михаил, доставая смотанный шланг и большую воронку. — Но сначала машину, конечно.

— Почему шесть? — вякнул Олег.

— О, как я ждал этого вопроса! Потому что у нас шесть рук на троих. Шесть, ровно шесть. Не больше и, слава богу, не меньше. И мне очень хочется поднять весь груз за одну ходку.

— Поднять на базу? — не поверил Гарин. — К ста килограммам тротила добавить еще и сто двадцать литров бензина?

— Хорошо, что мы все некурящие, — изрек Доберман.

— Можем хранить канистры не у тебя, а у соседа. У Юрия, этого, как его... там все равно уже ничем не испортишь.

— Ладно, поднимем. Но почему седьмую-то не заправить? Оставим ее в багажнике, пригодится же.

— Особенно тем, кто будет стрелять нам вслед, как вчера. Кстати, они ее пробили, засранцы... — Михаил продемонстрировал Гарину отверстие и помотал канистрой. Внутри,

как в погремушке, прыгала пуля.

— Закрыли тему, — согласился Олег.

— Пойдем! — скомандовал Столяров. — Доберман, ты не участвуешь. Буду тебе признателен, если ты нас прикроешь со своей винтовочкой. Так оно спокойней.

Сталкер без возражений достал из машины СВД и, сняв заглушку с прицела, принялся оглядывать окрестности.

— Сориентировался с аномалией? — спросил Михаил у Олега. — Границы разглядел? Не наступишь?

— Хватит меня опекать!

— Я сейчас откручу вентиль внизу, и мы подождем, пока не сольется осадок со всяким мусором, — продолжал Столяров, пропустив реплику товарища мимо ушей. — Потом начнем заливать. А ты стой подальше и вовремя меняй канистры.

Михаил насадил шланг на носик воронки и дотянулся до сливного клапана цистерны.

Бензин хлестал большой перекрученной струей, от которой инстинктивно хотелось отшатнуться, однако брызг не было. Топливо уходило в «мокрый асфальт», как в мягкую губку, а точнее, как в дыру — без следа и без звука. Смотреть на это было жутковато, но интересно. Немного выждав, Столяров кивнул Олегу и подставил под кран воронку. Бензин побежал по прозрачному шлангу, и не успел Гарин оглянуться, как первая канистра была уже полна.

Подгонять «вольво» ближе Столяров не стал, поэтому Олегу пришлось несколько раз бегать с канистрой к машине и переливать топливо в бензобак. Но даже с этими хлопотами процесс занял считанные минуты. Вскоре и машина, и шесть канистр были заправлены.

— Мы готовы! — крикнул Михаил, закручивая стальную пробку.

Доберман отлепился от дерева, за которым он был почти не виден, и направился к машине.

— Подождите, мне тут кое-что пришло в голову, — сообщил он. — Нам ведь этого запаса надолго хватит, правда?

— Надеюсь, — не вполне уверенно ответил Столяров.

— И к тому же вечно цистерна здесь стоять не будет, — заговорщически произнес сталкер. — Однажды ее все равно найдут. И сольют подчистую.

— Ты говори прямо: что задумал?

— Мы наполним ее до краев. По крайней мере попробуем.

— Цистерну?..

— Аномалию, — торжественно закончил Доберман.

— Бредовая идея, — отрезал полковник.

— Эксперимент не хуже твоих! — подал голос Гарин. Ему тоже стало интересно.

— У вас у обоих детство в жопе не доиграло. Поехали отсюда.

— Если хочешь, можем проголосовать, — невозмутимо предложил Олег.

— Вот же, блин... встретились два ботаника!

— Зону надо знать, — сказал Доберман таким тоном, что спорить с ним было бы кощунством.

— Выливай, черт с ним, — вздохнул Столяров.

Доберман встал как можно дальше от края аномалии и открыл клапан. Бензин вновь полился в никуда, и это зрелище было более завораживающим, чем обычный ручей.

— Вы хоть по сторонам поглядывать не забывайте, — с тоской проговорил полковник.

— Да-да, — невпопад ответил Олег. — А что, если она переполнится? Я про аномалию. Ведь есть же у нее предел емкости? Должен быть.

— Само собой, — отозвался Доберман. — Иначе она будет противоречить элементарным законам физики. Хотя... она и так им противоречит.

Минут через пять Михаилу надоело.

— Это сколько же вы бензина извели! — сокрушенно воскликнул он. — А ведь мы могли бы сегодня еще раз съездить.

— Тебе все равно переливать некуда, — возразил Гарин, не сводя глаз с темного пятна на асфальте.

Еще через пять минут топливо в цистерне кончилось, и все почувствовали себя обманутыми. Особенно Столяров.

— Натешились? Довольны? — нетерпеливо спросил он.

— Нет, — твердо ответил Доберман. — Раз уж мы просрали столько бензина, мы должны извлечь из этого хоть какую-то пользу.

— Какую еще пользу?! — Михаил шагнул к пятну и посмотрел на него, как в колодец, сверху вниз, словно надеялся увидеть дно, а на дне — что-нибудь ценное.

— Мы его подожжем, — заявил Доберман.

— Кого «его»?

— Бензин, который впитался в асфальт.

— Ты понимаешь, что это не асфальт? Как бы его ни называли. Это не асфальт! — прокричал Столяров. — Это аномалия! От которой хрен знает чего можно ожидать.

— Книга показала, что мы вернемся, — упрямо произнес сталкер. — И я обещаю быть осторожным. — Он отошел к тротуару и подобрал старую газету, серую и покوروبившуюся. Дальше он заговорил быстро и сосредоточенно: — Садитесь в тачку и разворачивайтесь. Не глушите мотор и держите мою дверь открытой.

С этими словами Доберман порвал газетный лист на широкие полосы и достал из кармана горсть патронов.

— Ты сумасшедший, — заключил Михаил.

— Может, правда не надо? — с опаской промолвил Олег.

— Я сделаю шнур, гореть он будет долго, — успокоил сталкер. — Идите, я скоро.

Он расстелил на дороге бумажные ленты и принялся раскурочивать патроны. Гарин и Столяров с тревогой посмотрели на эти приготовления и сели в машину.

Фитиль у Добермана получился довольно длинный. Он тщательно проверил, как скручены стыки разных частей, и начал двигать шнур к пятну. Когда конец фитиля достиг края аномалии, он погрузился в асфальт. Доберман попробовал вытащить его обратно и почувствовал сопротивление. Сильнее тянуть он не стал, поскольку было ясно, что бумажный фитиль просто порвется.

— А спички-то у вас есть? — спохватился сталкер.

— Нет! — победно заявил Столяров.

— Тогда включи прикуриватель!

— Он сломан!

— Я ведь все равно запалю. Но выстрелом будет хуже. Опаснее.

Михаил, чертыхнувшись, высунулся из машины и кинул зажигалку. Доберман поймал ее на лету и, не раздумывая, поджег свободный конец фитиля. Через мгновение он был уже в машине, а Столяров гнал «вольво» прочь от места эксперимента.

— Сейчас ка-ак рванет, — мечтательно произнес Доберман. — Это вам не коллаيدر.

— Интересно, — согласился Олег.

— Интересно будет, если мы уехать не успеем, — пробормотал Михаил и вдруг застыл в ужасе.

На дороге пританцовывал все тот же небольшой смерч, который они видели по пути к цистерне. Тормозить было и поздно, и страшно, поэтому Столяров нажал на газ сильнее, хотя казалось, что педаль и так упирается в пол.

Все трое только ойкнули, когда «вольво» снесла пылевой вихрь бампером и как ни в чем не бывало помчалась дальше. Едва появилась возможность, Михаил свернул с улицы — явно наугад, лишь бы уйти от взрывной волны.

Волны, впрочем, не было — как и взрыва. Машина отъезжала все дальше, Олег с Доберманом пилились назад, а сзади была тишина. Еще секунд через двадцать стало окончательно ясно, что ничего уже не произойдет.

— Ну и хрен с ним... — расстроено сказал Доберман.

И тут рвануло.

За поворотом поднялся столб клубящегося черно-алого пламени. Он был гораздо выше стоявших вокруг семнадцатиэтажных зданий, правда, быстро иссяк и переродился в облако густой жирной копоти. Обгоняя машину, вдоль улицы полетели газеты, прошлогодние листья и просто пыль. Впрочем, первая волна ветра также быстро выдохлась, а второй не последовало.

Доберман сиял.

— Едем назад! — горячо воскликнул он. — Надо проверить, что там осталось.

— Ну уж хер! — процедил Столяров. — Ты еще не все взорвал и поджег в этом районе?

— Прометеи в роду были? — Гарин покатился от смеха. — Вообще славно, конечно, получилось. Только не совсем понятно, чего мы достигли этим экспериментом. В смысле, каков итог.

— Итог таков, что наш запас бензина когда-нибудь кончится, — сказал Михаил. — И я уже знаю, кто будет отсасывать.

Столяров выбрался на Профсоюзную, и вскоре они подъехали к базе. Двор по-прежнему был пуст. Сталкеры вышли из машины, зевая и разминая суставы, как дачники. Затем выгрузили канистры и понесли их к дому.

Подъем по лестнице был не слишком легким, но всех утешало то, что возвращаться за грузом больше не придется.

На четвертом этаже они сделали привал, спешить было особо некуда.

На седьмом их ждали.

— Хабар и стволы на пол, грабли в гору! — скомандовал кто-то невидимый из-за лестничного марша.

Столяров поставил канистры, сделал шаг в сторону и без суеты оглядел гостей. На площадке отирались пять человек, все с «калашами». На нижнем этаже скрипнула дверь, и кто-то вышел из квартиры, отрезая путь назад.

— Кажется, это становится традицией, — сказал полковник.

Часть вторая БАНДА

Глава десятая

— Кто такие? Откуда?

Вопросы задавал сутулый лысоватый мужичок лет сорока пяти, со злой невыразительной мордочкой и глазами цвета застиранной рубашки.

Столярова и Гарина втолкнули на кухню первыми, и они уселись на табуретки. Доберман привалился к подоконнику. Остальные были вынуждены стоять. Девять человек не могли поместиться на кухне физически, однако бандиты упорно пытались это сделать. Последние трое теснились в дверях, наступая друг другу на ноги.

— Простые люди мы. Сами по себе, — ответил Михаил после долгой паузы. — А ты кто такой?

— Скутер, — весело произнес главарь. — Слыхал?

Михаил цыкнул зубом и медленно покачал головой:

— Не-а.

— Да ну! — удивился бандит.

— Правда не слышал. — Столяров засмеялся. — Не обижайся. Еще прославишься, какие твои годы.

— Э!.. Ты чё такой дерзкий? Терминатором себя возомнил?

— Ну какой же я Терминатор? Смертники мы. И всегда ими были.

Скутер слегка растерялся и, чтобы не молчать, решил сразу перейти к делу.

— В общем, каникулы кончились, — объявил он. — Добро пожаловать в серые будни. С завтрашнего дня...

— Секунду! — прервал его Михаил, но с таким вежливым видом, что главарь не сумел возразить. — У моего друга сильные головные боли. Ты не против, если он приляжет в комнате? Я готов говорить за него. Олег, иди отдохни и займись своей мигренью. — Полковник постучал себя пальцем по виску.

Этот жест был знаком Гарину слишком хорошо, чтобы ему понадобилось переспрашивать. Стараясь двигаться плавно и не забывая морщиться, он протиснулся между людьми и зашел в кабинет.

— И постарайся наконец-то вспомнить адрес тети Вари! — крикнул Михаил через стенку.

— Геша, проконтролируй, — велел Скутер.

Один из гостей, крепкий мужик с лицом воспитанного уголовника, перекинул автомат из правой руки в левую и последовал за Олегом.

Гарин взял со стола «венец» и прилег на диван.

— Лечебный девайс из Чернобыля, — ответил он на вопросительный взгляд Геши. — Нетрадиционная медицина. Фиг поймешь, как работает, но главное, что помогает. Ты садись в кресло, оно удобное. Только держись от меня подальше, эта штука слегка фонит.

— А сам не боишься, что ли?

— Мне бояться поздно. А у тебя еще все впереди... может быть. У тебя дозиметр-то есть? Нет? Я так и знал.

Олег действительно знал, потому и спросил. Но вот откуда явилось это знание, он даже не представлял. Повозившись на диване, он устроился поудобнее и надел на голову «венец».

Столяров был спокоен, как удав. Доберману это нравилось, у Скутера это вызывало глухое раздражение. Все остальные были равнодушны к происходящему. Кто-то из бандитов думал о заначке хорошего вискаря, кто-то о блондинках. Первый мог удовлетворить свое желание уже через час, второму оставалось лишь неистово мечтать.

Гарин видел это как на ладони и против воли улыбался.

— Что смешного? — буркнул Геша.

— Самый большой кайф — когда чувствуешь, что боль начинает уходить.

— Есть такая тема, — подумав, согласился бандит.

У Геши было два ранения — оба в правое плечо, давно зажившие, но Олега сейчас интересовало не это. Столяров просил адрес. Гарин сомневался, что справится, но попытаться он был обязан.

— Тетя Варя — это шифр, — уверенно произнес Скутер, опускаясь на освободившуюся табуретку. — Что ты своему дружку передал?

— Тетя Варя — не шифр, а безумная бабка, — посоветовал Михаил. — Она всю жизнь копила бабло, но это стало известно только после эвакуации. Где она его спрятала — хрен знает...

— Может, в стул зашила? — с издевкой предположил Скутер.

— Там столько денег, что в матрас не влезет, — сказал Столяров крайне серьезно. — Но вообще вышло как в комедии, да: успела что-то шепнуть и тут же померла. И никто из родни адрес ее толком не помнит.

— О стариках надо заботиться, пока они живые, а вы только и можете, что наследство на похоронах пилить. — Главарь вдруг сообразил, что он сам уводит разговор в сторону, и это открытие было для него неприятным. — Хорош балаболить! Вам как зеленым норму назначаю детскую: с каждого рыла по одной «хлопушке» в неделю, то есть три штуки со всей вашей бригады. Если что, Доберман подскажет, научит. Да, Доберман? Ты давно уже мне должен. Сколько ты здесь маячишь? И до сих пор не при деле. Непорядок.

— Мы сюда не за «хлопушками» приехали, — заявил Столяров. — И уж тем более не за тем, чтоб на кого-то горбатиться.

— Ты, похоже, не догоняешь. Выбор у вас простой: либо встаёте под мою крышу, либо отправляетесь за своей тетей Варей под землю. Ещё, бывает, некоторые тормоза пытаются переехать в другой район. Предупреждаю заранее: это тоже не вариант. Короче, решай. Прямо сейчас.

— Я повторяю: у нас другие планы, — процедил полковник. — Отыщем тетушкин схрон с «зеленью» и покинем это райское место навсегда. «Хлопушки», лягушки, какашки... что найдёшь — все твоё. Но собирать ты их будешь сам.

— Брателло, понты с Большой Земли здесь не канают. Здесь другая реальность, понятно?

В какой-то момент Гарину показалось, что беседа за стенкой не закончится никогда. Он сосредоточился и вспомнил, что это ощущение возникло сразу, ещё до того, как он покинул кухню. Самое странное, что те же чувства испытывал и Скутер. Он был зол и бессилён — вот что удивляло Олега.

— По одной в неделю, — сказал Столяров. — Не с каждого, а со всех.

— Со мной торговаться опасно! — предупредил главарь. — Ладно, по две. И помни мою доброту.

— По две, — со скрипом согласился Михаил. — И этот двор наш. Весь.

— Э, да ты, оказывается, прожженный барыга? Но, сука, рисковый! Было бы у меня не то настроение, ты за такой разговор уже за окном висел бы, как вяленая рыба. Хорошо, — неожиданно закончил главарь. — Курировать вас будет Мозоль, Доберман с ним уже знаком. Геша! — позвал Скутер. — Базар окончен, выдвигаемся.

Бандит в кресле крякнул, нехотя поднялся и вышел из кабинета. В прихожей послышался дробный топот, хлопнула дверь. Гарин полежал ещё немного и, сняв «венец», вернулся на кухню.

— Это самый бестолковый наезд, какой только можно представить, — поделился он впечатлением. — Доберман, ты уверен, что это был тот самый Скутер, а не самозванец? По моему, он даже мобилу у школьника отжать не способен.

— Сам в шоке, — обронил сталкер. — Но это Скутер, точно. Я его несколько раз видел.

— А это нормальная практика, когда он кого-то данью обкладывает?

— Это и есть его практика. Только вот я не слышал, чтобы он территорию кому-то отписывал. И тем более чтобы торговался. Миша, ты о чем думал, когда спорил со Скутером? Я разве недостаточно внятно объяснил, что он конченный отморозок?

Столяров помолчал, раскачиваясь на табуретке и глядя куда-то сквозь стену.

— Не важно, — обронил он, покусывая губу. — А вот что Скутер думает обо мне — это любопытно. Олег?..

— Скутер на тебя злится, — ответил Гарин.

— Обычно он не успевает разозлиться, — заметил Доберман. — Сразу мочит.

— Сегодня даже не собирался, — сказал Олег.

— А ещё у них у всех автоматы на предохранителе стояли, — отрешенно добавил Михаил, подбираясь к какой-то важной мысли. — И вряд ли это совпадение. Я, например, за такое раздолбайство высек бы подчиненных колючей проволокой. А Скутер, видимо, специально приказал им подстраховаться, чтобы сдуру не шамальнули. И это очень, очень интересно...

Гарин нетерпеливо покачал головой:

— И все-таки я согласен с Доберманом: ты разговаривал слишком нагло, Миша. Откуда ты знал, что они нас не убьют?

— Олег, ты веришь, что беспредельщика, стреляющего направо и налево, может волновать чья-то мигрень? Я бы на месте Скутера с кухни тебя не выпустил. Поэтому мне сразу стало ясно, что они нам ничего не сделают.

— И ты решил покуражиться, поторговаться из-за каких-то дурацких «хлопушек»?

— А как ещё понять человека? Только через разговор. Я прикинулся дешёвкой, и он тоже повел себя как дешёвка. Дешёвка и есть.

— Тетю Варю какую-то мифическую приплел... — фыркнул Гарин. — Тогда уж взял бы, да и послал их в задницу.

— А если все наши построения ошибочны?

— Нет-нет, что-то тут не так, — вмешался Доберман. — Скутер жадный, как черт, а две «хлопушки» с трех человек в неделю — это действительно очень низкая такса. Да еще отдал нам в пользование целый двор... Если бы Скутер окучивал его сам, он имел бы гораздо больше. А так получается, что мы арендовали отличную территорию по небывало выгодной цене!

— Слушай, земледелец, погоди ты со своими «хлопушками»! — взмолился Михаил.

— Через неделю нагрянет Мозоль, и мы должны будем отдать ему два артефакта, — напомнил Доберман. — А потом еще два. А потом еще.

— Выпишем ему из твоих клубничных запасов. У тебя же там десяток? — Столяров заглянул под стол, проверяя, на месте ли ящик с джемом.

— Отлично ты придумал! Со мной не забыл посоветоваться?

— Мы тебе за них заплатим. Сколько стоит одна штука?

— Я еще не приценивался. Но я точно знаю, что завтра они будут дороже, чем сегодня, а послезавтра...

— Да-да, — перебил его Михаил. — Когда выяснишь, почему их скупают, мы тебе все компенсируем. А пока вот что скажи: где находится база Скутера?

— Где-то ближе к центру... кажется, в районе Новых Черемушек. Хотя я могу ошибаться.

— Плохо, Доберман, плохо. Просидеть в городе целый месяц и не выяснить таких элементарных вещей.

— Мне эти игры ни к чему.

— Слышал уже, — отмахнулся Столяров. — Ты, Олег, чем порадуешь?

— Адреса нет, — сразу ответил Гарин. — Среди тех, кто приходил, не было ни одного местного. Названия улицы они не знают, а на станции метро и вовсе не обращают внимания. Есть только общее впечатление, так сказать.

— Картинка?

— Вроде того. Отдельные фрагменты. Самый яркий, и это в памяти у всех, — синий плакат со словом «Мальвина». Надпись с вензелями, розового цвета.

— Похоже на название притона, — хмыкнул Столяров. — Это что — билборд?

— Нет, скорее всего вывеска в витрине. Но база не там. Когда они возвращаются, они проходят мимо этого плаката. Ну или проезжают. Он остается у них слева. Дальше — строение, похожее на военный НИИ. Унылое такое здание, старорежимное. В общем, если я там окажусь, то сориентируюсь быстро.

— Оборонный институт — это паршиво, а вот «Мальвина» — это подарок судьбы, — проговорил Михаил. — Осталось разыскать телефонный справочник посвежее, и адрес у нас в кармане. Если, конечно, этот плакат не взяли из другого дома, чтобы закрыть дырку в окне.

— Олег, ты действительно вытащил эту «Мальвину» из чужих мозгов? — озадаченно спросил Доберман. — Вот так, лежа за стенкой?..

— С мозгами у них небогато, но вообще — да.

— Потрясающе! Я никогда раньше не видел «венец» в действии.

— Да он здесь толком и не работает, — посетовал Гарин. — В Припяти с ним можно было горы свернуть, а в Москве он еле дышит. Или это я уже не тот.

— То есть, если бы «венец» функционировал штатно, ты бы не просто прочел мысли Скутера, но и...

— Сделал бы с ним все что угодно, — подтвердил Олег. — Вернее, он бы сам с собой это сделал.

— Теперь понятно, почему «венец» таких бешеных бабок стоит.

Столяров бросил на Добермана быстрый взгляд, но говорить ничего не стал.

На улице постепенно темнело. Из приоткрытого окна стали доноситься уже другие

звуки, вечерние. Раньше Гарин не обращал на это внимания: привыкшему к городскому шуму, ему казалось, что днем и ночью над Москвой висит тишина — всегда одна и та же. Однако сейчас он мог бы определить время суток с закрытыми глазами.

Где-то залаяла одинокая собака, под домом завизжали не то коты, не то отъевшиеся крысы. Высоко в небе появилась крупная птица с распростертыми крыльями. Надломленный диск луны поглядывал из-за соседней крыши тоскливо и обреченно, как вечно голодное животное.

— Олег, а как на самом-то деле голова твоя поживает? — спросил Михаил.

— Ты знаешь, последние дни почти не беспокоит. Даже странно. Как будто я попал в максимально комфортную среду обитания.

— А почему такой унылый?

— Лучше бы этой средой для меня оказались Канары, Багамы или что-нибудь в том же духе.

— Не бойсь, — протянул Столяров. — Накосим пять мешков мятых денег, и будет тебе комфорт в любой точке мира.

— Угу... — невпопад кивнул Гарин. Он вдруг поймал себя на мысли, что и думать забыл о деньгах, словно в Москву его влекло что-то другое. Как будто в мире могло найтись что-то более важное, чем жена и сын, которым скоро нечего станет есть.

— А почему деньги должны быть обязательно мятые? — встрепнулся Доберман.

— Разглаживать приятно, — пояснил Столяров.

Он безошибочно открыл один из подвесных шкафов и достал бутылку коньяка, на этот раз — армянский двадцатилетний «Хент». Полковник умел ценить маленькие радости.

— В целом, я считаю, день прошел неплохо, — высказался он. — Бензовоз мы сожгли напрасно, а больше косяков за нами не было.

— Лично мне «мокрый асфальт» не жалко, а бензин мы еще найдем, — заявил Доберман. — Зато вот на рабство подписались... Хотя, может, еще и в плюсе окажемся. Я на это надеюсь.

— Ну а ты что скажешь, Олег? — произнес Михаил, поднимая чашку с коньяком.

— А я не согласен.

— С кем?

— С обоими.

— Ясно. — Столяров выпил в одиночку и медленно выдохнул. — Благода-ать... Доберман, а что у нас на завтра? Какие прогнозы?

— В смысле? — не понял тот.

— Ну, погадай на книжке-то на своей.

— Я на следующий день не гадаю, — ответил сталкер, помедлив. — Только перед выходом в город.

— Ну так попробуй.

— Не нужно... я думаю, не нужно таких импровизаций.

— Да ладно! — Столяров зарумянился, пятьдесят граммов алкоголя свое дело делали. — Ты же любитель экспериментов, разве нет? Ты же у нас естествоиспытатель. В некотором роде. Ну?..

Доберман неодобрительно потряс головой и достал книгу. С минуту он ее листал, еще минуту вчитывался.

— Расскажи, как это работает, — не унимался Михаил. — В чем заключается твоя система?

Сталкер его не слышал. Он завороченно смотрел на пробитую страницу и, судя по движению глаз, без конца перечитывал одну и ту же строчку. Его пальцы побелели, а лицо стало землисто-серым.

— Что там? — обеспокоенно бросил Олег.

— Ничего. — Доберман захлопнул книгу и отложил ее на край стола, потом взял свою чашку и бесчувственно проглотил коньяк. — Все будет нормально, — выдавил он.

Гарин с сомнением посмотрел на Столярова, но тот лишь пожал плечами. Олегу ничего не оставалось, как подвинуть к себе третью порцию.

— Ну... за нас, — произнес Гарин.

Поскольку он был последним, чокнуться оказалось уже не с кем. Так он и выпил — не чокаясь.

Глава одиннадцатая

Телефонный справочник нашелся неподалеку, в квартире у соседа Юрия Ивановича. Доберман с утра пошел по нужному делу и в поисках бумаги помягче наткнулся на толстый том энциклопедического формата.

«Мальвина» на юго-западе Москвы оказалась всего одна.

— Парикмахерская, — объявил Столяров и, вырвав страницу, сунул ее в карман. — Можно было и догадаться.

Доберман напутал, салон «Мальвина» находился не на «Новых Черемушках», а еще ближе, на «Калужской».

— По идее, мы с тобой ее проезжали, когда везли консервы от Кенса, — сказал Гарин Михаилу. — В тех местах сплошные НИИ да заводы, почти все — оборонные.

— Вы что, серьезно на базу Скутера ехать собрались? — встревожился Доберман.

— Не сегодня, — успокоил его Столяров. — Просто пригодится адресок. На случай, если поссоримся.

«А поссориться со Скутером придется, и довольно скоро», — прочел Олег в глазах у полковника, но с Доберманом делиться этой перспективой не стал: тот и так ходил подавленный. Гарин не сразу понял, из-за чего. Лишь когда он заметил, как сталкер косится на свою книжку, он вспомнил о вчерашнем гадании, вероятно, не совсем удачном.

Доберман нерешительно протянул руку, но вместо того, чтобы взять книгу, кончиками пальцев отодвинул ее от себя. Олег сел рядом и участливо посмотрел на сталкера.

— Просто не покидай сегодня базу, — сказал Гарин, — и ничего с тобой не случится.

— Судьбу не обманешь.

— А ты пробовал?

— И «хлопушки» надо новые искать... — неуверенно добавил Доберман.

— Две ты уже приметил, и еще десяток у тебя в банках с джемом. Итого — двенадцать. Можем полтора месяца откупаться от Скутера и в ус не дуть.

— Погибнуть можно и в квартире.

— Ну хватит уже! — раздраженно произнес Михаил. — Придумал какую-то ахинею, а теперь сам в нее веришь.

— Эта книга всегда говорила правду, — в который раз повторил Доберман. Он помолчал, принимая важное решение. — Да, я, пожалуй, останусь. Пусть это детская хитрость, но... быть глупым и живым гораздо лучше, чем умным и мертвым. Так что давайте сегодня без меня. Заберите все ключи и запирайте дверь снаружи.

— Да мы и сами пока уходить не собираемся, — ответил Гарин.

— Еще как собираемся! — возразил Столяров. — Надо проветриться, а то совсем закисло. Продуктов, может, каких нароем.

Он взял «венец» и сунул его за пазуху — так, чтобы Олег это видел. Гарин, правда, не понял, для чего им артефакт. То ли полковник утратил доверие к Доберману, то ли опять запланировал что-то бесполезное.

Дверь закрыли, как и договаривались: ключей сталкеру не оставили.

— Мне тоже так спокойней, — прокомментировал Столяров. — Но если его шиза будет прогрессировать, то я даже не знаю... А ведь вначале он не выглядел таким долбанутым.

— Отстань от Добермана, — попросил Олег. — Какая тебе разница, за «хлопушками» он попрется или дома сидеть будет?

— Разницы, конечно, никакой, Просто непредсказуемые люди вдвойне опасны.
— Он-то как раз предсказуемый.
— Гм... наверно, да, — согласился Михаил. — Но ведь бестолковый же, блин!
— Не я его в отряд принял. Добермана надо либо выгонять, либо терпеть, а вправить ему мозги вряд ли уже получится.

— Разумеется, гнать его нужно... Только у меня рука не поднимется.

— Тогда закончим этот разговор.

Столяров с Олегом спустились из подъезда и направились к «вольво», припаркованной, как всегда, возле мусорного контейнера. Шли не то чтобы совсем беззаботно, но как-то без напряжения, словно они находились не в Зоне, а в обычном городе.

— Ты тоже заметил, да? — осклабился Михаил. — Эх, до чего же отвратительна человеческая натура! Записались в шестерки к мелкому бандюку и уже чувствуем себя под защитой. Какие проблемы, пацаны? — произнес он, гнусавя и растягивая гласные. — Мы люди Скутера, все вопросы решайте через него.

— Скутер забивает вам стрелку, — охотно поддержал Олег. — Не быкуйте, пацанчики, а то наш папа обидится — костей не соберете.

— Мы с тобой отличные холуи, — заключил Столяров. — Если до пенсии дослужить не удастся, наймусь в охрану к какой-нибудь звезде с силиконовыми титьками. Пусть помыкает мною, как хочет. Пока у меня не лопнет терпение и я не утоплю ее в джакузи.

— Хватит фантазировать, полковник! Поехали уже.

Михаил вздохнул и открыл машину.

— Кстати, а куда едем-то? — спохватился Гарин.

— Хороший вопрос. — Столяров завел мотор и тронулся. — Тут недалеко, ты сам сказал. Метро «Калужская».

— К Скутеру?! Зачем? Что ты там забыл? Или... снова к Кенсу в подвал? Но мы же у него все забрали. Значит, к Скутеру?

— Не угадал оба раза. Просто прошвырнемся, посмотрим, что к чему.

— «Провшырнемся»?! — не поверил Олег. — По-моему, слабоватая причина для того, чтобы ездить по Зоне.

— Нормальная причина. — Михаил вырулил на улицу и дал по газам.

— Ты чего разогнался-то?

— Тебе сегодня все не нравится. Плохо спал?

— Не хватало еще в «мокрый асфальт» влететь! Ты же издали его не заметишь, затормозить не успеешь.

Столяров резко остановился и посидел неподвижно, барабанив пальцами по рулю и глядя вперед. Потом повернулся к товарищу:

— Олег, в «мокрый асфальт» я уже попадал. В самый первый день, как только обзавелся машиной.

— Ну и как?

— Пришлось заменить резину, — Михаил пожал плечами. — Покрышки, конечно, в лохмотья. Но я только потому и не провалился в аномалию по горло, что проскочил ее на скорости. Это тебе Доберман так настроение испоганил? — спросил он без всякого перехода и, не дожидаясь ответа, снова тронулся с места.

— Ладно, — произнес Гарин после долгой паузы. — Скажи по-человечески, куда и зачем едем.

— Щупать, нюхать, наблюдать. Наибольшее количество жалоб на пси-воздействие поступило от тех беженцев, которые эвакуировались с юго-запада Москвы.

— Ты говоришь о тех опросах, которые проводила СБУ?

— О них, о них. Мы пытались привязать интенсивность воздействия к плану города, но с этим ничего не вышло. «Где-то на „Октябрьской“ мне показалось, что мною кто-то управляет, а в „Теплом Стане“ меня попустило», — на таких показаниях карту не построишь.

— «Кто-то управляет»? — осторожно переспросил Олег.

— Да, некоторые жаловались, что они чувствовали себя, как будто во сне. У этого состояния даже есть медицинское определение... черт, вылетело... сейчас не вспомню. Ну, не важно. В общем, худо-бедно выявили несколько очагов с очень большой площадью и очень размытыми границами. Работать по такой огромной территории я бы тебя даже не попросил. Я и не просил, правда? Пока мы кое-что не уточнили.

— Метро «Калужская», ясно. — Гарин помассировал виски и отвернулся к окну, чтобы полковник не видел его лица. «Простые движенья, простые движенья», — закрутилось у него в мозгу так отчетливо, что на секунду Олегу показалось, будто в машине вновь заработало радио. Гарин вспомнил до мельчайших подробностей тот момент, когда они с Михаилом везли со склада коробки с сардинами и он надел «венец». Кроме взбесившейся магнитолы и того самого чувства — что тобой кто-то управляет, — там была еще одна странность: перестрелка, которая внезапно возникла и так же внезапно оборвалась в отдельно стоящем здании...

У Олега по спине побежали мурашки: именно этот корпус они сейчас и проезжали. Автомобиль ехал в другую сторону, поэтому строение оказалось не справа, а слева, и значительно дальше, хотя придерживаться рядности на пустой дороге не имело особого смысла. Гарин стиснул зубы. Ему почудилось, что бесконечный припев в голове усилился. «Простые движенья, простые движения, простые движения!..» — орала вся улица: и дома вокруг, и пыльный асфальт, и прозрачное небо. Олег проводил здание взглядом и с трудом проглотил комок.

— К тому же там оборонный НИИ, — продолжал Столяров. — Само по себе это ничего не значит, секретные институты бывают разными. В одних ни черта нет, кроме кучи макулатуры, а в других можно найти такое оборудование, что кнопку нажал — и капец всей Москве.

— Да ей и так капец... — ословело произнес Олег, силясь понять, упустил ли он что-нибудь из объяснений полковника, или ему это только кажется. Он не был уверен, что все это время оставался в сознании. Впрочем, если он и отключился, то буквально на долю секунды, и Столяров вряд ли успел рассказать что-то важное.

— Поэтому на твой вопрос «зачем мы едем» ответить невозможно, — закончил Михаил.

— Теперь согласен, — кивнул Гарин, хотя спутник так ничего ему и не растолковал. Просто Олегу хотелось прекратить этот разговор, тем более бесполезный, что до «Калужской» оставалось уже рукой подать. Навязчивая музыка в голове постепенно стихала, и это было для Гарина гораздо важнее. Он возвращался в привычное состояние, словно выползал из-под тяжелого ватного одеяла.

— Думаю, пора включать, — сказал Столяров, когда они миновали очередной перекресток.

— Что включать? — вяло поинтересовался Олег. — «венец» или меня?

— Обоих, — ответил полковник без тени улыбки.

— Мы ведь до «Калужской» еще не доехали.

— Метро — это приблизительный ориентир, а не точка отсчета. — Михаил протянул товарищу артефакт и достал из кармана страницу с адресом. — А вообще-то Скутер обитает на улице Бутлерова.

Гарин не понял, как связана бандитская база и аномальная пси-активность. Скутер на роль Пси-Мастера совершенно не годился. Кажется, Столяров давал пояснения на эту тему, причем всего минуту назад, но Олег пропустил их мимо ушей и теперь не мог восстановить в памяти, как ни старался.

Вместо этого Гарин надел «венец» — движением не просто знакомым или привычным, а давно уже ставшим частью его жизни.

— Ну?.. — обронил Михаил спустя пару минут.

— Ничего, — ответил Олег.

— Совсем? — разочарованно уточнил Столяров.

— Не торопи. — Гарин небрежно поправил «венец», словно уставший царь корону, и закрыл глаза.

Если бы ему пришлось в голову сравнить пси-поле Московской Зоны с радиоэфиром, Олег сказал бы, что слышит сплошные помехи. На фоне ровного шипения что-то потрескивало, прорывались фрагменты отраженных трансляций, ухали и звенели в разных диапазонах какие-то неопределенные сигналы, вряд ли заслуживающие внимания. Вязкий пси-шум давил на нервы и высасывал силы. Вслушиваться, а точнее — вдумываться в эту кашу было физически тяжело. Люди, звери, мутанты — каждый живой организм что-то чувствовал и каждый выделял в пространство свою толику пси-энергии. Вся эта масса перемешивалась и фонила похлеще, чем городская свалка. Она, как свет далеких галактик, несла невообразимый объем информации, цена которой — нуль.

Наконец Гарин почувствовал что-то узнаваемое. Он не открывал глаз, чтобы не потерять настройку, которая далась ему с таким трудом. Впереди, по ходу движения, он уловил повышенную пси-активность. Это было что-то знакомое, ясное.

Люди грабили большой торговый центр, хотя казалось, что там давно уже нечего брать. Однако мародеры продолжали выносить добро с самых дальних складов — в основном бытовую технику, совершенно бесполезную без электричества.

— Стиральную машину потащили, — ухмыльнулся Столяров. — Интересно, что они будут с ней делать... Если только приладить к барабану цепной привод и посадить на педали какого-нибудь Добермана. За пару «хлопушек» будет обстирывать весь отряд. А если к нему еще и генератор...

— Помолчи! — резко произнес Олег.

На уме у грабителей был только хабар, и до тех пор, пока на склад не сунется кто-то чужой, неприятностей от них ждать не приходилось. Гораздо больше Олега волновало другое — новый очаг пси-активности, который он прежде не замечал из-за бурных эмоций мародеров. Кто-то прятался за ними, словно в тени. Гарин не мог даже разобрать, что это — небольшая группа или один человек. Он чувствовал лишь агрессию, направленную на него и на Столярова. Тем сильнее он боялся сбиться, поскольку в зоне прямой видимости ничего подозрительного не было, иначе полковник не стал бы трепаться. По мере приближения к торговому центру тревога Олега нарастала, но он по-прежнему не мог определить ни источник сигнала, ни его характер.

— Вот она. — Михаил не хотел тревожить Олега, но решил, что поставить его в известность все-таки нужно.

— Что? — Гарин открыл глаза.

— Улица Бутлерова, — Столяров ткнул большим пальцем влево. — Где-то там, дальше, и обретается Скутер.

Узкая проезжая часть уходила вниз и в сторону. Толком рассмотреть дома с магистрали было невозможно. Олег видел лишь пару казенных фасадов и неряшливые деревья на тротуаре, большинство из которых этой весной листьев уже не завели.

Михаил остановил «вольво» прямо посреди дороги, не доезжая сотни метров до большого перекрестка с подземными переходами. Мотор, будто чувствуя, что у него в запасе полный бензобак, урчал негромко и умиротворенно.

— Хотелось бы свернуть и прокатиться мимо базы Скутера так невзначай, между прочим, — поделился полковник. — Но здесь не настолько оживленное движение, чтобы валять дурака. В принципе, мы и так уже палимся. Поэтому надо что-то решать.

Олег воспринял слова товарища как призыв к действию и, вновь прикрыв веки, начал слушать пси-поле. Столяров благодарно вздохнул: именно на это он и намекал.

Агрессия возросла и стала ближе — это было первым, что уловил Гарин. Мародеры продолжали выгребать барахло со складов торгового центра и ни о чем не подозревали — или усиленно делали вид. Впрочем, нет, они не прикидывались, Олег это чувствовал.

— Все, больше тут маячить нельзя, — потерял терпение Михаил. — Подъеду к магазину, поболтаю с мужиками, попробую потянуть время. А ты ищи.

— Банданы нет, голову прикрыть нечем. «Венец» увидят.

— Да и пес с ним! — сказал Столяров, будто сплюнул. — Ищи, говорю! Щупай. Нашаривай. Что угодно, любую аномальную активность. Ну, не мне тебя учить. Нарой хоть что-нибудь, Олег, хоть какую-то зацепку. Если и сейчас ничего не найдем, то мы зря перлись в Зону.

— Не мы, а ты, — вяло ответил Гарин. — У меня другие цели.

Он вновь погрузился в странное состояние, при котором все окружающее казалось придуманным. Хотя странным это можно было назвать в первый раз, а теперь ощущение нереальности происходящего, пугающее, как сон о падении в пропасть, Олег принимал со скорбным смирением. Самого себя он при этом отождествлял с куклой на веревках, уходящих высоко в небо.

— Простые движенья, простые движенья... — безотчетно пробормотал Гарин.

— Ты о чем? — не понял Столяров.

— Мне это помогает собраться. Или расслабиться... Я сам не знаю. Не обращай внимания.

Михаил подъехал к тротуару и встал на почтительном расстоянии от машины мародеров. Под перевозку хабара они приспособили маршрутку со снятыми пассажирскими сиденьями, и та была забита уже под завязку. Несмотря на это, из главного входа продолжали выносить технику: двое мужчин тащили по широкой коробке, третий катил складскую тележку со штабелем то ли утюгов, то ли чайников. Еще один, четвертый, с автоматом на плече отирался возле автомобиля.

— Здорово, брат! — Столяров показал охраннику пустые руки и положил их на руль.

— Чего тебе? — недовольно бросил тот и, демонстративно поправив ствол, направился к «вольво».

— Да я насчет бензинчика. Где бы разжиться, ну и... что вы за это хотите.

— Бензина самим в обрез, брат.

— Я же не прошу даром. Есть деньги, есть цапки кой-какие. Всяко легче, чем пылесосы грузить.

— Нет бензина, — категорично повторил мужик. Было очевидно, что он просто не уполномочен решать такие вопросы.

— А вот с такой проблемой не поможешь? — не сдавался Михаил. — Мне бы покрышек запасти, в том числе и зимних. На двух авторынках уже был, оба сгорели. Нашел шиномонтаж поблизости — там все разграбили.

— Приезжий? — ухмыльнулся охранник. — Ох и трудно тебе будет. Ну, с резиной полегче, чем с топливом. Это подскажу.

Он принялся что-то объяснять, крайне косноязычно и путано. Столяров утвердительно кивал, Олег напряженно сканировал пси-поле. Чья-то решительная враждебность, которая давно не давала ему покоя, продолжала нарастать, как давление в паровом котле. И это было уже где-то рядом. Совсем близко.

«Либо перегретый пар совершит полезную работу, либо он разорвет котел, — подумал Гарин, отмечая, что проваливается в сон все глубже. — Особенно удобно, когда взрыв котла — это и есть требуемая работа. Беспроектный вариант».

— Простые движенья... — снова повторил Олег.

— Какие движения? Куда? — Мародер недоуменно сдвинул брови.

— Не заморачивайся, он бредит, — заявил Столяров.

Мужчины с хабаром остановились и как один вперились взглядами в соратника.

— Шумер, тебе что велели? Поляну пасти! А не трепаться с кем попало. Понял?! Сейчас сам таскать пойдешь! Что это за перцы?

Олег в который раз убедился, что опасность исходит не от грабителей. Они испытывали только раздражение и еще, быть может, легкую тревогу. Ненависти Гарин в них не чувствовал. Зато он ощутил что-то другое — какую-то внезапную перемену, произошедшую незаметно для остальных. Неопределенная угроза, нависавшая грозой

тучей, вдруг ослабла. Она не исчезла, просто поменяла вектор.

— Хватайте пушки, — еле слышно, на слабом выдохе, произнес Олег.

— Чего?! — с угрозой протянул охранник.

Как по сигналу из-за маршрутки вышел пятый мародер, тоже с автоматом. Все это время он подстраховывал напарника, что было вполне разумно. Однако его появление ровным счетом ничего не изменило.

— К оружию! — завопил Гарин. — Всем осмотреться!

Грабители замерли. Случилось то, чего Олег опасался: они не знали, как реагировать. Проползла невыносимо длинная секунда. Мародеры принялись возмущенно переглядываться. Даже полковник растерялся, хотя уж от него-то Олег такого не ожидал.

«Не тормозить! Это не провокация! Нас атакуют!» — Гарин нанес три сокрушительных пси-удара и сам чуть не потерял сознание. Он бил по мозгам с такой силой, на какую только был способен, и эти импульсы, которые Олег выплеснул в эфир без подготовки, без долгой практики, разрядили его, как дохлую батарейку.

Шумер упал на правое колено и вскинул автомат к плечу. Его соратник развернулся и взял под контроль противоположную сторону улицы. Трое грабителей оставили хабар и метнулись к своей машине, а через мгновение, уже вооруженные, заняли позиции — за крупным деревом, за парашютом подземного перехода и рядом с груженной тележкой. Они, как ни странно, были вполне приличными бойцами — все пятеро.

Столяров схватил автомат, но зацепился коротким ремнем за руль. После пары нервных рывков он бросил ствол и достал пистолет. Справа от «вольво» пронеслась какая-то тень, и коробки на тележке разметало в разные стороны. Вначале Олегу показалось, что они были пустые — настолько легко взлетели в воздух утюги да чайники. Объяснение этому возникло сразу, оно имело нечеловечески мощный торс и было покрыто густой темной шерстью. Олег не считал себя специалистом по зоологии, но гориллу он узнал безошибочно. Откуда здесь взялась обезьяна, оставалось только догадываться, однако сейчас было не до того.

Горилла выпрямилась и все равно оказалась на голову ниже человека рядом с тележкой. Тот почему-то не стрелял. Обезьяна гулко ухнула, чуть присела и отобрала у него автомат — без каких-либо усилий, словно пластмассовую лопатку у ребенка. Держа оружие за ствол, животное коротко размахнулось и обрушило его на голову мародера. Крышка ствольной коробки отлетела в сторону, маленькой змейкой за ней выскочила пружина возвратного механизма. Человек начал заваливаться назад, и обезьяна несколько раз ударила его автоматом наотмашь, прямо по лицу, покрывая разбросанный хабар алыми брызгами. После этого она опустила на четвереньки и с места запрыгнула на ствол дерева, за которым скрывался другой боец.

Никто из мародеров по-прежнему не стрелял. Появление обезьяны в районе «Калужской» было удивительно, но все же не настолько, чтобы ввести людей в смертельный ступор.

Горилла свесилась с дерева и, схватив грабителя за воротник, подняла его вверх.

Олег уперся ногами в пол и слабо взмахнул рукой — это все, на что он оказался способен. Рядом лежал заряженный автомат, нужно было лишь снять его с предохранителя и выстрелить — хотя бы в воздух. Но Гарин не мог. Он физически не мог этого сделать.

— Сиди тихо, — сказал Михаил, неправильно истолковав движения друга.

Маршрутное такси вдруг зашаталось из стороны в сторону. Вначале Олег решил, что обезьяна спрыгнула с дерева на крышу автомобиля, но, присмотревшись, он понял, что первая особь была не слишком-то и крупной. Вторая горилла оказалась еще шире в плечах и существенно выше, ростом со взрослого человека. Вдоль позвоночника у нее шла серебристая полоса, похожая на седину. Видимо, этот экземпляр был в паре главным.

Вожак так же, без раскачки, прыгнул с крыши и приземлился рядом с гранитным парашютом. Он словно чувствовал, где искать противника.

Олег уже догадывался, что произойдет дальше. Он мучился от непонимания ситуации и от того, что ничем не может помочь людям, замершим, как истуканы, в ожидании

неминуемого. Гарин предпринял еще одну безуспешную попытку взять в руки оружие и тут встретился взглядами с Шумером. Боец так и стоял на одном колене между маршрутным такси и «вольво».

«Ну что ты торчишь там, как баба?!» — мысленно устыдил его Гарин.

Шумер прицелился и почему-то опустил автомат. Его глаза были полны ужаса. Мародер покачал головой: «Я не могу».

— Стреляй! — крикнул Олег и наконец-то открыл свою дверь.

— Сидеть! — рывкнул Столяров, хватая его за ремень. — Оставайся в тачке!

Шумер снова вскинул оружие и тут же выронил.

— Не могу! — отчаянно повторил он.

Михаил выбрался наружу и, держа пистолет двумя руками, облокотился на крышу.

— Что за черт... — проскрежетал он. — Что за гребаный... — Столяров умолк, словно решая, в чей адрес направить проклятия.

Тем временем вожак выволок из-за парапета безвольное тело третьего грабителя, поставил его на ноги и ударил тыльной стороной ладони по уху. С виду это было похоже на незлую отцовскую затрещину, но даже в машине Гарин слышал, как у человека хрустнула шея.

Та горилла, что была помоложе, скинула с дерева труп, затем не спеша спустилась сама и на четырех лапах двинулась к Шумеру.

— Нас кто-то держит! — сказал Столяров. — Здесь кто-то есть. Олег, разуй глаза! Даже я это чувствую. Нас держат! — прохрипел он.

— Ты только сейчас это понял?

Гарин давно уже сканировал пси-поле, стараясь понять, что происходит у торгового центра, но кроме двух животных и семерых... нет, уже четверых человек на площади никого не было. Олег и обезьян-то не сразу распознал. Откровенно говоря, он вообще не сумел этого сделать, пока не увидел их своими глазами.

Напарник Шумера, прятаясь за маршруткой, слабо вскрикнул и упал на тротуар. Старшая горилла зарычала, оскалилась и энергично взмахнула лапой, стряхивая с когтей обрывки одежды. Человек согнулся пополам и беспомощно выставил вверх окровавленную руку, пытаясь отгородиться от агрессора. Его оружие валялось рядом, как что-то лишнее.

Вожак с неподдельным интересом посмотрел на мародера, громко потянул ноздрями воздух и снова зарычал. Вторая горилла была уже в паре метров от Шумера. Обезьяна не торопилась, словно знала, что ей никто не помешает.

Шумер так и стоял на месте — оцепенело стиснув автомат и беззвучно раскрывая рот. Он не мог даже закричать.

Столяров продолжал упорно целиться в вожака, но выстрелить у него не получалось.

— Олег... сделай же что-нибудь!

— Я бессилен... — Гарин замотал головой и, еле подняв руку, стянул со лба «венец». — Бессилен, — повторил он. — Нас обыграли.

Автоматная очередь и скоростная стрельба из пистолета зазвучали одновременно и слились в самую сладкую музыку, какую можно было представить. Олег облегченно выдохнул, у него на груди будто бы расстегнули тугой ремень.

Прежде чем вожак успел вздрогнуть, Михаил всадил в темную морщинистую морду всю обойму. Шумер тоже выпустил почти весь рожок, разорвав брюхо второй гориллы в клочья. Возможно, он просто не смог вовремя снять палец со спускового крючка. Хотя скорее всего — не особо-то и хотел.

Столяров плюхнулся на сиденье и утер рукавом лицо. Помотал пистолетом в воздухе, намереваясь что-то сказать, но передумал и, перезарядив оружие, убрал его в карман.

— Черт, я только что убил прадедушку, — выдавил наконец он.

— А я не верю в теорию Дарвина, — так же мрачно отозвался Гарин. — Меня, например, создал Бог.

— Это тебя-то? — Столяров критически оглядел товарища. — Ну-ну...

Секунду они просидели молча, потом расхохотались — неистово, страшно, задыхаясь и хлопая ладонями по коленям.

— Смешная история... — прервал их Шумер.

Мародер стоял около «вольво» с сигаретой в зубах. Руки у него тряслись так, что он ломал спички одну за другой. Михаил отобрал у него коробок и помог прикурить.

Снова помолчали, уже вдвоем.

— А ведь никто не поверит, — заметил мародер, — ни один человек. Лучше и не рассказывать.

Возле маршрутки раздался стон. Боец с разорванным животом куда-то отползал — бессмысленно и жутко. Вряд ли он понимал, что делает, и вряд ли осознавал хоть что-нибудь, кроме нестерпимой боли. Он все полз и полз в сторону торгового центра, оставляя на асфальте кровь и черные ошметки.

Шумер подошел к нему со спины, посмотрел в небо, что-то быстро прошептал и выстрелил соратнику в затылок.

— Все, что могу, брат... — сказал он, срываясь на вскрик.

Вернувшись к «вольво», мародер выкинул сигарету и сразу прикурил вторую — уже самостоятельно.

— Я буду убивать обезьян до конца жизни, — пообещал он неизвестно кому. — Я не пропущу ни одной.

— Причем тут обезьяны... — начал Олег, но Столяров положил руку ему на плечо и ощутимо стиснул пальцы.

— Это пройдет, — сказал полковник Шумеру. — Все проходит. Вообще-то гориллы на людей нападать не должны. Раньше с вами такое бывало?

— Не должны, — подтвердил мародер. — А эти тем более. Мы много раз их видели, даже угощали тварей... Бананы кидали им, яблоки. Знать бы раньше, на что они способны...

— Они из зоопарка? — утвердительно произнес Михаил.

— Откуда им еще взяться-то? — Боец сделал последнюю затяжку и нервно бросил окурок под ноги. — Вам бензин был нужен? Тогда слушайте. Не доезжая до метро «Коньково», свернете налево и дуйте вниз, пока не упретесь в парк. Где-то в тех местах стоит бензовоз. Я там не был, но все наши на нем и заправляются. Найдете, в общем. Улочка там небольшая. Только осторожней, цистерна в «мокроем асфальте» увязла. Смотрите, не вляпайтесь тоже.

— Вот за это спасибо! — искренне обрадовался Михаил.

— Ну, поеду, обрадую отряд... Даже и не знаю... — Шумер нерешительно помялся. — Потом тела забрать нужно будет. Поеду. Может, свидимся еще.

— погоди! — остановил его Столяров. — Меня вот любопытство разбирает, на кой черт вы всякий хлам с места на место перевозите? Сами-то мы не по этой части, — он махнул рукой на магазин, — так что конкуренции вам не составим. И если это большой секрет...

— В принципе секрет, конечно. Но не очень большой, если его половина Москвы знает, — с иронией добавил Шумер. — Сначала до Южного Бутова строили обычное метро. Потом решили пустить поезда по земле, а тоннель к тому моменту уже почти прорыли. Крайняя точка — в шести километрах за Кольцевой дорогой, там же и выход на поверхность. Охраняется очень хорошо, лучше туда не соваться. Но в тоннеле есть и другие шахты, — подмигнул мародер.

— А там постов нет, что ли? — не поверил Михаил.

— Тоже есть, но попроще. За «плазму» с двухметровой диагональю могут устроить такую смену часовых, что вагон перекидать успеешь. А за две «плазмы» они сами же его и разгрузят. Ну, пока, мужики! Не хочу я тут задерживаться.

Шумер захлопнул в маршрутке двери и, усевшись за руль, поехал куда-то к центру.

— Насчет половины — это он точно загнул, — недовольно проговорил Олег.

— Ты о чем?... — нахмурился Столяров.

— О тоннеле до Бутова, что про него половина Москвы знает. Да на хрен он кому упал, знать про него?

— Не комплексуй, он имел в виду не москвичей вообще, а тех, кто сейчас тут находится. Нормальных мародеров, твоих коллег. — Михаил поймал раздраженный взгляд Гарина и примирительно улыбнулся: — Шучу я. Будет и тебе хабар, я же обещал. Лично этим займусь, когда дело сделаем.

— Дело... — с тоской повторил Гарин. — Пока это не дело, а какой-то безумный пазл, в котором большинство деталей потеряно.

Михаил развернулся через сплошную линию и поехал назад.

— Детальки в порядке, — бодро заверил он. — Просто мы общего рисунка не понимаем — это да, проблема. Но если правильно собирать, то рисунок сам сложится.

— Правильно — это как?

— Ну а как люди собирают? От угла, — Столяров пожал плечами. — От любого угла и дальше — штучка за штучкой, по очереди. Вот и мы: начнем с того, что нам уже известно. Данные по пси-оружию ушли из СБУ в Москву — это раз. Кто-то здесь интересуется нашей давнишней темой. Пси-активность в Москве есть. Теперь, надеюсь, тебе не нужно это доказывать?

В ответ Олег энергично помотал головой.

— Это было два, — удовлетворенно проговорил Михаил. — Скутер — это три.

— А что — Скутер?

— Мы ему интересны, вот что. И вовсе не как добытки «хлопушек», иначе он бы норму нам не срезал, — усмехнулся Столяров. — К тому же странноватое местечко он выбрал для базы, тебе не кажется? В Москве полно гостиниц с шикарными номерами. Хрен с ним, что воды нет. Мягкость кровати от этого не зависит. Вот был бы ты главарем с большими амбициями — неужто поселился бы в таком затрапезном месте? Пылью дышать и на коленкоровых диванах бока отлеживать.

— Пожалуй, ты прав.

— А он здесь, в НИИ затхлом, решил жить. Мог бы, в конце концов, квартиру себе найти, вон каких домищ-то вокруг понастроили!

— Все могу понять. Со всем могу согласиться, — покладисто произнес Гарин. — Кроме одного: ну не вижу я связи между секретными документами и каким-то бандитским хмырем, который живет не там, где бы нам с тобой хотелось.

— Боюсь, что этот хмырь ждал твоего появления в Зоне. Так же, как и я.

— Он ждал? Меня?! — изумился Олег. — Да с какой стати-то?

— А ты подумай. Нет, не выходит? Хорошо, даю подсказку: чья фамилия чаще всего упоминается в моем отчете по Припяти?

— Оп-па... — Гарин откинулся на спинку и некоторое время отрешенно созерцал потолок. — Моя, конечно, — выдохнул он.

— Элементарно, не правда ли?

— Даже слишком. И ты, заранее сложив два плюс два, спокойно поджидаешь меня в моем доме, потому что...

— Потому что два плюс два — это довольно просто, — закончил Столяров.

— Потому что ловля на живца — это твой излюбленный метод, — жестко возразил Олег.

— Я ведь силой тебя сюда не тащил, не заманивал. Но, зная тебя, я предположил, что ты приедешь. И не ошибся. Но ты же мог и не приехать! — воскликнул Михаил.

— Это правда, — сказал Олег после паузы. — Я приехал сам, но меня здесь ждали. И друзья, и враги, по разным причинам. И я до сих пор не уверен, для чего я понадобился первым, но со вторыми, кажется, ситуация начинает проясняться.

— Ты не мог бы еще раз и попроще? — скривился Столяров.

— Как думаешь, если бы у торгового центра меня с вами не было, напали бы на вас обезьяны?

— Откуда мне знать? Ты хочешь сказать — не напали бы? Вполне возможно...

— Но при этом я не был их целью, ведь так? Более того, они бы и тебя не тронули. Хотя когда мы подъезжали к перекрестку, они собирались атаковать именно нас. Я и не догадывался, что там обезьяны. Но мишенью были мы с тобой, в этом я уверен. Они сами были в этом уверены.

— Ну, продолжай, — осторожно произнес Михаил.

— Когда мы остановились у магазина, мы тут же перестали волновать горилл, зато у них возникла ненависть к мародерам. Сразу, на пустом месте! Абсолютно немотивированная. Их как будто переключили, понимаешь? Так на самом деле и было.

— Что ими управляли, для меня не новость. Так же, как и нами, кстати говоря. И тобой в том числе.

— Это не управление, это простейший вид пси-воздействия. Самый примитивный, — Олег повертел в руках артефакт и небрежно бросил его в «бардачок». — «Простые движенья», помнишь?

— Песню, что ли? Ну да, ты меня уже утомил этой фразой.

— Она играла, когда это случилось в первый раз, — Гарин поднял глаза и, увидев за окном одинокое приземистое здание, символически поплевал через левое плечо. — Вот на этом самом месте. Радио врубилось ни с того ни с сего, помнишь?

— Да помню, помню. Дальше что?

— И мы слышали перестрелку.

— Я пока не дозрел до твоих выводов, так что давай без намеков, прямо, — попросил Столяров.

— Агрессия — самое простое, что можно внушить человеку, даже если у тебя очень низкие пси-способности. Агрессия — это от природы. Она возникла и в прошлый раз, и сегодня — у совершенно посторонних людей... гм... и не только. И оба раза на мне был «венец».

— То есть, выходит... ты злился и неосознанно влиял на окружающих?... — растерянно спросил Столяров. Настала его очередь удивляться.

— Нет-нет, речь не об этом, — торопливо возразил Гарин. — Ни на кого я не злился. И сейчас, у торгового центра, я сам был под прессом. У вас стрелять не получалось, а я вообще рукой пошевелить не мог. Кто-то накрыл нас всех. Но накрывает он почему-то лишь тогда...

— Когда ты рядом, — нетерпеливо закончил Михаил, так ничего и не поняв из пояснений товарища.

— Когда я в «венце», — веско произнес Олег.

— Так кто же из вас настоящая причина?

— Боюсь, что мы оба, одновременно. Я и тот, кто...

— Тот, к кому пришли данные, украденные из СБУ, — кивнул Столяров.

— Когда я надеваю «венец», он получает... что-то вроде доступа, наверно. К моему сознанию. И транслирует через меня те самые «простые движенья», заставляя одних нажимать на курок, а других — наоборот, смотреть, как их убивают, и бездействовать.

— Ну это ты загнул!

— Могу и ошибаться, — согласился Гарин. — Но я не фантазирую, а всего лишь продолжаю складывать твой пазл. Вонючую головоломку, на которую ты подписал меня втемную, не спросив.

— Ладно, ладно! — отмахнулся полковник. — Кто же знал, что все так туго завяжется... Но если этот негодяй способен работать только с тобой... или, вернее, только через тебя... ты, Олежек, становишься еще более ценной фигурой.

— Не поверишь, но для меня моя жизнь и так бесценна. Без всяких дополнительных условий, — буркнул Гарин. — Предвижу твой следующий ход: повесить меня под крышей вверх ногами и ждать, когда Пси-Мастер номер два придет на живца.

— Не говори ерунды! — Столяров притормозил у знакомого перекрестка и свернул во двор к дому. — Нет никакого Пси-Мастера номер два, откуда ему взяться?

— Неоткуда, — подтвердил Олег. — Тот, первый, был гением, такие рождаются раз в тысячу лет. С ним никто не сравнится.

— Хотя... — Михаил остановился возле подъезда, чтобы закончить разговор на улице, пока рядом не было Добермана. — Хотя... — с сомнением повторил он. — Этот второй, похоже, тягаться с первым и не собирается. У него что-то свое на уме. И у него совсем другие методы.

— Умеешь ты утешить, полковник.

Глава двенадцатая

Пока Олег с Михаилом ездили, Доберман убрался в квартире — насколько это было возможно. Он даже вымыл полы, и запасы питьевой воды от этого почти не пострадали. На кухне был порядок, в прихожей стоял большой мешок с мусором.

Книга Добермана лежала на столе. Сам сталкер находился в приподнятом настроении — то ли вычитал доброе предзнаменование, то ли просто получил удовольствие от уборки.

— Правильно сделал, что никуда не пошел, — кивнул ему Гарин.

— А что, неприятности были? — Доберман тревожно оглядел обоих соратников, словно пытался найти у них ранения.

— Ничего особенного. Потом расскажем, — пообещал Столяров. — Считаю, что мы сработали как громоотвод, и та жопа, которую ты себе нагадал, накрыла нас. Но сейчас не об этом, — отрезал полковник. — Лучше вот о чем поговорим. Давно ли здесь Скутер верховодит, ты не в курсе?

— Почему же не в курсе? — Доберман аккуратно сложил сырую тряпку и пристроил ее на подоконник. — Вообще в Зоне Скутер промышляет уже довольно долго, а в наш микрорайон он появился после меня. Расширяет территорию, ясное дело.

— После тебя? Так, выходит, он тут недавно?

— Он здесь возник примерно за неделю до твоего появления.

— Всего за неделю?! — не поверил Михаил.

— Да, и сразу начал свои порядки устанавливать. В этом дворе вообще-то больше сталкеров обитало. Но Скутер всех выжал, а кое-кого и на тот свет спровадил.

Столяров выразительно посмотрел на Олега, но тот и сам понял, что это значит. Его действительно ждали в Москве, и получается, что кто-то был заранее осведомлен о его отъезде из Новосибирска. У Гарина защемило сердце: что там сейчас с Мариной, как Бориска? Бросил их на чужих людей, а сам отправился за бешеными деньгами, якобы для них же, для семьи... И что в итоге? Провел в Зоне уже несколько суток и не добыл ни рубля, ни копейки не нашел самостоятельно. Принял царский подарок от полковника и успокоился... зато оказался втянут в очередную историю — настолько мутную, что черт ногу сломит. Как, впрочем, и всегда бывало со Столяровым: простых операций судьба ему не подкидывала. И все-таки главное — семья. Что бы ни происходило в Зоне, пусть хоть небо на землю падает, — лишь бы это не коснулось жены и сына.

Гарин вдруг остро почувствовал, насколько он уязвим. Раньше он почему-то об этом не задумывался. Даже странно... Хотя раньше-то у него и в мыслях не было лезть в какую-то заваруху или переходить дорогу очередному психопату. И знать бы еще — какому... Но, с другой стороны, разве можно было надеяться, что, приехав в Зону, он не попадет в поле зрения каких-то одержимых людей? С его-то способностями и с его прошлым?

«Не было ни единого шанса, — сказал себе Гарин. — И ты должен был это учесть, сталкер. Обязан был смотреть хотя бы на один шаг вперед. Не ради себя, ради близких. Так нет же, поперся за хабаром! И о чем ты раньше думал, тупица?!»

— О чем же я думал... — горько произнес Олег, но так тихо, что никто, кажется, не услышал.

«Ты вообще не думал, — ответил он самому себе. — Тобой управляла идея фикс, тебя вел инстинкт. Объяснил это самому себе как заботу о родных. Кого ты хотел обмануть,

дубина? Выключил мозги и помчался за романтикой. Впрочем, нет... Какая тут, на хрен, романтика? Не за этим я в Москву приехал. А за чем же тогда? Зачем?..»

— И давно ты сам с собой разговариваешь? — меланхолично осведомился Михаил.

— Я?.. — Олег вздрогнул и придал лицу насмешливое выражение.

— Плохой артист, — прокомментировал Столяров.

— Ну, ты, блин, пронизательный... — буркнул Гарин. — Сейчас «венец» надену и тебя самого наизнанку выверну.

— Ты его в тачке забыл.

— Почему ты не напомнил? А если его сопрут?!

— Кто? — спокойно спросил полковник.

— Ты специально, что ли, решил от него избавиться? Мог бы выкинуть, и все дела. Для чего городить какое-то представление?

— Довольно паранойи! — взорвался Столяров. — Мы просто забыли его в тачке — и я, и ты. Мы случайно его там оставили! Никакого умысла в этом не было! Ясно?! Тяжелый день сегодня, — добавил он вполголоса.

Олег впечатал кулак в ладонь и медленно выдохнул. Считать до десяти Гарин не стал, спокойствие пришло само — едва он принял решение. Олег заглянул в кабинет, достал кое-что из письменного стола и сразу вернулся на кухню.

— Надо спуститься, забрать «венец», — сказал он.

— Сходим вместе, — предложил Михаил.

Гарин, не возражая, поправил на плече автомат, проверил в под сумке рожки и открыл дверь.

— Ты с нами проветришься? — обратился Столяров к Доберману.

— Мне и тут не душно. Я сегодня невыездной, — напомнил тот. — В смысле, невыходной.

Михаил лишь цыкнул зубом и направился за Гариным вниз по лестнице.

Выйдя из подъезда, Олег взглянул на чистое небо и набрал полные легкие воздуха. Идти к машине он не спешил. Столяров его ни о чем не спрашивал, просто стоял рядом и с грустью смотрел другу в глаза. Однако нужно было что-то сказать, и это пришлось сделать Гарину.

— Извини, я больше не могу, — проронил он.

Михаил продолжал молчать. Олег пытался уразуметь, о чем сейчас думает полковник, но это было невозможно: Столяров оставался непроницаем. По крайней мере его лицо не выражало ни гнева, ни презрения, и Гарин был ему за это искренне благодарен.

— Деньги взял? — произнес Михаил. Без издевки, без подначки. Это был всего лишь вопрос.

В ответ Олег похлопал себя по карманам.

— И часы тоже, если ты не раздумал, — проговорил он.

— Семьдесят тысяч евро, — напомнил Столяров. — Постарайся не продешевить. Главное, не торопись, — добавил он непонятно к чему. То ли он говорил о продаже часов, то ли о дороге, то ли о чем-то еще.

— Миш, я ведь бесполезен... — сказал Гарин, проклиная себя за то, что все-таки начал оправдываться, хотя никто этого не требовал.

Столяров вяло взмахнул рукой и показал на «вольво»:

— Пойду заберу «венец».

— Когда я его надеваю, вокруг происходит что-то странное, — безвольно произнес Олег. — А когда снимаю... от меня тем более толку нет.

Михаил неловко почесал шею. Этот разговор тяготил его не меньше, чем Гарина.

— Все-таки надо его забрать, — сказал Столяров.

— Да... — Олег постоял еще секунду, потом развернулся и, не прощаясь, зашагал прочь.

Ему хотелось провалиться сквозь землю, но позволить себе он этого не мог — в

Новосибирске ждали жена и сын. Им нужен был не совестливый покойник, а кормилец и опора. И это было намного, намного важнее, чем отдельно взятая гордость.

Погода радовала: на улице было солнечно, но не жарко, и настроение у Гарина постепенно поднялось. Первые полчаса он прошел хорошо, ему даже понравилось. Шагал широко и ритмично, ноги ставил твердо, не забывал поглядывать по сторонам — но не превращал это в манию. Правую ладонь держал на рукоятке, поджимая автомат локтем, чтобы не болтался.

Позади остались гулкие пустые корпуса вещевой ярмарки. Гарин двигался вдоль домов, обходил выступающие строения и снова поворачивал в закутки крошечных детских площадок, держась подальше от широкой проезжей части. Профсоюзная улица в этом месте была почти прямая и просматривалась слишком хорошо. Так Олег миновал два универсама и приблизился к северному выходу станции «Теплый Стан». До Кольцевой дороги оставалось чуть больше километра, это пятнадцать-двадцать минут пути — а там уже и Периметр. На юго-западе его почему-то построили в первую очередь, и в этом месте МКАД была перекрыта наглухо. Не пощадили и развязку: мосты попросту снесли, от чего эстакады стали похожи на короткие взлетные полосы для палубной авиации. Однако Гарин был уверен, что преодолеет все заграждения без труда. Он даже не представлял себе силу, которая могла бы помешать ему вырваться из города.

«В крайнем случае залягу где-нибудь в кустах и дождусь ночи, — решил Олег. — На худой конец, придется пройти вдоль Периметра еще километров пять. Это не отдаляет меня от цели».

Гарин посмотрел назад и испытал странное чувство ностальгии. Оно было как стихающая боль — почти сладким.

Вокруг зияли разбитые витрины. Где-то был салон сотовой связи, а где-то раньше находилась кондитерская, но теперь павильоны выглядели почти одинаково. Все они были разграблены и завалены разбитыми стеллажами. Лишь огрызки неоновых вывесок да обрывки плакатов на стенах могли еще намекнуть, чем когда-то торговали в том или ином магазине. Хотя теперь это было абсолютно не важно.

Олег вдруг услышал, как кто-то семенит по асфальту, и обернулся, запоздало рванув с плеча автомат.

Если бы это был мутант, Гарин уже лишился бы жизни или как минимум вкусной части тела. Но это была всего лишь собака, старая длинношерстная колли, когда-то трехцветная, а теперь почти седая. Олег привычно-бесполезно обругал себя за неосторожность и внимательно посмотрел на собаку. Та ответила таким же осмысленным взглядом, большие миндалевидные глаза казались умнее иных человеческих.

— Какая же падла тебя бросила? — проговорил Гарин.

Пес подошел ближе, но не ткнулся в ногу, а поднял хитрую лисью морду к большой бутфорской сардельке, висевшей над дверью пустого павильона.

— Нечем тебя угостить, нечем, — виновато сказал Олег.

Он рассчитывал дойти быстро, да и в любом случае забирать харчи у сталкеров, остающихся в Зоне, было непозволительным хамством.

— Ну иди сюда, поглажу хоть тебя. Иди, хороший! Или ты «хорошая»?

Олегу вдруг стало любопытно, вернее, ему показалось это важным, и он сделал шаг в сторону, чтобы заглянуть собаке под брюхо. Та, словно стесняясь, попятилась вбок, настойчиво поворачиваясь к Гарину мордой.

— Ну и ладно, — умиленно заключил Олег. Он дотянулся до седого загривка и дружески его потрепал. — Фиг знает, что с тобой делать...

Собака энергично помотала головой, словно отряхивалась от воды, и с независимым видом пошла к дороге. Перед тем, как ступить на проезжую часть, она посмотрела влево, а дойдя до середины, — Гарин уже не сомневался, что она так и поступит, — посмотрела вправо. Оказавшись на противоположной стороне, колли без суеты скрылась среди таких же разрушенных павильонов.

«И с чего я взял, что ей нужна моя помощь? — удивленно подумал Олег. — Идти надо. Рассопливился вконец, из любой ерунды делаю драму».

Он повернулся и, стараясь набрать прежний темп, отправился в сторону Кольцевой, но это оказалось неожиданно трудно. Каждый шаг начал отзывать в голове гулким эхо, и чем дальше, тем громче, мучительней. Уже через десять метров под черепной коробкой ухал медный набат, а еще через двадцать — звонко долбил паровой молот. Что-то стучалось в виски изнутри, глаза покалывало, и даже небо как будто бы стало пасмурным.

Олег остановился и, придерживаясь рукой за пустую витринную раму, тяжело сглотнул. Судя по симптомам, близился сильный приступ мигрени — и уйти от него было некуда, Гарин это знал. Против воли он начал выискивать место, где можно было бы спокойно пересидеть, прислонившись к чему-нибудь спиной.

Задышавшись и облизывая сухие губы сухим языком, Олег почти на ощупь свернул в какую-то несуществующую дверь, давным-давно вырванную вместе с петлями. По виду это было крошечное кафе на три столика — впрочем, ни столов, ни стульев внутри не оказалось. Гарин осоловело огляделся и пошел в дальний угол, чтобы просто сесть на пол. Он невольно вспомнил голодную, но здоровую собаку и поймал себя на том, что люто ей завидует. На этой противоестественной мысли он за что-то зацепился ногой, раскинул руки, влетел макушкой в какой-то твердый угол — и подняться уже не смог.

Глава тринадцатая

— Заноси осторожней.

— Э, куда вперед ногами-то?

— Да какая разница?

— Нет, переворачиваем.

— Давайте уже быстрее, жрать охота!

Олег приоткрыл глаза, но сквозь поволоку увидел только серые и светло-зеленые пятна. Они качались, от этого делалось уютно. Вскоре Гарин сообразил, что качается он сам, но это ничего не изменило. В горизонтальном положении ему было настолько удобно, что он не возражал бы встретить так мировую термоядерную войну — лишь бы не двигаться.

— Ну все, заносим.

— Перехвати за край, вдвоем не протиснемся.

Голоса звучали где-то вверху и совершенно не касались разума Гарина. Он понимал каждое слово, но уследить за мыслью не мог. Да и не стремился. Олег уже понял, что спит, и догадывался, что начинает просыпаться, — с той же обреченностью, с которой школьник смотрит на циферблат за пять минут до сигнала будильника. Впрочем, учиться Гарин любил, а иначе он не был бы, как говаривал дедушка, в таком большом порядке.

Олег проморгался и обнаружил, что его несут на куске истертого линолеума, содранного в каком-то общественном месте. Руки-ноги не просто двигались, но и слушались. Голова, кажется, тоже.

— Ты чего брыкаешься? — возмутился кто-то сверху. — Он очухался! Выгружаем.

Углы импровизированных носилок отпустили. Олег как лежал на листе линолеума, так и рухнул вместе с ним на пол. В поле зрения попали двери туалета и ванной, по которым Гарин сразу узнал свою квартиру.

«Темновато, лампочку надо поменять», — успел подумать Олег, прежде чем окончательно пришел в себя.

— Принимай полутруп, — объявил кто-то сзади. — Туловище второй категории: мозга мало, мышцы вообще отсутствуют. Но, учитывая автомат с рожками и неработающий лифт, доплатить все-таки придется. Выпить есть?

Столяров проворно открыл на кухне шкаф.

— Коньяк? Виски? Или без лишних понтов? — спросил он.

— Без лишних, — согласился человек и, бесцеремонно перешагнув через лежавшего

Гарина, прошел к столу.

Теперь Олег увидел, что это Геша — бандит, который стерег его, пока Михаил обсуждал со Скутером размер дани.

Столяров достал бутылку водки и озадаченно осмотрелся, потом присел на корточки и начал поочередно открывать нижние дверцы.

— Олег, у тебя стаканы, оказывается, есть!

— Сам в шоке, — буркнул тот, неуверенно поднимаясь.

С Гешей были еще три человека, все они тоже проследовали на кухню, и там сразу стало тесно, хотя и не так, как в прошлый раз. Олег толкнулся последним и привалился к стеночке у двери, пряча глаза и от Столярова, и от Добермана.

Михаил расставил на столе восемь стаканов и, деловито пересчитав присутствующих по головам, один убрал. Литровую бутылку он поделил на семерых с подозрительной точностью. Геша, не дожидаясь приглашения, взял свою порцию и кивнул Олегу:

— Твое здоровье.

Бандит жажнул без малого сто пятьдесят граммов одним глотком. Потом замер, благостно моргнул и коротко, вкусно выдохнул.

— Все, больше не предлагай, — сказал он. — Не смогу отказать.

— Так и не надо отказывать? — демонически произнес Михаил.

— Нельзя. Скутер человек не сентиментальный. «Бей своих, чтоб чужие боялись», — это не он придумал. Но он развил и довел до совершенства.

Остальные трое бандитов выразили молчаливое согласие и вразной выпили, хотя и не так красиво, как бригадир. Столяров тоже сделал глоток — большой, чтобы не быть уличенным в неуважении к компании.

— Ну, теперь рассказывайте, — поддержал он.

— Рассказывать особо нечего, — ответил Геша. — Ехали по Профсоюзной, у «Теплого Стана» остановились по нужде. Смотрим — в кафешке тело лежит. Сначала решили, что жмур. Пригляделись — дышит, да и рыха знакомая. Небось шаурмы с собачатиной натрескался, вот и скрутило! — Он жизнерадостно рассмеялся. — Ну, погрузили болезного в машину, и сюда. Это же твой хлопец? Вот и принимай. Если скажешь, что зря привезли, тогда... — Геша замялся.

— Что? — Михаил вздернул брови.

— Тогда мы с пацанами сильно расстроимся.

— А! Не расстраивайтесь, пацаны, вы все правильно сделали, — объявил полковник. — И бог вам за это простит пару каких-нибудь грехов. Каждому, — заверил он.

— Какой бог? — не понял Геша. Умиrotворенная улыбочка сползла с его каменного лица медленно и так выразительно, что он мог даже не продолжать. — Если бы я интересовался богом, я бы ушел в монастырь. Логично?

— Да, — сказал Столяров. — Сколько?

— Десять, — ответил Геша так же коротко и емко.

— Десять чего? «Хлопушек»?

— Тысяч, дорогие друзья. Или вы думали, что я тяжести для своего удовольствия таскаю?

Трое подручных Геша ненавязчиво прикоснулись к оружию.

— Требуешь деньги за то, что человека в Зоне не бросил, — констатировал Столяров. — Грех на душу берешь.

— Слушай, то ты списываешь грехи, то обратно вешаешь... Тебя кто-то уполномочил этим заниматься?

Гарин незаметно погладил карманы брюк. На ощупь как будто бы ничего не пропало.

— Я расплачусь, — заявил он, прерывая неприятный торг. — Десять тысяч, да?

— Да, долларов, — монотонно произнес бандит.

— Полагаю, евро не хуже. — Олег уже почти достал пачку денег, но осекся.

— Десять. Тысяч. Долларов, — отчеканил Геша. — Вы мне заплатите. Не позже

завтрашнего вечера. А пока я возьму у вас что-нибудь в залог. Справедливо?

— Но ведь евро дороже! — загорячился Гарин. — Что ты дурака валяешь?

— Дурака я не валял, а вез его от «Теплого Стана» и потом поднимал на седьмой этаж.

— Почему обязательно доллары?! — взвился Олег. — А если мы до завтра их не найдем?

— Тогда забери «хлопушки», подавись! — не выдержал Доберман. — Они еще дороже. Намного дороже. Уж ты-то знаешь.

— Вот! — Геша нацелил на сталкера указательный палец. — Вот тебя я и заберу. Хороший залог — это вещь ценная, но ненужная. Ты годишься.

— Что за чушь... — растерялся Доберман.

— Вставай, пошли. Да не плачь ты! Все будет нормалек.

Сталкер приподнялся на табуретке, но только для того, чтобы схватить свою книгу и плюхнуться обратно. Доберман прижимал ее к груди так, что входное отверстие от пули оказалось у самого сердца.

— Вставай! — рявкнул Геша.

Бандиты синхронно клацнули предохранителями.

Гарин обратил внимание на Столярова — тот все это время оставался странно, неестественно спокойным.

«Опять покажет гранату без чеки? — с тревогой подумал Олег. — Для маленькой кухни это вариант не самый лучший...»

Михаил поднял свой стакан, нарочито медленно допил водку и, не сходя с места, дотянулся до холодильника. Потом невозмутимо достал из морозилки аккуратную пачку стодолларовых купюр и бросил ее Геше в лицо. Тот рефлекторно поймал деньги.

— Пересчитай при всех, — потребовал Столяров.

Пересчитывать Геша не захотел, но все же пролистал банкноты веером, проверяя, не «кукла» ли это. И кинул пачку обратно Михаилу.

— Да расслабься, брат! — бандит опять улыбнулся, широко и обаятельно. — Проверил тебя слегонца. Жизнь требует. Считаю, что это была шутка. Ты же не в обиде?

— На обиженных воду возят, — скупомолвил Столяров.

— Ну вот и отлично! Денег не надо, мы же по-людски. После сочтемся как-нибудь, ага? А на сегодня базар окончен.

Гешины соратники перевели дыхание и с видимым облегчением выпустили оружие из рук. Для них все произошедшее было такой же неожиданностью, как и для Гарина с Доберманом. Кажется, только бригадир и полковник понимали, о чем на самом деле был их разговор. Они еще немного посверлили друг друга взглядами, после чего бойцы, не прощаясь, проследовали в прихожую. Когда последний из их четверки покинул квартиру, Михаил тщательно запер дверь и, молча вернувшись на кухню, достал новую бутылку. Потом покачал головой, убрал алкоголь обратно в шкаф и поднял с пола флягу с чистой водой. Налил немного в ладонь, затем в другую и поплескал себе на лоб.

— А я все-таки думал, будет граната без чеки, — подал голос Гарин.

— У нас их вон целый ящик пропадает, — ответил Столяров.

— Идиот какой-то... — посетовал Доберман. — Доллары ему приспичило... Знает же прекрасно, что «хлопушки» дороже. Странная прихоть. Убыточная.

— Ему не деньги нужны, а ты! — Михаил повернулся к сталкеру так резко, что чуть не сшиб бутылку с водой. — Неужели не ясно? Если бы мы сразу сказали, что баксы у нас тоже есть, Геша потребовал бы китайские юани или картину Малевича в уплату долга. Про пачку евро у Олега он, разумеется, знал: брать в машину тело и не обыскать карманы — это даже не опасно, а просто тупо. Кстати, где тебя так долго носило?

— Меня? — Вопрос был таким неожиданным, что Гарин не сразу понял, кому он адресован. — Я почти вышел из Зоны. Ну, немного не дошел... Чуть-чуть не добрался до Периметра, вырубило возле метро.

— У какого метро?

- У «Теплого Стана». Они же сказали, где меня нашли.
- Это правда, так все и было? Значит, ты прошел только одну остановку?
- Зачем я понадобился Геше? — запоздало возмутился Доберман.
- Да, одну остановку. — Олег потупился.
- И сколько ты там пролежал?
- Я не засекал, — раздраженно ответил Гарин. — Говорю же: вырубило меня.
- Зачем это я нужен Геше? — повторил сталкер.
- Многовато получается, — заметил Столяров, снова игнорируя его возгласы.
- Бывало и хуже, — поделился Олег.
- Десять «хлопушек» не взял, евро ему тоже не понравились... Ему я, видите ли, был нужен... — пробубнил Доберман, оглаживая свою книгу.
- Да погоди ты! — прикрикнул на него Михаил. — Олег, ты уверен, что тебя никуда не возили?
- Как я могу быть в чем-то уверен, если я был без сознания! Ты лучше скажи, сколько ты денег в моей квартире по углам заныкал?
- Это твои премиальные. Будущие. Пока не заработанные. Я ведь обещал заботиться о твоей семье? Хорошо, заботиться ты о ней будешь сам, я просто помогу тебе в этом, — скороговоркой добавил Столяров, заметив нетерпеливый жест Гарина. — Доберман! Умоляю, спрячь эту книжку подальше, или я прострелю ее второй раз!
- Сутки еще не закончились, — с детским упрямством проговорил тот. — И значит, неблагоприятный прогноз еще в силе. Но уже скоро. Скоро, — умиротворенно повторил сталкер.
- Что «скоро»? — всполошился Олег. — Который час?
- Вот и я о том же, — покачал головой Михаил. — Сейчас половина двенадцатого. На улице уже темно, если ты не заметил. А вышел ты когда? После обеда? Получается, что ты пролежал без сознания от пяти до восьми часов. И тут, на ночь глядя, brave ребята Скутера надумали покататься по городу. И отлить им приспичило — ну надо же! — прямо у того места, где ты упал. Так себе история, если откровенно. Я, когда школу прогуливал, толковее легенды сочинял.
- Вот и досочинялся, — прошипел Олег. — Посмотри на себя! Сделал человек карьеру — на зло врагам, друзьям на зависть... А я, между прочим, школу ни разу не прогулял!
- Угу, тоже результат налицо. Есть чем гордиться.
- Вы два лузера в жопе мира, — подытожил Доберман. — Кто-нибудь ответит на мой вопрос?
- Только ты сам, — сказал Столяров. — Я не знаю, зачем ты им понадобился, но гарантирую, что интерес к тебе имеет не Геша. И я боюсь, что даже не Скутер. Они только исполнители.
- А кто же тогда? — спросил сталкер севшим голосом и обнял книгу покрепче.
- Думай, брат. Вспоминай.
- Это она, — тихо произнес Доберман. — Она им нужна.
- Я же сказал тебе: думай! Брось ее. Брось немедленно! По-моему, она тебя гипнотизирует.
- Сталкер азартно пролистал книжку и быстро нашел нужную страницу. Похоже, за прошедшие сутки он перечитывал ее много раз.
- Смотри! — выпалил Доберман. — Нет, ты посмотри, посмотри! Вот строчка: «Перезарядив на ходу винтовку, он спрыгнул в окно цокольного этажа, и там...» — ты видишь теперь, что эта строка обрывается, она как бы уходит в дырку? Это конец!
- Это бред! — заорал Михаил. — Твоя книга пробита пулей, здесь половина строчек уходит в дырку! Ты раньше не замечал?
- Дело не в этом, не в дырках... — протянул сталкер, страдая от того, что не может объяснить простое и очевидное. — Смотри, здесь про винтовку. У меня тоже винтовка, это

про нее. Про меня.

— Ну так не заряжай ее на ходу! Не прыгай в подвалы!

— Цокольный этаж, — весомо уточнил Доберман. — Но ты все равно ни черта не понял. Хорошо, что день уже почти закончился.

— Ладно, — отрезал Михаил, осознав, что победить в этом споре невозможно. — Договорились: твоя книга — всем книгам книга. Книга с большой буквы. Как она называется? «Черная карма»? Превосходно. Теперь сосредоточься и скажи: кроме этой книги, до ее появления, в твоей жизни было что-нибудь важное? Или необычное. Хоть что-нибудь заслуживающее внимания — было?

Доберман честно задумался, даже подпер кулаком щеку.

— Нет, — ответил он через минуту.

— Тьфу! — всплеснул руками Столяров. — Олег, твой выход. Я бессилен.

— Чего? — с сомнением произнес Гарин.

— «Чаво»! — истерично передразнил полковник. — Иди, «венец» напяливай! Он у тебя в кабинете на столе. Ты ведь не против, Доберман? Это для твоего же блага, клянусь.

— Полезете мне в мозги? — легко угадал тот.

— Это еще зачем? — оторопел Олег.

— А зачем наш приятель кому-то вдруг понадобился? — сказал Столяров. — Гипотезы есть?

— Ну... если ты говоришь про того, кто сегодня атаковал нас у торгового центра...

— Про него, про него, родимого. Для чего ему нужен Доберман? Он, кстати, пять раз об этом спросил. Ты можешь дать ответ?

— Вероятно, для того же, о чем ты сам меня просишь. В мозгах покопаться.

— И что этот неизвестный упырь надеется найти в башке у Добермана? Кроме книги, конечно.

— Нечто важное, — резонно предположил Олег.

— А что же он раньше этого не сделал? До нашего приезда в Зону. Когда Доберман уже был здесь, и его можно было сканировать вдоль и поперек — не посылая к нам Гешу со странными идеями о заложниках.

— Ты сбиваешь меня с толку. То одно, то другое...

— Все, что можно было вытащить из его памяти, давно уже вытащили — те, кому это необходимо. Теперь им важно, чтобы эта информация не досталась нам. Я убежден, что возвращать Добермана обратно Геша не собирался. Забавно, но книжка оказалась права: ему действительно не стоило сегодня выходить на улицу. Не теряй времени, Олег. Надевай «венец», и вперед.

— Но это опасно. Неизвестно, получится ли у меня что-нибудь, а вот беду накликаем можем запросто. Как с обезьянками. Мало не покажется.

Доберман выпал из разговора и, кажется, даже не пытался уловить суть. Он сидел у стола, как старейшина на семейном празднике, который давно перестал узнавать родных. Все, что ему оставалось, — это вертеть головой и недоуменно хмуриться.

— Агрессию здесь проявлять некому, — заявил Столяров. — Если что-то пойдет не так, то уж с Доберманом я справлюсь, а...

— А с тобой? — вставил Гарин. — С тобой кто справляться будет?

— Тоже я, — бросил полковник, но, заметив, что такой ответ друга не устраивает, добавил: — При желании я могу тебя пришить в любую минуту, так что ты ничем не рискуешь.

Нельзя сказать, что это объяснение Олегу понравилось, но возразить он не сумел. Он сходил в кабинет и, вернувшись с «венцом», уселся напротив Добермана. Тот смотрел на Гарина глазами коровы, которую ведут не то доить, не то забивать.

— Ты, главное, не волнуйся, — проговорил Олег насколько мог убедительно. — На улицу тебя никто не гонит, все сделаем здесь. Да и сутки твои проклятые, наверно, закончились?

— Нет еще. Но уже скоро, — покорно отозвался сталкер.

Гарин надел «венец» осторожно, как никогда. Выпрямил спину и удобно пристроил руки на коленях, словно он сам был испытуемым.

— Если почувствуешь что-то не то... что угодно, любую странность... Ты меня слышишь? Если возникнет малейшее сомнение, сразу скажи, не жди.

— Сомнение в чем? — уточнил Доберман.

— Ай, прекрати. В себе самом, в книге — в чем угодно.

Олег сконцентрировался, но сознания сталкера пока не касался. Он не спешил, хотел вначале почувствовать обстановку. Гарин подумал, что будет даже неплохо, если кто-то попытается взять его под контроль сейчас, когда он готов на все сто. Уж теперь-то присутствие чужого пси-поля не останется незамеченным. Обнаружить и ощутить его хотя бы на мгновение — это уже много. Этого может быть достаточно, чтобы узнать, кому оно принадлежит. А дальше — работа полковника Столярова: найти и пристрелить. И только так. Тот, кто провел хотя бы одну успешную пси-атаку, не остановится уже никогда — Гарин это знал.

— Так, значит, мне угрожает опасность, — утвердительно произнес Доберман.

— Помалкивай, — обронил Олег. — Или нет, если хочешь говорить — говори.

Столяров напряженно наблюдал за процессом, держа ладонь на рукоятке пистолета.

— Почему же меня не убили раньше? — наивно поинтересовался Доберман. — Это можно было сделать легко. Как и с любым из нас.

— Не отвлекай. — Гарин вдруг задумался. — А действительно, почему? — обратился он к Михаилу. — У них была возможность просканировать Добермана, и у нас она тоже была. Так почему именно сегодня?

— Спроси чего полегче, — вздохнул Столяров. — Что-то, видимо, изменилось. Когда мы дойдем до конца — а мы дойдем, у нас нет выбора, — многие вопросы отпадут сами собой. Или, во всяком случае, покажутся элементарными.

— Хотелось бы верить. Меня вот, например, такой вопрос гложет: я восемь часов пролежал на улице, как собака, а дружбан даже не полюбопытствовал, где я и что со мной.

— Я убежден, что лежал ты не на улице, а у кого-то в гостях. Когда ты уходил, я твердо знал две вещи. — Михаил загнул палец. — Тебя не убьют и не позволят тебе умереть. — Затем загнул второй. — Тебя не выпустят из Зоны.

— Эх, поговорить бы по душам с тем уродом...

— Он бы сам с тобой поговорил, если бы хотел. Если бы считал это нужным.

— Все, хорош трепаться! — заявил Олег.

Он снова сосредоточился, твердо решив, что не упустит ни одной возможности. Закончить дело побыстрее, чтобы полковник ни в чем не смог его упрекнуть, потом забрать хабар — не забыв, естественно, про обещанную премию, — и двинуть из Зоны вон. Теперь уж точно — навсегда, без всяких оговорок. Вернуться в спокойную жизнь с женой и сыном, с телевизором, с водопроводной водой. Чтобы все как у людей.

Доберман кашлянул и виновато посмотрел на Столярова:

— У нас шторы плотно задернуты? Я спиной сижу, мне не видно. А то вы загрузили меня насчет опасности...

— Ты сам загрузился, — ответил Михаил. — Сейчас поправлю.

— Да мне ближе. — Сталкер поднялся и протянул руку к занавеске.

«Снайпер!» — мелькнуло в голове у Гарина. Если кому-то нужно убрать Добермана, это можно сделать гораздо проще, не прибегая к пси-технологиям.

Олег вскочил вслед за Доберманом, намереваясь оттолкнуть его от окна, но в этот момент произошло то, чего он совсем не ждал. Сталкер в одно движение повернул ручки, распахнул вертикальную фрамугу и перевалился через подоконник. Он не подпрыгивал, не карабкался, а просто нырнул на улицу головой вперед. Гарин замер на месте. В мозгу повисла оцепенелая мысль про москитную сетку, которую он снял еще прошлым летом, да так и не удосужился вставить на место.

Михаил каким-то чудом оказался у окна раньше Олега и свесился вниз.

— Держи меня! — крикнул он Гарину. — Иними «венец»! Снимай его быстро!

Олег стряхнул со лба обруч и, когда тот упал на пол, откинул его ногой подальше. Одновременно он вцепился Столярову в ремень и заглянул через его плечо.

Полковник поймал Добермана за ботинок. Неизвестно, каких усилий ему это стоило, но он держал взрослого мужика одной рукой — хотя казалось, что ему и схватиться-то было не за что.

— Не дури! — стонал Михаил. — Мы тебя вытащим! Олег, неси веревку! Бегом!

Доберман висел вниз головой, и понять выражение его лица было невозможно.

— Сколько времени? — отстраненно спросил он.

— Без пятнадцати полночь! Не бойся, все будет хорошо!

Сталкер медленно согнул в колене ту ногу, за которую его держал Столяров.

— Во-от, молодчина! — прошептал полковник. — Только осторожно!

— «Перезарядив на ходу винтовку...» — процитировал по памяти Доберман. — «Спрыгнул в окно цокольного этажа...»

С этими словами он дотянулся до ботинка и дернул конец шнура.

Когда Гарин подскочил к окну с мотком троса, Доберман уже был внизу. Он падал без воплей, без кувырканий — смиренно и беззвучно, как мертвая птица. Отдельно летела его книга, которую он умудрился незаметно взять со стола. Книга летела дольше: взмахивала обложкой, будто усталыми крыльями, трепетала пробитыми страницами. Они летели врозь, но упали рядом — чудной безобидный сталкер и книга, зачитанная насмерть.

— Ну вот... натворил делов... — пробормотал Михаил.

И, выбросив пустой ботинок, закрыл окно.

Глава четырнадцатая

Ночью Гарин спал плохо — можно сказать, не спал вовсе, а балансировал между болью и ужасом. Каждые полчаса Олег просыпался и раз за разом силился уразуметь, действительно ли он проснулся, или пробуждение ему только приснилось. К утру это бредовое состояние настолько его измотало, что он поднялся с постели и решил больше не ложиться — и через пять минут снова уснул, сидя на кухонной табуретке.

Когда в дверях появился Михаил, он все понял без слов. Полковник сел рядом, помолчал какое-то время и неожиданно сказал:

— Второго убивать намного легче. Хотя тоже тяжело. И третьего, и четвертого — тяжело, что бы там ни говорили. Но первого покойника не сравнить ни с чем. У тебя это случилось в Зоне, там совсем другое.

— Здесь, — хмуро поправил его Олег. — Зона — это не «там». Это здесь.

— Да... Зона — она как война. А бывает, что и хуже. Не разберешь, где свои, а где чужие. Это самое пакостное. Но еще паршивей, когда ты даже не понимаешь, по каким критериям делить людей на друзей и врагов.

Могло сложиться впечатление, что Столярову необходимо выговориться, и в этой ситуации перебивать его было бы жестоко. Но Гарин слишком хорошо знал Михаила и сразу догадался, что это не исповедь разведчика, а попытка домашней психотерапии.

— Завязывай песни петь, — хмуро сказал Олег. — Твоя болтовня мне не поможет. Само все пройдет. Как всегда. Но не сразу, не сразу...

— Какова вероятность того, что это действительно был суицид? — Михаил перешел к делу еще быстрее, чем Гарин ожидал.

— Вероятность нулевая. Доберман боялся смерти, в этом смысле он был человек абсолютно нормальный. Из окна он выбросился под влиянием чужой воли.

— Ты что-нибудь при этом почувствовал? Кого-нибудь засек?

— Нет! — выпалил Олег и плотно сжал губы.

Столяров вздохнул, потер шершавыми ладонями колени и, поднявшись с табуретки,

начал готовить завтрак.

Гарин просидел неподвижно несколько долгих минут — глядя в стену и слушая надсадное шипение примуса. Михаил за спиной открывал консервы, что-то куда-то сыпал и позвякивал посудой. Закрыв глаза, Олег представил, что находится не в спальном районе Москвы, а на скудном, но душевном пикнике. Ему хотелось на мгновение отдохнуть и избавиться от ощущения Зоны, которое пронизывало каждый глоток воздуха. Выгнать из головы пси-войну, подумать о чем-то простом и хорошем, как спелое яблоко.

Не получилось. Вместо этого Гарин почему-то вспомнил свою первую операцию в Зоне, тогда еще не здесь, не в Москве. Незавершенное дело отозвалось ударом по самому дорогому — по семье. Все в жизни нужно доводить до конца, иначе проблема будет тянуться тяжелым хвостом, который однажды напомнит о себе и момент для этого выберет самый неподходящий.

Неожиданно для себя Олег понял, почему он сидит на этой кухне в пустом доме на краю покинутого людьми города. Он действительно вернулся в Зону, чтобы помочь своей семье, но смысл этой помощи был совершенно в другом.

Гарин почувствовал себя так, словно очутился на тонущем корабле без шлюпок: хочешь спасти себя и близких — спасай все судно. Когда несколько лет назад Олег впервые надел «венец» и включил пси-артефакт, он, сам того не зная, ступил на палубу этого общего корабля — и до сих пор не сошел с него на берег. Капитанская рубка оказалась пуста, кроме Гарина, взяться за штурвал было некому. Так сложилось. Менять что-либо давно уже было поздно, а главное — меняться местами по-прежнему было не с кем. Олег не рвался за штурвал, он хотел другой судьбы, но все, что ему сейчас оставалось, это попытаться вырулить. Спасти людей. Покончить с новым Пси-Мастером и закрыть эту тему навсегда.

— Обидно, смертельно обидно... — сказал Гарин как бы для себя, но достаточно громко, чтобы Михаил его услышал.

— О чем ты?

— Все эти дни у нас под носом был источник информации. Судя по всему, очень ценный. Мы пинали его, как злые дети, насмехались над его «хлопушками», ели с ним из одной тарелки... И нам даже не пришлось в голову пощупать его поглубже.

— Убедились, что он не крыса, и остались довольны, — подхватил Столяров. — А ведь Доберман жил в Припяти, он видел «венец».

— Он мог знать что-то важное. Скорее всего так и было, раз нам не позволили его просканировать. Проворонили, мы все проморгали...

— Ну, насчет всего — это ты погорячился. Давай позавтракаем и обсудим план на сегодня. Есть одна идея. — Михаил перенес к столу большую сковородку — он по привычке приготовил на троих.

Взяв вилку, Столяров хищно нацелился на еду, но вдруг замер и обернулся к прихожей. Он как будто почувствовал чье-то присутствие. Через мгновение в дверь гулко ухнули кулаком.

Гарин и Михаил переглянулись.

— Это Геша, и он пришел один, — сообщил Олег.

— Серьезно? — Столяров не знал, чему больше радоваться: тому, что бандит явился без подручных, или долгожданному прозрению Гарина.

— Может, ты давно уже восстановился, — полковник звонко постучал себя вилкой по лбу, — просто стесняешься или в силы свои не веришь?

В дверь снова заколотили, при этом Геша что-то проорал, но толстая обивка превратила его голос в глухое гудение.

— «Хватит дрыхнуть, черти», — перевел Олег.

Михаил с сожалением отложил вилку. Нужно было пойти открыть, но ему не хотелось терять этот долгожданный момент, когда у друга что-то стало получаться и без «венца».

— Попробуй еще, — предложил Столяров. — Что-нибудь несложное хотя бы. Зачем он приперся?

— Я не вижу, — честно ответил Гарин.

— Ну хоть что-нибудь, — взмолился Михаил.

В дверь опять постучали, и после третьего раза он пошел открывать.

— Этот Геша — конченная гнида, — сказал ему в спину Олег.

— Геша сам о себе так думает? — спросил Столяров.

— Так думают все, кто с ним знаком. Он это знает. И ему это нравится.

Перед дверью Михаил достал пистолет, снял с предохранителя и сунул его назад за ремень.

Геша действительно был один. Картинно сутулясь и пританцовывая, как старый урка, он прошел на кухню и хлопнул в ладоши.

— О! Яишенка? — У него загорелись глаза.

— Омлет из порошка, — буркнул Столяров. — Милости просим.

Геша взял протянутую вилку, придирчиво ее осмотрел и сел посередине, на самое удобное место.

— Мы-то с братвой одни консервы жрем, — пожаловался он. — Иногда еще удается картошки найти не гнилой. Но с каждым месяцем все реже. А я только что вашего соседа видел. Забавный был человечек. Но бесполезный, однако. Жил как плесень и умер как говно.

— Не надо так о покойнике, — предупредил Олег.

— А, вы же религиозные ребята, я и забыл! — хохотнул бандит. — Грехи отпускаете по своему усмотрению.

— Хотелось бы знать о цели визита, — прервал его Гарин таким холодным тоном, что Столяров поперхнулся и с удивлением воззрился на товарища.

— Я вчера при пацанах не стал брать, — невозмутимо пояснил Геша. — Хотел, но одумался.

— Согласен: десять тонн на четверых — это не деньги, а слезы, — буднично произнес Михаил. — Сейчас принесу.

Олег ожидал, что Столяров достанет деньги из морозилки, но тот зачем-то выдвинул ящик, где хранились полотенца, прихватки и прочее тряпье.

Геша навалился на омлет с таким энтузиазмом, как будто приготовлено было для него одного. Михаил продолжал копаться у него за спиной, разбирая стопки хлама, до которого и у Марины-то руки не доходили. Наконец Столяров извлек маленькое махровое полотенце, когда-то бывшее ярко-красным, но давно застиранное до бледно-розового. Михаил смочил его водой из бутылки, тщательно отжал над раковиной и встряхнул, расправляя. Затем сложил пополам — получился квадрат размером с мужской носовой платок.

— Водки выпьешь? — спросил он у Гешы.

— Я так рано не пью.

— Ну и правильно. — Столяров накинул тряпку бандиту на макушку и тут же выстрелил, словно прибил ее к голове гвоздем.

Едва убрав пистолет, он принял на руки заваливающееся назад тело и медленно опустил его на пол.

— Давай еще полотенца! — распорядился Михаил.

Олег, опрокинув табуретку, рванулся к тому же ящику и выкинул из него половину содержимого. Столяров, не разбирая, подгреб тряпье бандиту под голову. Полотенца мгновенно пропитывались кровью, Михаил ногой сдвигал их в сторону и подкладывал на их место чистые.

— Возьми мешок и собирай мусор, — скомандовал он. — Смотри сам не перепачкайся.

Гарин разыскал большой полиэтиленовый пакет и начал запихивать в него окровавленную материю.

— А это для чего было нужно? — Он двумя пальцами поднял сырое махровое полотенце с дыркой от пули.

— Чтобы брызги не летели, — пояснил Столяров. — Мы ведь не хотим переклеивать обои?

— Зачем ты это сделал? — спросил Гарин, игнорируя неуместные шутки.

— Так даже лучше.

— Лучше?!

— Не нужно искать повод, чтобы навестить Скутера.

— Скутера?!

— Если ты будешь все повторять за мной, то... — Михаил озабоченно огляделся. — То на хрен мне такой собеседник? Кинь еще тряпок, этого мало. Кровищи-то сколько, а! Такое впечатление, что у него сердце продолжает биться... — Полковник взял бандита за руку и вправду проверил пульс. — Да не-е, померещилось.

Гарин выгреб из ящика последнее, что там было, и сходил в комнату за постельным бельем.

— Во-от! — обрадовался Михаил. — Ну а теперь посмотрим, что у него с собой хорошего.

Пристроив голову покойника на сложенной простыне, он деловито обыскал у Гешы карманы. Ничего толкового там не нашлось — лишь ключи от машины, горсть фисташек и три пистолетных патрона, видимо, завалявшихся случайно. После этого Столяров проверил автомат, который бандит вальяжно приставил в угол.

— Гляди, да он вообще расслабился! — Михаил возмущенно продемонстрировал Олегу полупустой рожок. — И больше ни хрена! Как он по Зоне ходит, что это за детский сад?

Гарин только отмахнулся, стараясь побыстрее убрать испачканные в крови тряпки.

— Рожок мы разряжаем, — прокомментировал свои действия Михаил. — Геша был героическим парнем, отстреливался до последнего. — Он вставил магазин на место и клацнул затвором, освобождая патронник. — Героическим, но нечестным. — Столяров сунулся в морозилку и достал из нее две упаковки банкнот.

— Договаривались на десять, — напомнил Олег.

— Он решил, что с нас можно взять больше. Мы испугались проблем со Скутером и согласились на двадцать. — Михаил запихнул деньги покойнику в левый карман. — Но это не все его бабки. Подозреваю, он давно уже крысил у братвы.

— Подозреваешь?

— Подозреваю, — кивнул Столяров и протянул руку ладонью вверх. — Давай, Олег. Мы тебе еще найдем.

Гарин, больше не переспрашивая, достал свою пачку евро и положил на стол. Странно, но он не воспринимал это как деньги и не считал, что расстается с суммой, зарабатывать которую ему по нынешним временам пришлось бы не один год. Сейчас это казалось чем-то вроде банки тушенки или того же рожка с патронами.

Михаил, не мелочась, отщипнул половину пачки и сунул ее Геше во второй карман. Туда же он отправил ключи и фисташки. Затем выбрал из принесенного Гариным белья мохнатое банное полотенце и намотал бандиту на голову, из-за чего тот стал похож на спящего падишаха.

— Ну вот мы и готовы, — объявил Столяров, имея в виду себя и Гешу.

— Хватит паясничать, — процедил Олег. — Тебя это забавляет? Меня не очень.

Он подтер на линолеуме капли крови и кинул последнюю тряпку в мешок.

— Пора ехать, — сказал Михаил. — Чем быстрее доберемся, тем лучше. А нам ведь их базу еще найти надо.

— Я сориентируюсь, — заверил Гарин.

По лестнице Гешу спускали аккуратнее, чем живого. Учитывая то, что вместе с бандитом несли его автомат и большой мешок барахла, путь оказался тяжелым. Между четвертым и третьим этажами Столяров уложил Гешу на площадке, отошел к стене и три раза выстрелил из пистолета покойнику в грудь.

— Уж не знаю, как ты жил, но умер ты точно как говно, — сказал Михаил с таким видом, словно прочел отходную молитву.

— А это еще зачем? — недовольно спросил Олег.

— Затем, что одна дырка в голове — это слишком красиво. Слишком чисто и слишком удачно. На улице так не воюют. Ты представляешь картину хотя бы в общих чертах?

— В смысле, понимаю ли я твой безумный план?

— Похоже, что нет, — заключил Столяров. — А должен знать в деталях. Ладно, по дороге будет время, я тебе объясню, где мы случайно нашли убитого Гешу.

Из подъезда бандита вынесли без всякой конспирации. Как выразился Михаил, «труп — не туз, в рукав не спрячешь», и вместо того, чтобы тратить время на бессмысленные предосторожности, он решил управиться побыстрее. Окно кухни выходило на другую сторону, поэтому тела Добермана Олег, слава богу, не видел.

— Куда положим? — спросил Гарин. — В багажник?

— Ни в коем случае. Это неуважение. Загадит он нам, конечно, салон, но ничего не поделаешь.

Кое-как пристроив Гешу на заднем сиденье, туда же закинули и его разряженный автомат. Мешок с грязными тряпками Олег отнес к мусорному баку у соседнего корпуса.

Всю дорогу Михаил инструктировал Гарина, что нужно врать, если Скутер надумает опрашивать их раздельно. Олег уточнял подробности, и полковник на ходу закрывал белые пятна в темной истории о находке трупа. За десять минут продуктивного разговора деталей накопилось столько, что упомянуть все было невозможно. Гарин укрепился в мысли, что их расколят на раз.

Возле «Калужской» его тревога усилилась. У Олега возникло ощущение, что кто-то поглядывает за ним сверху, причем, эта неопознанная личность только наблюдала, никак не проявляя своих намерений. Она была как дыхание за спиной, едва различимое, скорее воображаемое, чем существующее в реальности. И все же Гарин обрадовался, что не взял «венец» с собой.

Возле поворота на улицу Бутлерова Столяров притормозил и прижался к левой стороне дороги.

— Готов? — спросил он.

— Трем смертям не бывать. Поехали.

Михаил вывернул руль, уводя «вольво» с магистрали на улицу районного значения. Брошенных машин здесь было не больше, но из-за узких тротуаров и плотной застройки дорога казалась захлавленной и тесной. Метрах в ста от перекрестка стояли два сожженных автобуса. Они занимали три полосы из четырех, и вряд ли это было случайно.

Столяров сбросил скорость до черепашьей и стал смотреть по сторонам еще внимательнее, хотя в этом месте мог бы успешно спрятаться целый полк — укрытий вокруг было достаточно.

— Если что учуешь, дай знать, — предупредил полковник.

— А зачем я тут сижу, по-твоему?

Вопреки опасениям Столярова за автобусами их никто не ждал. Никто им не встретился и дальше — ни постов, ни баррикад на улице не было.

— Либо Скутер действительно так крут, что люди к нему на пушечный выстрел не подходят, либо он конченный мудак, — заключил Михаил. — Крышевать большой район, оптом перевозить дорогие артефакты и даже не выставить дозор возле базы — это как минимум странно.

— Либо народу в Москве так мало, что посягать на эту территорию просто некому, — добавил Гарин.

— Это вряд ли, — протянул Столяров, но развивать мысль не стал. — Ищи «Мальвину», — напомнил он.

— Да вон она. — Олег ткнул пальцем вперед. — Но с такой скоростью мы еще полчаса будем ехать.

— Ага, — Михаил тоже заметил синюю вывеску на левой стороне. — Ничего... авось не опоздаем.

Два родственных НИИ, стоявших почти вплотную, были возведены одновременно, по одному и тому же проекту, бесчисленно размноженному на просторах необъятной страны. В одинаковых пятиэтажных корпусах, в одинаковых кабинетах, люди занимались примерно одним и тем же, только в первом КБ разрабатывали средства постановки помех, а во втором — способы борьбы с помехами. Хотя возможно, что наоборот. В случае успешных испытаний очередного Изделия оба НИИ полным составом получали премии и распивали одно и то же «Советское шампанское» — другого тогда и не знали. Они были близнецами во всем. Но когда наступили новые времена и неудачные Изделия отправились на металлолом вместе с удачными, судьбы двух НИИ разошлись. В первом заводились то склады, то швейные цеха, то бары с блэк-джеком и шляхами. Постепенно он превратился в обычное офисное здание, при котором открыли парикмахерскую, солярий и прочие радости для арендаторов. Второй институт, напротив, оставался бастионом обороны. Люди по полгода сидели без зарплаты, но продолжали вычерчивать схемы не то подавителей помех, не то постановщиков. Когда пьяное забытие девяностых годов развеялось, оказалось, что секретные Изделия по-прежнему нужны государству. В итоге один директор НИИ получил орден, а другой переехал с Рублевки в Магаданский край. Но даже спустя много лет, после стольких перемен — и в стране вообще, и на улице Бутлерова в частности — два здания по-прежнему были похожи, как родные братья.

Между дорогой и двумя корпусами находился небольшой общий сквер без всякой границы, хотя разница бросалась в глаза: первый участок был засажен манерными кривыми деревцами японского вида, а вторая, дальняя часть представляла собой ровный газон с прямыми рядами строгих фонарей вдоль асфальтовой тропинки.

Миновав здание с парикмахерской «Мальвина», Столяров подъехал к институту и направился было на стоянку, но заметил, что въезд перекрыт минивэном, сгоревшим, как и пара автобусов, дотла. Пришлось запрыгивать колесами на тротуар и потом на газон, благо бордюр был невысоким.

— Ты полотенце с башки снял?! — опомнился Михаил.

— Я?.. — Гарин рывком поднял руку к голове и лишь потом сообразил обернуться назад. — Да, конечно.

— Ну тогда с богом, — сказал полковник и длинно просигналил.

Потом еще раз, длиннее. И через минуту — снова, совсем долго. Через некоторое время грохнули стеклянные двери, и на улице появились двое с автоматами наперевес. Человека по имени Мозоль Олег узнал сразу, а вот второй ему был не известен. Столяров медленно вышел и встал около машины.

— Мы так редко принимаем гостей, что я уже забыл, где мой праздничный халат, — громко объявил Мозоль.

Михаил молча открыл заднюю дверь.

Бандит уже собрался выдать новый афоризм, но увидел отверстие в Гешином черепе и осекся.

— Рыба, забери у них оружие, — распорядился он.

Гарин и Столяров без возражений отдали свои автоматы второму бандиту, помоложе. У него были крупные, но невыразительные глаза, как у несвежего карпа, и забавная стрижка, которую может занять любой, кто решит самостоятельно подстричься тупыми портняжными ножницами при полном отсутствии освещения. Человек по имени Рыба равнодушно принял стволы и направился к институту.

— И пистолет, — сказал ему в спину Михаил.

— Пистолет забери! — прикрикнул Мозоль.

Рыба вернулся, принял у Столярова «макаров» и безразлично, как трамвай, вновь двинулся к парадному. Мозоль поднял голову, звонко свистнул и призывно махнул кому-то рукой. За темными стеклами он сам едва ли что-то видел, скорее просто знал, из какого окна на него смотрят.

— Пошли, — велел бандит. — За Гешей спустятся. Со Скутером говорить будете, —

весомо добавил он.

— За тем и приехали, — отозвался Михаил.

— Рыба, лети мухой! Доложи там! — крикнул Мозоль.

Боец с тремя автоматами на плече сделал рывок, но через пару метров снова перешел на шаг, такой небыстрый, что в холл первого этажа все вошли одновременно.

Внутри Олег обнаружил ровно то, что и ожидал: жесткие деревянные скамейки вдоль застекленных стен да квадратные кадки с засохшими растениями по углам. Из окошка пропускного бюро торчал ствол крупного калибра, но человека за ним видно не было. Потолок украшала пупырчатая алюминиевая фантасмагория, пол был набран из разноцветных кусков мрамора. Подобные интерьеры Гарин наблюдал всю свою жизнь с тех пор, как получил диплом и впервые устроился на работу. Изменилась только проходная: бандиты снесли вертушку, чтобы не мешала.

Рыба ушел в какую-то узкую дверь слева, а Мозоль повел гостей прямо — туда, где, по представлениям Олега, должна была находиться лестница. Типовой проект не удивил и тут: холл закончился поворотом на площадку с шеренгой лифтов по одну сторону и широким лестничным маршем по другую. А посередине болтался молодой мужчина. Сверху спускалась цепь с кожаными проклепанными наручниками для недетских забав — на этой игрушке он и висел. По иссиня-белым рукам можно было догадаться, что висит он уже давно и радости никакой не испытывает. Рядом, на второй цепи, покачивался крюк из нержавеющей стали, за которые цепляют туши на мясокомбинатах. Судя по следам на стали, этот инструмент здесь тоже иногда использовали.

— Мозоль... — жалобно промолвил узник.

— Глохни. В следующий раз будет хуже.

— Куда уж хуже-то...

— О-о! — многообещающе протянул Мозоль. На этом его общение со страдальцем было окончено.

Бандит указал Столярову на лестницу и начал подниматься следом, держась метрах в двух позади.

— За что повесили-то? — не выдержал Гарин.

— За руки, — ответил Мозоль. — Это на первый раз.

Больше Олег спрашивать не стал.

На третьем этаже бандит велел гостям свернуть и, обогнав их, направился по широкому коридору. Вероятно, здесь располагалось руководство НИИ: пол был паркетным, двери массивными, а на стенах кое-где еще остались черно-белые эстампы в латунных рамках.

Мозоль дошел до последней двери и остановился. Наклеенные буквы были сбиты, но светлые следы на древесине информировали, что это кабинет генерального конструктора.

— Кто бы сомневался, — фыркнул Столяров.

За дверью был казенный предбанник с рядом мягких стульев для комфортного томления посетителей. На столе секретаря стоял монитор, принтер, телефонный аппарат и благоухающий маслом РПК. В отличие от того, что внизу, этот пулемет бесхозным не был.

— Я сегодня без шоколадки, — сказал Михаил.

Пулеметчик, сидевший вместо секретарши, смерил полковника взглядом и расслабленно переместил зубочистку из одного уголка рта в другой.

— Завтра принесешь две, — произнес он с неявной угрозой, и Столяров, оценив стиль ответа, сдержанно кивнул.

Мозоль толкнул обитую дерматином створку и посторонился.

В кабинете генерального конструктора Скутер ничего не менял. Кроме кресла, которое для него притащили, вероятно, из самого зажиточного офиса в соседнем корпусе. Кожаная спинка была такой высоты, что даже рослому человеку могла служить одновременно и подголовником. Скутер же, мужчина пропорций до обидного скромных, смотрелся в громадном кресле как ребенок на папиной работе. Впрочем, вряд ли кто-то ему об этом говорил.

— «Хлопушки» привезли? — спросил Скутер, хотя по его лицу было ясно, что он уже обо всем осведомлен.

— Лучше, — заверил Михаил.

Главарь опустил глаза и побарабанил по столу.

— Базу как нашли? — осведомился он.

— Геша сказал.

— Так вы его живым видели?

— Конечно. Он за деньгами приходил.

— За какими еще деньгами? — нахмурился Скутер. — Что у вас за дела с ним?

— Дел никаких не было. А бабло он с меня требовал за спасение моего друга. — Михаил показал на Гарина, как будто без этого бандит не мог догадаться, о каком друге идет речь. — Твои люди подтвердят: Геша вчера десять тонн грина требовал. Я согласился. Но он раздумал брать. А сегодня опять пришел и потребовал двадцать.

Скутер поиграл желваками.

— Дальше что было? Адрес базы он зачем вам сказал?

— Геша взял деньги и ушел. А мы... — Столяров замолчал.

— Что «вы»? — каркнул Скутер. — Договаривай уже!

— А я пошел за ним.

— Зачем? Забыл что-то?

— Честно?

Бандит не счел нужным реагировать на этот вопрос, но Михаил упорно дожидался, пока Скутер не рывкнул:

— Да, говори честно!

— Я хотел его грохнуть, — признался Столяров. — Потому что порядочные люди так не поступают. Выставлять деньги за друга — это что за манеры? А потом еще удваивать сумму без всяких оснований! Это конкретный моветон, в натуре. Я бы ему в первый же день глаза вырвал, но я не хотел рисковать другом. Вот тебе честно, — закончил полковник.

— Интересный ты конь... — проронил Скутер. — Ну, дальше.

— Вышел за ним на улицу. Не сразу, а через пару минут, чтобы на лестнице не столкнуться. Уехать он не успел бы. А если и успел бы — не страшно, я бы его в другой день достал.

— Значит, ты подписал приговор моему человеку, — сделал вывод главарь. — А кто ты есть, чтобы такие дела решать?

— Это вопрос философский, — заметил Михаил.

Мозоль, стоявший рядом, нервно пошевелился и положил руку на автомат.

Скутер покрутился в кресле, еще больше усиливая образ безалаберного ребенка, и звучно приложил ладонь к столешнице.

— Ладно, судят не по намерениям, а по результату, — сказал он. — Кто замочил Гешу?

— Без понятия. Когда я вышел, он уже лежал на травке, во дворе никого не было.

— На травке... — задумчиво повторил Скутер. — Там ведь следы остались, правда?

Олег сжал кулаки и впился ногтями в мякоть. Всего предусмотреть невозможно, Агата Кристи доказала это тысячу раз, но проморгать такую деталь — это убийственная оплошность. Или самоубийственная, если заглянуть немного вперед. Заглянуть, однако, у Гарина не получилось. Скутер был непроницаем, словно надел «венец». Олег и не надеялся почесть его мысли, но хотя бы пощупать настроение, сыграть в «веришь — не веришь» он рассчитывал. Однако же сознание главаря было закрыто наглухо.

— Конечно, следы остались, — простецки ответил Столяров. — Крови много было. Машину испачкали.

— Кстати, о машине. Его «Инфинити» на месте?

— У подъезда осталась. Это было что угодно, только не угон, — засмеялся Михаил.

— Мозоль, возьми кого-нибудь и сгоняй за Гешинной тачкой, чего добру пропадать, — распорядился главарь.

— Прямо сейчас? — уточнил тот.

— Нет, через месяц! — вспыхнул Скутер.

Мозоль почесал большое небритое лицо и покинул кабинет.

— И следы там проверь! — крикнул главарь, но дверь уже закрылась.

Какое-то мгновение он боролся с собой, решая, догнать ли ему Мозоля в коридоре, но быстро сдался.

— Так... Ну а зачем ты его привез-то? — поинтересовался Скутер. — В смысле, хорошо, что привез. Но ты сам-то что хотел? Или просто мелкий прогиб? Тогда слабовато, я предпочел бы «хлопушками».

— Моему другу стало плохо, и твои люди ему помогли. Не бросили, привезли к нам на базу. Это по-человечески. И я тоже совесть имею.

— Ясно, ясно... Ну, ты же сам говоришь, что они с тебя деньги требовали?

— Требовал один Геша, — возразил Столяров. — К остальным парням претензий нет.

— Выходит, тебе от меня ничего не надо?

— Надо, — бесцеремонно заявил полковник.

— Во как! Денег? Еды? Оружия?

— Доброго отношения.

— Ага, все-таки прогиб. — Острая сухая мордочка Скутера покрылась тонкими трещинами морщин, такова была его улыбка. — Да я вроде на вас и не злой пока.

Столяров огляделся, взял в углу стул и, переставив его к столу, утомленно сел.

— «Хлопушки» разводить — больно муторное дело, — пожаловался он. — Нам сельское хозяйство не по душе. Срубить по-крупному разок-другой и отвалить по домам — вот наша программа. Заживаться в Зоне мы не намерены.

Скутер развел руками, что означало одобрение.

— Но мы с Олегом не предполагали, что Москву давно поделили, — продолжал Михаил. — И вообще мы не рассчитывали, что здесь все так мутно будет. Надеялись как-то... — Он замялся, подбирая слова.

— Что будет, как в Припяти? — подсказал бандит.

— Приблизительно, — согласился Столяров. — А тут все совершенно не так. В общем, предложение мое простое: ты даешь наколку, где искать настоящий хабар. Называешь людей, к кому можно обратиться. Ну и поддержка нам не помешает, при разборках мы хотим сослаться на твое имя. Насколько я понял, оно в Москве кое-что весит. За это мы отписываем тебе долю. Чтобы не морочить голову, скажу сразу: мы согласны на пятьдесят процентов. Тебе это должно быть приятно, потому что ты продолжаешь сидеть в кабинете и кушать консервированных крабов. Нам это должно быть выгодно, потому что без твоих указаний мы будем искать хабар очень долго — и не факт, что найдем.

— А что же ваша тетя Варя? — не преминул съязвить Скутер. — Один план обогащения у вас уже, помнится, был.

— Квартиру тети Вари мы разыскали. И пресловутый матрас — тоже. Реально матрас, в нем она деньги и хранила. Но кто-то вспорол его еще до нашего прихода. Самое смешное, что даже если мы найдем этих людей, предъявить им будет нечего. Зона общая, Зона — для всех. Да и где их искать-то... Пустое дело.

Неожиданно дверь открылась, и на пороге появился незнакомый боец.

— Скутер! — сказал он, как бы спрашивая разрешения войти и доложить.

— Ну? — как бы разрешил главарь.

— Гешу оформили, могилка готова. Братва ждет, когда ты спустишься. И вот еще, — бандит сделал несколько широких шагов от двери и, далеко вытянув руку, положил на стол деньги. — Нашли у Геши.

— Это все? — хмуро спросил Скутер, не прикасаясь к купюрам.

— Э-э... еще орехи при нем были. Не много, жменька. И патронов чуть-чуть пистолетных. Автомат пустой.

— Сейчас буду, пусть не расходятся.

Скутер проследил за тем, как боец покинул кабинет, и переложил деньги с места на место — брезгливо, словно парудохлых жаб. Там были две упаковки стодолларовых банкнот и еще стопка разрозненных евро.

— Двадцатка ваша, насколько я понимаю, — изрек он.

— Номера я не переписывал, но похоже, что да, — ответил Столяров. — Насчет евро не в курсе, это Геша сам, видно, где-то нашакалил.

— Держи. — Скутер подвинул одну упаковку к Михаилу. — Мелкое вымогательство я не приветствую. Почему половина? — Он перехватил недоуменный взгляд собеседника и снова растрескался в улыбке. — Ты же сам предложил «пятьдесят на пятьдесят».

— То есть, мы договорились? — Полковник взял деньги и замер.

Главарь проигнорировал вопрос, давая понять, что по два раза он не повторяет и лишних пояснений не дает.

— Адвокатов у нас нет, — произнес он, сгребая остальные купюры в ящик стола. — За крупные косяки наказание следует моментально, без обсуждений.

— Мы внизу уже видели.

— Внизу?.. А, вот ты о чем! — Скутер усмехнулся. — Нет, внизу — это за мелкие. За крупные — пуля. Поэтому сколько бы вы ни урвали — половину, как условились, сюда, — он поставил указательный палец в центр столешницы. — Если решите вообще не возвращаться, а взять мою долю и тихо слиться на Большую Землю, то знайте, что там тоже есть кому о вас позаботиться.

— Принял к сведению, — скупомолвил Столяров. — В любом случае сперва будут дела попроще, так? Доверие быстро не рождается, я понимаю.

— Для вашего же блага, — заявил бандит. — Нет, я могу и сразу в какую-нибудь адову дыру вас направить, мне вашей крови не жалко. Но лучше вам самим определиться, насколько вы готовы рисковать. В Зоне есть такие места, из которых еще ни один человек не вернулся. Натуральные белые пятна.

— Я согласен начать с чего-нибудь попроще.

Гарин утомился мять ноги и тоже присел, отодвинувшись к стене. Дальнейшие переговоры полковника с главарем ушли в такие частности, что стали напоминать обсуждение инженерного проекта. В процессе беседы Столяров выторговал ручной гранатомет и право забирать любую бесхозную машину на подконтрольной Скутеру территории. Кроме того, он пообещал привезти на бандитскую базу две коробки сардин.

Отчаявшись проникнуть в сознание главара, Гарин начал постепенно расширять область сканирования, но ничего полезного так и не нашел. Мужик по кличке Лентяй, дежуривший на пулемете в соседней комнате, в прошлом — водитель общественного транспорта, вспоминал, как меняли номер его маршрута. В салоне автобуса, который курсировал между Новыми Черемушками и проспектом Вернадского, частенько можно было заметить мрачных подростков в черной одежде, косящих под сатанистов. Такие дурачки попадались где угодно, но на маршруте «ббб» их концентрация всегда превышала норму. Зимой они не так бросались в глаза, а вот летом, когда не нужно было кутаться в теплую одежду, они навязчиво выставляли напоказ свои шипастые фенечки и омерзительные татуировки. Лентяя они раздражали страшно. Как назло, любители ритуального катания со временем запомнили всех водителей маршрута и стали выделять Лентяя среди прочих его коллег. Возможно, виной тому была острая борода, которую он лелеял долгие годы. Так или иначе, московские псевдосатанисты принялись караулить на остановках именно его машину. Когда Лентяй это обнаружил, он сбрил бороду, однако его популярность среди идиотов уже не падала. Вскоре об этом узнали в автобусном парке, чему Лентяй сам же и поспособствовал, выясняя, как обстоят дела с сатанистами у других водителей. Большинство из его коллег просто не обращали внимания на то, какие пассажиры заходят в салон. Однако эти расспросы не прошли даром, и на работе над Лентяем начали подшучивать. Хотя некоторые относились к его проблеме вполне серьезно. Так, буфетчица Глафира Тимофеевна крестилась всякий раз, когда Лентяй заходил выпить чаю с коржиком, а бригадир

автослесарей Пацыкин загонял его автобус на сервис первым и всегда ставил только лучшие покрышки. Между тем набожные старухи долгие годы писали в префектуру и Мосгортранс, требуя переименовать неприятный маршрут. Когда количество писем достигло критической массы, кто-то из чиновников не выдержал и дал указание прислушаться к гласу народа. В итоге заменили всего одну цифру, и «666» превратилось в «616». Знающие люди не упустили возможности разъяснить Лентяю, что новый номер еще хуже — или лучше, это как посмотреть, — поскольку он и есть подлинное, истинное «число Зверя». Однако крашенные подростки в черных майках оказались не столь подкованы в демонической арифметике. Их интерес и к машине Лентяя, и ко всему маршруту моментально угас. Первые дни Лентяй блаженствовал, ему казалось, что теперь в его кабине больше солнца, кислорода и всяческой благодати. Но вскоре он почувствовал, что ему чего-то не хватает. Он уже не злился на парней и девчонок с перевернутыми крестами в ушах. В конце концов, это были всего лишь дети, которые по-своему выражали подростковый протест. Многие из них даже не курили, что было особенно заметно в толпе на остановке. Лентяй испытывал горечь, словно закатившаяся эстрадная звезда, и уже подумывал, не отпустить ли ему заново острую бородку. Но через пару месяцев это прошло.

Олег, сам того не желая, ознакомился с любопытной, но совершенно бессмысленной историей из жизни пулеметчика. Гарин ничего не мог поделать: Лентяй вспоминал этот период так ярко, что пробиться глубже было невозможно. Опасаясь быть втянутым в новый никчемный мемуар, Олег оставил бандита в покое и перенес внимание дальше. В другом кабинете кто-то думал о женщинах, хотя и не так сочно, как Лентяй о своем автобусе.

Еще один боец, из новеньких, просто хотел есть, но стеснялся спросить, когда позовут обедать и позовут ли вообще, или ему можно достать уже свою банку тушенки и не спеша, с черным хлебушком из армейского сухпая, заточить ее, сука, и чтобы никто не мешал, не лез под руку, потому что жрать, сука, охота давно, сил уже нет никаких, в животе черт-те что за симфония, Шостакович курит в углу, вот какая там симфония, и если не пожрать в ближайший час, то можно спятить, сука, от голода, а это тупо, когда в рюкзаке лежат четыре банки отличной тушенки, сука, по ГОСТу, а эти мутные бандерлоги даже не намекнут, когда уже можно будет пожрать...

Гарин с трудом вырвался из этого кулинарного наваждения и проглотил обильную слюну.

— ...тогда, конечно, сразу сообщим, — сказал Михаил, заканчивая длинную фразу, начало которой Олег пропустил из-за того, что подслушивал чьи-то бестолковые мысли. — Вставай, поедем, — полковник призывно хлопнул Гарина по плечу.

Олег поднялся и направился за товарищем, на ходу отмечая, что его слегка подташнивает. То ли это стояла в горле холодная тушенка из чужой мечты, то ли он просто не рассчитал силы и надорвался.

— Прикольно, — кивнул Гарин пулеметчику в предбаннике.

Лентяй кивнул в ответ и непроизвольно заулыбался, а когда осознал, что не понимает, о чем речь, посетители уже вышли в коридор.

— Куда едем-то? — поинтересовался Олег.

— За «колокольчиком».

— За чем?.. — прищурился Гарин. — Что еще за «колокольчик»?

— «Колокольчик» — это «колокольчик», — серьезно ответил Столяров.

Глава пятнадцатая

Михаил аккуратно проехал узкое место между сгоревшими автобусами и дал по газам: дальше дорога была свободной.

— Скутер сказал, что если привезем два «колокольчика», то второй, как договаривались, сможем забрать себе, — сообщил Столяров. — Но он честно предупредил, что два мы вряд ли найдем. Один, и тот запаришься добывать. Поэтому с дележом хабара

варианты такие: либо Скутер платит нам половину суммы, за которую он сможет продать артефакт...

— Это кидок, — отрезал Гарин.

— Либо деньги сразу на руки, но тогда, естественно, меньше.

— И сколько? — поинтересовался Олег.

— Сотку.

— Сотка — это что?

— Сто тысяч. Двести бумажек по пятьсот евро.

— Или пятьсот по двести... — оторопело произнес Гарин.

— Я помню, что ты математик, — сказал Михаил. — Не нужно этим козырять.

— Значит, сотка — это как бы на худой конец? По дешевке то есть?

— Это половина от дешевки, — напомнил Столяров. — Наша доля.

— Сколько же та фигня стоит на самом деле?

— А глазенки-то загоре-елись, — с удовлетворением прокомментировал полковник. — Скутер говорил, что цена «колокольчика» доходит до полумиллиона. Но этот артефакт редкий, стабильного спроса на него нет.

— Пятьсот тысяч?! — Олег поперхнулся и следующее слово выжал из себя не сразу. — Кто же купит эту хренотень за такие деньги?

— Да прекрати ты. Спортивные тачки ведь покупают? Иногда и дороже. И всякий антиквариат. От него вообще никакого толку, если вдуматься. Но покупают же! А тут такая вещь, что ее и на практике применить можно, и наследникам оставить не стыдно.

— Боюсь даже представить, как это применяется... на практике, — вымолвил Гарин.

— Я так понимаю, что во время разговора со Скутером ты был в прострации?

— Его сознание недоступно, я старался просканировать кого-нибудь из его окружения.

— Это правильно. Результаты есть?

— Результатов полно, — буркнул Олег. — Но пользы от них никакой.

— Ну хоть что-то у тебя без «венца» стало получаться, и то хлеб, — покладисто заявил Михаил.

— Без «венца» я вряд ли смогу на кого-то повлиять. Только слушать, и то всякую ерунду.

— Зато меньше палимся, — рассудил полковник. — А то как вспомню Добермана... как он шнурок развязал... Ладно, проехали.

На перекрестке Михаил свернул влево, к центру.

— А куда путь-то держим? — запоздало осведомился Олег.

— Ты визу американскую получал когда-нибудь?

— Какая там Америка... Я на первой же работе под такими допусками подписался, что даже в ванной петля перестал. На всякий случай.

— Ну вот, теперь отыграешься, наштампует по пять штук на каждую страницу.

— Американцы не штампуют, они наклеивают. Как Шенген.

— А говоришь, что не знаешь, — засмеялся Михаил.

— Я говорю, что не получал, — с детским упорством возразил Гарин. — Только это... Хорошо бы сначала за «венцом» на базу заскочить... — неуверенно добавил он.

Столяров просто открыл «бардачок».

— Мы же его не брали! — сказал Олег, доставая артефакт.

— Это ты не брал. И вообще ты халатно относишься к своему оружию. Раньше за тобой такого не водилось. Но без особой необходимости ты его не надевай, хорошо?

— Вот ты меня уже и боишься, — горько пошутил Гарин, хотя шутки в этой фразе было совсем чуть-чуть, на доньшке.

— Во-первых, не тебя, а того кекса... — Михаил указал пальцем вверх. — Во-вторых, не боюсь, конечно. И, в-третьих, Скутеру о наших методах знать совсем не обязательно. Хотя... думаю, что он давно уже все знает.

— Я при Геше «венец» в открытую надевал. Мигрень якобы лечил.

— Ах да... Я и забыл даже. — Столяров, не сбавляя скорости, грустно посмотрел на товарища. — И ты, Олег, в развалину превращаешься, и я тоже не молодею. Два сапога пара, вышли на тропу войны. И кто нас дернул...

Несколько минут они ехали в тишине — Михаил корил себя за внезапную слабость, а Гарин просто не знал, как реагировать на слова друга. Он ждал, что неунывающий полковник вот-вот щелкнет пальцами и снова, как это бывало всегда, превратит реплику в анекдот, но «вольво» катила по пустой улице все дальше и дальше, а Столяров продолжал молчать.

— Про «колокольчик»... — произнес наконец Гарин. — Ты так и не рассказал, в чем его ценность.

— О-о, «колокольчик» — это сила! — начал Михаил с преувеличенным энтузиазмом. Полковник был благодарен Олегу за то, что он сменил тему. — Если коротко, то этот артефакт — мощный генератор инфразвука. При этом он компактен и не требует питания. Про низкие частоты тебе, надеюсь, не надо объяснять?

— В общих чертах представляю. А насколько низкие?

— Как раз такие, чтобы у человека в зоне поражения остановилось сердце. В принципе последствия бывают разные — от рвоты и галлюцинаций до летального исхода. Все зависит от оператора.

— От оператора? — переспросил Олег.

— «Колокольчик», как и твой «венец», сложен в управлении. Взаимодействию с ним надо учиться, и это еще не каждому дано. Но тот, кто научится, будет красавчиком. Разработки инфразвукового оружия в разных странах ведутся уже давно. Есть прототипы. Вроде бы хорошие. В серию их не запускают только потому, что большой войны пока нет.

— И вот этим мы собираемся торговать... — заключил Гарин.

— «Колокольчик» — это не средство массового поражения, он не опаснее охотничьего ружья. Хотя намного эффективней, конечно. В общем, твоя совесть может спать спокойно. Ну и моя заодно вздремнет. Если только... — Михаил озадаченно прикусил губу.

— Что?

— Если Скутер не брешет, — смущенно уточнил полковник. — Да не-е! Их уже несколько штук на Большую Землю продали, и, как видишь, катастрофы не случилось. Обычный инструмент для ликвидации недругов, такой же, как и «хлопушка», только малость покруче и не одноразовый.

— Как это «малость»? — сварливо отозвался Олег. — «Хлопушка» взрывается, там хотя бы становится ясно, что произошло. А инфразвук без приборов засечь нельзя. Идет себе человек по улице и вдруг падает. И ни дырки в теле, ни синяка, ни радиации — ничего не остается.

— Те, кого будут устранять с помощью «колокольчика», по улицам не гуляют, — заверил Михаил. — Но логика верная: можно убить практически любого, независимо от того, насколько тщательно его охраняют. Поэтому и цена такая.

— Чем глубже мы во все это влезает, тем противнее становится жить, — признался Гарин.

— Такая цена... — повторил Столяров. — А белые перчатки ты замарал еще в Припяти. По самый локоть угваздал. Чего уж теперь сокрушаться... теперь уже поздно, брат. Надо дело сделать. Закончить его наконец-то и выкинуть из головы побыстрей.

Разговор снова иссяк, но как будто уже на другой, почти оптимистической ноте. Полковник умиротворенно рулил, объезжая валявшийся на дороге мусор. Гарин глазел в окно с безмятежным любопытством ребенка, которого везут в летний лагерь. Мимо пролетали пыльные газеты, парусами взвивались пустые полиэтиленовые мешки. Тут и там дорогу перебегали тучные крысы. Многие из них не боялись автомобиля, они родились уже после эвакуации и воспринимали людей не как угрозу, а как досадную помеху.

Широкий перекресток с Нахимовским проспектом Столяров проскочил на максимальной скорости. «Вольво» преодолела открытое пространство за считанные секунды,

и все же Гарин увидел, как по улице Вавилова, что шла параллельно Профсоюзной в километре слева, промчались несколько джипов. Небольшая колонна двигалась в обратную сторону, от центра, и можно было надеяться, что одинокую машину они не заметили. Хотя одной надеждой сыт не будешь... Олег покрутил в руках «венец», но все-таки передумал и положил его обратно в «бардачок».

— Достань оттуда карту, — попросил Михаил. — Мое знание Москвы подходит к концу.

— Здесь не заблудишься, — ответил Гарин. — Прямо, прямо, прямо, а на Садовом кольце налево.

— А дальше?

— Американское посольство как раз на Садовом кольце и находится, в районе «Баррикадной». Там все просто, я покажу.

— Просто? — обронил Столяров. — Нехорошо это...

— Ну, можем и по переулкам попетлять, если тебе охота. Или ты про Скутера думаешь?

— Про него, про него.

— Вообще-то да... — озабоченно произнес Олег. — Как-то слишком легко вы с ним договорились.

— Я не о том. Наш договор со Скутером — полное фуфло, и он это прекрасно понимает. Просто наши с ним интересы сейчас совпали, вот и все.

— Интересы? — недоуменно хмыкнул Гарин.

— Кто-то велел ему за нами присматривать, это уже ясно. А тут мы сами являемся, имея приличный повод. Скутер должен быть только рад. Чего он, собственно, и не скрывал. Но когда-нибудь наши с ним пути разойдутся. И мы должны понять это раньше, чем он. Иначе не выживем.

— И когда же мы это поймем?

— Сразу, как только узнаем, кто стоит за Скутером. Или зачем мы, по-твоему, связались с его бандой? — Столяров посмотрел на Олега вопрошающе, даже с некоторым удивлением. — Ну а пока постараемся не нарушать правил игры.

Скутер, со своей стороны, правила тоже соблюдал, во всяком случае — внешне. Михаилу и Гарину вернули их оружие, кроме того, главарь выдал обещанный РПГ-7 и три стандартных кумулятивных выстрела. Из здания института товарищи выходили тоже с сопровождением, но это был уже не конвой. Двое незнакомых бойцов, встретившихся по дороге, смотрели на Столярова скорее с любопытством, чем враждебно. Опыт подсказывал им, что если этот человек не погибнет, то однажды он станет в банде одним из бригадиров.

Олег скрестил руки на груди и снова прислушался к пси-полю. Это и был его вклад в общее дело, чем еще он мог оказаться полезен? После двух походов в Припять Гарин так и не стал ни снайпером, ни рукопашником. Он даже разговаривать с лихими людьми толком не научился, его вечно сносило в слабовольную интеллигентскую речь, сквозящую оговорками и сомнениями.

Ощупывая эфир без какой-либо определенной цели, а просто для порядка, словно РЛС на боевом дежурстве, Олег улавливал лишь отголоски чужих настроений. В основном это были досада и раздражение, иногда — голод, иногда — боль. Очень редко до Гарина доносилось что-то позитивное, гораздо чаще он натывался на отрицательные эмоции — в широком спектре от легкой печали до полного отчаяния. Чем ближе «вольво» подъезжала к центру города, тем больше вокруг было народа, однако, кроме тех мелькнувших за перекрестком джипов, на глаза никто не попадался. Сталкеры предпочитали без особой причины на улицу не высовываться. Крысы в Москве были куда как храбрее.

Коснувшись нового сознания, Гарин погрузился в уже привычную тоску и ощущение полной бессмысленности. Золотых гор в брошенной Москве не оказалось: большую часть ценностей все-таки вывезли, и удивляться этому было бы странно. Кое-где оставались и деньги, и золото, и продукты, но эти оазисы халявы таяли с каждым днем. Все крупные

хранилища давно уже либо вывезли, либо взяли под охрану местные банды. За склады помельче еще можно было побороться, но их также активно растаскивали. Потом придет очередь мелких и совсем ничтожных запасов, люди станут стрелять друг друга за коробку тушенки — а что будет дальше? Вероятно, начнется завоз продовольствия с Большой Земли, но доставаться оно будет уже по другой, совсем по другой цене. Ну а в Москве придется добывать артефакты, что тут еще делать... Разыскивать долбанные финтифлюшки на продажу, чтобы купить еду, патроны и медикаменты. При этом большинство артефактов настолько опасны, что, пока их довезешь до Периметра, пять раз околеешь.

Олег отметил, что в действительности неведомый сталкер о Зоне почти не думает. Это занудство было подсознательным, оно сопровождало человека повсюду, но в то же время никак его не отвлекало от насущных дел. Незнакомец просыпался с этими размышлениями, проживал с ними весь день и так же засыпал. Но это была всего лишь любопытная особенность личности, не более того. По-настоящему Гарина заинтересовало другое: пока он считывал фоновые эмоции, машина проехала не одну сотню метров, а сила пси-поля этого человека практически не ослабла.

Гарин суеверно обернулся.

— Что не так? — Столяров сразу почувствовал напряжение товарища.

— То ли за нами кто-то едет...

— Нет никого, — быстро ответил полковник, взглянув в зеркало.

— ...то ли я нашел собрата по несчастью.

— Коллегу, — уточнил Михаил. — Нет, первый вариант более реален, — сказал он, подумав. — За нами и вправду могут ехать по параллельной улице. Попробуй оценить расстояние, хотя бы приблизительно.

— Расстояние до того сталкера? Я что, радар?! — возмутился Олег.

— Не скандаль. Кстати! А вдруг он тоже тебя слышит? Может такое быть?

— Спроси чего полегче.

— А вот интересно, — оживился Столяров, — кто из вас сильнее?

— Кто победит, Бэтмен или Терминатор? — устало произнес Гарин. — Что за детский сад! Такие вопросы решаются только поединком, — неожиданно добавил он.

— Я надеюсь, мы обойдемся без этого.

— Да уж, хотелось бы.

— А вообще ты молодец, Олег, — сказал полковник, немного помолчав. — Прогресс налицо.

— В каком смысле?

— Ну... — Михаил неопределенно помахал ладонью у себя над головой. — Вначале ты говорил, что даже с «венцом» ни на что уже не способен. А теперь и без него худо-бедно управляешься.

— Вот именно, что худо, Миша. Именно, что бедно... Слабовато пока. Только читаю, и то еле-еле, по слогам.

— И все-таки твои способности усиливаются, — вкрадчиво произнес Столяров. Он так старался не давить на Олега, что это бросалось в глаза.

— Да-да, господин великий экспериментатор, — усмехнулся Гарин. — Твоя мечта сбывается: я снова превращаюсь в монстра. Вам с Пси-Мастером надо было одним делом заниматься.

— Одним и занимались. Просто по разные стороны баррикад. Но война-то у нас была общая.

Михаил говорил серьезно и спокойно, за его словами крылась уверенность, что в аномальной Зоне дар Олега снова начнет прогрессировать. Гарину об этом думать было неприятно, хотя он с самого начала знал, для чего он может понадобиться полковнику. Для этого, только для этого.

— Ты и сейчас его чувствуешь? — спросил Столяров.

Олег ненадолго прикрыл глаза и ответил:

— Так же ясно и четко. Если он не накрывает своим полем треть Москвы, значит, по-прежнему едет за нами.

— А если накрывает?

— Тогда нам лучше сразу мотать за Урал, — мрачно проговорил Гарин. — Или еще дальше, куда-нибудь на Аляску.

— Мотанем, какие наши годы. Только вот визы оформим.

— Ты так часто юморишь про эти визы, что у меня возникают сомнения. Хотел служить во внешней разведке? Жрать круассаны в Париже, щупать горячих испанок и ссать в Ниагарский водопад? А в итоге стал обычным опером — шарисься по всяким помойкам, пыль глотаешь. Обидно, да?

— Ты, наверное, потому такой злой, что тебе стремиться уже не к чему, твои-то мечты сбылись все до единой. Едешь по Москве без светофоров. На престижной иномарке. С личным телохранителем в звании полковника. Жизнь удалась, Олежка!

— Закроем тему, — предложил Гарин.

— Закроем, — немедленно согласился Столяров.

Машина выскочила на площадь и едва не налетела на бордюр узкого газона, разделявшего полосы. Езда без правил и без оглядки быстро расслабляла водителя, но «вольво» от этого не превращалась в вездеход.

— Это где мы уже? — озабоченно спросил Михаил. — Дай карту.

Олег в ответ показал на ребристую колонну с человеком в футуристических доспехах.

— Не узнаешь, что ли? — буркнул он.

Столяров пригнул голову и глянул на пронесшийся справа монумент.

— Не встречались. Я бы запомнил.

— Это же Гагарин!

— Ах, ну да. Буду знать.

Олег хотел съязвить, но в этот момент уловил тревогу или, точнее, волнение. Непонятно, правда, с каким знаком: неведомый сталкер переживал то ли за него и Столярова, то ли за их противников.

— Руль вправо! — крикнул Гарин, не вполне еще понимая, зачем это нужно.

Михаил реагировал точно так же и, не переспрашивая, направил автомобиль в сторону — настолько резко, насколько позволяли скорость и ширина дороги.

Из-за пыльного парапета возник реактивный след от гранаты, и слева грохнул взрыв. Машину ощутимо толкнуло, и она вылетела передним колесом на тротуар. Гарин подпрыгнул на сиденье и приложился макушкой о потолок.

— Откуда они?.. Черт! — выпалил Столяров, возвращая «вольво» на проезжую часть и выжимая газ до упора.

— Из подземного перехода... кажется... Какая разница! Рви отсюда!

— Да я рву, рву, — проскрежетал полковник и едва успел выкрутить руль в обратную сторону: рядом снова полыхнуло серое облако с оранжевыми иглами огня.

На этот раз Михаил обошелся без подсказок Гарина, а увидел летящую гранату сам. Стреляли уже с другой позиции, откуда-то спереди. И это было вдвойне скверно.

Столяров заложил крутой вираж, разворачиваясь через площадь.

— Проскочили бы! — с досадой сказал Олег.

— Не факт. Вон их там сколько.

В конце площади, где два сталинских дома полукругом сходились к дороге, появились люди с оружием — кто-то пристроился за опорой большого рекламного щита, кто-то вскинул на плечо РПГ.

После разворота Михаил заново разогнался — машина ехала по прямой, и уйти от третьего выстрела из гранатомета не было никакой возможности. В трясущемся зеркале Олег видел, как боец поправил на плече коричневую трубу с коническим набалдашником. Гарин зажмурился и против воли представил скорый финал: граната летит как будто бы не спеша, кажется, ее даже можно сбить рукой, но это только кажется, никто ее не сбивает, тем более

рукой, и заряд преспокойно втыкается в заднее стекло «вольво», от чего машина на миг превращается в новогоднюю хлопушку, так весело и красиво во все стороны рвется из салона пламя...

Олег открыл глаза, судорожно мотнул головой и заставил себя увидеть другой исход, более короткий и правильный. Человек с гранатометом поймал автомобиль в прицел и приготовился выстрелить, но вдруг потерял равновесие, словно его легонько толкнули в спину, и, сделав неуверенный шаг вперед, случайно опустил трубу, а указательный палец уже сгибался, и отменить это действие было невозможно.

Граната взорвалась возле дома, так никуда и не улетев. Бойца подбросило аж до третьего этажа — впрочем, если бы кто-то рассмотрел его повнимательней, он увидел бы, что от человека там мало что осталось. Еще один стрелок на углу согнулся пополам и повалился на бок. Что это могло быть, контузия или осколочное ранение, Олега не волновало. Главное, что второй противник на выезде с площади был нейтрализован.

— Кто это сделал? — спросил Столяров, оглядываясь.

— Это он сам. Не важно. Крути назад!

— Мы и так назад едем!

— Да нет же, говорю! Разворачивайся снова, там зачищено.

— Ты уверен?

— Да! То есть нет... Не знаю!

Гарин сжал виски ладонями. Сейчас ему было не до чужих настроений, он хотел всего лишь пересчитать противников и определить их примерное расположение. Задача была элементарная, но у Олега неожиданно возникли трудности: картинка плыла и двоилась, как будто кто-то встряхивал разлинованную доску с фишками. Впрочем, фишек было не много — это единственное, что успокаивало Гарина.

Олег сконцентрировался изо всех сил, но это ничего не дало. Воображаемая сетка координат со светящимися точками постоянно сползала из поля зрения куда-то в слепую зону. Гарин чувствовал себя точно смертельно пьяный человек, пытающийся попасть ключом в замок. Полная рассинхронизация настолько обескураживала, что не позволяла даже обозлиться. Откуда-то сверху, прямо из пустого неба, на него опускалось огромное ватное облако. Звуки стали глухими и тягучими, сквозь них издали вдруг пробился обрывок осточертевшего припева, в котором тысячный раз говорилось про «простые движения, простые движенья...».

Гарин проверил голову так тщательно, будто смывал пену. «Венца» на нем не было, артефакт по-прежнему лежал у Олега на коленях, хотя эффект наблюдался тот же самый: людей кто-то провоцировал и направлял. Просто так, без причины, расстреливать одинокую машину на площади было не прибыльно, а значит, абсолютно бессмысленно.

«Опять эти простые движенья... — отрешенно подумал Гарин. — Чей-то узнаваемый почерк. Чей же?.. И почему здесь? Сколько это будет меня преследовать?»

Столяров проехал половину площади в обратном направлении, когда из-за восьмизэтажного дома с рекламой банка во всю крышу выкатился инкассаторский броневик. Какое-то мгновение Гарин надеялся, что это совсем другие люди, занятые честным грабежом, но вскоре из боковой бойницы появился короткий ствол. Михаил тоже это увидел и снова бросил «вольво» в убийственно крутой поворот. Ширина Ленинского проспекта позволила ему вписаться почти идеально, не коснувшись брошенного на дороге «опеля», но в этот момент из подземного перехода опять выстрелил гранатомет. Столяров ударил по тормозам, и лобовое стекло обожгло реактивным следом. На триплексе осталась размытая серо-голубая полоса. Граната пролетела в каких-то сантиметрах от «вольво» и ушла к зданию, где и взорвалась. Полковник не успел перевести дыхание, как боковые окна машины осыпались в салон каленой крошкой — это палили из броневика.

Гарин услышал, как у затылка свистнула пуля, затем другая. Что-то горячее задело его волосы.

— Хватит кружить! — крикнул Олег. — Едем отсюда!

— Едем, уже едем, — иступленно прошипел Михаил, снова набирая скорость.

Из инкассаторской машины продолжали стрелять, но бойницы не были приспособлены для прицельного огня. Пули под острым углом чиркали по асфальту. Несколько штук влетели в левую дверь «вольво», что, впрочем, вряд ли могло повлиять на товарный вид двадцатилетнего автомобиля.

— Не пробили бы колеса... — озабоченно проговорил Гарин и в следующую секунду пожалел о сказанном.

Под днищем машины раздалось четыре хлопка, двумя парами: сначала спереди и после неуловимо короткой паузы — сзади. Машина потеряла управление и, оставляя за собой густые снопы искр, с адским скрежетом понеслась дальше. При этом она начала поворачиваться против часовой стрелки, словно скользила по льду.

— Теперь только молиться... — обронил Столяров.

«Вольво» закручивалась все быстрее, в закопченном стекле проносились дома, просвет между ними и титановая колонна с Гагариным на вершине — и снова дома и колонна, дома и колонна... Олег наблюдал за этой каруселью словно во сне, никакого страха он почему-то не испытывал.

— Напоролись на «мокрый асфальт», — объяснил Михаил. — Спасибо хоть, пролетели дальше, а не ушли туда целиком. Ты готов?

— К чему? — спросил Гарин, отмечая, что круговорот начинает замедляться.

— Валить из тачки нужно раньше, чем она остановится, — скороговоркой бросил Столяров. — У них машина и еще стрелок в переходе, это как минимум. Хватай автомат и РПГ на заднем сиденье. По сигналу открываем двери. И сразу ложись, понял? Башку не поднимай.

Олег перегнулся назад и, подцепив гранатомет за ремень, перетащил его к себе. Чтобы дотянуться до зарядов, Гарину пришлось вставать с места, а в условиях разбалансированной центрифуги это было не так-то просто. С трудом он собрал оружие в охапку и попробовал удержать все это хозяйство в одной руке. Ничего из этого не вышло, автомат упорно вываливался. Можно было использовать обе руки, но тогда пришлось бы бросить «венец»... Олег хотел отдать что-нибудь товарищу, но тот уже открыл свою дверь и, крикнув «Пошел!», исчез в безумной круговерти. На лобовом стекле образовались два новых отверстия от шальных пуль, и это говорило о том, что времени не осталось. Гарин оторопело оглядел рассыпающиеся стволы и выстрелы для РПГ, потом перевел взгляд на артефакт и, уже не задумываясь, нацепил «венец» на голову, сгреб обеими руками оружие и вытолкнул себя из машины.

Едва коснувшись асфальта, Михаил открыл огонь по гранитному парапету. Столярова вращало и сносило в сторону. Казалось, он даже не сопротивлялся, а свободно катился по дороге — чудом удерживая цель и непрерывно стреляя по выходу из подземного перехода. Трудно сказать, сколько в этом приеме было от умения, а сколько от везения, но Гарин в отличие от полковника не мог похвастать ни тем, ни другим. Ударившись согнутыми коленями, Олег подскочил вверх, перевернулся в воздухе и впечатался в асфальт поясницей. Если бы на этом все закончилось, то было бы еще терпимо, но инерция крутила и несла Гарина, как упущенный с горы арбуз. Локти, бока, снова колени — он приложился всем, чем только мог, а его продолжало увлекать все дальше. В памяти всплывали какие-то неуместные вещи: то таблицы тормозного пути на льду, то рельефные анатомические плакаты с извилистыми кишками. Олег чувствовал себя котлетой, которую, за неимением панировочных сухарей, обваливали в дорожной пыли.

Наконец круговорот прекратилась. Гарин перевернулся еще раз и замер на животе — оцепенело сжимая в руках автомат, гранатомет и три выстрела. Он умудрился ничего не растерять, хотя лучше бы этого добра было поменьше.

Олег энергично кивнул, чтобы стряхнуть с головы «венец», однако у него не вышло, артефакт держался крепко. Гарин хотел повторить движение, но уже не успел. Он вдруг заметил, что «вольво» перестала выделяться на улице. Машина превратилась в картинку,

вырезанную из журнала и вклеенную в большой коллаж. Все вокруг стало плоским и одноцветным, как будто Олег смотрел через светофильтр. Темно-синяя «вольво» застыла посреди сиреневой улицы, окруженной фиолетовыми домами. Над всем этим витала голубая дымка без верхней границы, словно густое неоднородное небо, упавшее на землю.

Гарин хорошо помнил этот феномен, объяснение у него было только одно: высокая напряженность пси-поля. Движения людей замедлились, Олег и сам словно находился в вязком киселе, но его сознание, напротив, работало удивительно четко.

Синий цвет не мешал. Так было даже проще. Гарин увидел всю площадь сразу, как будто поднялся над ней на воздушном шаре. Светящиеся фишки чужих личностей, или попросту пешки, были как на ладони, независимо от того, где они находились — на открытом пространстве или в укрытии.

Стрелок в подземном переходе оставался невредим, хотя полковник выпустил по нему уже два рожка. Человек с гранатометом присел на ступени, скрываясь за парапетом. Времени он не терял: пока Столяров расходовал боезапас, мужчина без спешки зарядил РПГ осколочным выстрелом. Заряд без набалдашника был похож на огромный заточенный карандаш, и Гарин уже знал, что одного залпа достаточно для поражения всего живого в радиусе семидесяти метров. Эту ценную информацию он почерпнул в оперативной памяти неизвестного бойца. Больше там не было ничего, даже имени, — лишь ожидание удобного момента для выстрела и чувство удовлетворения от того, что задача почти уже выполнена. Человек, несомненно, находился под чужим контролем, и пси-воздействие было настолько мощным, что его личность превратилась в подобие одношаговой программы, а сам сталкер — в придаток к гранатомету, в отдельно существующий палец на спусковом крючке. Его интересовал только выстрел, один-единственный выстрел, и все. Сбить с толку такого человека было трудно. Его не на что было переориентировать, поскольку ориентиров в привычном понимании у него не осталось. Ему ничего нельзя было внушить, потому что весь объем его сознания занимала простая, как булыжник, идея, вытеснить которую не представлялось возможным. У бойца работала лишь моторика, необходимая для выполнения задачи. И Гарин решил не изобретать велосипед, а пройти недавно проторенным путем.

Мужчина с гранатометом сделал несколько шагов вниз, пока не оказался на площадке между двумя лестничными маршами. Он мог бы спуститься еще ниже, в тоннель перехода, но Олег не хотел рисковать — и так было хорошо. Осколочный заряд, радиус поражения семьдесят метров. Вполне, вполне достаточно.

Стрелок вперился взглядом в трафаретную надпись «Курсы английского языка» на облицованной кремовым кафелем стене.

«Враг в поле зрения! — подумал Гарин. — Выполняй миссию!»

Взрыв в тоннеле вынес тело так далеко, что даже если гранатометчика не задела осколки, его с гарантией убила ударная волна. Впрочем, и до взрыва живым бойца можно было назвать лишь с натяжкой. На его психику было оказано такое давление, что вряд ли он сумел бы прийти в себя.

Пока Олег занимался противником в подземном переходе, Столяров едва успел сменить рожок. Полковник не стал выяснять, что произошло на лестнице за парапетом, а мгновенно переключился на инкассаторскую машину. Броневик ехал навстречу, но не слишком быстро. Водитель наверняка сообразил, что случилось с «вольво», и не хотел угодить в ту же аномалию. Михаил присел у фонарного столба, укрывшись за широким декоративным основанием, и постреливал, но скорее для острастки. Бронированный автомобиль создавали не для того, чтобы его можно было одолеть с помощью автомата.

— На тебя вся надежда! — крикнул Олегу Столяров. Первому самоподрыву противника он не удивился, а второй, кажется, и вовсе воспринял, как должное. — Давай, не тормози! Или пешком от них бегать будем, — он кивнул на покосившуюся «вольво».

Машина и вправду выглядела неважно. Резину колеса потеряли полностью еще метров двадцать назад, а диски были обглоданы по краям — не то стесались о дорожное полотно, не то успели прокрутиться по агрессивной поверхности «мокрого асфальта». Так или иначе, без

серьезного ремонта «вольво» была уже не автомобилем, а сараем с выбитыми окнами.

Вглядываясь в дымку над дорогой, по-прежнему такую же синюю, как и все вокруг, Гарин без труда различил две личности в инкассаторской машине. Самым простым было заставить водителя ударить по газам и очутиться в той же аномалии. Однако броневику мог проскочить ее так же, как и «вольво», или вообще проехать мимо. Границ активной области Олег со своей позиции не видел. Поэтому он выбрал другой путь — длиннее, сложнее, но, кажется, эффективней.

Броневику дернулся вперед, но тут же затормозил, глубоко клюнув носом. Стрельба сразу прекратилась — противнику требовалось время, чтобы подняться из угла кузова, вернуться к бойнице и снова вставить в нее ствол автомата. Как только в окошке показался набалдашник пламегасителя, водитель повторил маневр: бросил автомобиль вперед и мгновенно встал.

«Ты чё творишь, падла?!» — сначала подумал, а потом и проорал боец в кузове.

Его снова швырнуло на переднюю стенку, и второе приземление было менее удачным: он серьезно ушиб плечо.

Увидев конвульсивные маневры инкассаторской машины, Столяров кинулся к ней наперерез. Автомобиль продолжал рывками разгоняться и тормозить, по сути, оставаясь на месте. Стрелок летал по кузову и бился о твердые стены. Выглянуть с автоматом из бойницы он уже не пытался, да и на ствол давно перестал обращать внимание, его единственной заботой было не свернуть себе шею.

Михаил добежал до броневика, открыл заднюю дверь и отправил внутрь короткую очередь. Затем обошел машину сбоку и выволок второго противника за шкуру — словно незлобивый сторож, который поймал подростка в вишневом саду. Боец был безоружен. Руль он отпустил легко, однако локти разогнуть не мог. Вывалившись из автомобиля, он так и остался в напряженной позе водителя. Столяров встряхнул мужчину за воротник, но тот снова упал на четвереньки и уперся лбом в грязный асфальт.

— Кто послал? — рывнул Михаил. — Скутер? Сколько вас тут еще?

— Не виноват... — проблеял боец.

— Кто сказал, что мы едем?

— Не знаю...

— Он не знает, — подтвердил Олег, приближаясь к товарищу. — В засаде больше никого нет.

Полковник ослабил хватку, и водитель не упустил возможности вырваться. Он по-собачьи заскреб руками и ногами на месте и, поймав сцепление с дорожным покрытием, с невероятной прытью ринулся по прямой. Михаил поднял ствол, но что-то удержало его от выстрела. Противник не старался скрыться, а бежал в пределах одной полосы, как спортсмен. Не поднимаясь с четверенек, он достиг влажного пятна на дороге между броневиком и «вольво». Олег догадался, к чему стремится боец, и закрыл глаза, чтобы этого не видеть.

Вероятно, свойства местной аномалии немного отличались, а возможно, она просто была слабой, благодаря чему «вольво» и проехала по ней, потеряв лишь колеса. Так или иначе, поверхность «мокрого асфальта» на площади Гагарина поглощала объекты гораздо медленней. Любые, включая человеческие конечности.

Водитель броневика продолжал перебирать руками и ногами, вернее, тем, что от них осталось. Он погружался в аномалию постепенно, мучительно неторопливо. Из оборванных артерий брызнула кровь. Крупная темно-красная капля попала на поверхность «мокрого асфальта» и побежала к краю пятна, уменьшаясь в размерах, как вода на раскаленной плите. Боец мычал от боли, становясь все меньше и ниже. Вскоре его колени полностью скрылись под агрессивной поверхностью. Мужчина упорно двигался дальше, а его ботинки со ступнями остались на месте и, вывернувшись набок, некоторое время лежали, пока не утонули отдельно от тела. Даже Столярова, человека не сильно впечатлительного, это заставило передернуться от ужаса. Единственное, что облегчило участь водителя, это поза

низкого старта, из которой он так и не вышел. Его голова оказалась достаточно близко от земли, чтобы уйти в аномалию вслед за локтями. После того, как бойцу срезало половину черепа, его тело наконец-то расслабилось и распласталось по аномалии. В «мокром асфальте» скрылся затылок, затем плечи и бедра. Еще несколько мгновений исчезающим островком по темному пятну парила спина, потом по ней вдруг прошла крупная судорога, и на этом все закончилось.

— Это не я его заставил, — тихо сказал Гарин.

— Надеюсь, — оборонил Михаил.

Олег с удивлением обнаружил, что все еще таскает и автомат, и гранатомет с тремя выстрелами. Он даже забыл об этих железках и теперь, спохватившись, просто свалил их на дорогу. Вторым открытием Гарина было то, что он до сих пор не снял с головы «венец». И занятые руки, и артефакт помешали ему только сейчас, когда он обратил на это внимание. Опомнившись, Олег снова заметил присутствие посторонней личности, которая влияла на общее пси-поле никак не меньше, чем он сам. Агрессии этот человек не выражал, поэтому во время стычки он выпал из сферы восприятия Гарина, как безучастный свидетель или вовсе как фонарный столб. Однако если раньше от незнакомца веяло волнением за исход боя, то сейчас осталось лишь любопытство. Интерес пытливого исследователя.

Стоило Гарину осознать это, как посторонняя личность ускользнула. Она исчезла из виду моментально, но след от нее, как дымный хвост реактивной гранаты, развеивался постепенно, его можно было не только обнаружить, но и почувствовать. Олег оценил мощь и превосходство этого человека: если бы незнакомец решил с ним побороться, то у Гарина не было бы и шанса. По крайней мере до тех пор, пока он носил на голове «венец». Артефакт усиливал собственные способности Гарина, но открывал его сознание для других психически чувствительных людей. Хотя кто знает — людей ли?.. Главное, что этот индивидуум действительно существовал. Прежде Олег мог об этом лишь догадываться, теперь же он столкнулся с ним лицом к лицу.

Гарин схватился за «венец», торопливо снял его с головы... и моментально выключился, будто кто-то погасил в небе свет.

Глава шестнадцатая

Мерный рокот обычно убаюкивает, однако именно он Олега и разбудил.

Гарин открыл глаза и ничего не увидел. Переполошившись, он зашарил вокруг растопыренными пальцами. Под руку сразу попался автомат со вставленным рожком, но это Олега не успокоило. Он продолжал поиск вслепую, наткнулся на что-то металлическое — РПГ, нет?.. черт его знает... — затем на нечто круглое, что выкатилось прямо из-под ладони, и наконец, глубоко вздохнув, сел спиной к стене.

Твердая поверхность слегка вибрировала и как бы гудела, передавая урчание двигателя. Отдышавшись, Гарин начал приходить в себя.

— Эй! — позвал он.

При этом было бы уместно постучать, но Олег чувствовал, что опирается не на обычное автомобильное железо, а на что-то массивное вроде стенки сейфа.

— Слышу, слышу, — отозвался Столяров.

Впереди, гораздо ближе, чем Олег рассчитывал, отодвинулась шторка на крошечном окошке. Сплошную темень прорвал прямоугольный сноп света, как в кинотеатре. Кузов из чернильно-черного стал серым. Гарин обнаружил низкую лавку, обтянутую казенным дерматином, и два запасных колеса — больше в автомобиле ничего не было. В воздухе варилась туча пылинок, на полу подрагивали комки сухой глины и несколько кривых окурков.

— Я думал, в инкассаторских броневиках интерьер побогаче, — заметил Гарин вполголоса.

— А? — не разобрал Михаил. — Если темно, открой там сбоку две бойницы, —

посоветовал он.

— Да нормально, — отмахнулся Олег, хотя, кроме него, этот жест никто не увидел.

Он перебрался на лавку с противоположной стороны и некоторое время сидел, бездумно глядя под ноги. В памяти металась обрывки недавнего боя на площади, их надо было переварить и усвоить, но Гарин неосознанно, с каким-то инстинктивным страхом, гнал эти мысли прочь. А так ли недавно это было, задал он себе риторический вопрос. Вроде бы да. Но — как будто в прошлом году...

Сколько прошло времени?! Олег опять встрепенулся, чуть было не вскочил на ноги — от этого его удержала только низкая крыша броневика.

Да нет, все в порядке. Считанные минуты. Они даже до Новинского бульвара не добрались, хотя от площади Гагарина уже было рукой подать. Просто Столяров, привыкнув к обморокам товарища, не захотел его тревожить и тем более не стал дожидаться, а уложил в кузов инкассаторской машины и потихоньку поехал. Все правильно сделал полковник.

Олег осмотрелся еще раз, более обстоятельно. Столяров забрал «венец» себе — оно и к лучшему.

— Эх, какую тачку бросили! — донеслось из кабины. — «Вольвешник», а?! Девятьсот сороковой, твою мать, синий!

— Что ты там лопочешь, как старый таксист? — крикнул Гарин. — Скучно?

— Мечта загубленного детства! — продолжал стенать полковник. — Две недели на ней не отъездил. Кинул ее на улице, как хлам...

— А сейчас мы на чем? Я не разглядел.

— «Фольксваген», — уныло ответил Столяров.

— Вообще-то броневичок попрктичней будет.

— Ну, может быть, может быть... — протянул Михаил и без предупреждения затормозил. — Если оклемался, давай сюда! Дверь у тебя там открыта.

Гарин выбрался на улицу и перешел в кабину. Броневик стоял уже на «Октябрьской», возле поворота к тоннелю. Путь к центру был забит брошенными машинами — не то чтобы полностью, но довольно плотно, настолько, что проехать там можно было лишь на мотоцикле. Часть автомобилей была сожжена. Пустой троллейбус с торчащими в разные стороны рогами токоприемников выглядел растерянным и нелепым, как заблудившаяся пенсионерка.

Михаил оттолкнул бампером мешавшую «Тойоту» и повернул влево, к парку Горького.

— И все же кто их навел? — спросил Столяров таким тоном, словно продолжал разговор, прерванный минуту назад. — Скутер? Не исключено, только... глупо это как-то.

— Что ты к Скутеру привязался? — сказал Гарин. — Скутер у тебя за все мировое зло отвечает?

— Нас ведь там ждали. А кто еще мог знать, куда мы направляемся?

— Ты уверен, что они конкретно на нас охотились?

— Я бы согласился принять это за обычную засаду на дурака... если бы там проезжала хоть одна машина в час.

— Может, и проезжает, — упрямо произнес Олег.

— Аномалия на площади, конечно, странная, но колеса она сожрать успевает. Было бы движение — мы увидели бы гораздо больше измороженных тачек. Но кроме нашей «вольво» их там почти и нет.

Гарин задумчиво поигрался ремнем на автомате.

— То, что тех уродов на нас натравили, ясно без всякого «венца», — заявил он. — Но вот насчет Скутера... Не вписывается он сюда как-то. Зачем ему нас отпускать, а через полчаса гробить?

— Я ведь так и сказал: это глупо, — раздраженно ответил Михаил. — Но кроме Скутера некому. Или ты там что-то новенькое унюхал?

— «Унюхал»... — фыркнул Олег. — Да, тот странный персонаж, который объявился еще на Профсоюзной, был с нами и на площади Гагарина.

— А сейчас?

— Сейчас я его не вижу. Главное, непонятно — друг он или враг. И это меня настораживает.

— Может, простой сталкер? — предположил Михаил. — Ну, не совсем простой, а...

— Простой сталкер с выдающимися пси-способностями? — перебил Гарин. — Такие на дороге не валяются. Но меня другое волнует, — признался он. — Раньше я надевал «венец», и рядом возникала какая-нибудь кутерьма...

— Немотивированная агрессия, — подсказал Столяров.

— Ага. И направлена она была на кого угодно, только не на нас. Те обезьяны на «Калужской»...

— Ясно, ясно. Продолжай.

— А теперь и на нас нападают, — развел руками Олег.

— Это неприятно, но этого следовало ожидать.

— Если так пойдет и дальше, долго мы в Зоне не протянем.

— А нам и не надо долго, — Михаил улыбнулся, но его глаза оставались серьезными. — Ты же не собираешься обосноваться в Зоне и включиться в этот безумный круговорот «хабар — еда — патроны — хабар»? Я тоже не горю желанием. Этот путь всегда заканчивается в могиле.

— Как и любая жизнь, — грустно добавил Гарин.

Полковник не нашелся, что возразить, и к началу Крымского моста они подкатили молча. Столяров остановил машину и с тоской посмотрел в боковые окна, словно надеялся увидеть какую-то альтернативную, более безопасную дорогу.

— В Москве-реке брода нет, — поделился Олег.

— А если...

— Нам ее в любом случае пересекать, — сказал Гарин. — По этому мосту или по другому.

— Болты не помешали бы, — с тоской протянул Михаил и, забрав автомат, вышел из машины. — О, придумал! — воскликнул он с ребяческим восторгом.

Олег тоже выбрался наружу, чтобы посмотреть, каким образом полковник намерен проверить безопасность проезда.

— Оружие не бросил? Молодец. Давай рожок, — распорядился Столяров.

— У тебя свой есть.

— Мой нам жизнь сохранить поможет, если что. А от твоего толку, извини...

— На, на, возьми! — Гарин вручил товарищу свой магазин.

Михаил выщелкнул три патрона и поштучно зашвырнул их на мост. Темные гильзы пропали из виду — то ли угодили в пространственную дыру, то ли просто исчезли на фоне дорожного покрытия. Впереди что-то забрякало по асфальту, но сколько патронов приземлилось удачно, на слух определить было трудно.

— Мда... — вздохнул Столяров. — Я никогда эту хрень не любил.

— Гаек бы сюда, — обронил Олег. — И бинтом обвязать, чтобы хвосты издалека было видно.

— Нет у нас бинта, — буркнул полковник. — И гаек тоже. Хотя...

Он торопливо вернулся к машине и распахнул широкую заднюю дверь. Подняв ребристый черный коврик, Михаил открыл в полу небольшой люк и вытащил из него металлический ящик такого же салатного цвета, что и автомобиль.

— Нету гаек! — повторил Михаил. — Зато вон чего нашел, — он подкинул в руке здоровый гаечный ключ и с ходу метнул его вперед, но не слишком сильно.

Ключ пролетел метров семь и со звоном упал на дорогу.

— Вроде нормально, да? — нерешительно промолвил Столяров.

— Тебя как подменили. Что случилось-то?

— Мост, — сказал Михаил веско, словно дал исчерпывающие пояснения. — Мост — это плохо. Может, сам еще проверишь для гарантии? По своим каналам, — он выразительно

поскреб себя по макушке.

— Нет уж. А то, как Доберман, сами вниз сиганем, чего доброго.

— Вряд ли.

— Не будем испытывать судьбу.

— Не будем, так не будем. — Столяров забрался на водительское сиденье и, не закрывая дверь, тихо тронулся по мосту. — Не садись, ты нужен снаружи.

Гарин уже понял, чего от него ждет товарищ, и не спеша пошел рядом с броневином. Когда машина доехала до гаечного ключа, Олег подобрал его и метнул дальше, тоже на небольшое расстояние. Инструмент вновь упал на асфальт без каких-либо последствий. Михаил проехал еще несколько метров, и процедуру пришлось повторить. Таким образом минут за тридцать они преодолели половину моста.

Момент появления голубого светящегося шара Гарин со Столяровым не заметили. Пошаговое передвижение по мосту настолько их утомило, что аномалию они попросту проморгали, хотя должны были увидеть ее издалека: сфера имела не меньше пяти метров в диаметре и как будто переливалась разрядами молний. Что находилось за ними, в теле аномалии, рассмотреть было невозможно. То ли бесцветный сгусток, то ли пустота. Огромный шар словно спустился с неба, откуда-то из-за спины, и завис впереди, на выезде с моста, не касаясь земли. Яркие синие всполохи суетливо сновали по поверхности, не останавливаясь ни на секунду, и от этого возникало ощущение, что шар вращается.

Действительно ли он вращался, Михаила с Олегом интересовало в последнюю очередь.

— Вот сука... — заключил полковник. — Я как чуял. Садись, что ты стоишь?

Гарин погрузился в машину, и Столяров, не разворачиваясь, дал задний ход. То, что случилось после этого, было, пожалуй, даже хуже, чем появление второй аномалии. Шар впереди легко и достаточно плавно поднялся вверх, пролетел вдоль моста почти до конца и приземлился позади автомобиля — все так же издевательски покачиваясь и сверкая огненными нитями.

— Он на нас реагирует, — сказал Михаил очевидное. — Вот же сука!

Полковник остановил броневином, нервно побарабанил по рулю и, переключив скорость, снова направился вперед. Машина благополучно проехала середину моста и покатила дальше.

— Надо бы ключ покидать, — напомнил Олег. — Мы здесь еще не проверяли.

— Надо бы, да... Но едем и едем, ладно уж. Черт! — воскликнул Столяров, глядя в зеркало. — Похоже, сглазили.

— Что делать-то будем? — брякнул Гарин.

— Не поверишь, но я то же самое хотел спросить у тебя, — медленно проговорил Михаил, с ненавистью глядя на аномалию.

Голубой шар вернулся на прежнее место по ходу движения автомобиля и упруго покачивался в ожидании.

— Ну давай еще разок попробуем, — предложил полковник.

Инкассаторская машина поехала назад. Несколько секунд аномалия не проявляла никакой активности, затем повторила тот же маневр и снова оказалась на пути у броневином.

— Долго она так летать будет? — произнес Олег и сам устыдился своей безалаберности.

— Не очень, — хмуро отозвался Столяров. — Ты обратил внимание, что она сокращает расстояние?

— Да?.. — Гарин привстал, чтобы лучше видеть высокое зеркало на правом крыле, и обнаружил, что напарник прав: аномалия висела уже не в конце моста, а значительно ближе.

— Есть вариант прыгнуть в воду. — Михаил перехватил взгляд товарища и назидательно пояснил: — Не как Доберман, а чтобы выжить.

— Вряд ли я выплыву...

— Кто бы сомневался! Кирпичи в роду были?

— Это не смешно, — тихо сказал Олег.

— Это печально, — согласился Столяров. — В твоём возрасте стыдно не уметь плавать.

— Я обязательно покраснею, но потом, если ты не возражаешь. Плавать я умею, — добавил Гарин с обидой. — Нырять, в принципе, тоже. Но я не пробовал это делать одновременно. Да и высота здесь... не совсем спортивная.

— Короче, прыгать не будем, — подытожил Михаил, чтобы прервать стенания спутника. — Что нам остается? Продолжать мотаться по мосту туда-сюда?.. Но сфера берет нас в клещи, скоро на голову нам сядет.

— Как она там? — Гарин опять приподнялся и тревожно посмотрел в зеркало.

— Она-то в порядке, — процедил Столяров, который не сводил с аномалии глаз. — Это мы в глубокой ж-ж-жо...

— Попробуем в нее выстрелить?

Полковник одарил Олега испепеляющим взглядом и даже не стал отвечать. Вместо этого он толкнул ручку переключения передач и вновь поехал вперед. Шар взлетел и, предсказуемо обогнав машину, опять преградил дорогу. На этот раз он пристроился так близко, что в кабине стали слышны щелчки пробегающих по поверхности разрядов.

— Сиди тихо, не дыши, — серьезно сказал Михаил.

Сам он осторожно приоткрыл дверь и протиснулся наружу. Тихонько ее прихлопнул, стараясь не шуметь и не делать резких движений. Оглядевшись, Столяров сделал несколько шагов в сторону от машины. Постоял с минуту и вернулся к броневику.

— Ты что задумал? — спросил Гарин.

— Дай-ка мой автомат. Может, эта дура на железо клюет?

— Ты спятил?! — прошипел Олег, брызнув слюной.

Столяров приложил палец к губам и снова отошел — крадучись и балансируя руками, словно он пробирался по ночному болоту. Несколько секунд аномалия не реагировала, потом светящийся шар мягко приподнялся и медленно полетел к Михаилу. Тот поднял автомат над головой и призывно им потряс. Сфера ускорила движение, будто укрепились в какой-то своей догадке.

— Прекрати! — заорал в голос Олег.

Михаил достиг границы проезжей части и перелез через широкий металлический борт в пешеходную зону, которая шла по самому краю моста. Дальше были только перила, а за ними — река.

— Не делай этого! — взмолился Гарин, отчетливо понимая, что остановить товарища он не сможет.

— Не бойсь, я выплыву! — заверил тот.

Сфера, сплетенная из голубых молний, продолжала наползать на Столярова, скатываясь с середины дороги. Олег уже мог бы рискнуть объехать шар, прижавшись к правому бортику мостовой, однако он не сделал этого по целому ряду причин. Во-первых, не было никаких гарантий, что идущий человек с автоматом представляет для сферы меньший интерес, чем движущийся броневик. Во-вторых, Гарин вряд ли смог бы заставить себя сесть за руль даже в отсутствие аномалий. И третья причина — это Столяров. Олег не собирался бросать друга, даже в уме такого не держал.

Михаил снова потряс автоматом и, держась ближе к перилам, неспешно направился в обратную сторону, к «Октябрьской». Аномалия следовала за ним по краю проезжей части.

Когда шар прокатился мимо броневика, сухие электрические щелчки слились в громкий треск, и Гарин почувствовал, как волосы встают дыбом. Машину, однако, сфера не задела, она вписывалась в две встречные полосы и строго держалась их, словно для нее это было важно.

Столяров продолжал отступать, приближаясь к тридцатиметровому пилону, державшему исполинские цепи с огромными плоскими звеньями. Цепи поднимались все выше, к вершине стальной опоры. Вертикальные анкерные штанги, на которых и висел мост, становились все длиннее. Олег лишь сейчас разгадал замысел Михаила: за штангами тот

оказался словно за прутьями клетки поистине циклопических размеров. Вот только оставалось непонятно, кто был на свободе, а кто в неволе — полковник или аномалия. В любом случае между штангами сфера не протиснулась бы никак. Впрочем, способность к левитации она продемонстрировала еще в самом начале, поэтому ее логика действий была совершенно не ясна.

Гарин отметил, что думает об аномалии не просто как о живом, но как о разумном существе.

Тем временем Михаил почти добрался до конца моста и встал возле мощной металлической колонны, каждая заклепка на которой была размером с ладонь.

Олег следил за товарищем, затаив дыхание. В плане полковника был еще какой-то пункт, которого Гарин пока не улавливал. Аномалия недвусмысленно давала понять, что хоть она и не собирается атаковать Столярова, но далеко его тоже не отпустит.

Михаил закинул автомат за спину и начал неторопливо подниматься по лестнице, привинченной к пилону. Гарин смотрел на него с ужасом, но уже не решался и крикнуть. Он слышал, что когда-то Крымский мост был излюбленным местом московских самоубийц, однако не думал, что увидит в этом качестве полковника Столярова. Если прыжок в воду с дорожного полотна мог бы закончиться удачно — при большом везении, разумеется, — то, поднявшись еще на тридцать метров, Михаил лишал себя даже призрачного шанса.

Столяров карабкался по пилону, замедляясь с каждой ступенькой. Аномалия остановилась перед опорой и мерно колебалась вверх-вниз будто бы в ожидании. В каком-то смысле это было похоже на дуэль. Или на игру в «гляделки».

Первой, как ни странно, не выдержала сфера. Покачиваясь, она начала взлетать и приближаться к пилону — медленно, сантиметр за сантиметром, словно надеясь, что противник не заметит ее маневра. Михаил к тому времени успел подняться уже метра на два. Он энергично пожал плечами, встряхивая за спиной автомат, и перенес ногу на следующую перекладину лестницы. Столяров уже почти подтянул тело, но вместо того, чтобы завершить шаг, неожиданно оттолкнулся и спрыгнул вниз.

У Гарина замерло сердце. Из-за бортика он не видел, куда упал товарищ. Полковник мог приземлиться на боковую пешеходную дорожку, а мог полететь прямо в воду. Олег, несмотря на запреты, выскочил из машины и стал свидетелем странного события: шаровое переплетение молний упруго натолкнулось на стальную опору, прилипло к ней, затем обволокло пилон по кругу и, будто лопнув, мгновенно обрушилось вниз ливнем голубого огня.

Столяров выскочил из-за бортика в нескольких метрах от опоры и что было сил помчался к автомобилю.

— В тачку! — хрипло гаркнул он.

Олег торопливо запрыгнул в машину. Михаил влетел следом и с ходу опустил ногу на педаль.

— Кажется, она разрастается... — скороговоркой бросил Столяров, выруливая на середину дороги.

— Кто?.. — не понял Гарин.

— Я ее заземлил. Ну как бы. А в итоге... получился «мокрый асфальт». Мне так показалось. Хотя могу и врать.

Олег посмотрел в зеркало — позади темнела огромная лужа, и она стремительно растекалась.

— Нас хер догонишь! — ожесточенно заявил полковник.

Новорожденная аномалия заняла всю ширину проезжей части и начала распространяться в длину, словно и впрямь хотела дотянуться до броневика.

Михаил быстро переключал скорости, мотор тяжелого инкассаторского «фольксвагена» надсадно ревел. Влажное пятно упорно преследовало машину, но в какой-то момент рост резко прекратился, и аномалия отстала.

— Вот теперь мост реально непроходимый, — заметил Олег. — Как ты догадался ее

заземлить?

— Не знаю, — буркнул Столяров. — Ничего другого не оставалось. Сначала хотел в воду прыгать, потом смотрю — там дорожка есть. Велосипедная, что ли... Правильно я сомневался, не подвела чуйка. Подозревал, что в дерьмо влезем, — и вот, пожалуйста. Влезли.

— Как возвращаться-то будем? — спросил Гарин.

— На наш век мостов хватит — заверил полковник.

Глава семнадцатая

Когда Столяров с Гариным приехали к посольству, небо уже начинало темнеть. Как ни странно, из машин у здания на Новинском бульваре стоял лишь угловатый школьный автобус пронзительно желтого цвета. Тротуар возле посольства был отгорожен крупными бетонными блоками.

— Что за Багдад они тут развели? — с досадой проговорил Столяров.

Сверху в блоках были устроены неглубокие выемки, туда насыпали земли и посадили цветы. Сейчас, когда цветы завяли, зрелище было особенно унылым.

Михаил неспешно прокатился от начала здания до конца, от одной полицейской будки до другой, затем развернулся и подъехал к воротам в левом крыле. Металлические рольставни были опущены, и чутье подсказывало, что этот хлипкий с виду алюминий голыми руками не взять.

— Нам прямо в посольство нужно? — уточнил Гарин. — Вот прямо внутрь?

— Вот прямо туда, — подтвердил Столяров.

— Дорога была такая трудная, что уже непонятно, на кой нам сдался этот «колокольчик», — тяжеломерно изрек Олег. — Мне кажется, проще убить Скутера, чем выполнить его поручение.

— Так и сделаем, — без улыбки ответил Михаил. — Но попозже, не сейчас. Хватит ныть, пойду осмотрюсь.

Столяров вышел из машины и сладко потянулся. Гарин положил автомат на колени и поискал на двери кнопку, чтобы опустить стекло. Не найдя кнопку, он поискал ручку, но ее тоже не оказалось. Наконец Олег постучал согнутым пальцем в окно и сообразил, что оно глухое, бронированное.

Окна в посольстве были такие же: тонированный триплекс, за которым находились стальные жалюзи, кое-где закрытые. Впрочем, ни усиленные шторы в рамах, ни бетонные блоки на тротуаре дипломатам не помогли. Здание посольства, хоть и выглядело неповрежденным, источало ощутимую тревогу, которую Гарин чувствовал даже без «венца». В этом доме что-то было не так, и Скутер послал их сюда не случайно.

Михаил бесцельно посматривал вдоль здания и вернулся к машине.

— А ну-ка! — бодро произнес он, доставая гранатомет.

На ходу зарядив РПГ, Столяров перешел на противоположную сторону улицы, присел за капотом старого «Рено» и без предупреждения выстрелил по воротам посольства. В инкассаторской машине взрыв был едва слышен. Он прозвучал глухо, в некотором роде даже уютно, и его результаты оказались более чем скромными. В центре рольставни появилась обожженная вмятина. Секции глубоко прогнулись и вырвались из направляющих, но удар сдержали.

— Чего-о?! — возмущенно протянул полковник. — Да за кого они нас держат?

— За бандитов, Миша, — ответил Олег, покидая машину. — За гребаных террористов.

Столяров сунулся в броневик за вторым зарядом.

— Может, не надо? — нерешительно произнес Гарин. — Трудно представить, сколько в этом районе всяких уродов ошивается. И все они нас слышали. Все до единого.

— Это не мы их должны бояться, а они нас.

— Я ценю твой юмор, но...

— Сядь в тачку, а то прилетит кирпичом по лбу, и станешь совсем дурак. — Михаил зарядил РПГ и отправился на прежнюю позицию.

Второй выстрел доказал, что чудес все-таки не бывает: в воротах появилось крупное отверстие. Сквозь дыру была видна тупая морда стоявшего вплотную грузовика, который занимал все пространство.

— Короче, к ним во двор мы не заедем, — подытожил Столяров. — Тогда, как все люди, своим ходом. Вылезай.

Михаил заглушил мотор и вытащил ключи. Потом достал последний выстрел, вставил его в РПГ и накинул на плечо автомат.

— А с этим что делать? — спросил Олег, помахав «венцом».

— Бери, — коротко распорядился полковник.

Дверь визовой службы, расположенная во второй арке симметрично воротам, выглядела как обыкновенный стеклопакет. Такой она и оказалась в действительности: Столяров дал короткую очередь по замку и толкнул створку. За ней была еще одна дверь, с виду точно такая же. Михаил скупно стрельнул по замочной скважине, но вторая створка не шелохнулась.

— Ого... — неприятно удивился он и всадил в дверь остаток рожка.

Эффекта это не возымело. Пули легко входили в мягкую облицовку, но дальше их не пускала броня. Столяров сменил рожок и снова начал стрелять. Крашеный алюминий порвался в клочья, пластиковая ручка отвалилась и упала на пол, но открыть дверь это не помогло. За облицовкой виднелась матовая сталь, на которой пули оставляли лишь царапины. Михаил выстрелил по стеклу, и тамбур наполнился визгами рикошетов.

— Ну, делать нечего, — заключил он. — Сами виноваты.

Увидев, что товарищ опять отходит от здания и закидывает гранатомет на плечо, Олег поспешил заскочить в будку постового.

На этот раз жажнуло так, что у Гарина зазвенело в ушах. Будка звукоизоляцию не обеспечивала, о чем он как-то не подумал, укрываясь в трех метрах от входа. К счастью, третий выстрел был не напрасным: верхние петли вырвало, и бронированная дверь завалилась внутрь. Олегу и Столярову пришлось ее немного пошатать, чтобы сломать окончательно и освободить проход.

— Странно, что до нас тут никого не было, — сказал Гарин.

— Во-первых, ежу понятно, что брать здесь нечего. Во-вторых, я уверен, тут есть и другие входы, которыми давно воспользовались.

— Это два взаимоисключающих утверждения, — заметил Олег.

— А никто не обещал, что будет легко, — буркнул Столяров.

Повертев в руках уже бесполезный РПГ, Михаил аккуратно приставил его к стене и включил фонарик.

За рамкой металлодетектора коридор расширялся до квадратной площадки, в конце которой стоял еще один аппарат — большой и массивный, похожий на томограф.

— Да, паранойей американские хлопцы не страдали, — прокомментировал полковник. — Они ею наслаждались.

Проходить сквозь огромную катушку он поостерегся и перелез сбоку, через низкий хромированный турникет. Гарин повторил этот маневр, хотя опасности в обесточенном приборе он не видел.

Преодолев еще пару коридоров, узких и угловатых, товарищи оказались в большом помещении с рядами пластиковых стульев.

— Какой-то зал ожидания, что ли? — проговорил Олег.

— Он и есть. Мы же через визовую службу вошли. Вон там, видимо, офицеры сидели, — Михаил осветил стену с квадратными окнами в другие комнаты.

Поводив фонариком из стороны в сторону и проверив все углы, Столяров двинулся к боковому проходу справа. Гарин последовал за полковником, хотя он все больше сомневался в целесообразности их блужданий. Новый коридор повернул налево и уперся в очередную

дверь, на этот раз обыкновенную, не бронированную. Замка под ручкой не оказалось, вместо него рядом с белым наличником висел сканер для магнитного ключа.

— Модно устроили... — процедил Столяров.

— А у вас в СБУ по-прежнему амбарные засовы? — усмехнулся Олег.

Михаил, не ответив, расстрелял дверь в упор, как показалось Гарину — с особым удовольствием. За дверью они обнаружили еще один коридор и несколько закрытых кабинетов с простецкими картонными табличками на английском.

— По-моему, все это слегка бессмысленно, — подал голос Гарин. — Где мы «колокольчик» искать будем?

— Скутер не уточнял. Скорее всего он и сам не знает. Но я был уверен, что мы увидим... что-то такое, понятное.

— Может, «колокольчик» не здесь, а на втором этаже?

— Может, и на втором. А может, на пятом. Вон их тут сколько, — проворчал Михаил. — Таковую площадь заняли, что половина ЦРУ расквартируется.

— По логике, надо искать аномалию. Об этом-то Скутер сказал хоть что-нибудь?

— Нет. А я не уточнял. Слушай, мы с тобой не такие уж спецы по сталкерским делам, верно? У нас всегда были другие задачи. А все эти артефакты... гори они огнем!

— Надо найти аномалию, — настойчиво повторил Олег.

— Ну а мы что делаем? Пошли!

Столяров отправился обратно, снова пересек «зал ожидания», отшвырнул по пути пару стульев и свернул в другой коридор. Опять дверь, опять очередь из автомата, опять — служебное помещение с запертыми кабинетами.

Гарин выругался.

Михаил обернулся к нему с некоторым удивлением и посмотрел, как отец смотрит на сына, который впервые явился домой пьяным.

— Напаяливай «венец», — хмуро проговорил Столяров. — Иначе правда будем до утра здесь плутать.

— А что ты собираешься тут нащупать? — сказал Гарин. — Вернее, что должен нащупать я, по твоему замыслу?

— Сталкеры здесь уже бывали. — Михаил опустил фонарик, и в пятне желтого света возникли следы. Не то чтобы четкие, скорее, просто грязь, свалившаяся с чьей-то обуви. Относительно свежая. — Ты ведь можешь их как-нибудь распознать, Олег?

— «Как-нибудь», — сварливо передразнил Гарин. — Если только здесь были мощные всплески пси-активности...

— Ну. Не тяни резину.

Олег опустил «венец» на голову и тут же снял.

— Не было, — отрезал он.

— Тьфу, черт! — топнул ногой Михаил.

— Или постой-ка... — Гарин снова надел артефакт и прислушался к ощущениям.

Столяров с надеждой смотрел напарнику в лицо, отведя фонарик так, чтобы он освещал, но не слепил.

— Кто-то был, да, — сообщил Олег. — Но это не важно. Бродили тут по коридорам, как и мы. Они давно ушли.

Полковник разочарованно вздохнул.

— Есть и еще кое-кто, — продолжал Гарин. — Сейчас. Прямо над нами.

Михаил поднял фонарик, но увидел лишь белый потолок, идеально ровный, качественно выкрашенный.

— Второй этаж, — кивнул Олег. — Они ждут.

— Нас?! — прошипел полковник.

— Не уверен. Просто ждут. И кстати... — Гарин вдруг усмехнулся, — аномалия совсем близко, вот за этой стенкой. Но отсюда мы к ней не подберемся. Надо идти вверх. Или сваливать, так будет разумней.

— Ты ее тоже чувствуешь? Аномалию.

— Нет, просто о ней постоянно думают эти... — Олег, пришепывая, загнул пальцы: — Раз... Два... Трое. Их здесь трое, — твердо повторил он.

— Стало быть, все время думают об аномалии и кого-то ждут... — Столяров озадаченно почесался. — Если ты говоришь, что аномалия за стенкой, но добраться до нее можно только через второй этаж, значит, в нее спускаются, так?

— Логично, — согласился Гарин.

— Кто-то из сталкеров полез за «колокольчиком», а друзья его ждут наверху. Вот такой расклад, — заключил полковник.

— Наверно, да.

— И это совсем неплохо! — Столяров демонически улыбнулся. — Подождем, пока они добудут артефакт, и отнимем.

— Все так просто?

— А что ты предлагаешь? Ты знаешь, какая там аномалия, чем она опасна, как она воздействует?

— Об этом надо было побеспокоиться заранее, а не сейчас.

— Скутер ничего такого не говорил. Значит, это задача выполнимая. В принципе, — на всякий случай добавил Михаил. — Однако не факт, что она легкая. А тут такая возможность: на чужом горбу проехать. Это удача, и упускать ее нельзя.

Гарин обнаружил, что они уже идут по коридору. Полковник, мастак убалтывать, мягко взял товарища за локоть и повел обратно в большую комнату со стульями.

— Ты «венец» пока не снимай, а то мало ли чего... — сказал Столяров. — Мы не знаем их путей отхода, это плохо. Ясно только, что они сюда проникли не как мы, а по-другому, и сторожить их у той двери бесполезно. Придется подобраться к ним поближе, чтобы не упустить. Нам ведь неизвестно, как часто этот «колокольчик» в аномалии зарождается. Сейчас унесут его у нас из-под носа, а нам тут потом куковать... Их все еще трое? — встрепнулся Михаил. — Точно трое, не четверо?

— Нет, нет, — успокоил его Гарин. — По-прежнему сидят и ждут соратника. Если, конечно, твоя версия верна.

Столяров провел Олега через «зал ожидания» к «томографу» и, толкнув приоткрытую служебную дверь, вышел на узкую лестницу.

— Как ты ориентируешься в этих катакомбах? — спросил Гарин. — Ты видел план посольства?

— Где? — раздраженно отозвался полковник. — Я не ориентируюсь, я просто перебираю варианты. Их все еще трое?

— Я дам знать, — пообещал Олег.

Поднявшись на этаж выше, Столяров выключил фонарик: здесь впервые попало окно на улицу. Стекло было тонированным, но вечер еще только начинался, и света в здание проникало достаточно.

Коридоры на втором этаже были пошире и почеловечней. На полу лежал хороший ковролин, на бежевых стенах висели приятные фотографии улыбающихся людей — не то лидеров американской дипломатии, не то успешных фермеров.

Михаил, не дыша, двинулся по проходу. Гарин нехотая вспомнил, что так и не снял автомат с предохранителя, но щелкать в гробовой тишине он побоялся, лишь положил большой палец на рычажок, чтобы в случае чего не замешкаться. Олег щупал пси-поле и одновременно смотрел по сторонам, но лишь глазами, словно боялся, что шейные позвонки могут хрустнуть слишком громко.

Чужих в здании по-прежнему оставалось трое. Гарину не верилось, что сталкеры могут ждать соратника так долго, однако они действительно ждали. Спускаться в глубину здесь было особенно некуда, аномалия находилась на нижнем этаже. Олег успокаивал себя только тем, что он не знает, каким образом добывают проклятый «колокольчик». Возможно, это был длительный и сложный процесс. К тому же четвертого сталкера Гарин, как ни силился,

различить в здании не мог, а это значит, что аномалия влияла на пси-поле крайне интенсивно. Хотя собственное поле она имела слабенькое и, по идее, глушить присутствие человеческого сознания была не способна... Но тут уж Олег ничего не мог поделать, просто занес это в воображаемый список странностей.

Тронув Михаила за плечо, он ткнул большим пальцем направо.

— Там? — спросил напарник одними губами.

Олег кивнул.

— Все трое?

— Да.

— Значит, и аномалия там же.

— Нет. Она здесь, — Гарин показал на дверь слева.

— Не понял. Аномалия с одной стороны коридора, а люди сидят с другой?

— Так точно.

— Бред?

— Да.

— Может, ты ошибаешься?

— Нет. — Олега этот несвоевременный допрос начал утомлять. — Нам-то куда деваться?

Столяров дошел до следующей двери справа и легонько ее тронул. Дверь отворилась без звука. Михаил с Олегом юркнули в кабинет и закрылись.

— Теперь они в соседней комнате за стенкой, — сказал полковник. — И что там?

— То же, что и раньше: ждут.

— Ну и мы подождем.

Столяров подкатил офисный стул, но в последний момент удержался и не сел: такая мебель имела привычку поскрипывать, даже новая. Михаил привалился к столу и машинально двинул к себе какой-то листок с текстом.

— Контора почти как у твоего друга Кенса, — заметил Олег.

— Контора у нас с ним одна, — строго проговорил полковник. — А офис — да. У него даже покруче, наверно. Здесь какие-то нищелюды кантовались. Даже сейфа нет.

— Это же посольство, — напомнил Гарин. — Они не берут взятки и не торгуют рыбными консервами.

— Наши тоже консервами не торгуют. Но сейфы есть, я видел. — Столяров пожевал губами, что-то обдумывая. — Ну как там? — нетерпеливо спросил он.

— Все так же. Сидят, ждут.

— Да сколько можно! Это ненормально. А если они водят тебя за нос? Подложили какие-нибудь манекены, и...

— Какие манекены, Миша! — взмолился Гарин. — Я же не в замочную скважину подглядываю.

— Ну а мысли? — не унимался Столяров. — Мысли там какие? О чем?

— Деньги, бухло, бабы...

— Общечеловеческие ценности, понятно. И они настолько этим увлечены, что им плевать даже на взрывы, которые они не могли не слышать, — с сарказмом произнес полковник.

— А ведь правда!

— Они знают, что кто-то залез в посольство. И они ждут не друга с хабаром, они ждут нас.

— Эта гипотеза выглядит не хуже предыдущей, — пожал плечами Гарин. — Но и не лучше.

— Надо их прощупать как следует. Потому что устраивать засаду на того, кто устроил засаду на тебя, — это, конечно, красиво, но так мы можем просидеть в соседних комнатах до второго пришествия. Давай, Олег! У меня такое предчувствие, что нам остался один шаг. Закончим это дело и поедem домой отсыпаться.

Гарин поправил на голове «венец», хотя нужды в этом не было. Затем он оглядел кабинет и, не найдя ничего подходящего, устроился на полу спиной в угол. Палас был пушистый и теплый, у Олега тут же возникло желание растянуться на нем во весь рост да вздремнуть пару суток, а еще лучше — проснуться уже в Новосибирске, рядом с Мариной.

Выгнав из головы несбыточное, Гарин обхватил колени руками и сконцентрировался.

Лохи затихарились внизу — это было обычное дело, но сегодня что-то уж больно долго они там торчали... Кто-то по старинке называл их «отмычками», кто-то «мочалками», но Шумеру нравилось простое и ясное слово — лохи. Они всегда начинали поиски с первого этажа, на то они и лохи. Однако в этот раз они действительно заморозились надолго. Идиоты, что с них взять! Сначала устроили грохот с фейерверком, а потом вдруг опомнились и стали играть в шпионов... Лохи — они и есть лохи. И конец у них будет соответственный, лоховский.

В первый раз Шумер и сам искал «колокольчик» внизу — долго плутал по уступчатым коридорам, пока не наткнулся на других сталкеров, — но об этом он предпочитал не помнить, даже как бы и не знать. Хотя ничего позорного в этом не было, но... лоховское поведение — оно никого не красит.

По сосредоточенному лицу Гарина полковник понял, что товарищу удалось установить пси-контакт. Тем не менее он не вытерпел и вопросительно кивнул. Олег выставил указательный палец: «не мешай».

Ловлей на блесну Шумер занялся совсем недавно, но уже вошел во вкус. Даже определение свое придумал. Другие-то сталкеры так не говорили, а он любил вернуть при случае: «Вчера опять ловил на блесну, опять повезло». Шумер не понимал и сам, почему он это делает, зачем ему нужны какие-то «особые словечки». Зато это понимал Гарин, который копался в его мозгах, как в помоях.

Большой прибыли ловля на блесну Шумеру не приносила. Он догадывался, что «колокольчик» стоит нереально дорого, но ему за артефакт доставался лишь крошечный процент — тут Шумер никаких иллюзий не испытывал. Однако его все устраивало: он был при деле, получал стабильную копейку, и ни одна собака в городе не смела на него тявкнуть. Шумер полагал, что лучше быть шестеренкой в серьезной команде, чем гордым одиночкой, которого клюют все, кому не лень. Он давно присматривался к этой группировке, советовался со знающими людьми, наводил мосты и уточнял детали. Неизвестно, когда бы он решился порвать со старой компанией — там ему жилось тоже в общем-то неплохо, — но те взбесившиеся обезьяны на «Калужской» решили все за него, словно они были ниспосланы свыше. Шумер влился в новый коллектив легко и быстро. Ему нравилось, как шли дела, ошибок он не допускал, крысятничать не собирался, и будущее в этой группировке виделось Шумеру вполне отрядным.

Сегодня, однако, получилась какая-то заминка, и Шумера это начинало злить. Лохи вошли в посольство — естественно, за «колокольчиком», больше тут брать было нечего, — но вместо того, чтобы погулять по первому этажу и сразу подняться на второй, они зависли где-то по пути. Не исключено — заблудились, идиоты. Попасть в комнату с аномалией и не наделать при этом шума лохи не смогли бы — не для того там повесили колокольчик. Не артефакт, конечно, а простую брякалку, которую первого сентября цепляют на грудь школьники. Это было остроумно и с точки зрения лоха совсем не подозрительно. Колокольчик на двери — что тут особенного? Шумер жалел, что эту сигнализацию придумал не он. Колокольчик повесили задолго до его прихода в группировку. Однако он надеялся, что у него еще будет возможность проявить себя. Добыча артефактов началась не вчера и закончится не завтра. От тряпок на заднем дворе посольства уже некуда было деваться, а лохи все шли и шли за «колокольчиком», как рыба на блесну.

Вот эта тема, про гору тряпок, Гарина почему-то особенно заинтересовала. Зацепившись за случайную мысль, пронесшуюся в сознании сталкера, как что-то не особенно важное, Олег осторожно ее потянул и принялся распутывать весь клубок.

Аномалия, возникшая в посольстве, не имела названия, никто не удосужился его

придумать. Так же мало кого волновало, что в этой аномалии происходит. Главное, что каждые сутки в ней появлялся артефакт «колокольчик», достать который можно было только руками. То ли применение технических средств было невозможно в принципе, то ли с этими средствами никто не хотел морочить голову — ответа Гарин не получил, потому что Шумер его попросту не знал. Зато бывший мародер знал другое, он много раз видел это своими глазами. Человек, добывший «колокольчик», после посещения аномалии оставался невредимым максимум четверть часа. Затем в его организме запускался процесс, которому, как и аномалии, не было названия. В считанные минуты разрушались кости, все до единой. Но первыми деградировали суставы. У кого-то колени сгибались в обратную сторону — как у кузнечика, — хотя в действительности они не сгибались, а выворачивались, выламывались. Кто-то вдруг отмечал, что у него не работают пальцы, кто-то просто падал, не понимая, почему его перестали держать ноги. Эти метаморфозы начинались у каждого по-разному, но все лохи почти сразу теряли способность к членораздельной речи, они могли лишь монотонно голосить, мотая выпавшей челюстью. Развитие синдрома у всех было одинаковым: кости продолжали рассыпаться до тех пор, пока не превращались в муку, а человек — в кожаный мешок с мясом. Одни напоминали сдувшийся матрас, другие — мятую подушку. Поэтому и говорили про них — «мочалка». Хотя Шумеру все-таки нравилось слово «лох». Как-то раз он наблюдал за лохом, для которого все закончилось еще на лестнице. Человек не успел выйти из здания и распластался на ступеньках, повторив все их изгибы. Потом кровь собралась в нижней части бесформенного тела и повлекла его вниз. Так он и стекал по лестнице, пока не очутился на нижней площадке. Шумер хорошо помнил, как у лоха выкатилось глазное яблоко на длинном нерве — выкатилось и замерло далеко от века. Оно извальялось в пыли и вряд ли могло видеть, но все же Шумеру стало неприятно, что на него смотрит это чудовище, и он пнул глаз ботинком, загоняя его под складки кожи. Фокус в том, что сердце в этих мешках продолжало биться довольно долго, и лохи оставались формально живыми кто по часу, а кто и по три. Вряд ли они много чего соображали, скорее всего сходили с ума от боли, но мышцы у них все еще сокращались, хотя без скелета они не могли даже ползать — лишь бессмысленно и страшно шевелились.

В группировке были и образованные люди, они что-то говорили про низкие частоты — мол, кости входят в резонанс, и все такое, но Шумеру это казалось не важным. Его задачей было встретить лоха с «колокольчиком» на выходе из аномалии, проявить дружелюбие и проводить его на улицу — вот, собственно, и все. Их даже не нужно было убивать, они умирали сами, оставляя добытый артефакт и кучку несвежей одежды. Иногда попадалось и хорошее оружие. У некоторых при себе оказывались кое-какие консервы, но Шумер их не брал — брезговал. К тому же на базе кормили отлично.

«Почему их обязательно выводить из здания?!» — подумал Гарин с такой яростью, что чуть не произнес это вслух.

«Чтобы не устраивать здесь срач, — ответил Шумер на собственную мысль. — Чтобы лох не увидел, во что он превратится после того, как вылезет из аномалии. А во дворе крысы, они прям ручные: придут ночью и все сожрут. Только одежду не едят, избаловались, твари. Поэтому тряпья там уже целая куча накопилась. Надо будет, кстати, увезти все это барахло куда-нибудь. Подам идею Григорию, он оценит».

— Мы должны их убить, — тихо сказал Олег, снимая «венец». — Но не всех, только двоих. Третий нам понадобится живым.

Гарин вернул «венец» на голову и решительно поднялся.

— Погоди, погоди, — запротестовал Михаил. — «Каждый воин должен понимать свой маневр» — слышал такое? Это не я придумал, это Суворов, генералиссимус.

Олег тяжело посмотрел на товарища и пересказал ему то, что удалось выудить из сознания Шумера, — вкратце, не тратя времени на тошнотворные подробности.

— Эти подонки даже притащили сюда счетчик Гейгера, — закончил Гарин.

— А это им на хрена?

— Иногда бывает, что сталкеры вычисляют их засаду. Или случайно на них

натыкаются. Тогда они разыгрывают пьесу «хлеб-соль, приятные ребята» и всячески подталкивают человека спуститься за артефактом. Показывают ему счетчик: вот, мол, здесь безопасно. По крайней мере одного лоха они точно на это купили, на отсутствие радиации. Черт... я сказал «лоха»? Вот черт... Оставь Шумера, мне с ним легче работать. Двух других я и не вижу толком.

— Хорошо, пойдем. Автомат не трогай, — предупредил полковник. — Твоя забота — мародер. Каким он был, таким и остался, падаль... И вряд ли успеет исправиться.

Шумер их появлению удивился, но еще больше — обрадовался. Солнце пока не зашло, света в комнате было достаточно, и Столярова с Олегом мародер узнал сразу.

— Это вы, что ли, на весь город шум устроили? — спросил он, искренне улыбаясь.

— Ага, — потряс головой Михаил. — Сдуру через фасад поперли, даже не подумали вокруг обойти.

— А мы тут хабар делим, никак не договоримся. Чуть глотки друг другу не перерезали! — со смехом сообщил Шумер. — Потом слышим — еще кто-то идет. Незадача, блин... Ну ладно, я человек не жадный и добро помнить умею. Предлагаю по справедливости: тянем жребий. У меня, кстати, и спички есть. Да, а это друзья мои — Адидас и Гарри.

— Очень приятно, Адидас и Гарри, — сказал полковник, раскрывая объятия.

В левой руке он держал пистолет, правой поднял на ремне автомат. И сделал два выстрела одновременно.

— Спички у тебя, наверно, все короткие? — спросил Столяров. — Удача мне была гарантирована?

— Да заberi, заberi, зачем шмалять-то сразу... — пробормотал Шумер, растерянно оглядывая убитых соратников. — Я обойдусь, жизнь дороже. Идите, доставайте свой «колокольчик», я мешать не буду.

— Не мешать — это мало, — подал голос Олег. — Ты нам поможешь.

На лбу у Шумера мгновенно выступил пот. Он еще раз посмотрел на мертвых товарищей и наконец-то оценил серьезность своего положения.

— Яма там не глубокая, люди без страховки спускаются, — неуверенно сказал мародер. Впрочем, валять дурака у него получалось все хуже. — Если не хочется самим соваться в аномалию, давайте подождем кого-нибудь еще. Ночью лохи тоже заходят, у нас тут вахта круглосуточная.

Шумер даже не заметил, как начал себя сдавать. Он готов был на все, только бы не идти за «колокольчиком». Он слишком хорошо знал, чем это заканчивается — всегда, без исключений.

— Мочалка может прийти, а может и не прийти, — проговорил Гарин, лишая мародера последних иллюзий. — А нам нужно срочно. Немедленно.

Последнее слово прозвучало как прямой приказ, и Шумер сделал нетвердый шаг по направлению к двери. В его глазах заметался ужас, но это не помешало ему переставить левую ногу и снова — правую. Он шел навстречу смерти, нечеловечески мучительной. Он прекрасно это понимал, но не мог сопротивляться. Снова левая и снова правая — еще два шага к аномалии.

— Убейте меня, парни, — прошептал он, как молитву.

— С радостью, — заверил Михаил. — Но не сейчас.

Шумер прижал ладонь к животу, чуть выше рукоятки пистолета, торчавшего у него из-за ремня. Поддрагивающие пальцы потянулись к оружию и уже коснулись его, но это было все, чего он добился. Позволить ему застрелиться Олег не мог, и рука мародера повисла вдоль тела.

— Ну хотя бы потом, — безвольно произнес Шумер. — Потом — убейте. А?.. Потом — какая вам разница? Ведь никакой. А я... я не смогу так. В мочалку... не смогу. Когда вернусь, пройдет десять или пятнадцать минут перед тем, как это начнется. Убейте меня. Не позже этого срока.

Анемично переставляя ноги, Шумер вышел в коридор и открыл дверь противоположного кабинета. Гарин из-за его плеча заглянул в помещение. Аномалия, вероятно, возникла даже не на первом этаже, а еще ниже, где-то под фундаментом. Неведомая сила рвалась из земли, но не настолько быстро, чтобы разрушить все здание. Что-то мощное поднималось и при этом вращалось в горизонтальной плоскости — медленно, но неотвратимо сокрушая бетонные перекрытия. Аномалия перемалывала камни в песок и выворачивалась снизу вверх до тех пор, пока не замерла на втором этаже большой, во всю комнату, воронкой с высоким бруствером. Подходить ближе Олег не стал, и в воронку Шумер отправился один.

Вернулся мародер довольно быстро. В руках он нес что-то похожее на раструб от компактного огнетушителя. «Колокольчик», как и породившая его аномалия, был похож на воронку, только гладкую, неуловимо золотистого цвета.

Пальцы Шумера выглядели обожженными, но не сильно — как будто он схватился за горячую крышку от кастрюли. Подобные волдыри проходят довольно быстро, за пару дней... правда, не у всех в запасе есть такая бездна времени.

Шумер посмотрел на Столярова с надеждой. Потом на Олега — с мольбой.

— Часы тикают... — сказал он ломающимся голосом. — Не дайте мне превратиться в говно. Забирайте «колокольчик» и делайте, что обещали.

Михаил принял у мародера артефакт и потянулся за пистолетом.

— Не спеши, — предупредил Гарин.

Он продолжал контролировать Шумера, чтобы тот не застрелился. Олег заставил его вспомнить всех лохов, всех до единого — каждого человека, превратившегося на глазах у Шумера в мочалку. Они были разными, эти сталкеры, очень разными. Некоторые из них сами были последними гнидами, но даже такие люди заслуживали каплю сострадания в виде пули. Однако этой высочайшей милости никто из них не удостоился. Шумеру даже не приходило в голову прервать их муки. И в итоге все эти разные люди — и подонки, и дурачки, и герои — все они оказались в куче сырого тряпья на площадке за посольством. Шумер должен был об этом задуматься. Если не раньше, то хотя бы сейчас.

— Олег, не уподобляйся скотам, — сказал Столяров, вынимая пистолет. — Артефакт у нас, мы можем ехать.

— Пожалуйста... — обронил мародер, с трудом разлепив пересохшие губы.

— Он должен остаться здесь, — возразил Гарин. — У этой самой двери. Чтобы люди видели, чего им будет стоять «колокольчик». Это не жестокость. Я просто хочу предупредить других.

— Друзки Шумера соберут его в корыто и вынесут на помойку, вот и все. Этот бизнес тебе не остановить. А сколько еще таких мест в Москве и сколько таких засад? Поедем, Олег, скоро ночь наступит.

— С-суки! — с присвистом выдохнул Шумер. — Твари... Убейте меня, вы же обещали! Вам трудно? Обещали же... Или уйдете, оставьте меня. Я сам. Я пока еще смог бы. Отваливайте! Не уйдете, да? Суки поганые... Вас будут искать по всей Зоне, учтите. Когда Кенс узнает, что со мной случилось...

— Кто?! — вскрикнул полковник. — Как ты сказал — Кенс?!

— Вам капец, падлы. Гриша вас уро-о...

У мародера вдруг отвалилась нижняя челюсть. Он болтал сухим языком, издавая гортанные звуки, но говорить уже не мог.

— Олег, слушай его! — бросил Столяров. — Выжми из него хоть что-нибудь! Григорий Кенс, да? Да?! Кто он такой, где его искать? Хотя бы намекни, просто подумай об этом! И потом я тебя застрелю, слово офицера.

Шумер кивнул и на подкосившихся ногах упал в сторону по диагонали, будто карточный домик. Его голова ударилась о стену, и шейные позвонки, уже хрупкие, пораженные процессом деградации, отчетливо хрустнули. Перед смертью его лицо, обвисшее, как сползающая резиновая маска, осветилось блаженством.

- Он мертв, — промолвил Гарин.
- Ты что-нибудь успел?..
- Я не смог пробиться. Там сплошной ужас, и больше ничего. Но-о...
- Говори! — потребовал Михаил.
- Это скорее всего тот самый Гриша Кенс, о котором ты думаешь. Шумер слышал, что их пахан — из старых комитетчиков. Я считаю, этого достаточно. Таких совпадений не бывает.
- Но Кенс отсюда уехал... — проронил Столяров. — Оставил здесь тайник... Ключи передал мне. Разрешил пользоваться... Его давно уже нет в Зоне!
- Значит, есть, — ответил Олег, снимая «венец».
- Вот это номер... — Михаил поправил под мышкой «колокольчик» и озадаченно огляделся. — Такого я не ожидал.
- Может, твой Кенс и «крот» в СБУ — это и один и тот же человек?
- Он не мой! — недовольно произнес Михаил. — И он уволился раньше, чем украли документы.
- А вообще у него был доступ к отчетам по Припяти?
- Вполне вероятно.
- Ну тогда... чего же ты печалишься, полковник? Ведь мы сами его искали.
- Но нашел-то он нас. Не просто нашел, а обеспечил оружием и продуктами. И-и... — Столяров раздосадованно покачал головой. — Мы слишком много трепались в его подвальчике.
- Ты думаешь, там была прослушка?
- Если Кенс играет против нас, то я бы на его месте не стал упускать такую возможность.
- Выходит, ему с самого начала было известно, что мы его ищем, что у нас есть «венец» и что мы живем в моей квартире... — перечислил Гарин. — Есть ли хоть что-нибудь, чего бы он про нас не знал?
- Конечно, Олег. Есть кое-что, чего ты и сам о себе не знаешь.

Часть третья БАШНЯ

Глава восемнадцатая

Когда гвозди пронзили его ладони, Гарин не испытал ничего, кроме удивления. Любой бы удивился, увидев здоровенное четырехгранное острие — настолько ржавое, как будто до Олега металл впитал кровь по меньшей мере тысячи жертв, — возникшее там, где еще недавно изгибалась линия судьбы. Довольно хреновой, надо признать, судьбы. Не менее удивительным было то, что Гарин совсем не чувствовал боли. Да и крови было куда меньше, чем обычно при ранениях подобного типа. Хотя все ранения подобного типа Олег, пожалуй, видел лишь по телевизору, как правило, поздно вечером на Страстной неделе. И только в тех случаях, когда не успевал переключить канал.

Гарин озадаченно перевел взгляд с одной пробитой ладони на другую. Он бы и лоб почесал, если бы не опасение выколоть себе глаз торчащим наружу пятидюймовым штырем.

«Останутся шрамы, — не к месту подумал Олег. — Даже если вытащить железки, не повредив ничего важного, шрамы останутся на всю жизнь. Кстати, где я?»

По всему выходило, что он лежит на спине в положении «ноги вместе, руки в стороны» на холодной кушетке в комнате с белыми стенами и фиолетовым светом, льющимся с потолка. Хирургическое отделение? Похоже на то. Хотя холодно здесь, как в реанимации. А он, кажется, в одних трусах. Гарин облизнул губу и почувствовал солоноватый привкус.

— Что за дела? — хрипло спросил он и вдруг завопил. — Ай-й-й-й-о-о-О!

То ли непонятное оцепенение понемногу отпускало его, то ли в ступнях было куда больше нервных окончаний, чем в ладонях. На этот раз боль была ослепляющей. Олег слышал звук, с которым железные штыри прошли сквозь кости — как будто вилкой с нажимом провели по фарфоровой тарелке.

— Что за, мать вашу, дела! — прокричал Гарин, закатывая глаза.

— Тихо, тихо, — ответили ему. — Все уже позади, не надо орать.

— Кто здесь? — Олегу показалось, что ответ прозвучал откуда-то сзади. Он попытался запрокинуть голову, но не смог этого сделать. От усилия у него лишь потемнело в глазах. Пробитые гвоздями конечности тоже отказывались повиноваться. — Кто здесь? Эй!

Ему никто не ответил. Гарин не видел свои ноги, потому что не мог изменить положения головы. Шея не сгибалась ни вперед, ни назад. Однако полностью парализованным Олег не был. Он мог двигать глазами, шевелить языком и губами, говорить... Было бы с кем!

— Скажите хоть что-нибудь! — взмолился он.

Без толку.

— Да чтоб ты сдох, урод!

И снова никакой реакции. И мольба, и брань одинаково не действовали на невидимого собеседника... если, конечно, он все еще был в комнате. Гарин слышал позади тихий звук, то ли человеческое дыхание, то ли шелест бумаги, но его источником мог быть какой-нибудь работающий прибор, а то и обычный сквозняк.

Боль уходила. Вилка больше не скребла по фарфору, значит, ржавые штыри по-прежнему выпирали из его раздробленных костей, однако боль уходила из ран поразительно быстро. Как вода из пробитого ведра. Или как кровь. Может, именно кровопотерей объяснялось странное отсутствие чувствительности? У него отнимались ноги, в этом все дело?

За неимением альтернативы Олег снова устался на свои руки. На левую, затем на правую. Торчащие из ладоней острия выглядели ужасно, но, как ни странно, не причиняли уже ни боли, ни даже дискомфорта. Да и крови почти не было. То есть на коже ее не было вообще, а та, что осталась на гвоздях, терялась среди напластований старой ржавчины. Может быть, на тыльной стороне ладоней... Гарин попытался хоть немного повернуть голову, а когда это не удалось, еще сильнее скосил глаза. Не вывихнуть бы!

— Твою мать!

Олег не увидел ни кровавых ручьев, которые рисовало его воображение, ни отдельных алых капель, падающих на белоснежный кафель, или линолеум, или чем там выложен пол этой странной комнаты? Человеческими черепами? Зато он увидел что-то вроде перекрученных эластичных бинтов, которые были привязаны к незаостренным концам гвоздей. С этой стороны железные штыри заканчивались не шляпками, а вытянутыми петлями. С чего он вообще взял, что это гвозди? С таким же успехом их можно было назвать иглами. Свободные концы бинтов тянулись параллельно полу и, вероятно, сходились вместе где-то за головой Гарина.

— Что за чертовщина? — пробормотал Олег, уже не ожидая ответа. Строго говоря, он его и не получил.

Зато бинты внезапно взлетели к потолку — словно концы порвавшейся резинки в рогатке, которую слишком сильно натянули, — и следом за ними взметнулись руки Гарина. Резкий рывок — и вот он уже сидит на кушетке и наконец-то видит свои ноги. Его ноги тоже были пробиты, но не одним гвоздем-иглой, как Олегу почему-то казалось, а двумя. И к обоим откуда-то из-под потолка тянулись перекрученные бинты.

— Але-е... Оп! — сказали сзади, и Гарин прыгнул.

То есть сначала почти сложился пополам, ударив себя в грудь коленями, а затем резко распрямился, как чертик на пружинке, и оказался в вертикальном положении. Он стоял спиной к кушетке, лицом к стене, задрал руки к потолку и касаясь пола только пальцами ног. Вообще-то правильное было бы сказать не «стоял», а «висел» на слегка пружинящих под его

весом бинтах, еле-еле доставая ногами до пола. Олег попытался обернуться — безуспешно! — посмотреть вверх — безуспешно! — понять по движению фиолетовых теней на стене, что происходит позади него, — и снова не преуспел.

— Поклон! — объявили за спиной, и Гарин послушно переломился в пояснице.

Но даже из этого положения ему не удалось увидеть, кто скрывается за ним. Что-то давило на затылок, принуждая Олега вытягивать шею и держать лицо параллельно полу. Кстати, под собой он увидел не кафель, не линолеум, а ковровое покрытие. Если бы не фиолетовое освещение комнаты, покрытие, наверное, было бы салатного цвета. Гарин отчетливо видел каждую ворсинку, а если бы наклонился еще на десять сантиметров, у него бы защекотало в носу.

— Отомри! — скомандовал кто-то, и Олег вернулся в вертикальное положение. Можно сказать, «перетек», настолько его движение было плавным и рациональным. Немыслимым без управляющих его конечностями бинтов.

— Так я кукла, — сказал Гарин.

В его интонации не было вопроса, и, может быть, именно поэтому ему наконец ответили.

— Ну да. А ты думал — кто? Сын Божий?

«Голос мужской, — пытался соображать Олег. — Немолодой... кажется. Самоуверенный. Сарказма выше крыши. Что дальше-то делать? А шут его знает!»

— Если я не Иисус, — попробовал импровизировать Гарин, — значит, и ты не Господь Бог.

После паузы, достаточно долгой, чтобы Олег успел решить, что снова остался без собеседника, незнакомец ответил:

— Пока нет.

— Пока? — Гарин обрадовался — не словам, а тому, что с ним вообще разговаривают. Не выкручивают руки и ноги под невыносимыми углами, не протыкают новыми железками, а вполне дружелюбно беседуют. — То есть ты все-таки планируешь им стать?

— Не просто планирую. Я им стану.

Олег против воли улыбнулся.

— Если бы каждый раз, когда я слышу эту фразу, мне давали один сольдо...

— То что?

Гарин пожал плечами и немного приободрился, когда это простое движение не встретило сопротивления.

— То у меня бы было уже два сольдо. Как минимум.

Не дождавшись реакции собеседника, Олег спросил снова:

— Кто ты?

Молчание.

— Я тебя знаю?

То ли дыхание, то ли шелест за спиной.

— Скажи хотя бы, как мне к тебе обращаться.

И-раз, и-два, и-три, и-четыре, и-пять... Нет ответа.

— Хорошо, — сказал Гарин. — Тогда я буду звать тебя...

— Ты не будешь звать меня, идиот! — рявкнул незнакомец. — Заткнись и шагай!

— Кукловод... — пробормотал Олег, потому что слово уже вертелось на языке. — А куда шагать?

— Вперед! — проревел Кукловод, точно поднимал в атаку роту солдат.

Гарин вскрикнул от неожиданности и боли, но больше всего — от обиды, когда в буквальном смысле получил пинка под зад.

— Да ты совсем...

Развить мысль Олег не успел. Веревки, привязанные к его рукам и ногам, дернулись так, что он сначала подпрыгнул до потолка, а затем полетел прямо на стену. Гарин попытался выставить перед собой руки, но упругие бинты развели их в стороны так резко,

что у Олега что-то хрустнуло под левой лопаткой. В итоге он ударился о стену грудью, левой щекой и коленями... и снес ее. Стена обрушилась назад целиком, как будто в нее врезался не человек, а трехтонная гирия на стреле экскаватора. Не было ни грохота, ни облака пыли. Даже боли от удара не было. Гарин только зажмурился, внезапно переместившись из темного помещения на залитую солнцем улицу.

— Ого! — только и вымолвил он. — А ничего, что я голый?

— В каком месте? — насмешливо спросил Кукловод.

Он снова был совсем рядом, буквально за спиной, вот только повернуть голову никак не получалось. Зато получилось опустить. Олег посмотрел на себя. На кушетке он лежал в одних трусах. Он запомнил, это были серые боксеры с синей полоской сверху. Сейчас на Гарине была надета белая пижама: расклешенные штаны и рубаша с широкими рукавами.

— Так я даже не Буратино, — сказал он. — Я — Пьеро!

— Если будешь тормозить, станешь черепахой Тортиллой, — пригрозил Кукловод. — Шевелись. Только возьми вот это.

Голова Олега против его воли наклонилась, и он увидел стоящий на тротуаре магнитофон. Это был переносной двухкассетник с большими пристегивающимися колонками. В голливудских фильмах такие обычно носят на плече малолетние бандиты и рэперы.

— А если я откажусь? — поинтересовался Олег и немедленно упал на колени. Даже не упал, а бухнулся после небольшого подскока, как будто танцевал лезгинку.

На этот раз боль была сильной, даже слезы брызнули из глаз. Гарин, качнувшись, поднялся и посмотрел на свои ноги. Белые пижамные штаны быстро розовели на уровне колен. Гарин вдохнул сквозь зубы.

— Черт! Я же только спросил! — воскликнул он и, не дожидаясь новой команды, наклонился за магнитофоном. Удивительно, но здоровенный гвоздь, торчащий из ладони, совсем не мешал ему держаться за ручку бумбокса. — Включить эту хрень?

— Пока не надо.

— Твои методы убеждения кажутся ну очень знакомыми, — заметил Олег. — Мы раньше никогда не встречались?

— Хочешь носом асфальт вспахать? — флегматично спросил Кукловод.

— Ладно, ладно, в душу не лезу, понял, — поспешно сказал Гарин. — Куда идти?

Но ноги уже сами несли его в нужную сторону.

Машин на улице не было, но по тротуарам шагали редкие прохожие. Без автоматов и гранатометов, не в камуфляжных комбинезонах, а в деловых костюмах, платьях или шортах с футболками, с «дипломатами», пакетами или просто с банкой пива в руке. Большинство из них двигались в том же направлении, что и Олег, и не обращали на него ни малейшего внимания. Как будто человек в окровавленной пижаме, к рукам и ногам которого тянутся откуда-то сверху длинные веревки, — совершенно нормальное в этих краях явление. Кстати сказать, Гарин совсем не узнавал места, в котором оказался. Это могла быть Москва, а могла и не быть. Выстроившиеся вдоль шоссе типовые многоэтажки не позволяли идентифицировать город. Об одном можно было сказать с уверенностью. Судя по вывескам «Продукты, 24», «Мир обоев» и «Нотариус», Олег все еще был в России.

С минуту Гарин шагал молча. Если слово «шагал» вообще применимо к этому способу передвижения. Веревки задавали и направление, и темп его ходьбы. Олегу оставалось только вовремя переставлять ноги и следить за тем, чтобы не выронить тяжелый магнитофон и не свалиться самому. Впрочем, упасть ему навряд ли бы позволили.

Обогнав молодую мамашу с детской коляской — дама не удостоила его взглядом, а ребенок, кажется, улыбнулся, — Гарин решился на новый вопрос.

— Где мы, а? Это же не Москва. То есть не Зона. Или...

— Заткнись и шагай, — был ответ.

— Как будто у меня есть выбор. — Олег пожал плечами и проворчал себе под нос: — Карабас Барабас.

— Что?

— Я говорю, может, хотя бы намекнешь, куда мы идем?

— На площадь, — ответил Кукловод.

И Олег оказался на площади. Более того, он внезапно понял, что те люди, которых он встретил на улице, тоже направлялись сюда. На лицах у большинства собравшихся было написано приятное ожидание. Горожане сидели на лавочках, болтали, собравшись в группы, дети носились под ногами у взрослых и кормили семечками голубей. Кажется, с минуты на минуту должен был начаться какой-то праздник, концерт или церемония открытия важного объекта. Гарин решил, что последний вариант наиболее вероятен. В нескольких метрах перед ним располагался бетонный помост, к которому поднималась лестница из нескольких ступенек. Между перилами была натянута красная лента. Широкие ступени были накрыты по центру, но не красной ковровой дорожкой, как можно было ожидать, а какими-то ковриками из пористой резины. От возвышения вверх поднималась металлическая винтовая лестница. Куда она вела, Олег не видел, так как по-прежнему не мог поднять голову.

— Врубай музон, — скомандовал Кукловод, который, разумеется, никуда не делся.

— Вот и голос у тебя вроде бы знакомый, — задумчиво сказал Гарин. — Где же мы встречались, а? В Москве? В Припяти?

— Врубай! — повторил Кукловод, и Олег поспешил выполнить приказ, не дожидаясь очередной демонстрации силы.

Он поставил магнитофон на асфальт рядом с бордюром и нажал клавишу «Play». Первые же звуки, донесшиеся из динамиков, заставили Гарина поморщиться.

«Простые движенья, простые движенья, простые движенья...» Слова бесконечного и бессмысленного припева заполнили, казалось, всю площадь. Олег почувствовал, что все люди, собравшиеся здесь, смотрят сейчас на него, и ему захотелось провалиться сквозь землю. Или хотя бы уменьшить громкость. Но, едва он потянулся к бумбоксу, веревки заставили его выпрямиться по стойке «смирно».

— Куда? — усмехнулся за его плечом Кукловод.

— Хотел потише сделать. — Гарину пришлось повысить голос, чтобы перекричать музыку.

— Никого не волнует, что ты хотел.

— Это я уже понял. Дальше-то что? Ты нарядил меня, как Пьеро, поставил, считай что голым, перед тысячной толпой... Что теперь?

— Теперь — пляши, — сказал Кукловод.

Олег криво ухмыльнулся и спросил негромко:

— Где твоя плетка, Карабас Барабас?

Однако Кукловод его услышал.

— Ты еще не понял, идиот? Ты и есть моя плетка!

Руки Гарина поднялись к голове, локти задвигались вперед-назад. Колени тоже начали сгибаться и разгибаться в странном ритме.

— Это что, танец маленьких утят? — спросил он. — Значит, так танцевали во времена твоей молодости?

— Не умничай!

Руки Олега разошлись в стороны и изобразили «волну», которая прокатилась от левой кисти к правой и назад.

— О-о, брейк-данс! — одобрительно заметил он. — Только не заставляй меня крутиться на голове, а то я, чего доброго, увижу твое лицо.

Следующие несколько минут Гарину было не до шуток. Он то подпрыгивал на полтора метра вверх, то заплетал конечности немыслимым кренделем, то вдруг застывал, задрав ноги и упираясь в асфальт одной рукой. Собственно, он мог бы и не упираться, веревки держали хорошо. Наконец Олег замер, скрестив руки на груди и накренившись так, что Пизанская башня рядом с ним показалась бы эталоном вертикали.

Со всех сторон слышались аплодисменты. Несколько человек крикнули «Браво!». Во

взглядах зрителей читалось восхищение.

«Они не видят Кукловода! — внезапно осенило Гарина. — Не видят ни гвоздей, ни веревок! Но как такое может быть?»

«Простые движенья, простые движенья...» — никак не унимался магнитофон.

Олег снова начал танцевать, на этот раз действительно ничего сложного. Притоп, прихлоп, ногу вперед, ногу назад... Похоже, Кукловод снова вспоминал дискотеки своей молодости. Некоторое время спустя Гарин обратил внимание на трех девочек лет десяти, которые, выстроившись в линию к нему лицом, пытались повторять его движения. Вскоре к девочкам присоединились две дамы постарше, вероятно, их матери. Рядом с Олегом остановился мужчина в деловом костюме. Он поставил «дипломат» у своих ног и улыбнулся Гарину. Тот неуверенно улыбнулся в ответ. Мужчина тоже начал приплясывать, поначалу довольно неуклюже, но постепенно входя во вкус. Старушки и старики покидали скамейки, чтобы принять участие в общем веселье.

Это напоминало флешмоб. Ситуацию, когда несколько десятков, а то и сотен человек, на первый взгляд никак не связанных друг с другом, собравшись в людном месте, неожиданно начинали исполнять оперные арии, или раздеваться, или, как сейчас, танцевать. Только все действия участников флешмоба, как правило, были согласованы заранее и рассчитаны с точностью до секунд, а представление, звездой которого оказался Олег, выглядело настоящим экспромтом. Для всех, кроме него самого.

— Ну вот, — раздалось у Гарина над ухом, — простые движения отработали. Переходим к сложным.

— В смысле? — уточнил Олег, однако не получил ответа.

Общий ритм его движений не изменился, он все так же пританцовывал в духе «дискотеки восьмидесятых», но уже не на одном месте, а постепенно смещаясь в направлении бетонного крыльца. Два шага вперед, один назад, переступить с ноги на ногу и снова — два шага вперед. И вся толпа танцующих, улыбаясь и прихлопывая, смещалась следом за ним.

— Куда мы? — нервно спросил Гарин, когда его правая нога поднялась на первую ступеньку лестницы, накрытую резиновым ковриком. — Что там наверху?

— Сюрприз. — По голосу Кукловода можно было догадаться, что он улыбается.

Олег довольно грубо, но доходчиво объяснил, что он думает о подобных сюрпризах. Тем временем его руки с силой дернули за натянутую между перилами красную ленту, разорвав ее пополам. Толпа за спиной разразилась аплодисментами.

— Я не пойду! — сказал Гарин, но и сам понял, что это не в его силах. — Я не хочу! Я... Я буду орать!

— Ори, — разрешил Кукловод.

— А-а! — неуверенно крикнул Олег.

Сзади раздалось несколько ответных криков, в основном детских.

— Стойте на месте! — закричал он еще громче.

— Сто-ойте на ме-есте! — пропела толпа на непонятный Гарину мотив. На этот раз к детям присоединились несколько взрослых.

— Впереди опасность!

— Впереди опа-асность! — радостно подхватил многоголосый хор.

Олег пожалел, что не может обернуться. Если бы люди увидели его перекошенное от страха и гнева лицо, они бы все поняли.

— А ты умеешь заводить толпу, — прокомментировал Кукловод.

— Я точно знаю тебя, тварь! — прошипел Гарин.

— Не обольщайся. Не так хорошо, как я тебя.

Олег уже поднимался по винтовой лестнице и слышал, как поскрипывают металлические ступеньки под весом тех, кто идет за ним. Что ждет их всех наверху? Наверняка же ничего хорошего.

— Отпусти меня, — попросил он.

— Да кто тебя держит! — неискренне удивился Кукловод.

— Твои веревки.

— Очнись, они даже не натянуты! И потом, это твоя страховка.

Гарин посмотрел на свои руки. Действительно, привязанные к ним бинты свисали вниз.

— Почему же я не могу повернуть голову? — нашелся он.

— А это — моя страховка, — пояснил Кукловод.

— У меня что, еще один гвоздь в голове?

— Что значит «еще один»? Все гвозди у тебя в голове. Ты их выдумал.

— А кто толкает меня в спину? Мое воображение? — съязвил Олег.

— Нет. Это те, кого ты повел за собой.

— Я никого не вел!

— Это ты им расскажи, — спокойно ответил Кукловод. — Кстати, лучше бы тебе поторопиться.

Ступеньки закончились, и участники спонтанного флешмоба буквально выдавили Гарина с лестницы. Он оказался на небольшой квадратной платформе без крыши, по периметру которой шла оградка из металлических труб. В одном месте оградка прерывалась, и там с края платформы горизонтально свешивалась плоская доска длиной в два с половиной метра. Именно в этом направлении подталкивали Олега.

— Стойте! — закричал он, но, как это часто бывает с толпой, она физически не могла остановиться.

Теперь Гарин точно знал, ради какого события жители города собрались на площади. Они пришли на открытие бассейна. С высоты семиметровой вышки Олег смотрел на выложенные голубым кафелем стенки и дно. Абсолютно сухие стенки и дно.

— Там нет воды! — заорал он, срывая голос.

Но люди, похоже, не слышали его. Их сознанием завладели то ли «Простые движения», то ли какая-то новая, внутренняя мелодия. Подталкивая Гарина к краю платформы, они не переставали пританцовывать, и это казалось ему самым жутким. Чтобы хоть на мгновение остаться одному, Олег ступил на пружинящую доску и сделал два шага вперед.

— Господи, Господи... — сказал он, но снова не смог посмотреть вверх.

Доска заходила под ним ходуном, когда сразу несколько человек двинулись по ней вслед за Олегом. Он взмахнул руками, чтобы удержаться на краю, споткнулся и рухнул.

Его падение было неожиданно коротким. Гарин падал лицом вниз, вопя что-то непонятное и бессмысленно хватаясь за воздух руками и ногами, но за долю секунды до столкновения с голубым кафелем его конечности слаженно дернулись вверх, как будто сработал невидимый парашют, и Олег завис, слегка покачиваясь, в полуметре от дна бассейна.

— Я же говорил, это — твоя страховка, — сказал Кукловод, изображая обиду. — А ты: веревки, веревки...

У тех, кто шел за Гариным, такой страховки не было. В двух шагах от него упала какая-то женщина. Звук, с которым ее голова ударилась о кафель, напомнил о перезрелой тыкве. Через секунду рядом с женщиной шмякнулся ребенок. За ним последовал мужчина в костюме, которого Олег хорошо запомнил. Кажется, мужчина отделался переломами рук и ног. Глядя на Гарина снизу вверх, он все еще улыбался и что-то беззвучно напевал. «А мы неплохо повеселились», — говорил его взгляд.

— Останови их, — попросил Олег.

— Если б я мог, — вздохнул Кукловод, и на этот раз его печаль казалась искренней. — Беда в том, что я ни черта не могу без тебя.

— А я ни черта не могу без «венца»! — простонал Гарин.

— Чушь! — уверенно сказал невидимый собеседник. — Тебе не нужен «венец». И никогда не был нужен.

— О чем ты... О чем ты говоришь?

Олег зажмурился, когда брызги чужой крови окропили его лицо, и взмолился о том,

чтобы оказаться где угодно, лишь бы не здесь.

— Чуть не уронили, пока доперли, — произнес над ухом хриловатый голос. — Тяжелый, зараза, как... Я извиняюсь.

— Все люди тяжелые, когда спят или находятся без сознания. Где вы его нашли?

Гарин насторожился. Спрашивал, несомненно, Кукловод. Но и второй голос показался Олегу знакомым.

— Там, где вы и сказали.

Точно! Теперь Гарин был уверен, что слышит Гешу, шестерку Скутера.

— Понятно, — сказал Кукловод. — А на лицо ему зачем брызгали?

— Так... проверить. Вдруг он уже того... — Голос Геша стал еще ближе. — Смотрите, как зенками шевелит. Как бы не проснулся. Надо бы его снова...

— Не учи ученого. Лучше шторы задерни.

— Зачем? — не понял Геша. — А-а! Чтоб он башню не увидел?

Кукловод досадливо вздохнул.

— Идиот! — сказал он. — Твой язык доведет тебя до могилы.

Следующий его вздох прозвучал совсем рядом с Гариным.

— Ну а ты что же, гонщик? Опять вздумал в догонялки поиграть? Чуть из города не ушел. Зачем?

Что-то мягкое легло на лицо Олега. Он вдохнул запах тоски и больничных коридоров и уплыл куда-то далеко-далеко.

Глава девятнадцатая

Гарин проснулся от того, что Столяров слишком сильно принял влево, объезжая на дороге какое-то препятствие. Олег стукнулся головой о бронированное стекло инкассаторского «фольксвагена» и часто-часто заморгал.

— Извини, — буркнул Михаил.

— Нормально. — Олег протер глаза, но, кроме слабо мерцавшей приборной панели, ничего не увидел.

В кабине свет не горел, на улице стояла кромешная тьма. Полковник ехал с выключенными фарами.

— Что снилось? — спросил он с доброй усмешкой.

— Да ерунда всякая... — Олег неистово зевнул. — Когда меня вырубило? Я даже не заметил, — пожаловался он. — Хотя... Нет!

Гарин подпрыгнул на месте, Михаил вздрогнул.

— Снилось! — горячо воскликнул Олег. — Когда я уходил пешком... ну, уходил из Зоны... — Он смутился. — В общем, когда я упал на улице...

— Когда тебя Геша на базу привез, — поддержал Михаил. — Ну и?..

— Я вспомнил, что мне тогда снилось. Я увидел это абсолютно четко.

— В смысле, ты увидел сон, который тебе уже снился? По-моему, это нормально. Такое со всеми бывает.

— Нет-нет! Я не увидел, я просто вспомнил!

— Уснул и вспомнил позапрошлый сон? Занятно...

— Только не надо делать из меня психопата! — возмутился Олег. При этом в горле у него что-то непроизвольно булькнуло, и он сорвался на визг, а потом закашлялся. — Все гораздо серьезней, — с трудом проговорил Гарин.

— Выкладывай, — сказал Михаил.

Полковник выслушал историю молча, ни разу не перебив.

— Это все? — спросил он, когда Олег закончил.

Гарин кивнул.

— Да, негусто, — заключил Столяров. — И ты не понял, кто был этим Кукловодом?

— Пока нет.

— А о какой башне шла речь?

— Без понятия.

Михаил нахмурился.

— Башня, башня... — повторил он. — Первым делом, конечно, на ум приходит телебашня в Останкино... Ничего не екает?

Гарин опустил глаза.

Столяров вздохнул:

— Да, это было бы слишком удачно... Боюсь, в Москве найдутся десятки объектов, которые можно назвать башней. Это тебе не «Мальвина».

Олег отрешенно уставился в окно. Машина ехала где-то в районе «Академической», значит, спал он не так уж и долго, считанные минуты. И в эти минуты удивительным образом уложилось то, что он пересказывал полчаса, — а сколько времени это придется обдумывать, и вовсе неизвестно...

Мрак за окном казался непроглядным, но это было лишь первое впечатление. Отсветы скупых московских звезд красили дома в темно-серый, кое-где на стенах гуляли блики маленьких костров. Город все еще жил — странной, больной жизнью Зоны. Город продолжал дышать, пока в нем оставался хоть один человек. С этой истиной Олег столкнулся еще в Припяти, и здесь она лишь подтверждалась.

— Какие у нас перспективы? — нарушил молчание Столяров. — Либо обыскать все одноподъездные высотки, а также все магазины, клубы и рестораны, в названиях которых есть слово «башня»...

— Либо? — поторопил его Олег.

— Либо найти в большом городе одного маленького подполковника запаса.

— Я бы начал с Кенса, — кивнул Гарин. — Он по крайней мере конкретный.

— Ну тогда начинай! — Михаил привычным уже движением постучал себя по лбу.

— Так не получится. Твоего Кенса я никогда не видел. Я могу пройти в метре от него и не понять, что это он.

— А если я добуду его фотографию? — оживился Столяров. — Хотя... это не просто и уж тем более не быстро.

— Я тебе не гадалка, — сморщился Гарин. — Фотографии, волосы, грязные носки — все это не канает.

— Хорошо, мы пойдем другим путем, — ответил Михаил, включая фары и сворачивая с Профсоюзной на улицу Бутлерова.

В здание института бандиты их впустили без пререканий, лишь отобрали на входе оружие, но — как у своих, а не как у противника. «Колокольчик», который Столяров нес небрежно, словно шутовской колпак, поднимал его авторитет до небес.

Возле лифтов никто уже не висел, экзекуция была окончена. Гарин поводил фонариком — свежие следы крови отсутствовали. Лентяй с пулеметом переместился из кабинета секретаря на лестничную площадку — то ли по ночному расписанию караула, то ли просто от нечего делать.

Скутер был на месте.

— Ты знал, что там территория Кенса? — с порога выпалил Столяров и бросил «колокольчик» на стол, растрюбом к главарию.

— Кенса?.. — переспросил Скутер, хотя ни капли при этом не удивился.

— Ты отправил нас на чужую территорию и даже не предупредил!

— Чужая территория? — снова повторил бандит, разыгрывая недоумение. — А что, Гриша Кенс уже приватизировал посольство США? Неужели и свидетельство о собственности имеется?

— Что ты, сука, гонишь!

Михаил перегнулся через стол, чтобы схватить бандита за грудки, но тот вместе с креслом изящно откатился назад. Столяров угрожающе подвинул «колокольчик», но особого впечатления на главаря это не произвело.

В надежде, что Скутер хоть немного нервничает, Олег снова попробовал мягко прощупать его пси-поле. Заранее они с Михаилом об этом не договаривались, но полковник будто специально выводил бандита на эмоции, и Олег не мог упустить такой возможности. Однако чем громче Столяров матерился, тем плотнее становилась защита Скутера, как будто кто-то всесильный укутывал главаря ватным одеялом. В этом, бесспорно, был чей-то умысел.

После нескольких безуспешных попыток Гарин сдался.

— Другой за такие речи уже висел бы на крюке, — промурлыкал бандит, — но ради тебя, бывалый сталкер, я готов стерпеть. На первый раз, — он погрозил сухим, как веточка, пальцем. — Первый и последний.

Главарь подкатился обратно к столу и, любовно взяв в руки «колокольчик», осмотрел его со всех сторон.

— Хороший, — оценил он. — И не зеленый, и не переросток. В самый раз.

— Бывают и переростки? — равнодушно осведомился Михаил.

— Ну да, если вовремя от пуповины не отделить, может во-от такой лопух вымахать, как туба из пожарного оркестра.

— Пуповина?.. — озадаченно повторил Столяров, словно заразился от Скутера привычкой все переспрашивать.

— Сам ты за «колокольчиком» не лазил, — констатировал главарь.

— Как видишь, я до сих пор не превратился в мешок с требухой, — резонно заметил Михаил.

— А как же вы его добыли?

— Грохнули людей Кенса.

— Всех?

— Зачем всех... Двоих. Третий сам околел, когда из аномалии вылез, — сказал Столяров. — Я думаю, у Кенса еще кто-нибудь остался?

— У Кенса много народу, — деловито сообщил бандит. — И они наверняка уже вас ищут.

— А что же ты хотел? Как еще мы могли добыть «колокольчик»?

— Я?.. — Скутер удивленно улыбнулся. — Что я хотел? Проверить, годитесь ли вы для серьезной работы.

— Ну и как? Ты доволен?

— Результат мне нравится. Хотя вряд ли он понравится Кенсу... Но бояться вам нечего, ведь вы под моей защитой, мужики.

Скутер слегка приподнялся в кресле с явным намерением похлопать полковника по плечу, но тот выпрямил спину. Главарю пришлось встать, но Столяров отклонился назад. Так и не дотянувшись через стол, Скутер замер в неловкой позе с вытянутой рукой, точно самодетельный актер, играющий Гитлера.

— Да, и, конечно, деньги! — спохватился главарь.

Он выдвинул ящик стола и щедрым жестом бросил перед собой светло-коричневую банковскую упаковку.

— Это двадцать тысяч евро, — не глядя, сказал Михаил. — Мы договаривались на сто.

— Остальное получите, когда переправим артефакт за Периметр. Он ведь может и не доехать. Почему я должен рисковать в одиночку?

— Потому что ты обещал сотку. Сразу. Или в два раза больше, если мы дождемся, когда ты его продашь.

— Условия изменились, дружище, — вальяжно проговорил Скутер.

— Серьезно? И как это они успели-то за несколько часов?

— Теперь у меня могут быть неприятности с Кенсом. Из-за вас, — подчеркнул главарь. — Гриша страшный человек.

— А неприятности с нами тебя не пугают?

— Не настолько, — заверил Скутер. — Лентяй! — позвал он. — Лентяй, черт тебя

дери!

— Обойдемся без конвоя, — процедил Столяров, сгребая со стола деньги. — Где у тебя на ночлег устроиться можно?

— На втором этаже полно кабинетов с койками. Заночевать на работе тут раньше считалось хорошим тоном.

— Теперь это необходимость, — кивнул Михаил, словно с чем-то согласился, и вышел из помещения.

Навстречу по коридору пробежал Лентяй с пулеметом, что выглядело довольно комично.

— Не зевай, охрана! — бросил ему вслед полковник. — Давно бы твоего шефа зарезали. Если бы хотели.

Бандит на ходу обернулся вместе с РПК, и его слегка занесло в сторону.

— Все в порядке! — объявил Гарин, подняв ладонь. — Князь Мира всегда прикроет тебе спину, сынок!

— Что еще за ересь?.. — пробормотал Столяров.

— Так, вырвалось... Просто обидно.

— Держи, — Михаил вручил Олегу пачку денег. — Пока так. Но будет больше.

— Да я не об этом. Он нами играет, как детьми, вот что неприятно. Я про Скутера, — пояснил Гарин.

— Понял, понял.

— Как раз в тот момент, когда нам понадобился Кенс, Скутер сделал так, чтобы мы стали его врагами. Возможны такие совпадения?

— Не знаю... Видеть во всем скрытый смысл — тоже нездоровая привычка.

— Нам действительно нужно его бояться? Что он за человек, этот Гриша Кенс?

— Обыкновенный, — вздохнул Михаил. — Мы с ним не были ни друзьями, ни приятелями.

— Но он передал тебе ключи от своего склада с тайником.

— Это выглядело как большое одолжение.

— А на самом деле ему нужно было нас проконтролировать.

— Это более чем логично, если он связан с кражей документов. А Гриша связан, — уверенно добавил Столяров. — Вот таких совпадений уж точно не бывает.

— Подполковник СБУ... — промолвил Олег. — Торгует сардинами, потом становится лидером группировки в Зоне, а теперь, как оказалось, еще и пси-оружием занимается... Нормальная такая карьера.

— К сожалению, бывает. И пси-оружие в этом ряду выглядит привлекательней, чем рыба.

Гарин с Михаилом спустились этажом ниже и остановились в коридоре. Столяров повел фонариком влево, затем вправо. В обе стороны уходили длинные проходы с рядами одинаковых дверей, не таких богатых, как наверху.

Михаил наугад подергал первую ручку, потом перешел к соседней двери, но и та была заперта. И следующая — тоже. Он дошел до конца коридора, прежде чем наткнулся на открытый кабинет.

— Ну и барда-ак...

Чертежные доски, столы с мониторами, старые казенные шкафы — все было сдвинуто к одной стене жестко и безжалостно. Сотрудники института такого вандализма себе позволить не смогли бы, это сделали уже новые, пришедшие люди в попытке расширить жизненное пространство.

На окнах висела светомаскировка, что выглядело вполне разумно. Столяров поднял фонарик и высветил нелепый воздуховод под потолком. Больше в комнате смотреть было не на что.

У свободной стены стояли четыре кровати с ветхими армейскими одеялами.

— Блох не наловим? — озабоченно спросил Гарин.

— Пусть это будет самой большой нашей проблемой.

Михаил улегся поверх одеяла и положил руку под голову — не для удобства, а просто чтобы не касаться прелого белья.

— Пожрать бы... — мечтательно произнес Олег.

— Перед сном наедаться вредно, талия пропадет. Я вот что думаю... — Столяров помолчал, собираясь с мыслями. — Документы из архива выкрали уже после того, как Кенс уволился из СБУ. Но мимо него они, конечно, не прошли. А возможно, он и был заказчиком. Или отчеты предназначались для кого-то другого, а он только передал... Это сейчас не важно. Важно вот что: перед тем как Москва превратилась в Зону, Кенс бывал то здесь, то в Киеве. Постоянно туда-сюда мотался. И он мог легко провезти копии документов, даже флешку в задницу пихать не пришлось бы. И вот, вместо того чтобы прихватить документы с собой, он мутит какой-то шпионский детектив с аттачем к неотправленному письму... Странно? Странно, — ответил сам себе полковник. — Значит, задача перед ним стояла не передать секреты за границу, а... привлечь внимание, — скорбно закончил Михаил.

Он выключил фонарик и продолжал рассуждать в полной темноте.

— Выходит, вся эта история — обычная замануха. Незамысловатая, м-да... А если учесть, что ключ от своего офиса он отдал мне лично в руки, то спрашивать, кого сюда заманивали, даже как-то и неловко... Вот осел! И на кой хрен я ему, интересно, сдался? Только проблем лишних подкинул. Людей из банды его положили... А Скутер! — вскинулся Михаил. — Его тоже нельзя вычеркивать. Он ведь нас с самого начала на твоей базе пас. И с Кенсом он знаком, и опять же: ну не может быть это простым совпадением, не может! Все, блин, завязано вокруг нас... и как туго-то, черт... Даже Шумер! — возмутился Столяров. — Какой-то сраный мародер, которого мы случайно встретили в городе... Тоже имел отношение к Кенсу и, значит, тоже попался нам не случайно! Это прям какое-то индийское кино, тебе не кажется? А, Олег? По-моему, за нами в Зоне только слепые не присматривают... так они небось подслушивают. Да, что-то я разорался, — заметил Михаил и перешел на шепот: — Так и психопатом стать можно! Что скажешь, Олег? А?

Не дождавшись ответа, Столяров кликнул фонариком и увидел, что товарищ давно спит, закопав лицо в грязное одеяло.

— Достал я тебя, брат, — грустно проговорил полковник. — Ну, отдохни, отдохни.

Он шмыгнул носом, сменил руку под головой и уже через минуту огласил кабинет львиным храпом.

Глава двадцатая

Штатной сиреной в институте служил корабельный ревун, установленный где-то на чердаке. Сначала Олегу подумалось, что это орет «колокольчик», потом он сообразил, что инфразвук услышать невозможно, потом наконец проснулся.

Столяров сидел на соседней кровати и, тяжело отдуваясь спросонья, растирал руками лицо.

— Похоже на «общий сбор», — вяло проговорил он.

— Нас это тоже касается? — спросил Гарин с плохо скрываемой надеждой на отрицательный ответ.

— Скорее всего, — буркнул Михаил. — Пошли.

Лестница была пуста, но снизу доносилась дробь бегущих ног и чьи-то зычные окрики.

— Надо пришпорить, — сказал Столяров, ускоряя шаг. — Вдруг это построение на завтрак?

— Армейский юмор по утрам не воспринимаю, — проворчал Олег.

На первом этаже из кожаных наручников вынимали знакомого бойца по кличке Рыба. За ночь он успел и провиниться, и попасть под амнистию из-за тревоги.

Мозоль встретил Гарина и Михаила без всякого удивления.

— Стволы ваши вон там. — Он показал в дальний угол холла. — Берите и занимайте

оборону... где-нибудь здесь.

— Нам бы еще рожков, — обронил полковник.

— Да это не понадобится, — отмахнулся бандит. — Ну, можете взять по одной штуке. Там найдете.

В темном углу за колонной действительно оказались автоматы, и не два, а целая горка — с десятков одинаковых АКСУ в одинаково хорошем состоянии. Столяров и Олег, не разбираясь, прихватили по стволу и по паре снаряженных рожков из зеленого ящика.

Бойцы, человек пятнадцать, занимали круговую оборону: кто-то устроился за перевернутой набок банкеткой, кто-то присел за массивным креслом, некоторые просто улеглись на полу перед высокими, во всю стену, окнами. Смысла в этой деятельности было не много, она напоминала скорее ритуал, чем реальную подготовку к отражению атаки. Гарин вопросительно взглянул на товарища, и тот, еще раз осмотревшись, указал на кадку с засохшим фикусом, за которой они вполне могли разместиться вдвоем.

— Парочка гранат, и от всей этой обороны ничего не останется. Поэтому кресло или горшок — роли не играет, — прокомментировал свой выбор Столяров.

Через несколько минут к зданию института подкатили два БТР. Олег хотел что-то сказать по этому поводу, но не решился, лишь тревожно покашлял. Бронетранспортеры чинно остановились у тротуара и дальше не поперли, хотя вряд ли им что-то могло бы помешать. Инкассаторский «фольксваген» рядом с ними выглядел так, будто его сняли с детской карусели.

Из первого БТР выгрузились полдюжины вооруженных мужиков, все как один были в больших солнцезащитных очках.

— Техасские рейнджеры, мля... — не сдержался Михаил.

Из второй машины после царственной паузы показался тот, ради кого все это, очевидно, и затевалось. С брони довольно ловко спрыгнул человек лет пятидесяти с шикарными пышными усами. Впрочем, выделяло его не это. Гость был одет в белоснежный, идеально выглаженный костюм и такую же ослепительно-белую широкополую шляпу.

— Коня белого не хватает, — вякнул Олег.

— Коня они еще на той неделе съели, — хмыкнул устроившийся неподалеку Рыба.

— Это и есть Кенс? — спросил Гарин у Михаила.

— Не будь кретином, Олег. Если бы это был он, я бы тебе сказал.

— Кенс так не приезжает, — снова подал голос Рыба. — Это Робинзон весь на понтах, а Кенс по-свойски, на «роллс-ройсе». У него серебристый «Фантом». И он оставляет тачку на перекрестке, чтобы на нашей улочке ее не поцарапать.

— Так, значит, попугая в белой шапке зовут Робинзон, — уточнил Столяров.

— Попугай в шапке весь север Зоны держит, — с укором произнес Рыба. — И за такие слова может почихать на раз.

— Но ты его не очень-то любишь, верно?

— Да его мама родная не любит. За что его любить-то? Такого... хы-ы... попугая в шапке.

— А Кенс, ты говоришь, бросает машину и идет два квартала пешком? — продолжал интересоваться Михаил.

— Ну а что в этом такого? — не понял боец. — У нас на районе порядок, сам знаешь.

Столяров удовлетворенно покивал и, пихнув Олега локтем, энергично подвигал бровями. Гарин в подсказках не нуждался, он уже и сам начал прощупывать пси-поле Рыбы, правда, результатами похвастать не мог. Мысли в голове у молодого бойца ворочались тяжело и медленно, как валуны в колымской драге.

Человек, подобравший Рыбе эту кличку, вряд ли представлял, насколько он окажется прав. Бандит мог думать только о том, что видел перед собой. Видеть же он предпочитал немного — лишь то, что входило в круг его интересов. Ну а круг этот замыкался на том, что находилось в пределах досягаемости. Таким образом, пройдя несколько витков этой рекурсивной воронки, интеллект бандита постепенно истощился до рыбьего. Он хотел есть,

когда рядом была еда, и желал женщину, когда ему в руки попадался журнал «Пентхаус». В остальное время его ум был свободен, как птица.

— С ним нужно разговаривать, — шепнул Олег.

Михаил, поняв товарища с полуслова, немедленно возобновил беседу:

— Если Робинзон держит север, то где же территория Кенса? В центре города?

— В центре вообще вилы, — поделился Рыба. — Там каждый день власть меняется. Кто где — не разберешь. А Кенс... у него вроде и нету никакой территории. Я не знаю...

Гарин открыл глаза и, повернувшись к Столярову, молча подтвердил: ни черта он не знает, этот Рыба.

Тем временем «рыцарь в белом» вальяжно закурил возле БТР и, улыбнувшись, сунул руки в карманы. Робинзон кого-то демонстративно ожидал, но бойцы в холле реагировали на это спокойно. Вероятно, подобные визиты им были не в новинку.

Сзади раздалось цоканье неразношенных ботинок: от лестницы к стеклянным дверям шествовал Скутер. Главарь тоже преобразился соответственно случаю: накинул легкое пальто из кашемира и алое шелковое кашне. Редкую паклю волос он набриллинил так, что лоснились уши.

— Солидно! — оценил Рыба. — А что вы хотели? Положение обязывает.

Скутер не спеша вышел на улицу и направился к гостю. Робинзон сделал пару шагов навстречу, но тоже неторопливых. Протокол встречи оба соблюдали так, словно были как минимум принцами. Сдержанно пожав руки, два главаря повели светскую беседу, но в холле их разговор был не слышен.

Гарин с тоской огляделся, примериваясь, за кого бы зацепиться. В нескольких метрах справа, возле такой же деревянной кадки, лежал Лентяй с пулеметом. Олег не хотел с ним связываться, поскольку уже имел печальный опыт, но других кандидатур поблизости не было, и Гарин почти неосознанно влез в трясину его раздумий.

Бывший водитель автобуса любил на досуге порассуждать о своей избранности. А поскольку свободного времени у него было много, Лентяй продвинулся в этих исканиях так далеко, что вернуться обратно уже не представлялось возможным. Эта идея захватила его целиком. Когда начальство парка сажало его на маршрут «ббб», могло ли оно предполагать, чем это для него закончится? Вряд ли, ведь, кроме Лентяя, на том проклятом маршруте никто не пострадал. Да и сам Лентяй пострадал не сильно. В принципе он был совершенно нормальным человеком. Хотя с другой стороны — абсолютно безумным.

Гарин поймал себя на том, что занимается не своим делом. Ставить Лентяю диагноз его никто не просил. Однако Олег не мог не почувствовать, насколько бандит взволнован — еще со вчерашнего вечера. Шутливое упоминание одного из имен Дьявола ввергло пулеметчика в новый водоворот тяжелых размышлений о своем месте в истории человечества. Место это, по всем раскладам, выходило самое козырное, центровое. С «венцом» Олег мог бы выбить всю эту дурь из его башки одним ударом, но... кроме этой дури, там мало что оставалось. Превращать Лентяя — человека безнадежно запутавшегося, но продолжавшего худо-бедно мыслить, — в подобие пустоголовой рыбы Гарин не посмел бы. Да и задачи такой перед ним не стояло.

Осторожно коснувшись чужого сознания, Олег попытался вспомнить — или, точнее, вообразить — какую-нибудь башню. Что-нибудь похожее на башню. Что-нибудь такое, что люди могли бы называть башней. Что-нибудь, черт возьми, имеющее хоть какое-то отношение к башням...

«Меня возбуждает башенный кран, я безнадежный эротоман», — вернул ответ нездоровый рассудок бандита.

«И это все? — не поверил Гарин. — Больше ничего башенного в твоей жизни не было?»

«Только безбашенное».

Чувство юмора и самоиронии были присущи Лентяю даже на подсознательном уровне, но Олега это открытие не воодушевило.

«Гриша Кенс. О чем тебе говорит это имя?»

«О-о!.. Мутный перец. Подозреваю, что он из бывших службистов».

«Отлично. Мы на верном пути. Дальше. Что связано с Кенсом?»

«Мутный, мутный. Мутный перец. Вдвойне мутный».

«Почему вдвойне?»

«Непонятно, зачем он в Зоне. И на какие деньги живет его отряд».

«Разве они не добывают артефакты?»

«Кенс отдает их по дешевке».

«Отдает артефакты Скутеру?»

«Ну а кому же еще... Скутер много не заплатит. Любит деньги. Кенс всегда в убытке. Даже не торгуется. Мутный».

«Скутер устанавливает цену, значит, он главный? Кенс под Скутером?»

«Мутный, — эхом повторилось в сознании пулеметчика. — Но не под Скутером. Денег вагон. Не знаю, откуда. Кенс щелкает пальцами — Скутер выполняет».

«Значит, это Скутер под Кенсом?»

«Нет, нет. Какой примитивный вопрос. Никто ни под кем. Союзники. Два барыги. Но Скутер ясный, а Кенс мутный. Кенс приносит артефакты, Скутер платит. Мало. Кенс дает задания и платит. Много. Скутер выполняет».

«Что выполняет?»

Гарину показалось, что он наконец-то ухватил нужную ниточку, но добиться от Лентя толка было не очень просто.

«Что выполняет Скутер?» — мысленно повторил Олег.

— Отбой, парни! — Главарь, появившись в дверях, хлопнул в ладоши.

Лентяй вздрогнул и вышел из транса. Два бронетранспортера за окном отъезжали к Профсоюзной. Похоже, переговоры закончились успешно.

— Лентяй, ты задремал, что ли? За мной! — скомандовал Скутер, направляясь к лестнице и снимая по пути пальто.

Пулеметчик взвалил РПК на плечо и поплелся за главарем.

«Стой! — приказал Гарин. — Ты всегда мотаешься за Скутером. Он бывал у Кенса?»

«Часто ездит. Уже надоело».

«Куда?! Куда ездит Скутер?»

«К сетке», — без промедления отозвался Лентяй.

«К какой еще сетке?»

«Крученая сетка. Здесь недалеко».

«Ты видел ее много раз. Вспомни. Покажи».

Лентяй моргнул, и на внутренней стороне его век возникло исчезающее негативное изображение. При этом бандит споткнулся, чуть не потерял равновесие и с ужасом посмотрел на Гарина.

«Все будет хорошо, — пообещал Олег. — Князь Мира бережет тебя, помни об этом. Остальное забудь. И ни о чем не беспокойся, брат».

Гарин дождался, когда Рыба покинет свою лежку рядом с фикусом, и сел на полу.

— Чем порадуешь? — вполголоса спросил Столяров. — Я гляжу, оптимизма не прибавилось?

— Этот идиот называет ее «крученой сеткой». Можешь себе представить?

— Могу, — невпопад сказал Михаил. — Какой идиот?

— Лентяй. — Олег осторожно помассировал виски. — «Крученая сетка»... С ума сойти. Он даже не знает, что это такое.

— А что это?

— Шуховская телебашня на Шаболовке.

— О-па, — восторженно вымолвил Столяров. — Вот и башенка нарисовалась!

— Где-то поблизости от нее обитает Гриша Кенс.

Михаил тихонько присвистнул:

— Два сюрприза по цене одного?

— Оба бесплатно, — улыбнулся Гарин. — Искусство получать ответы зависит от умения задавать вопросы. Хотя кому я это объясняю...

— Ответы были у нас под боком, и уже давно, — согласился полковник. — Но мы не могли этого знать.

— О том и речь. Однако все равно обидно.

— Да-а... — протянул Михаил. — Если путь слишком длинный, значит, ты ходишь по кругу.

— Глубокая мысль, — оценил Гарин. — И главное, своевременная.

Столяров поднялся, отряхнул одежду и задумчиво посмотрел на свой автомат.

— Четыре рожка на двоих... Маловато, — прикинул он. — Надо бы еще хоть парочку.

— Да там в ящике полно этого добра. А ты, никак, прогуляться собрался? — догадался Олег. — Случайно не в сторону Шаболовки?

— Именно, — подтвердил полковник и произнес словно пароль: — Сто тринадцать, сто шестьдесят два, Москва, Шаболовка, тридцать семь, передача «Будильник».

— Чего? — напрягся Гарин.

— Ничего. С детства мечтал посетить это место. Так что собирайся.

— Вот так сразу?

— А чего тянуть? Не знаю, как тебе, а мне осточертело ходить по кругу.

— Ну, надо же как-то подготовиться.

— Ты прав.

Михаил отошел за колонну, чем-то там погромел и вернулся через минуту, удовлетворенный, с явно отяжелевшими карманами.

— Вот теперь порядок... — бодро доложил он.

— Вообще-то я имел в виду в другом смысле подготовиться, — неуверенно заметил Олег.

Столяров вздохнул и остановился рядом с товарищем.

— Да понимаю я, что в другом смысле, — сказал полковник. — Только как ты тут подготовишься? Мозжечок подкачаешь? Это как перед прыжком с парашютом: чем дольше решаешься, тем страшнее прыгать. А вот если сразу, без раскачки, тогда...

— Что тогда? — спросил Гарин.

— Тогда — пошел! — рявкнул Михаил и хищно оскалился.

И Олег пошел. Практически побежал.

Мозоль встретил их у дверей. Попытался перегородить дорогу, но Столяров легко и не обидно оттеснил его плечом.

— Э-э! Куда? — опешил бандит.

— Да мы быстро, — не оборачиваясь, отозвался полковник.

Олег выразительно подвигал глазами и юркнул за ним.

— Куда намылились? — повторил свой вопрос Мозоль. — С вами Скутер хотел поговорить.

— Поговорит, — пообещал Михаил и толкнул входную дверь.

— Мы только до машины и обратно, — зачем-то соврал Гарин. — Вещи у нас там.

— Какие на... — Конец фразы обрубил захлопнувшаяся дверь.

Возле припаркованной на обочине инкассаторской машины Столяров остановился и недовольно цокнул языком.

— Что такое? — спросил подошедший следом Олег. — Вороны капот обгадили?

— Тут такие вороны, что... — Полковник не договорил. — Да нет, это уроды какие-то. Думают, раз они в танке, значит, им все можно. Главное, все четыре полосы свободны, нет же, обязательно надо притереться! — Он указал по свежую царапину на боку «фольксвагена». — Видишь?

— Да чего ты так переживаешь? — удивился Гарин. — Не твоя же машина, за ремонт платить не придется.

— Не моя, — вздохнул Михаил. — Все равно неприятно. Специально же чиркнули своим бэтээром, чтобы показать, у кого броня мощнее. И чего только приезжали? О чем терли?

— Ты про Робинзона и компанию? Черт его знает, — пожал плечами Олег.

— Вот-вот. — Столяров в задумчивости провел рукой по царاپине, как будто надеялся, что она исчезнет от простого поглаживания, и сменил тему: — Ладно. По коням!

Он забрался в кабину, Гарин занял место штурмана и пристегнул ремень безопасности. С таким отчаянным водителем, как Михаил, никакая предосторожность не казалась излишней.

— Значит, сейчас по Профсоюзной, оттуда на Ленинский, — сказал Олег. — Все как вчера.

— Как вчера не хотелось бы, — мрачно изрек полковник, поворачивая ключ в замке зажигания. — Знаешь дорогу, которая идет в объезд площади Гагарина?

— Знаю, конечно. А что ты имеешь против Гагарина?

Михаил плавно вырулил на середину проезжей части и утопил педаль газа.

— Да что-то охладел я после вчерашнего и к Гагарину, и ко всей советской космонавтике, — признался он.

Олег вспомнил, как кубарем катился по асфальту, отбивая локти и колени и прижимая к груди бессмысленное оружие с боеприпасами. У него по спине пробежали мурашки, а ссадины на теле заныли, словно разбуженные воспоминанием.

— И сейчас нам примерно в то же место, — заметил Гарин, — где вчера нас ждала засада. И где концентрация пси-поля максимальна.

— И куда нас, якобы без задней мысли, отправил Скутер, — подытожил полковник, по широкой дуге выезжая на Профсоюзную. — Поговорить он с нами хотел, клоун плешиный. Нет уж, это нам с ним пора поговорить. По-взрослому. Но сперва — башня. Кстати, какая она?

— В смысле? — не понял Гарин.

— Ну, красивая?

— Красивая. До Эйфелевой ей, конечно, далеко, но тоже ничего, — ответил Олег и на всякий случай уточнил: — Судя по картинкам.

— Красивая, — мечтательно повторил Столяров. — А чего по картинкам? Сам, что ли, не видел?

Гарин задумался ненадолго, потом растерянно помотал головой.

— Нет. Останкинскую — сто раз, а Шуховскую... Не знаю, то ли ни разу в нужном месте не оказывался, то ли просто внимания не обращал.

— Значит, вместе посмотрим. Если повезет.

На это Олег не нашелся, что ответить.

Вскоре после того, как проехали Академическую, он тронул Михаила за плечо.

— Если не хочешь встречаться с Гагариным, то сейчас направо.

— Совсем не хочу, — подтвердил Михаил и, объехав навечно остановившийся трамвай, свернул с проспекта.

— Тогда едем по Вавилова до упора, потом по Орджоникидзе и съезжаем прямо... — Гарин неожиданно замолчал на несколько секунд и закончил упавшим голосом: — На Шаболовку.

— Что такое? — Столяров внимательно посмотрел на товарища.

Тот сидел, уставившись на свои колени, и массировал виски указательными пальцами. Три раза в одну сторону и три раза в другую. И так без конца. Полковнику уже приходилось заставлять Гарина за этим занятием. Обычно ничем хорошим это не заканчивалось.

— Опять голова? — участливо спросил Михаил.

— Что ты сказал? — Олег поднял на спутника непонимающий взгляд.

— Голова, говорю, болит? — чуть громче повторил Столяров.

— Нет, до этого?

— До этого?.. — полковник задумчиво пожевал губу. — Вроде ничего.

— Мне показалось... — Гарин зажмурился. Его пальцы энергично разминали виски, от чего на лбу у Олега то появлялись, то разглаживались морщины. — Мне показалось, что ты сказал — жрать.

— Не говорил. Хотя пожрать бы не помешало. Чем поднимать нас по тревоге, лучше б завтраком...

— Жра-ать! — протянул Гарин, беспомощно озираясь. Он посмотрел в боковое зеркало, заглянул в «бардачок», обернулся и зачем-то отодвинул шторку на крохотном окошке, ведущем в кузов.

— Еду ищешь?

— Нет. — Олег мотнул головой. — Кто это говорит?

— Что говорит? Жрать?

— Ты тоже это слышишь? — вскинулся Гарин.

— Только от тебя. Уже два раза.

— Жра-а-а-ать, — с невыразимой тоской простонал Олег. На его глазах выступили слезы. — Кто же это, черти зеленые! — Трясущимися руками он достал «венец» и надел на голову, как пенсионерка надевает очки — чтобы лучше видеть. И закричал, прижимая ладони к вискам: — Жра-а-а-а-ать!

— Так ведь нет ничего, — растерянно ответил Столяров. Как назло, на этом участке дороги было особенно много брошенных машин, и для того, чтобы лавировать между ними, полковнику требовалось все его внимание. — Что с тобой, Олежка?

— Бабу бы, — отчетливо произнес Гарин непривычно низким голосом.

— Что? — от неожиданности Михаил недокрутил руль, и инкассаторский броневилок чиркнул левым боком по тупой морде припаркованных поперек шоссе «жигулей».

— Бабу бы, — повторил Олег и осклабился. — Хоть живую, хоть... Лишь бы из мяса. От этих резиновых только раздражение на коже и срам на душе.

— Охотно верю. — В голосе Столярова появилась особая вкрадчивость, характерная для медицинских работников, имеющих дело с сумасшедшими. Странное поведение товарища все сильнее беспокоило полковника. — Живая-то всегда лучше.

— Все ложь! — заявил Гарин, и горечь разочарования в его голосе была искренней. А вот сам голос казался чужим. — Регенерация невозможна! Никто не вернет нам ноги, Коля умер зря. Я видел Двуногого Санчо без обуви. У него перепонки на второй ноге. Она даже другого цвета! Не знаю, где он ее взял, но не вырастил, это точно. Все разговоры о вытяжке — бред сивой кобылы!

— Бред, — согласился Михаил.

В этом месте проезжая часть была посвободней, и он улучил момент, чтобы посмотреть на спутника. Увиденное не обрадовало полковника. Олег сидел, не отводя взгляда от маленькой елочки, которая раскачивалась из стороны в сторону под лобовым стеклом, но в глазах его отражалась не зеленая безделушка с ароматом хвои, а какая-то запредельная даль. Гарин обеими руками держался за «венец» и как будто пытался натянуть его еще глубже, хотя артефакт и так уже доставал ему до ушей.

— Все, с меня хватит, — объявил Столяров. — Я останавливаюсь.

— Не смей! Ты охренел? Гони!

Олег обернулся к нему, и Михаилу показалось, что к приятелю наконец вернулся здравый смысл. По крайней мере эту интонацию полковник знал хорошо и называл про себя «У Гарина истерика». От сердца немного отлегло. «Товарищ, который психует» — все-таки лучше, чем «товарищ, который псих».

— Куда гнать?

— Куда угодно! Только здесь не останавливайся! Видишь, сколько болотных огоньков?

Столяров проследил за направлением взгляда Олега, но увидел только длинный приземистый забор из красного кирпича, над которым возвышались клены и ели, и торчала маковка церквушки. По всей видимости, это была территория кладбища.

— Ты знал, что мертвые тоже светят? — подтвердил его предположение Гарин. — Бледно-бледно. Как болотные огоньки.

Он снова устался на декоративный освежитель воздуха, который уже не раскачивался, а мелко тряся, потому что «фольксваген» ехал по трамвайным путям. Михаил в сердцах выматерился, сорвал елочку и бросил под ноги. Однако взгляд Гарина от этого осмысленнее не стал.

— Я никогда не был на болоте и не видел огоньков, — признался Олег. — Но я уверен — они светятся так же, как мертвые. Их здесь много. Пока что они спят, но очень скоро проснутся и потребуют... — Он запнулся и вдруг заорал: — Жра-а-а-ать!!!

Обхватив руками голову, Гарин принялся раскачиваться вперед-назад.

— Дай-ка мне это. — Полковник неуверенно протянул руку к «венцу», но Олег, резко дернув головой, вцепился зубами в его перчатку. Если бы Михаил не потерял два пальца еще в Припяти, это случилось бы прямо сейчас.

— Да ты рехнулся! — рывкнул Столяров и ударил по тормозам, одновременно выкручивая баранку левой рукой.

Гарин стукнулся головой о стенку кабины над окном и оставил перчатку в покое.

— Она светит! — закричал он. — Ты что, не видишь, как она светит!

— Кто «она»?

Олег нащупал дверную ручку и вывалился из кабины раньше, чем Михаил успел до него дотянуться.

— Эй! Куда пошел?

По закону подлости замок ремня безопасности заклинило. Борясь с ним, полковник наклонился вправо и вдруг увидел за распахнутой дверью Шуховскую башню. Она была высоченной и напоминала не столько Эйфелеву башню в Париже, сколько перевернутую плетеную корзину для мусора.

— Откуда?.. — пробормотал Столяров. — Тебя же только что здесь не было.

Действительно, из-за того, что башня до последнего скрывалась за домами и деревьями, складывалось впечатление, будто она возникла из ниоткуда.

За то время, что Михаил выбирался из машины, Олег не успел уйти далеко. Строго говоря, он не шел, а полз на четвереньках, причем на локтях, поскольку его ладони были все так же прижаты к артефакту.

— Погасите свет! — услышал полковник. — Вырубите свет, мать вашу, я же ослепну!

Столяров наклонился к Гарину и решительным движением сорвал с его головы «венец». Олег поднял на него изумленные глаза, зашевелил губами в бесплодной попытке что-то сказать, затем повалился на бок и обмяк.

Глава двадцать первая

— Добро пожаловать на борт нашего бронепоезда, заправка ураном окончена, отдать швартовы... — судорожно пробормотал Столяров, скидывая Олега с плеча на сиденье.

— Ты бредишь, полковник! — заявил Гарин, не открывая глаз, и так же внятно добавил: — Продуть первую ступень! Экипажу подлодки пристегнуть ремни!

— С тобой и правда спятишь... — Михаил уже обогнул широкую морду «фольксвагена», но вернулся к правой двери и кое-как застегнул Олегу ремень безопасности. — Дурака слушаешь — сам дураком станешь...

Продолжая что-то озабоченно бормотать, полковник снова добежал до водительского места и прыгнул за руль. Дурные предчувствия овладели им сразу, как только Олега «заклинило». С товарищем это случалось и раньше, иногда без всякого повода, но сейчас у Михаила появилось стойкое ожидание беды. Столяров прижал педаль газа, и «фольксваген» сорвался с места.

Машина перескочила через раскрошенный бордюр и, взрывая колесами почву, пересекла узкий газон. Михаил гнал инкассаторский броневик по сквозному двору к какой-

то улочке на другой стороне. На выезде у мусорных баков стояла стопка черных деревянных ящиков — Столяров не успел вырулить и снес штабель бампером. Кажется, в ящиках лежали помидоры, не исключено — еще с прошлого года. В салоне остро запахло уксусом, и Михаил почему-то подумал о пельменях.

— Совсем, совсем дурак стал... — прошипел он, включая «дворники».

Олег на грохот разлетевшихся ящиков реагировал странно: открыл глаза, похлопал ресницами, словно филин, и торжественно произнес:

— У того, кто убегает, сто дорог. У того, кто догоняет, только одна.

Столяров тревожно посмотрел на друга. Взгляд Гарина был кристально ясным, но полковник не сомневался, что Олег по-прежнему находится в глубоком трансе. Такой странный обморок с ним, пожалуй, случился впервые. Михаил опасался, что товарищ балансирует между жизнью и смертью, хотя явных признаков этого не было. Непосвященный наблюдатель мог бы решить, что Гарин попросту надышался клеем, но Столяров знал Олега слишком хорошо и понимал, что дело неладно.

Когда полковник обнаружил, что сзади их нагоняет черный «хаммер», он ни капли не удивился. Лишь буркнул, обращаясь к Гарину:

— Вещие Олеги в роду были? Знаю, что были, можешь не отвечать.

Олег молча кивнул и снова закрыл глаза, но голову продолжал держать ровно, как будто он видел сквозь веки.

— Значит, сто дорог, говоришь? — задумчиво протянул Столяров. — Это ты хорошо бредишь, брат, в правильную сторону... — Он резко вывернул руль и выскочил на боковую улицу.

Несколько секунд дорога позади оставалась пустой, потом «хаммер» достиг перекрестка и свернул вслед за «фольксвагеном». Михаил и не рассчитывал, что большой черный джип в зеркале — это всего лишь совпадение. Машина с преследователями недвусмысленно приближалась, и Столяров снова повернул наугад, пообещав себе, что он сделал это в последний раз. Петлять по узким проулкам в незнакомом городе было чистым безумием, а этого полковник не любил. Однако ему требовалось немного времени, чтобы сориентироваться, да и просто собраться с мыслями.

Столяров миновал продуктовый магазин, потом маленький садик, затем шеренгу облупленных зеленых гаражей и наконец вылетел на Ленинский проспект. Чуть не сбив стеклянную палатку с вывеской «Цветы» на углу, Михаил рванул руль вправо и погнал в сторону центра.

— У того, кто догоняет, дорога только одна... — повторил Гарин свою туманную фразу.

Как показалось Михаилу, на этот раз Олег бормотал с явным одобрением. Полковник покосился на товарища — тот вряд ли мог адекватно оценивать происходящее, но тем не менее он как будто понял задумку Столярова. Хотя, если откровенно, именно Олег ее и подсказал.

— По-другому нам хвост не стряхнуть, — произнес Михаил как бы для самого себя, но в надежде, что Гарин его все-таки слышит. — Была бы у нас тачка без брони, тогда еще можно было бы...

В этот момент по задней двери инкассаторского «фольксвагена» пробарабанила длинная очередь, и полковник тем же тоном закончил:

— ...тогда бы нам точно капец настал.

Справа пронеслось здание Госстандарта, построенное в позднесоветском стиле «стекло и алюминий — это дешево». За ним пролетел огромный билборд с рекламой крема для омоложения. Бумага давно вспучилась от влаги, и лицо фотомодели покрылось огромными волдырями. На противоположной стороне был расположен больничный комплекс из нескольких дореволюционных корпусов с общим сквером за низкой оградой. На Ленинском проспекте, так и не переименованном, словно собрались все времена и эпохи, которые переживал город, — собрались вместе, чтобы превратиться в Зону и сгинуть навсегда.

— Семь бед — один ответ, — неизвестно к чему брякнул Гарин.

Михаил вновь посмотрел на спутника, по-прежнему не понимая, в каком тот находится состоянии.

— Олег? — нерешительно позвал Столяров. — Ты меня слышишь? Или ты... мысли мои читаешь, засранец?! Ты вообще здесь или где?

Одновременно с последним вопросом полагалось пощелкать пальцами, но Михаил не стал отпускать руль ради жеста, который Гарин все равно не увидит.

— Танки грязи не боятся, — удовлетворенно заметил Олег, когда впереди показалась площадь с памятником.

— Я не знаю, слушать тебя или нет, — пожаловался полковник. — Ты уж либо намекай четче, либо глохни и не сбивай меня с толку, ясно?

Маршрут Столярову был знаком, он повторял путь к американскому посольству, поэтому полковник уверенно повернул налево, в сторону парка Горького. Он сделал это как нельзя кстати: в зеркало было видно, что в крыше «хаммера» открылся люк, из которого показался человек с гранатометом.

— Паршивые наши дела, — заметил Столяров, уже без всякой иронии.

Черный «хаммер» преодолел поворот быстрее и легче, стрелок с РПГ на плече отвлекся лишь на секунду и снова выровнялся.

Свернуть с дороги было уже некуда, и Михаил принялся вилять в пределах свободных полос. Толку от этих маневров было мало, инерция бронированного автомобиля превращала зигзаги в плавное катание. Гранатометчик, однако, не стрелял, что-то его удерживало. Что именно — Столяров понять не мог, поскольку момент был самым подходящим.

— Ну вот и сглазил... — прошептал полковник.

Звук выстрела за бронированными окнами слышно не было, но в зеркале возникло неумовимое нечто с широким дымным следом. Михаил судорожно крутанул руль влево, потом вправо — сознавая, что времени на уклонение от гранаты у него нет, и не было с самого начала. Стиснув зубы, Столяров сделал последнее и единственное, что ему оставалось в этой ситуации: прижал педаль газа изо всех сил.

Несколько мгновений Михаил провел в оцепенелом ожидании взрыва.

— Смерть не за горами, а за плечами, — изрек Олег какую-то смутно знакомую поговорку.

— Ну ты, балагур, мля!..

Столяров хотел послать спутника к черту, чтобы тот не отвлекал от своевременных мыслей о вечном, но осекся. Откуда-то сверху, из-за крыши машины, показалась граната. Она обогнала «фольксваген» и ушла далеко вперед, где благополучно подорвала брошенный у тротуара микроавтобус. Лишь теперь Михаилу стало ясно, что граната летела намного выше цели. В трясущемся зеркале этого было не видно, а высовываться из двери полковнику даже не пришлось в голову — по целому ряду причин.

— Ты совсем, что ли, криворукий, сынок? — нервно промурлыкал Столяров. — Или это был предупредительный выстрел? Или ты вообще... — Он снова посмотрел на дремлющего Гарина, в который раз пытаясь угадать, что за мыслительная деятельность идет у того под черепной коробкой. — Олег... это не ты ему прицел сбил, нет? Олег... Олег!

— Сеанс окончен, — мучительно шурясь, пробормотал Гарин. — Расходитесь, девки, по домам.

— Да я не про то, чревоушатель ты долбанный! — взорвался Михаил. — Упрись ногами. Можешь, нет? Упрись, говорю, ногами! Быстро!

У Столярова не было времени проследить, выполнил ли Гарин его команду. «Фольксваген» давно заехал на Крымский мост, и никто уже не смог бы с уверенностью сказать, сколько метров оставалось до аномалии. Михаил слегка сбросил скорость, подпуская «хаммер» еще ближе, и вплотную притерся к правому краю проезжей части. Затем, противореча всякой логике, он сделал короткий рывок рулем вправо — и мгновенно вывернул баранку влево, почти до упора. Едва машина обозначила поворот и начала

двигаться по дуге, как Столяров выжал сцепление и дернул рычаг ручного тормоза. Инкассаторский автомобиль с визгом развернулся.

Несколько мгновений «фольксваген» буксовал на месте, хотя колеса крутились уже против движения. Наконец покрышки ухватили сцепление с дорогой, и машина, оставив позади жирные черные полосы, рванула в обратную сторону. «Хаммер» с преследователями проскочил дальше по мосту и тоже затормозил, но — слишком поздно. Джип оказался в недавно образовавшейся аномалии и исчез буквально за секунду, словно заехал в невидимый тоннель. «Мокрый асфальт» поглотил автомобиль целиком, без остатка. Последним, что увидел Столяров, было недоумение, застывшее на лице у гранатометчика, который продолжал стоять в люке и даже успел обернуться, прежде чем уйти в аномалию с головой.

Полковник заглушил двигатель и шумно сглотнул. Как и все студенты спецвуза, Миша Столяров когда-то отрабатывал технику «полицейского разворота» на раздолбанной комитетской «волге», которую держали в гараже специально для подобных занятий. Однако с тех пор прошла такая бездна времени, что сейчас он не повторил выученный маневр, а скорее изобрел его заново. Массивный броневик мог запросто перевернуться, и тогда во всей Зоне трудно было бы найти людей более незащищенных, чем Столяров и Гарин. Но еще больше Михаил успел поволноваться о том, не пропала ли свежая аномалия. Пусть она и родилась совсем недавно, но кто же знает, сколько живет «мокрый асфальт»... Уводя погоню к мосту, Столяров ни в чем не был уверен заранее. Просто надеялся — потому, что ничего другого не оставалось.

— Ну как ты там? — хмуро спросил Михаил.

Гарин, точно по сигналу, расслабил ноги и обмяк на сиденье. Вены на его шее ушли под кожу, и подбородок безвольно опустился на грудь. Транс превратился в сон — хотя, возможно, более глубокий, чем обычно. Столяров увидел, как розовеют щеки товарища, и с облегчением вздохнул.

Полковник завел мотор и не спеша покатыл прочь от моста. На площади он повернул вправо и некоторое время размышлял, куда ехать — на базу к Скутеру или к Олегу домой. Решив, что вполне успеет в оба места, Столяров нажал на газ, и бронированный «фольксваген» помчался по пустому городу. За машиной увязалась одинокая крупная ворона, но вскоре она поняла, что здесь ей не обломится, и, описав большой круг, скрылась за домами.

Глава двадцать вторая

Полковник открыл дверь ногой — не потому, что у него были заняты руки, хотя в правой он действительно держал пистолет. Просто ему так захотелось: непременно ногой, чтобы Скутер сразу прочувствовал серьезность момента и сэкономил немного времени на ненужных объяснениях.

— Лентяй! — истерично крикнул главарь. — Лентяй, ты где, сука?!

— Он не сука, — сказал Гарин, плотно прикрывая дверь кабинета. — Лентяй был неплохим человеком...

— Вы его грохнули?!

— ...пока его не посадили на чертов маршрут, — закончил Олег, ловя неодобрительный взгляд Столярова и внутренне соглашаясь с тем, что говорит лишнее.

— Вы его грохнули? — с угрозой повторил бандит.

— Его-то за что? Лентяй беседует с сатаной. И пока он занят, мы тоже покалякать успеем, — заверил Гарин.

— И о чем же? О делах ваших скорбных? — с показной иронией осведомился Скутер.

— О твоих. О скорбных, — кивнул Олег.

Он собирался спросить про Гришу Кенса. Бандит это понял и даже успел заранееотреагировать на незаданный вопрос. Вернее, это Гарин уловил его реакцию, чему немало удивился, поскольку он еще ни разу не мог прорваться сквозь пси-защиту главаря. Скутера

все время кто-то оберегал, Гарин даже привык к этому... Но сейчас он вдруг почувствовал, что пси-поле бандита изменилось. Главарь не просто открылся — он был распахнут. Никакой защитой Скутер больше не располагал. Его бросили, что само по себе было примечательно.

Образы в сознании главаря замелькали и слились в объемную, ослепительно-яркую карусель. Вряд ли Скутер понимал, что Гарин сканирует его память, но если бы главарь и догадался — он не смог бы Олегу ни помочь, ни помешать. Он просто испытывал страх, вот и все. Его подсознание судорожно листало пыльные гроссбухи грехов и добродетелей, хотя с последним у главаря наблюдалась напряженка.

Скутер не был таким уж сказочным злодеем, каким его представлял покойный Доберман. Разумеется, совесть главаря была запятнана неоправданной кровью, но этот груз висел почти на каждом бойце — такова реальность Зоны. Гадким в Скутере было не это, а его любовь. Искренняя, горячая, всепожирающая любовь к деньгам. Лишь им Скутер был беззаветно предан, лишь они приносили ему радость. Эта страсть носила характер психического расстройства, по сравнению с которым дьявольская фиксация Лентя выглядела вполне невинным увлечением.

Жадность Скутера была столь сильной, что она побеждала вторую сторону его натуры — трусость. Именно жадность заставляла его переступать через страх, а порой и через здравый смысл. Скутеру всегда и всего было недостаточно — и на Большой Земле, и даже в Зоне, где ценности лежали под ногами, иногда в самом прямом смысле. Ему было мало «хлопушек», которые для него собирали запуганные сталкеры-одиночки. Ему не хватало и того, что пока еще удавалось добывать в мелких ювелирных магазинах, не тронутых первой волной грабежей. Скутер неплохо зарабатывал на перепродаже артефактов, охмуря и простых бродяг, и лидеров группировок. Однако и этого ему казалось недостаточно. Последнее время он все чаще посылал новичков за хабаром на чужие территории, в том числе и к посольству США, которое давно и прочно застолбил Гриша Кенс со своими отмороженными смертниками.

С каких доходов этот Гриша кормился, Скутер не представлял даже в принципе, однако, едва появившись в Зоне, отряд Кенса провел несколько акций устрашения, настолько кровавых и бессмысленных, что охотников с ним ссориться в городе не нашлось. Тем более что и территории как таковые Кенс занимать не стремился, его вполне удовлетворял контроль над несколькими объектами в Зоне. На один из таких объектов, в американское посольство, Скутер и принялся отправлять бесхозных бойцов, или «вольных сталкеров», как они сами любили себя называть. Всей «воли» у тех ротозеев, как правило, хватало лишь на то, чтобы поцапаться с тамошними бойцами и вернуться на базу ни с чем. Хотя некоторым все же удавалось добыть «колокольчик». Скутер сладостно потирал руки в предвкушении больших денег и тревожно постанывал каждый раз, когда задумывался о возможных последствиях наезда на чужую вотчину. Кенс давно уже должен был его заподозрить, но за все время так и не предъявил претензий, и Скутер продолжал подворовывать у соседа. Боялся и воровал, воровал и боялся — так он и жил.

Но с этими двумя кренделями — Гарин не сразу понял, что речь идет о нем и о полковнике, — все было иначе. Скутеру, естественно, хотелось заполучить еще один «колокольчик», но дело было не в артефакте. Он молился, чтобы эта странная парочка вернулась с пустыми руками — лишь бы только они остались в живых. Гриша с самого начала проявлял к ним нездоровый интерес. А когда Кенс назвал сумму, которую он готов был заплатить за шефство над этими придурками — он так и сказал, ага: «шефство», — у Скутера приятно защеколало внизу живота.

Первое время он радовался лишним деньгам — искренне, как дитя. Но скоро смекнул, что и эти доходы можно увеличить. Судя по всему, двое чудаков были Кенсу чем-то дороги, а слово «дорого» всегда предполагает дополнительный отжим бабла — так Скутеру подсказывал его опыт. Шанс подвернулся довольно быстро, и имя ему было — Робинзон. Этот человек тоже имел свои особенности. Над белыми плащами да жилетками Робинзона

потешались все сталкеры Москвы, и это они еще не видели, как отделан изнутри его БТР. Скутер видел, довелось разок заглянуть. Сплошной бархат, тяжелые портьерные кисти и мягкое кресло, неизвестно как установленное в неудобном нутре бронетранспортера. Так в понимании Робинзона выглядел достаток. Впрочем, абсолютно здоровых людей Скутер в Зоне не встречал, у каждого была какая-нибудь блажь, и набор белых шляп казался забавой вполне приемлемой.

Робинзон любил деньги так же сильно, как Скутер, хотя и менее профессионально, поэтому договориться с ним удалось легко. А потом всего-то и делов осталось — направить этих двоих за «колокольчиком», чтобы они испортили отношения с бойцами Кенса и не попались ему на глаза за бесплатно. Вот только передачу заложников Робинзону лучше было бы провести сегодня, а то они рановато гонор показывать начали... Да и парней своих Скутер отправил не вовремя, как-то уж совсем некстати получилось. Однако на базе у этих чудиков осталась куча «хлопушек», не бросать же их! Бойцы вроде бы слышали, что Доберман успел кое-что насобирать, пока на вольных хлебах околачивался. Такую информацию Скутер тоже не мог игнорировать, ибо без копейки рубля не бывает, как частенько повторяла его бабушка, которая еще при Сталине отсидела десятку за то, что недовесила покупателю двенадцать граммов свеклы.

Пока Олег считывал поганые мыслишки Скутера, тот успел один раз вдохнуть и один раз выдохнуть. И еще — немного сдвинуться влево, к тумбе с ящиками. Главварь сидел понурый, как школьник, словно чувствовал, что его видят насквозь. Со стороны могло показаться, что ему стыдно, но в действительности Скутер думал только о двух вещах: о пистолете в нижнем ящике и о том, почему он положил его так далеко.

«Скорее бы уже парни возвращались... — отчетливо промелькнуло у Скутера в мозгу. — А потом срочно вызвать Робинзона и сдать этих угорелых, пока они тут все не разнесли. Пусть сажает их в свой бархатный БТР и дальше уже сам с Кенсом торгуется».

— Есть результаты? — угадал Столяров, глядя на Олега.

— Не то слово, — отозвался Гарин. — Как говорят у вас в таких случаях, расколол до жопы.

— У нас так не говорят, — возразил полковник. — Вообще впервые слышу.

— На будущее имей в виду.

— Хорошо, спасибо.

— Так на какую тему вы тереть собрались? — напомнил о себе главварь. — У меня времени мало, чтобы с вами тут...

— Почем ты нас Робинзону продал? — перебил его Олег.

— Вот даже как? — изумился Столяров. — Ну и сколько мы стоим?

— Да вы что, белены объелись?! За базаром следите, черти! — Бандит попытался вспылить, но вышло не очень искренне. Между тем он сдвинулся еще на сантиметр к ящикам, и колесико под креслом предательски скрипнуло.

— How much is the fish? — спросил Гарин.

— А?.. — Скутер нахмурился и растерянно моргнул.

— Хер на! — сказал Столяров и выстрелил бандиту в голову.

— Можно было и подольше поговорить, — посетовал Олег. — К пистолету он все равно не дотянулся бы.

— Нормально. Ты же хвастал, что расколол его по самое...

— До самой жопы, — подтвердил Гарин.

— Ну и что ты у него там нашел... интересного? — любопытствовал полковник.

— Да много чего, — обронил Олег, деловито выдвигая широкий ящик под столешницей.

Он присвистнул и начал без церемоний выкладывать на стол пачки денег — евро, доллары, рубли в крупных банкнотах. Кажется, у Скутера водились даже фунты, Гарин толком не разобрал, что там за дамочка изображена с короной.

— Это правильно, — с неожиданным одобрением заметил Михаил. — «Колокольчик»

скорее всего уже на Большую Землю отправили, скоро у какого-нибудь олигарха без видимых причин остановится сердце. И какой-нибудь другой олигарх, вероятно — его приятель, который еще вчера тусовался с ним на одной яхте, положит в карман лишний миллиард, а третий говнюк из той же компании вообще...

— Не нужно вот этого, — прервал его Олег.

— Чего этого?

— Морально-этических обоснований. Тухлых и никчемных. Людей убивать нельзя — никаких, даже самых паршивых. Но уж если мы его убили — зачем же баблу пропадать?

— Вот и я о том же.

— Но это не значит, что мы молодцы. Просто убили гада и берем его деньги себе.

Гарин сгреб упаковки в центр стола и отстранился, оценивая объем денежной массы.

— Твоя мораль лучше, — признал Столяров.

— Она не лучше и не хуже, — мрачно возразил Олег. — Ее здесь вообще нет. Просто я приехал в Зону за деньгами, и вот они.

— Когда гады пожирают друг друга, наше дело — не мешать.

— Короче, не договорились, — заключил Гарин. — Тебе в какой валюте предпочтительней?

— Это все твое, — категорично произнес полковник.

— Не надо только святошу разыгрывать. Здесь на двоих более чем достаточно.

— Вас трое: ты, Марина и Бориска.

— Ты понял, что я имел в виду.

— Я не возьму, — отрезал Столяров. — У тебя свои понты... то есть моральные обоснования... а у меня свои. К тому же я обещал тебе помочь с деньгами.

— Ладно, разберемся. Лентяй! Принеси мешок, только не очень большой! — приказным тоном крикнул Гарин. — На большой тут все-таки не наберется, — добавил он с усмешкой.

— Лентяй тебя послушается, ты уверен?

— Он сейчас только меня и слышит. Я для него бог. Вернее, наоборот. Ну, в общем... не важно. — Олег нагнулся к нижнему ящику и достал оттуда «Беретту», которой Скутер так и не смог воспользоваться. — Ну, хоть это возьми. Хорошая пушка.

— Надо же, какой ты стал специалист... Хорошая, хорошая, — засмеялся полковник, убирая ствол за ремень. — В Зоне пригодится. Возле Периметра выброшу.

— А дома тебе такой пистолет не нужен?

— Кто знает, сколько на нем трупов. Может, и в Кеннеди из него стреляли.

— Темень ты беспроектная, а еще называешься — полковник СБУ! В Кеннеди стреляли из карабина.

— Из карабина в него попали, — выразительно произнес Михаил. — А стреляли в Кеннеди с трех точек. Но тебе об этом знать не обязательно.

— Наверно, ты прав, — подумав, кивнул Гарин. — Ну, где там этот бес мотается?

Через секунду дверь распахнулась, и на пороге появился Лентяй, словно он только и ждал команды. Он смиренно остановился в шаге от Олега и протянул ему потертый рюкзак, похожий по размеру на детский, но без броских аппликаций и катафот, а кондовый, темно-зеленый.

— То что нужно, — похвалил Гарин. — Иди на место. Повелеваю молиться еще сорок минут, потом наплевать и забыть.

Лентяй скользнул безразличным взглядом по Столярову, затем так же равнодушно посмотрел на мертвого Скутера в кресле и тихо удалился.

Олег раскрыл рюкзак и принялся убирать в него деньги, стараясь складывать пачки покомпактнее.

— Засиделись мы тут, — обронил он. — Нам давно пора линять, с минуты на минуту вернутся люди.

— Откуда?

— С нашей базы. Скутер послал их за «хлопушками», ну и харчей велел забрать, сколько смогут. Мы-то по его плану туда попасть уже не должны были.

— Они не вернутся, — спокойно сказал Михаил. — И мы тоже туда не попадем.

Гарин на мгновение замер и, коротко пожав плечами, продолжил собирать деньги. Затем снова задумался и поднял глаза на товарища:

— Почему?

— Наверно, это неправильно, что я с тобой не посоветовался, но ты был в отключке. И я не хотел приводить тебя в чувство, потому что тебе эта идея могла не понравиться.

— Говори по-человечески! — потребовал Гарин.

— Десять «хлопушек» плюс шесть канистр бензина, которые мы оставили у соседа в сортире. То есть в квартире у соседа...

— У Юрия Иваныча, — нетерпеливо подсказал Олег. — Ну и?..

— А что тут непонятно? Зачем выкидывать то, из чего можно смастерить хорошую бомбу?

Гарин затянул горловину рюкзака и шумно почесал заросшую щеку.

— Значит, нет больше ни «хлопушек», ни квартиры... — выдавил он.

— Полагаю, что домашней библиотеки Юрия Иваныча тоже не существует, — поддержал Столяров. — Как и всего вашего подъезда. Вместе с твоими любимыми тапочками. Извини.

— Да и пёс с ней, с базой! — решил Олег. — Вот только... жаль, что муляж «венца» пропал. Я все-таки хотел сыну сувенир из Зоны привезти.

— Раз хотел, то привезешь, — заявил Столяров и невозмутимо добавил: — Он у тебя за пазухой.

— Что?..

— Сувенир, — пояснил полковник еще спокойнее, совсем буднично. — У тебя за пазухой.

Гарин судорожно схватился за грудь и вытащил из-под джинсовки «венец».

— Что ты гонишь, полкан? — процедил он.

— Фу. А еще называешься — образованный человек.

— Что ты гонишь?! — повторил Олег, срываясь на крик. — Это настоящий артефакт! Фальшивый остался у меня дома на шкафу!

— Конечно же, нет. — Михаил расстегнул «молнию» на своей куртке и извлек оттуда второй обруч. — Как я мог оставить такой ценный предмет в заминированной квартире?

Олег погрозил Столярову своим артефактом:

— Вот! Это настоящий «венец», и хватит меня путать! Сейчас не время для шуток!

Михаил точно так же помахал вторым обручем:

— В Москве ты надевал его всего один раз, когда сравнивал два образца. Я сказал тебе, что он фальшивый, и ты с этим согласился.

— И все это время... «венец» просто валялся на шкафу?.. — ошеломленно пробормотал Гарин. — А я, получается, таскал на башке обычный кусок пластика? Нет. Это чушь... Точка! — вскинулся он. — Ты говорил, что фальшивый артефакт помечен маркером! А ну-ка, покажи, быстро!

— Да вот она, — ответил Столяров, показывая свой обруч. — Смотри: красная точка. Вернее, тут непонятно, какого она цвета, но маркер был красный. — Он послунывил большой палец и потер внутреннюю поверхность кольца, затем предъявил палец Олегу. — Видишь, да? Красный. И что это доказывает?

— Но ты же говорил, что метка стоит на фальшивом... — Гарин сокрушенно покачал головой, до него наконец-то дошло. — Ты снова обманул меня, полковник. Но зачем?.. Зачем?!

— Олег... — мягко произнес Столяров. — Все это время, пока мы находимся в Зоне, я пытаюсь втолковать тебе одну-единственную мысль. Но ты отказываешься ее принимать.

— В каком смысле? — Гарин окончательно растерялся. — Между этими предметами

вообще нет разницы?!

— Есть, есть. Но для тебя она не важна.

— Почему?

— Потому что тебе не нужен «венец». Или мне позвать сюда Лентяя, чтобы он это подтвердил? Но я не смогу его позвать. Ты превратил его мозги в кочан капусты. И ты сделал это без «венца», ведь правда же?

— Это другое, мелочи... — Гарин потупился, сознавая, что ответ звучит неубедительно.

— Мелочи?! Не кокетничай, тебе это не идет. Загрузил человека по полной. Он нас расстрелять обязан, а вместо этого бегал искал тебе мешок. Это — мелочи?!

— Но ведь я его, этот артефакт... этот фальшивый «венец»... то надевал, то снимал... И была разница, я ее чувствовал! А теперь получается... — Гарин покусал губу и даже не стал продолжать. — Чем же я занимался все это время?! — спросил он, с ужасом заглянув Михаилу в глаза.

— Ты обманывал самого себя, Олег.

Глава двадцать третья

— Ты помнишь тот разговор у тебя на кухне? — Столяров завел мотор и тронулся, осторожно объезжая сгоревший автобус.

Гарин вздохнул и покачал головой:

— Какой именно разговор? У нас их столько было, разговоров этих... По-моему, первые дни мы только и делали, что сидели за столом да трепались.

— Наутро после того, как на нас вороны во дворе напали, — подсказал Михаил.

— Вороны — конечно... Но разговора я не помню. Утром тем более... Все давно перемешалось. Но вроде ничего особенного?

— «Ничего особенного»! — брюзгливо передразнил полковник. — Это для тебя ничего особенного, а я в то утро понял, что тебе все равно, с каким «венцом» работать.

— А, вот ты о чем. Это когда я два обруча сравнивал?

— Сравнивал, ага... — буркнул Столяров. — Любая фигня на твоей голове превращалась в пси-усилитель. Любая, понимаешь? Главное, чтобы ты сам в это верил. Тебе вообще не нужен «венец»! Видит бог, я много, много раз пытался тебе это объяснить. Но ты не хотел даже слушать. Уперся, как баран...

Перед выездом на Профсоюзную улицу Михаил притормозил и постоял несколько секунд, оглядываясь по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, полковник тронулся дальше.

— А мне каково было? — продолжал он.

— Да тебе-то что... — отстраненно произнес Гарин.

— Мне?! — Михаил так дернул плечами, что «фольксваген» вильнул в сторону, словно принял возмущение водителя на свой счет. — Мне?! — повторил Столяров. — А то, что мой друг — Пси-Мастер! Нормально такое обнаружить? Погожим, сука, летним деньком... Я и раньше знал, что у тебя есть способности, это нам обоим давно известно. Но чтобы в такой степени!..

— В какой?

— В большой. В серьезной... — Столяров замялся.

— В нечеловеческой, — грустно подсказал Гарин.

— Да брось ты... — Михаил вдруг смутился, что бывало с ним крайне редко. — Меня не способности твои пугают, а то, что ты управлять ими не умеешь. И не желаешь учиться. Потому что не хочешь их признавать. Цепляешься за «венец»... Пытаешься за ним спрятаться, объяснить свой дар каким-то артефактом. «Венец», безусловно, работает, кто же с этим спорит! Но причина не в нем. Основная причина — в тебе. А я... всего лишь сделал то, что ты от меня требовал: я позволил тебе заблуждаться. Что мне еще оставалось? Ты

маниакально стремился себя обмануть, и я тебе подыграл. Нужен артефакт, чтобы включить пси-способности? Пожалуйста, держи пластмассовую хреновину. Зачем тебе настоящий «венец»? Ты и без него все можешь.

Столяров перевел дыхание и украдкой взглянул на товарища. Олег подавленно молчал: возразить было нечего, да и не хотелось ему возражать. Гарин давно все знал — и о себе, и о своем проклятом даре, но не хотел об этом задумываться. Вернее, не мог себя заставить. Олег не гнал от себя эти тягостные мысли, он просто научился их не замечать. И вот сейчас один короткий монолог полковника неожиданно внес окончательную ясность. Гарин не услышал ничего нового, но все то, что он знал прежде, кристаллизовалось в простую и бесспорную истину.

— Никакой я не Пси-Мастер, — единственное, что смог сказать Олег. — Я умею далеко не все, но дело даже не в этом. Между нами — мной и тем психопатом из Припяти — есть существенная разница. Основная, — подчеркнул Гарин, — самая главная. Пси-Мастер стремился развивать свои способности, а я — нет. Они не нужны мне, я их боюсь. Я хочу быть обыкновенным человеком.

— Обыкновенным ты не будешь уже никогда. И тебе это известно. Ты вернулся из Припяти уже... не обыкновенным. И это не пройдет. Это не насморк, Олег.

— Все, чего я хочу, — быть нормальным! — с детской обидой в голосе заявил Гарин.

— Ты и так нормальный.

— Мне противно все это...

— А Лентя не противно было в ступор вводить?

— Иначе он бы нас не впустил. И уж точно не выпустил бы. Да, да! — в сердцах воскликнул Гарин. — Это удобно, это очень удобно, а иногда просто необходимо. Бывает, что по-другому и не выживешь, не остается выбора. В этом весь ужас: я не могу отказаться от своего дара, я использую его раз за разом, так складываются обстоятельства. И чем дольше я этим занимаюсь, тем интенсивней развиваются мои пси-способности. Тем дальше я ухожу от того, что можно было бы назвать нормой, пусть уже и с натяжкой. Обычная человеческая жизнь: жена, дети, хорошая работа — и все такое прочее. Я чувствую, как это уплывает у меня из рук. Каждое мое достижение в пси-войне — это на самом деле очередной гвоздь в крышку гроба, в котором лежит моя мечта. Мечта не о славе, не о власти и не о каких-то там миллиардах... о самом простом, о том, что большинство людей получают автоматически, по факту рождения. Как воздух. Я почему-то должен биться за это насмерть. И с каждым выигранным боем я все больше проигрываю. Такие дела.

Олег отвернулся к окну и поправил на коленях рюкзак с деньгами.

— Ты бы котомку свою сиротскую бросил назад, в кузов, — предложил Столяров. — У нас же инкассаторская машина, она для того и предназначена, — напомнил он и душевно рассмеялся. — Есть мечты и есть реальность. — Полковник вдруг посерьезнел. — В данный момент вся наша реальность — это Зона. А у Зоны простые правила: человек должен бороться изо всех сил. Зубами, ногтями — чем угодно. Сталкер обязан использовать любые доступные способы, не жалеть ни себя, ни других. Только при таких условиях он может достичь цели, в чем бы она ни заключалась. Иногда единственная цель — просто вернуться живым. Это тоже достойный приз, разве нет? Так вот, Олег: каким оружием ты владеешь лучше всего? Может, дать тебе второй автомат и «Беретту» до кучи? Это будет эффективно? По-моему, не очень. Извини, конечно... У тебя другое оружие, и отказываться от него ты не имеешь права — независимо от того, нравится оно тебе или нет. Просто используй его. Мы же не за артефактами сейчас едем, верно? Едем, чтобы разобраться с Кукловодом, который и заставляет тебя эксплуатировать твои способности. Ну и у меня тоже претензии к нему кое-какие имеются, что там скрывать... Так используй свое оружие. Закончим это дело — и в Зону больше ни ногой!

— Сколько раз я это уже слышал... — проронил Гарин и сдался: — Ладно, хватит меня накачивать. Я ведь уже еду.

Михаил выдохнул, не скрывая облегчения, и перешел от высоких пси-материй к

бытовым вопросам.

— Как поедем? — спросил он. — По Ленинскому, по Вавилова или новой дорогой?

Олег усмехнулся:

— Если мы будем объезжать все места, где нам надавали по шапке, то скоро у нас не останется маршрутов. Не важно, как ехать. Давай по Вавилова.

— Уверен? — строго спросил полковник.

— Ну да. А что?

— Смотри. Если снова начнешь гнать про болотные огоньки или полезешь кусаться, я тебя ударю.

— Не беспокойся, не полезу.

— Даже если тебе захочется... — Столяров закатил глаза и очень правдоподобно простонал: — Жра-ать!

Гарин едва заметно поморщился.

— Не захочется.

— Откуда такая уверенность?

— На этот раз я лучше подготовился.

Олег сунул руку в рюкзак и достал пачку евро. Бросил ее обратно и вытащил пачку долларов. Чертыхнулся, пошарил в глубине и наконец выудил плоскую консервную банку.

— Ого, сардины! — оценил Михаил. — Из наших запасов, что ли?

— Из запасов Кенса, — отрезал Гарин.

— Ну да. Не удивлюсь, если Гриша Кенс снабжал консервами всех московских бандитов.

— За всех не скажу, но Скутера снабжал точно. И консервами, и артефактами — практически задаром. — Гарин деловито скрутил крышку и, аккуратно держа банку за края, понюхал содержимое. — Вроде съедобно, — заключил он. — Будешь? Только у нас ни хлеба, ни вилок...

— Ешь сам, у меня руки заняты, — отказался полковник. — Лучше объясни мне, в каких отношениях были Скутер и Кенс. Ты ведь покопался в голове у Скутера. Должен быть в курсе.

— Ну... — Олег выудил за хвост маленькую сардинку, быстро разжевал и проглотил. — Их отношения... — начал он, вылавливая новую рыбешку, — они...

— Осторожно! — предупредил Столяров, и «фольксваген» подпрыгнул на кочке.

— Ч-черт! — процедил Гарин. — А предупредить...

— Я предупредил, — спокойно заметил Михаил. — Так что у них были за отношения?

— Блин! — Пару секунд Олег тупо таращился на то, как масло из банки пропитывает его левую штанину, потом со вздохом подцепил с колена рыбий хвостик и отправил его в рот. — Отношения между Скутером и Кенсом были исключительно товарно-денежными.

— И только? — усомнился полковник.

— Еще Скутер боялся Кенса как огня. Обманывал, иначе он вести дела не умел, но при этом трясся от страха. И сознание Скутера вплоть до вчерашнего дня было закрыто от меня чугунной крышкой. А сегодня крышка вдруг открылась.

— После того как Скутер решил кинуть Кенса по-крупному, — заключил Столяров. — Получается, что Кенс и есть Кукловод?

На этот раз Гарин размышлял не меньше минуты, прежде чем ответить.

— Я не поручусь на сто процентов, — сказал он, — но это весьма вероятно. По факту: Скутер всегда общался непосредственно с Кенсом. Если кто-то и отдавал Кенсу приказы, то Скутер ничего не знал об этом человеке. Даже не подозревал. Логично предположить, что этого человека не существует. Кукловод и Кенс — это одно лицо.

Михаил покачал головой и, словно не веря самому себе, сокрушенно протянул:

— Гриша Кенс...

— А что тебя смущает?

— Да ничего. Но это же Гриша Кенс! Он совершенно обычный, понимаешь? Никогда

звезд с неба не хватал. Служебной карьеры не сделал, бизнесменом тоже был очень средненьким... И вдруг — выдающиеся пси-способности. Откуда?

— Я, что ли, карьеру сделал? — возразил Олег. — Или бизнес раскрутил? Я тоже обычный.

— Когда щелчком пальцев не заставляешь людей бросаться с крыши вниз головой? Совершенно обычный! — заверил его Столяров. — Но... Если ты обычный, то Кенс — заурядный.

— Что-то я не улавливаю разницы, — признался Гарин.

Полковник вздохнул, потом улыбнулся.

— Ты бы ни при каких обстоятельствах не стал торговать сардинами.

— Ну, разве что, — пожал плечами Олег и неожиданно скомандовал: — Тормози!

Его ладони привычно потянулись к вискам. Гарин зажмурился и тихонько застонал.

— Что, опять то же самое? — нахмурился Михаил и, взглянув на приметное здание станкостроительного завода, сам себе ответил: — Ага, и на том же самом месте...

— Да остановишься ты наконец?! — вскрикнул Олег.

— Да, да, сейчас.

Столяров затормозил так, что взвизгнули шины.

— Опять твоя мигрень? — спросил он.

— Мигрени нет, — ослабевшим и немного сонным голосом ответил Гарин. — Я просто слишком хорошо слышу. Как волк с большими ушами. Из «Красной Шапочки».

— Что?..

— Я как будто в слуховом аппарате, очень чувствительном, и мне прямо в ухо орет стая ворон.

— Ты слышишь ворон?.. — опешил полковник.

— Я слышу всех! — Олег снова сорвался на крик, точно пытался разговаривать по телефону в двух шагах от работающей турбины самолета. — Ясно?

— Нет, — искренне ответил Михаил.

— Не важно. Помогите мне...

Гарин начал расстегивать джинсовку, но дрожащие пальцы его не слушались.

— Ты опять за свое? — досадливо поморщился полковник. — Мы же только что обсудили. Чтобы применить силу, тебе не нужны никакие артефакты! Она — у тебя в голове.

— А у Шаляпина вся сила была в голосовых связках. Однако с микрофоном у него все равно получалось громче. Давай скорее, а?

— Убери руки. — Столяров помог товарищу достать «венец» из-за пазухи и надеть на голову. — Ну? — нетерпеливо спросил он.

Ответа не требовалось. Гарин не открывал глаз, однако теперь на его лице читалось неподдельное облегчение.

— Что и требовалось доказать, — сказал Олег.

— «Венец» все-таки помог?

— Да.

— И ты знал об этом заранее?

— Скажем так, я очень на это надеялся.

— Извини, я не врубаюсь, каким образом?

— Не уверен, что смогу объяснить. — Гарин вытянул ноги и расслабленно откинулся на подголовник. — Ты когда-нибудь пробовал «Виагру»?

Столяров поперхнулся от неожиданности.

— Чего? — буркнул он.

— Ты слышал.

— Да мне вроде пока без надобности.

Олег кивнул.

— А мы с Маринкой попробовали один раз. На восьмое марта, под шампанское.

— И как... ощущения? — неуверенно спросил Михаил.

— Речь не об этом.

— А о чем?

— Я думаю, реклама врет. Никакое лекарство не превратит бельевую веревку в стальной лом. Но здоровому человеку с нормальными способностями оно поможет лучше контролировать процесс. Все процессы от начала и до конца. Врубаешься?

— Я вообще не пойму, о чем ты говоришь. По-моему, ты снова бредишь, только на этот раз бред эротический, а не... — полковник помедлил, — зомбический. Или кем ты себя там воображал, когда хотел жрать?

— Жрать хотела собака, — уточнил Гарин. — Она просидела в подвале три дня, не могла выйти из-за аномалии. Она уже начинала грызть свою лапу, но, во-первых, это очень больно, а во-вторых, там почти нет мяса. Я чувствовал ее голод, как свой собственный. Честно, кишки узлом завязывались. А подвал, кстати, находится где-то на Соколе.

— Это далеко отсюда?

— Достаточно. — Олег провел кончиками пальцев по «венцу», словно желая убедиться, что артефакт по-прежнему на месте. — Я вообще слышал все эмоции: человеческие, звериные, птичьи и черт знает чьи еще в радиусе километров пятнадцати, если не больше. Никогда бы не подумал, что в Московской Зоне обитает столько живых существ. Хотя о чем я! Мертвых я тоже слышал. Не эмоции, конечно, а фон. Как после... Как в Припяти после атаки...

— Я понял. — Столяров яростно потер колючий подбородок. — Ничего себе! А в «венце» ты всего этого не слышишь?

— Слышу. Но с ним я намного лучше могу контролировать процесс. Как с «Виагрой», понимаешь? Только с настоящей таблеткой, а не с куском голубого мела, который продается в аптечном ларьке на вокзале. Зачем ты подсунул мне фальшивку?

— Опять двадцать пять! — Михаил шлепнул ладонями по баранке. — Ты сам ее себе подсовывал раз за разом.

— А ты мне в этом помогал! — парировал Олег, но тут же взял себя в руки. — Ладно, проехали. В «венце» я могу игнорировать второстепенные шумы и слышать только то, что хочу. Например... — Гарин наконец открыл глаза, затем — рот и неожиданно расхохотался.

— Что еще?

— Извини... — Олег хохотал и все никак не мог успокоиться. — Я случайно. Я, честное слово, не хотел!

— Чего ты не хотел? — напрягся Столяров.

— Лезть в твои мысли. Но ты думал так громко... Почему ты соврал, что никогда не пробовал «Виагру»?

— Во-первых, я не говорил, что не пробовал. Сказал, что мне это без надобности. А во-вторых, заткнись, — холодно предупредил полковник.

— Я не могу... — сквозь хохот выговорил Олег. — Я только не понял, подруга просто опоздала или вообще не пришла?

— Заткнись, кому сказал! — Михаил рывком подтянул товарища к себе и встряхнул так, что у того клецнула челюсть.

— Все-все! — взмолился Олег, а когда Столяров отпустил его, упал обратно на сиденье и шумно перевел дыхание. — Еще раз прошу прощения.

— Забыли, — глядя в сторону, отмахнулся полковник.

— Это будет непросто, — признался Гарин, прыснул в последний раз и провел по лицу рукой, как бы стирая улыбку. — Поехали.

— Прежним маршрутом?

— Да. Чем ближе к башне, тем сильнее пси-активность. Но теперь я справлюсь. — Олег вздохнул. — И все-таки как же я иногда завидую вам, простым смертным.

— Знакомая тема. — Михаил посмотрел на дорогу и тронулся с места. — Только корону поправь, чтоб не слетела.

— Езжай по Орджоникидзе, а я пока подумаю, куда нам дальше.

— Думай вслух, — предложил полковник.

— Зачем это?

Полковник свернул к обочине, объезжая «жигули», в которые едва не врезался в прошлый раз, и ответил:

— Чтобы я не сомневался, что ты думаешь, а не ржешь надо мной втихаря.

— Хорошо, — согласился Гарин. — База Кенса находится на территории телецентра.

— Логично, но... Откуда такая уверенность? Ты чувствуешь его?

Олег помолчал, точно прислушиваясь, и мотнул головой.

— Нет. Я чувствую кого угодно, но не Кенса. Информация была в памяти Скутера.

— Продолжай. Подъезды, посты охраны, что еще ты помнишь?

— Не я, а Скутер, — открестился Олег. — Въезд на территорию всего один, через центральную проходную. Там стационарная огневая точка и три или четыре бойца. Слева от проходной — высотка, может дежурить снайпер. Скутер всегда оставлял машину у проходной, а сам брал Лентя и... — Не договорив, Гарин поднял указательный палец. — Поправка: не всегда! Один раз, когда Кенс ждал то ли важных гостей, то ли серьезных проблем, охрана попросила Скутера отъехать назад к перекрестку. Там П-образное здание, невысокое, похожее на школу. Скутера провели через подвал. Коридор под землей связывает школу и... много компьютеров. Что-то вроде вычислительного центра. Там и обитает Кенс.

— Обожаю катакомбы, — без энтузиазма откликнулся Столяров. — А что в подвале с охраной?

— Скутер шел этим путем всего один раз. Тогда охраны не было. Но я бы на это не рассчитывал.

— Это конечно. Не сомневаюсь, что Кенс приготовит нам теплый прием. А с высоты подъезд к школе простреливается?

— Не знаю. Там деревья высокие вокруг. Если только с крыши.

— Понятно. Значит, попробуем через подвал. Все лучше, чем лезть на амбразуру.

Метров за пятьдесят до пересечения Шаболовки и улицы Шухова Михаил сбавил ход.

— Что такое? — спросил Олег. — Дорога свободна, я не чувствую опасности.

— Сейчас за этим домом, — полковник ткнул пальцем в направлении двенадцатизатжки, — башня окажется в зоне видимости. Бог знает, как ты на это отреагируешь. В прошлый раз выскочил из машины и пополз.

— В этот раз не поползу, — заверил его Гарин. — Но спасибо за предупреждение.

Он развернулся к окну. Когда из-за угла дома показалась Шуховская башня, Олег на мгновение зажмурился и коснулся пальцами висков, но только для того, чтобы проверить, на месте ли «венец».

— Нормально, — сказал он. — Шум усилился, очень много сигналов. Ориентироваться в них труднее, но пока я контролирую ситуацию. Зато такое ощущение, что я могу, не сходя с места, передать привет жене и сыну.

— Серьезно?

— Нет времени на эксперименты. Да и привет Марине с Борькой я лучше передам лично, надеюсь, очень скоро.

— Выходит, все твои проблемы — от башни?

— Похоже на то. Все, мы приехали. Сейчас направо.

Машина свернула на короткую подъездную дорожку и резко остановилась в метре от решетчатых ворот.

— «Колледж сферы услуг», — прочел Столяров надпись на табличке. — Это точно оно?

— Здание то самое, — подтвердил Гарин. — В форме буквы П, трехэтажное. А школа там или лицей, Скутеру было без разницы.

Прежде чем покинуть «фольксваген», Михаил приткнулся к боковому окну и посмотрел вверх.

— И деревья, как ты сказал, — пробормотал он. — Хорошая маскировка. Снайпера

можно не опасаться. Пошли!

Олег выбрался из машины, щелкнул затвором автомата и огляделся.

— Прямо, — сказал он. — Вход в подвал со стороны внутреннего двора.

— А как... — начал было Михаил.

— Пока никого не чувствую, — ответил Гарин на невысказанный вопрос.

Калитка рядом с воротами оказалась не заперта. Стараясь держаться в тени деревьев, Столяров и Олег преодолели тридцать метров до левого крыла здания и двинулись вдоль стены. Михаил поглядывал на окна, Гарин вслушивался в эфир. В радиусе пятидесяти метров он не наблюдал человеческого присутствия, и это скорее настораживало, чем успокаивало.

— Здесь? — спросил полковник, указывая стволом автомата на прямоугольное углубление у стены.

Короткая лестница заканчивалась у обитой дерматином двери полутора метров в высоту.

— Да, Скутера провели здесь, — ответил Олег.

— Там весь коридор для карликов или только дверь?

— Только дверь. Коридор нормальный.

Столяров ухватился за ручку.

— Заперто. — Он осмотрел стену по обе стороны от двери, словно разыскивая кнопку звонка. — И открывается наружу. Придется пошуметь. — Михаил обернулся к Гарину и достал из-за пояса «Беретту». — Дальше все делаем очень быстро. Готов?

Олег кивнул.

Полковник трижды выстрелил в замок и снова дернул за ручку. На этот раз дверь распахнулась, открывая еще один уходящий вниз лестничный пролет. Изнутри повеяло прохладой и сыростью. Столяров перехватил автомат и сбежал по ступенькам. Когда лестница закончилась, он включил фонарик.

Вперед уходил узкий проход с кирпичными стенами. Метров через пять он раздвоился. Луч фонарика, направленный в боковое ответвление, уперся в двустворчатую деревянную дверь.

— Нам туда? — спросил Столяров.

— Нет, прямо, — ответил Гарин.

Еще через пятнадцать метров коридор снова разделился под углом в девяносто градусов.

— Все время прямо, — сказал Олег, не дожидаясь вопроса. — Вычислительный центр находится точно перед нами.

— Ты видишь кого-нибудь впереди?

— Пока нет.

— Плохо, — обронил Михаил. — Даже если они не выставили посты, то должны были услышать выстрелы. Однако никакой реакции. Либо это ловушка...

— Либо?

Полковник вздохнул.

— Я не знаю. Но если бы кто-нибудь пальнул из темноты, мне стало бы спокойнее.

Гарин не ответил. Последние несколько минут он пытался решить, возможно ли, что все воспоминания Скутера о подземном тоннеле с выходом на территорию телецентра — это мастерски наведенная иллюзия, и если так, то чем это может быть чревато. Олег расширил границы сканирующего пси-поля. Теперь, когда он перестал скрывать от себя свои способности и «венец» из управляющей силы превратился в обычный инструмент, все получалось на удивление легко. Даже кирпичные стены и бетонные перекрытия не были помехой. Гарин видел огоньки чужих сознаний: и человеческих, и звериных, он мог бы при желании отдать им простую команду «Бросайте оружие» или «Грызите друг другу глотки», но огоньки светились слишком далеко, тогда как поблизости...

«Приветик!»

Олег остановился и инстинктивно закрыл уши ладонями. Выпущенный из рук автомат, повиснув на ремне, ударился о стену. Гарин чувствовал себя будто акустик с военного корабля, который несколько часов вслушивался в тишину, силясь различить шум винтов вражеской подлодки, как вдруг кто-то у него над ухом громко хлопнул в ладоши.

«Давайте скорее, а то опять все остынет».

— Ты кто?!

Только когда Столяров резко развернулся и направил ему в лицо луч света, Олег понял, что задал вопрос вслух.

— Что случилось? — спросил Михаил.

— Я услышал кого-то.

— Через «венец»?

— Да. Кто-то заговорил прямо у меня в голове.

— Это мог быть Кукловод?

Гарин помедлил, подбирая слова.

— Я не представляю, кто бы это мог быть, если не он. Его сознание зажглось всего на секунду, а потом на этом месте снова стало темно.

— Но ты успел засечь направление?

— Да. Именно туда мы идем. Осталось метров тридцать.

— А что он сказал?

— Приветик, — растерянно ответил Олег.

— Приветик? — недоверчиво переспросил полковник. — И все?

— Нет. Еще он сказал: давайте скорее. А то остынет.

— Что остынет?

— Все.

Столяров выматерился.

— Сейчас кому-то станет жарко, — зло пообещал он и скомандовал: — За мной!

Через пятнадцать метров коридор уперся в лестницу. Михаил выпустил вверх две короткие очереди и взбежал по ступенькам. Гарин не отставал. Когда они оказались в пустой комнате с тремя выходами, Олег уверенно сказал:

— Сейчас направо и сразу налево. Там будет еще один проход, совсем короткий.

— Понял. — Столяров послал очередь в дверной проем, шагнул вперед и, прижавшись к стене, выпустил еще десяток пуль в глубь коридора.

Сделав несколько шагов, полковник оказался возле большой металлической двери и, внимательно вглядываясь, очертил лучом фонарика ее периметр.

— Зал с компьютерами за этой дверью, — сказал Гарин, останавливаясь рядом. — Она заперта?

— Она приоткрыта, — с непонятной интонацией ответил Михаил.

— Тогда заходим? — спросил Олег.

— Заходим.

Столяров отключил и убрал фонарик, сменил рожок в автомате и, положив палец на спусковой крючок, распахнул дверь.

На мгновение Гарин ослеп от хлынувшего в коридор света, не шедшего ни в какое сравнение с бледным лучом фонарика и с тусклым пламенем свечей, к которому Олег успел привыкнуть за последние дни. Строго говоря, под потолком компьютерного зала горело не больше десятка ламп, но Гарину, только что выбравшемуся из подземелья, они показались настолько яркими, что у него закружилась голова. Прежде чем к нему вернулось зрение, Олег услышал чей-то спокойный, даже веселый и странно знакомый голос:

— Привет, полковник. Что-то вы долго. Я ведь вас еще утром ждал. Чайник вот пришлось по второму разу греть.

— Здравствуй, Гриша. Здравствуй, продавец сардин, — сурово сказал Столяров. — Здравствуй и прощай.

Следом раздался звук выстрела.

Глава двадцать четвертая

Послышался звон осколков, что-то с грохотом повалилось на пол, и собеседник Михаила разразился тирадой, бесконечно далекой от спокойствия и веселья.

Когда Гарин наконец проморгался, он обнаружил, что находится в большом прямоугольном зале, напоминающем Центр управления полетами. На длинных белых столах, установленных вдоль стен, выстроились в ряд разнообразные приборы. Их экраны успели покрыться слоем пыли, но некоторые светились, демонстрируя какие-то таблицы и строчки бегущих символов, что было тем более странно в городе, где вот уже несколько месяцев не было электричества. В дальнем углу комнаты рядом с опрокинутым креслом стоял немолодой грузноватый мужчина с седыми коротко остриженными волосами, впалыми глазами и нездоровым румянцем на щеках. Он был одет в темно-серый костюм, поверх которого был накинута синий лабораторный халат. На указательном пальце незнакомца блестело странное кольцо, белое и очень крупное. Только когда мужчина брезгливо стряхнул кольцо с руки и оно, звеня, покатилося по паркету, Олег понял, что это была отбитая ручка от фарфоровой чашки.

— Посуда-то тебе чем не угодила? Или по тарелочкам не настрелялся? — Мужчина вздохнул и вытер мокрую руку о край халата. — Ладно, я не гордый, еще налью.

Он двинулся к столу, на котором возле старой двухконфорочной электроплитки стоял большой алюминиевый чайник. Рядом лежала коробка с чаем в пакетиках и распотрошенная пачка рафинада.

— Отставить! — сухо сказал Столяров. — Руки держи на виду.

— Не настрелялся и не накомандовался, — печально констатировал мужчина. — Думаешь, у меня чай с цианидом?

— Все может быть, — спокойно ответил Михаил. — Но цианид для тебя слишком легкий выход. — Он бросил вопросительный взгляд на Гарина. — Ты проверил? Он здесь один?

Олег на секунду закрыл глаза и признался:

— Я даже его-то не вижу. Какой-то мощный блок, не знаю, как он это делает. Но... думаю, что один.

— Тогда знакомься. — Столяров повел стволом автомата, словно указкой. — Григорий Кенс, подполковник СБУ в отставке, мелкий коммерсант, ныне главарь банды. Также известен как Кукловод.

— Да мы в некотором роде... — начал Кенс, но Гарин не дал ему договорить.

— Пристрели его! — попросил он Михаила.

— Так сразу? — опешил полковник.

— Да, — уверенно ответил Олег. — Пристрели.

— Это... — Столяров наморщил лоб, — немного не тот случай, когда можно сказать: «Дай-ка мне на минутку паяльник, а потом тебе все объясню». Ты не находишь? Мертвый Кенс нам уже ничего не расскажет.

— Вот именно. Пристрели его до того, как он начнет говорить. Или это сделаю я.

Гарин направил автомат на Кенса, но Михаил шагнул к нему и отвел ствол в сторону.

— Да погоди ты, — сказал Столяров. — Что за спешка, объясни!

— Объяснить? — неожиданно взвился Олег. — Сам не понимаешь? Хорошо, я объясню. Этот урод убил Добермана. И несколько раз пытался убить нас. А его люди... Вспомни засаду в американском посольстве. Как превращались в мочалку те, кто пришел за «колокольчиком». Вспомнил? А теперь эта тварь сидит здесь, пьет чай с сахаром и ни черта не боится! — На словах «чай с сахаром» Гарин перешел на крик, почему-то кубики рафинада раздражали его сильнее всего. — И если он ведет себя так, словно точно знает, что мы ничего ему не сделаем, значит в рукаве у него припрятано несколько сильных козырей. А у человека с пси-способностями есть много способов добиться своего, уж поверь. И я не

желаю знать, что это за козыри! Так что давай пристрелим его сейчас, потому что, когда он заговорит, это может стать намного сложнее.

— Не кипятись, — произнес Столяров. — Я понял. Скажи, он может сейчас как-то воздействовать на меня?

— В моем присутствии? — Олег пожал плечами. — Вряд ли.

— Хорошо. Тогда я обещаю тебе, что Кенс не выйдет из этой комнаты живым. Слово офицера. Но сначала я обязан задать ему несколько вопросов. Понимаешь? Иначе оборвется слишком много ниточек, а я в глазах коллег так и останусь предателем и дезертиром.

— Ладно. — Гарин со вздохом опустил автомат.

Григорий Кенс, который все время, пока решалась его судьба, простоял, безучастно разглядывая свои руки, наконец проговорил:

— Тогда я, с вашего позволения, все-таки налью себе чаю. Хотя бы в качестве последнего желания. — Не дожидаясь разрешения, он взял со столика чайник, наполнил кипятком чашку и повесил на ее край чайный пакетик. — Если кто хочет — присоединяйтесь. Вода хорошая, недавно подогревал... Без цианида.

— Я смотрю, с электричеством у тебя полный порядок, — заметил Михаил.

— Не жалуюсь. Четырнадцать генераторов — все, что сумел собрать. Вы разве не слышали, когда через подвал шли? Кстати, чего под землю-то полезли? Я вас с парадного входа ждал... — Кенс прищурился, словно разглядел мошку на дне чашки. — А-а... Покопались в мозгах у этого придурка Скутера? — Он бросил в чай два кусочка сахара, потом хмыкнул, махнул ладонью и добавил еще два кубика. — Всегда любил послаще, — прокомментировал Григорий. — Но приходилось себя ограничивать: фигура, сосуды, то, се. Теперь вроде уже ни к чему.

— Ты идиот? — опять закипая, спросил Гарин.

— Нет, я не идиот, — серьезно ответил Кенс и наклонился, чтобы поднять упавшее кресло.

— Руки! — напомнил Столяров, но Григорий не обратил на его слова внимания.

— Ничего, если я сяду? Спасибо. — Он опустился в кресло и взял со стола чашку. — Кстати, ты ошибаешься, Олег, если думаешь, что я ничего не боюсь. Боюсь, к сожалению, еще как боюсь. Но не смерти. — Кенс поднес чашку ко рту, но, едва коснувшись края губами, поставил ее обратно на стол. — Горячая!

— Кончай нам зубы заговаривать! — прошипел Олег. — Думаешь, я не понимаю, чего ты добиваешься? Ждешь, что кто-нибудь из нас спросит: «И чего же ты боишься, Гришенька? Чего, если не смерти?», а ты в ответ расскажешь нам складную историю про... — Он осекся. — Я не знаю, про что.

— Так узнай! — предложил Григорий. — Два псионика могут договориться быстрее, чем два обычных человека.

— О чем ты? Твое сознание закрыто!

— Уже нет, — Кенс улыбнулся, потом поднял палец, как будто внезапно что-то вспомнил: — погоди! — Он сделал еще один глоток и блаженно выдохнул: — Давай!

Гарин не ответил.

Когда Столяров посмотрел на товарища, он увидел хорошо знакомый взгляд, направленный, как казалось, внутрь себя. Михаил на мгновение отвлекся на Кенса, застывшего в кресле, затем снова перевел взгляд на Олега. Увиденное совсем не понравилось полковнику. Если физиономия Кенса не выражала никаких эмоций, то по лицу Гарина можно было бы подготовить иллюстрированный доклад на тему «Все формы ненависти». Ноздри Олега раздулись, на скулах вспухли желваки, кожа на щеках стала белой, как бумага. Столяров подумал, что никогда еще не видел друга в таком состоянии. На всякий случай он попытался забрать у Гарина автомат и поразился, насколько крепкой оказалась его хватка. Тогда Михаил просто отщелкнул рожок.

Кенс и Олег вышли из транса одновременно. Григорий сразу потянулся к чашке, а Гарин без размышлений вскинул ствол. Столяров перехватил автомат и дернул его в

сторону. В обычном состоянии Олег был не настолько силен, чтобы тягаться с полковником. Он выпустил оружие из рук, но спусковой крючок сам наткнулся на согнутый палец.

Одиночный выстрел прозвучал так странно, что его можно было принять за посторонний звук, случайно долетевший с улицы. Кресло, в котором сидел Кенс, сдвинулось назад и ударилось о край стола. Григорий наклонился и, как могло показаться со стороны, попытался обнять сам себя.

— Что ты творишь?! — рявкнул Столяров, вставая между товарищем и Кенсом.

— Это он! — Олег судорожно хватанул ртом воздух, это было похоже на всхлип.

— Да-да, он. — Михаил отбросил к стене разряженный автомат Гарина. — Кукловод. И он будет наказан.

— Нет! — вскрикнул Олег. — Да! Ты не понимаешь! — Его лицо скривилось от бессильной досады. — Да, он — Кукловод, но не только! Я видел его раньше, это он был тем доктором!

— О чем ты? — нахмурился полковник.

— Та авария, помнишь? Я же тебе рассказывал! Когда я врезался в столб, ударился головой, с этого и начались мои мигрени. Так вот, это была подстава! Это он все спланировал! Рассчитал время, расписал все ходы, не оставил мне ни единого шанса! А сам... Сам ждал за углом в угнанной «скорой помощи». Чем ты меня накачал, сволочь? Зачем ты это сделал?

Гарин рванулся к Кенсу, но Столяров крепко держал его за плечи.

— Зачем он это сделал? — спросил Михаил. — Ответь сам. Ты же знаешь.

— Он... — Олег непонимающе уставился на товарища и вдруг начал ощупывать свою макушку выше «венца». — Он вставил мне в голову какую-то дрянь. Я не понимаю, как. Нет же ни шрамов, ни следов. Нет же? Посмотри!

Гарин наклонил голову, и Михаил, проведя рукой по его волосам, подтвердил:

— Никаких следов. А что за дрянь он тебе вставил?

— Я... не знаю. Он называл ее «контуром». Это все от него... Из-за него у меня болела голова. Сука! Сука!

— Успокойся.

— Ты не представляешь, как это больно! — Олег снова всхлипнул.

— Представляю, — мягко возразил полковник. — Зачем Кенсу был нужен этот «контур»?

— Через него Кенс управлял мною. Это он заставил меня вернуться в Москву. Он хотел, чтобы я... — Гарин закусил губу и мотнул головой. — Он хотел, чтобы я стал его куклой. Чтобы я для него что-то сделал. Пристрели его, — попросил Олег и поднял на Столярова глаза, в которых стояли слезы. — Я, кажется, промахнулся. Убей его, я очень тебя прошу.

— Не горячись, — пробормотал Михаил, но уже без прежней уверенности.

В этот момент Кенс за его спиной кашлянул и обхватил себя ладонями еще сильнее.

— Послушай старшего товарища, — обратился он к Олегу. — Я много в чем виноват и готов ответить за каждый свой поступок. Я сказал, что не боюсь смерти, и это чистая правда. Но мне будет жаль, если дело, которое я начал, останется незавершенным. Получится, что все жертвы были напрасными.

— О каких жертвах ты говоришь, гнида? — закричал Гарин. — Ты — тварь, ты — убийца!

Кенс поморщился и снова кашлянул.

— В том числе и о твоих, Олег. Ты покопался в моей памяти и увидел, что я сделал. Так копни еще глубже и посмотри, зачем я это сделал.

Глава двадцать пятая

Что отделяет человечество от новой мировой войны? Для того чтобы ее развязать,

достаточно одного несанкционированного пуска баллистической ракеты. Но на самом деле даже этого слишком много. Три-четыре ошибочных срабатывания в системе раннего предупреждения, и война неизбежна, независимо от того, чья сеть даст сбой — российская или американская. Хотя если сразу обе — это вариант идеальный. Каждая орбитальная группировка спутников-шпионов подчиняется единому центру, и задача по дестабилизации этих систем выглядит не простой, но выполнимой. Главное — наличие воли. Ну и немножко возможностей, конечно. И то, и другое есть у тех, кто входит в Последний Конвент — такое они придумали себе название. Я не знаю, сколько там человек. Десятки... может быть, сотни. Ни один из участников Последнего Конвента мне не известен, хотя я наверняка сталкивался с кем-то из них на службе. Возможно, я видел их каждый день — в соседнем отделе или даже в своем.

Цель Последнего Конвента до безумия проста: развязать ядерную войну. Подобную катастрофу можно вызвать и политическими средствами, но это очень затратно и слишком заметно. Гораздо эффективней добиться того же средствами техническими. И они у Последнего Конвента давно есть. Война может начаться когда угодно. Например, завтра. Или прямо сейчас.

Я владею этой информацией несколько лет. Таскаю ее на себе, как неподъемный рюкзак. Иногда мне кажется, что это преследует меня всю жизнь. Хотя я был уже майором, когда об этом узнал. И что самое ужасное — я не мог ни с кем поделиться. Я попытался это сделать лишь однажды: мне необходимо было уточнить некоторые подробности по проектам, которые курировала военная разведка. И я обратился к знакомому человеку, а для этого мне пришлось все ему рассказать, иначе он не только отказался бы разговаривать, но и сдал бы меня как изменника. Вскоре он погиб в автомобильной аварии. Поскольку я до сих пор цел, его не допрашивали, а сразу убили. Позже я понял, что без жертв на этом пути не обойтись. Слишком велика цена. Не просто жизнь, а... жизнь всех.

После ядерной войны уцелеет, по разным оценкам, от пяти до двадцати процентов населения. Особенно повезет тем, кто будет знать дату конфликта и заранее спустится в персональный бункер. Там этим счастливицам придется провести некоторое время, пока радиационный фон не снизится до приемлемого. Вдали от точек нанесения ударов это произойдет относительно быстро. Зато когда они выйдут на поверхность — сильные, здоровые, с огромными запасами продуктов и медикаментов, со средствами очистки воды, с оружием, с четким пониманием, что произошло на планете и что теперь следует делать... эти люди, участники Последнего Конвента, станут не просто президентами, а установят такие формы правления, какие сочтут нужными. Полагаю, они давно поделили территорию Земли и нарисовали на глобусе новые государства. Новые цари в новом мире. Они начнут все с нуля, так они решили.

У меня не было даже смутного представления о том, что мне с этой информацией делать. Я понимал только одно: любой, абсолютно любой человек может оказаться участником Последнего Конвента. А потом мне попались на глаза отчеты Столярова по Припяти и пси-оружию. Я подумал, что это шанс и его обязательно нужно использовать, поскольку другого все равно нет. Хотя бы установить личности заговорщиков — это уже было бы немало.

Я начал собирать все материалы по Пси-Мастеру и его экспериментам. Мне сразу стало ясно, что изготовить собственный «венец» я не сумею. К тому же, мощности артефакта недостаточно. Даже при твоих, Олег, способностях человек с «венцом» не может охватить весь мир. Наверно, это сумел бы сделать Пси-Мастер... если бы ты не всадил ему в голову четыре пули. Но когда я пришел к этому прискорбному открытию, я был уже слишком увлечен. Я обнаружил некоторые пси-способности и у себя, хотя раньше даже не задумывался ни о чем подобном. Пользуясь ранними дневниками Пси-Мастера, я сконструировал довольно примитивное устройство, похожее на «венец», как паровоз на истребитель... и я сумел «подслушать» сон своей соседки по этажу! У меня появился первый результат.

Мне показалось, что я сразу вышел на финишную прямую, и вопрос был лишь в том, чтобы собрать достаточно мощный усилитель сигнала. Но скоро я понял, что этот путь ведет в тупик. По легенде, Архимед сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю». Надеюсь, на самом деле старик этой ерунды не говорил, потому что материала, из которого можно было бы сделать подходящий рычаг, не существует. Так и со мной: сколько ни усиливай мое пси-поле, а больше двадцати человек я в сознании не удержу никогда. В общем, мне стало ясно, что нужно искать кого-то посильнее. Сильнее тебя, Олег, я никого не знаю.

Так я уволился из СБУ и переехал в Москву. Купил здесь готовый бизнес, почти обанкротившийся. Мне нужно было внятное прикрытие, а заниматься торговлей я не умел, да и времени не было. Поэтому, вместо того чтобы имитировать коммерческую деятельность, я просто переоформил на себя убыточную мелкооптовую контору в подвале. Зато голодный не сидел. Подбирал помощников, заводил знакомства. Естественно, никого в это дело не посвящал. Играл роль мелкого вороватого бизнесмена с темным прошлым.

Ну а потом наступила зима. И та инсценировка на дороге... ты уже все знаешь. Да, я вставил тебе контур. Да, без твоего ведома. Но я же сказал: жертвы неизбежны. Это, если угодно, твой человеческий долг. Я даже не буду извиняться, Олег. Контур тебе помогает, это естественный усилитель твоего пси-поля. Ты ведь заметил, что фокусировка повысилась на порядок? Ну... сила твоя возросла — так яснее? Оно того стоило, я считаю. И не ищи на черепе шрамов. Трепанация давно вышла из моды, миром правят нанотехнологии. Ты прав, твои головные боли — тоже результат работы контура. Побочный эффект, так сказать. Но это тот случай, когда ради могущества стоит потерпеть боль.

Через некоторое время появились первые признаки того, что в Москве не все благополучно. Поскольку я ковырялся в сталкерской теме очень глубоко, я сразу понял, какая беда надвигается. Многие это поняли, просто большинство предпочли промолчать. Как и ты, кстати. Взял и уехал... Вот это, надо признаться, был удивительный финт. Не ожидал от тебя такого. Впрочем, да: я старый холостяк, некоторых вещей мне не уразуметь. А контур пригодился, как выяснилось. Вначале я не знал, что делать... Ехать за тобой в Новосибирск? Как тебя уговаривать? Оказалось, контур улучшает не только передачу, но и прием. Без него я бы тебя не достал. А с ним... да, это я заставил тебя вернуться в Москву. Мягко, плавно. Это ведь была как будто твоя собственная мысль, правда? Значит, я все-таки на что-то способен. И снова повторю: я не испытываю чувства вины перед тобой. Это нужно не для меня. Для всех.

Мое новое устройство было уже практически собрано. В Москве творилось черт-те что, поэтому я мог спокойно заниматься отладкой, не опасаясь привлечь к себе внимание или спровоцировать панику. Тут и без меня бардака хватало. Люди бежали, бросали все... Тяжело было на это смотреть. Тем быстрее мне хотелось закончить дело и остановить Последний Конвент. Ведь по сравнению с ядерной войной самый лютый ужас Зоны покажется детским утренником. Надеюсь, ты со мной согласен.

Но, кроме тебя, вернее, кроме твоих способностей, нужно было кое-что еще. «Венец» — связующее звено между тобой и моим прибором. Нет, я неправильно выразился... Без «венца» тоже все работает. Даже у меня получается — и без «венца», и без контура. Но для выполнения глобальной задачи он необходим. Что-то вроде промежуточного усилителя. Хотя и это тоже не совсем верное определение. То, что сделал Пси-Мастер в своей лаборатории, я так и не сумел повторить и даже приблизиться к его творению не смог. У меня грубая, очень грубая установка.

Как я заполучил «венец», ты и сам знаешь. Начало истории Миша тебе уже поведал. Финал — здесь и сейчас. Он думал, что везет артефакт тебе, а привез мне. И это был самый простой этап операции. Мне пришлось лишь немножко его смутить и подтолкнуть в верном направлении. Пожар в архиве СБУ устроил не я. Есть люди, готовые ради денег на самые безрассудные поступки.

Ну а дальше... в общем-то нет нужды и рассказывать. Вы со Столяровым встретились,

и к вам примкнул Доберман. Это моя ошибка, одна из многих. Не нужно было его трогать, он и так сильно пострадал в Припяти, очень сильно. Но на тот момент он показался мне наиболее подходящим кандидатом из тех, что обитали поблизости. Мне было проще контролировать его, а не вас двоих. К тому же он хороший стрелок и толковый сталкер. Он должен был вас охранять. Любой ценой. Но где-то я, видимо, пережал, и его травмированная психика не выдержала. Возможно, у него в сознании всплыли какие-то старые установки и произошло наложение... Ведь когда-то он был почти зомбированным.

Кроме того, за вами присматривал Скутер. Хотя с этим живоглотом еще хуже накладка получилась. Я недооценил его жадность и переоценил свои способности. Однако мне нужно было еще несколько дней, я хотел поддержать вас в Зоне, не посвящая в детали преждевременно. Я настраивал установку, и это не всегда проходило успешно. Порой результаты оказывались противоположными. Обезьяны... И люди, вышедшие из-под контроля. Я не отдавал приказа на уничтожение, им просто было поручено не подпускать вас к телецентру раньше времени. Да, ошибок было много. Когда ты потерял сознание в Теплом Стане, люди Скутера привезли тебя ко мне, и я наконец-то отладил взаимодействие твоего контура со своей установкой. В обморок ты тоже упал не сам, ну, разумеется. Зато в итоге стало лучше, ведь правда? Головные боли прошли? Сейчас синхронизация полная. У меня все готово, Олег.

И ты тоже — готов.

Глава двадцать шестая

Когда Кенс закончил рассказ, в комнате на некоторое время воцарилась тишина. Стало слышно, как где-то за стеной работают генераторы.

Первым нарушил молчание Олег.

— Все, что он тут наговорил, — правда, — сказал Гарин, глядя в пол.

В его голосе звучало недоверие. Но не оттого, что Олег сомневался в словах Григория. Теперь, когда Кенс снял блок, его сознание стало для Гарина открытой книгой. Каждая фраза отставного подполковника тянула за собой воспоминание, которое Олег считывал в режиме реального времени и проверял на правдивость. И все равно принять и усвоить информацию, полученную от Григория, было очень нелегко.

Столяров кивнул, потом спросил, морща лоб:

— Что вообще за хрень этот «конвент»?

— У этого слова несколько значений, — сказал Кенс. — В восемнадцатом веке так назывались сборища масонов.

— А установка, которую ты собрал... Где она? — спросил Михаил, оглядывая приборы в комнате.

— Там же, где и была последние сто лет, — ответил Григорий. — Не ищи ее в этом зале. Она бы здесь не поместилась.

Гарин посмотрел в окно.

— Теплее, — прокомментировал Кенс и снова закашлялся, склонившись к самым коленям.

— Ты ранен? — нахмурился Столяров. — Дай, я посмотрю.

Он шагнул к креслу, но Григорий поднял руку в останавливающем жесте. Его пальцы были темно-коричневыми от крови.

— Это сейчас не важно, — сказал Кенс. — Не трать время, полковник.

— Но это же не может быть... — глядя в окно, начал Олег.

— Да, это она, — подтвердил Григорий. — Шуховская башня. Собрал — неверное слово. Я просто модернизировал то, что было построено до меня. Поменял, так сказать, диапазон вещания. Кстати, я назвал систему в твою честь. — Григорий поймал удивленный взгляд Гарина и пояснил с улыбкой: — Гиперболоид.

— Пси-гиперболоид? — уточнил Олег.

— Ну, разумеется.

— Значит, это пси-усилитель? — спросил Михаил. — Что-то вроде «венца»?

— В нынешнем законченном виде это усилитель «венца», — ответил Кенс.

— То есть как бы... усилитель усилителя?!

— Без «как бы».

— И какую же территорию можно покрыть с этим двойным усилителем? — Гарин взволнованно облизнул губы.

— Смотри сам, — сказал Григорий. — Если я с моими убогими способностями сумел достать тебя в Новосибирске, то сейчас, когда система отлажена... когда здесь присутствуешь ты со своим «венцом»... — Он прикусил кулак, пережидая новый приступ кашля, и не закончил фразы.

— А как... — сказал Олег. — Каким образом можно подключить «венец» к Гиперболоиду?

— Ничего не нужно подключать. Система уже работает. Просто почувствуй это. И желательно поскорее. Пока в генераторах не закончился бензин.

Гарин неуверенно поправил «венец» и застыл, не мигая глядя на башню. Так прошла минута или две. Внезапно голова у Олега дернулась, а глаза округлились от изумления.

— Ого! — ошарашенно сказал Гарин. — Я никогда еще не чувствовал себя настолько... — Он не хотел употреблять это слово, но любые другие сравнения не годились для того, чтобы описать, что он вдруг почувствовал. — Насколько... Богом, — тихо закончил Олег.

— Ты смог! — просиял Кенс.

— Это было легко. — Гарин повернулся к Столярову и весело сказал: — Вот теперь я точно могу передать привет на расстоянии. Хоть в Новосибирск, хоть... куда угодно!

— Не трать время, — напомнил Григорий.

— Да-да, — Гарин посерьезнел. — Значит, «Последний Конвент»?

Кенс лишь кивнул в ответ. Похоже, ему было очень трудно говорить.

— Ну, последний, так последний, — промурлыкал Олег и закрыл глаза.

Это тоже было легко. Все стало простым и понятным, когда естественное пси-поле Гарина, усиленное связкой «Контур» — «венец» — «Гиперболоид», раскинулось вплоть до... Олег не смог бы сказать, как далеко. Он попросту не чувствовал границ собственных возможностей. А может, никаких границ и не было.

Гарин бросил клич. Он призвал adeптов тепло и ласково, как отец. Где вы, дети мои? Те, для кого словосочетание «Последний Конвент» наполнено особым, сакральным смыслом. Я жду вас. Час пробил. Отзовитесь.

Первый отклик пришел уже через секунду. Это был генерал-майор ФСБ из Санкт-Петербурга. Он очень кстати катился вдоль набережной, выбирая, где припарковать свое спортивное авто. Внезапно его планы изменились. Генерал-майор за минуту разогнал машину до ста шестидесяти километров в час и врезался в массивную гранитную тумбу перед мостом.

Вторым был майор, несший вахту на скалистом островке в Тихом океане, который по всем прикидкам был бы необитаем, если бы не расположенная на нем ракетная часть. Майор застрелился из табельного пистолета.

Затем был чернокожий политик, известный борец за демократию, он красиво утонул в ванне с шампанским. И медиамагнат, который подкинул работенки своим информационным изданиям, выбросившись из окна кабинета на сорок шестом этаже. А затем — еще один военный, и офицер ЦРУ, и фальшивый экстрасенс, уже в пятый раз предсказавший конец света, и ведущий скандальной телепередачи, и финский хакер, ненавидевший человечество, зато обожавший своих четырех пуделей, и много, много кто еще...

Когда Олег устало стянул с головы «венец», его лоб был мокрым от пота. Гарин не боялся, что искажения информационного поля, возникающие вблизи башни, опять превратят его в психопата. Генераторы замолчали несколько секунд назад, и Шуховская телебашня

снова прекратила вещание — на этот раз, кажется, навсегда.

— Тебе удалось? — встревоженно спросил Столяров.

— Да.

— Ну и сколько их там было в этом долбаном Конвенте?

— Сто пятьдесят четыре человека, — сказал Гарин и повернулся к Григорию. — Сто пятьдесят четыре!

Кенс не ответил. Он сидел, склонив голову, словно смертельно уставший инженер, который не дождался результатов эксперимента и задремал прямо в кресле. Григорий так и не увидел, чем закончилась его многолетняя работа, и для него это было самым страшным, уж Гарин-то знал.

— Все получилось, Гриша, — тихо сказал Олег. — У нас все получилось.

— Как бы я хотел перед ним извиниться... — с горечью проговорил Михаил.

— Он в этом не нуждался, поверь. Теперь я знаю о нем все. Григорий с самого начала понимал, что за путь он выбрал. Он встал один против всех. Он ни на что не рассчитывал.

— И погиб...

— И победил.

Эпилог

Осень в Новосибирск пришла раньше обычного, но наступала она так мягко, словно извинялась перед городом за отнятое до срока тепло. Дожди были короткими и шли только по ночам, к обеду же раскочегаривало почти по-летнему. Правда, к вечеру снова холодало, и в кронах деревьев уже просвечивали желтые пятна — как ранняя седина.

Человек в легком сером пальто вышел из здания вокзала и остановился под застекленным переходом между корпусами. В его движениях сквозили и скованность, и нега, и явное желание вдохнуть полной грудью — как у ветерана бесконечной войны, чудом вернувшегося домой. Он спешил, но не позволял себе торопиться. Он знал, что первые минуты — это самое драгоценное впечатление, которое уже не повторится. Какой-то мужичок в клетчатой рубашке направился к нему, чтобы спросить зажигалку, но вдруг передумал. Круто свернув, мужик прошел мимо и целеустремленно зашагал дальше, пока не наскочил на урну.

Гарин небрежно сбросил рюкзак под ноги, потом снял пальто и перекинул его через правую руку. Обе лямки рюкзака он надел на левое плечо и двинулся от вокзала. Шел он не быстро. Олегу нравилась мощеная площадка около лестницы, и круглые красные цветники с такими же красными цветами, и симпатичный, будто игрушечный, домик впереди — ему нравилось все, что он видел.

Спускаться в метро не хотелось. Станция «Площадь Гарина-Михайловского» — Марина столько раз о ней шутила, что это перестало быть смешным, — находилась в двух шагах от вокзала, но Олег направился к площади. Остановившись напротив гостиницы «Новосибирск», он вытянул левую руку. Часы «Фрэнк Мюллер» блеснули на солнце так, что манекены в витрине как будто заулыбались. На странное сочетание потертого детского рюкзака и усыпанного бриллиантами циферблата обратили внимание немногие — лишь тучная дама на автобусной остановке и двое парней лет по двадцать, которые слонялись по улице без дела.

Гарин дождался, пока светофор покажет «зеленый», и снова поднял руку. В потоке машин, сорвавшихся с перекрестка, было несколько такси, но все оказались заняты. Из второго ряда к Олегу начал перестраиваться старенький синий «опель», но, уже прижавшись к тротуару и притормозив, почему-то проехал мимо.

Гарина похлопали по спине:

— Закурить не найдется?

— Не курю, — сказал он, не оборачиваясь. — И пиво не пью. Телефона тоже нет, и как

пройти в библиотеку, я не знаю. Честно не знаю, ребят.

Молодые люди обступили Олега с двух сторон.

— Ты чё такой смешной? — с угрозой спросил один из них.

— А ты почему такой грустный? — весело ответил Гарин. Потом поманил его пальцем и вполголоса добавил: — Не бойся, Светка никому не расскажет.

У гопника отвисла челюсть.

— А времени сколько, не проинформируешь? — подал голос второй.

— Проинформирую, — охотно отозвался Олег. — Во-он часы на столбе, видишь? Половина четвертого. Ровно в одиннадцать вечера вы отправитесь по домам и ляжете спать. А сейчас вы купите в хозяйственном магазине два больших мешка и пойдете по улице Ленина собирать мусор. И не до поворота, а до самого конца, до Красного проспекта. Потом обратно.

Олег шагнул в сторону, чтобы оба человека попали в поле зрения.

— Завтра утром вы будете чувствовать себя превосходно, — ласково продолжал он. — Вам захочется устроиться на завод. Не противьтесь этому желанию. Когда-нибудь вы мне скажете за это спасибо. Если, конечно, вспомните.

Синий «опель» сдал назад, и водитель любезно открыл Гарину дверь. Олег закинул в машину рюкзак, затем пальто и уселся сам.

— Эй! — крикнул он, выглядывая в окно. — А на Светке женись, не сомневайся. И не тяни с этим, а то она ни в одно платье не влезет. У вас же двойня! Поздравляю, брат, — с улыбкой закончил Гарин.

Водитель, не спрашивая адреса, рывком тронулся с места.

— Настроение сегодня такое хорошее... — неожиданно поделился он. — Наверно, из-за погоды.

— Наверно, — благодушно произнес Олег.

«Опель» доехал до перекрестка и повернул. Впереди над дорогой висело небольшое пушистое облако, но тень от него убегала все дальше. Улица Челюскинцев, широкая и светлая, приветствовала Олега, как могла: витрины магазинов сияли, деревья трогательно трепетали листьями. На парапете перед сквером сидели рядом четыре простые полосатые кошки. Они проводили «опель» долгими внимательными взглядами, затем синхронно почесали уши и вернулись к созерцанию мира.

— А ты, как я понимаю, не местный, — сказал водитель. — Надолго в наши края?

Гарин немного помолчал, пощурился по примеру кошек на солнце и пожал плечами:

— Навсегда.